

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1984

Составление и подготовка текста
К. ЧИСТОВА И Б. ЧИСТОВОЙ

Вступительная статья,
предисловия к разделам и комментарии
К. ЧИСТОВА

Оформление художника
Л. ЯЦЕНКО

Подбор иллюстраций
И. БОГУСЛАВСКОЙ

Р 4702010100-071 36-84
028(01)-84

© Состав, вступительная статья и предисловия, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1984 г.

Для того, чтобы понять, о чем идет речь, надо обязательно знать, кто, когда и для чего должен был петь эту песенку. Ее пели во время девичьих святочных, то есть рождественско-новогодних, гаданий, и означала она предвещание долгого девичества той, которой спели эту песню. Однако обозначала она это не прямо, а при помощи поэтической метафоры. Девушка сидит в жарко натопленной избе («на загнетке») и прядет бесконечную нить. Прядет — значит готовит себе приданое, как полагалось девушкам на выданье (а именно такого возраста и были девушки, гадавшие в святки). Таким образом, долгое девичество изображается (или, может быть, точнее — обозначается) предельно скупой и в то же время весьма выразительной метафорой. По своей краткости и поэтичности песенка, записанная в русской деревне в XIX веке, напоминает китайские или японские танки — краткие стихотворения, одним штрихом, двумя-тремя строками умевшие обозначить настроение, лирическую ситуацию, даже целую судьбу человека.

Перевернем несколько десятков страниц и попробуем прочитать песню из другого раздела:

Как по морю, морю, морю синему,
Как по морю синему по Хвалынскому,
Там бежало, выбегало тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единым кораблем,
Со единым кораблем, с корабельщиком...

Далее описывается сам корабль. Он

Наперед выбегал да как сокол вылетал.
Ище нос, корма по-звериному,
Что бока-то заведены по-лошадиному.

На корабле — молодец, и он строгаёт стружкой «кипарисно деревцо». Молодец роняет свой перстень в воду, призывает слуг и велит им раскинуть «шелковые невода». В невод попадают три «окуня златоперые».

В отличие от первой песенки, здесь, казалось бы, все ясно и никаких комментариев не требуется. Однако эта ясность обманчива. И море, и чудесный корабль, и добрый молодец, и «окунь златоперый», сливающиеся в единую почти сказочную картину, — это только иносказания, метафоры, обозначающие человеческую жизнь, свадебный поезд, жениха и невесту. Все это следует не из самой песни, а из обрядовой ситуации, в которой она исполняется. Эту песню пели в день свадьбы, в ожидании приезда жениха или восславляя его приезд. Пели ее обычно подружки и сверстницы невесты.

Можно привести пример, совершенно иной по своему характеру. Прочитав строки:

Как схватилась спорядная суседушка
За свою она надежную головушку,

недостаточно подготовленный читатель едва ли догадается, что это означает: «Соседка, живущая в одном ряду (то есть на одной деревенской улице), спохватилась, где же ее муж». Для этого надо знать не только местное значение слов «спорядная» и «схватилась» («спохватилась»), но и своеобразную систему метафорических замен русских причитаний, исполнявшихся в ходе похоронного обряда. Исполнительницы причитаний, как правило, избегали прямо называть покойника по имени, не произносили слов, указывающих на родственные отношения с ним, и таких, как: гроб, кладбище и т. д. В нашем примере «надежная головушка» означает «муж причитающей».

Читателя нашего тома ожидают и другие трудности. На страницах тома встретится некоторое количество слов, употребляемых только в местных говорах и не получивших распространения в литературном языке. Для того чтобы помочь разобраться в них, мы снабжаем тексты подстрочными примечаниями, словарем и комментариями. Встретятся также и непривычные для глаза и слуха словосочетания, не принятый в письменной речи порядок слов и т. д. Однако усилия, которые потребуются для преодоления всех этих сравнительно небольших трудностей, окупятся сторицей. Читателю откроется неведомый ему (или по крайней мере мало знакомый) мир поэзии, столетиями создававшейся народом, станет, может быть, яснее, почему народной обрядовой поэзией столь живо интересовались многие знаменитые русские писатели, композиторы, художники, какую роль в их собственном творчестве она сыграла. Во вступительных заметках к отдельным разделам читатель найдет сведения такого рода. Сейчас же необходимо упомянуть только важнейшие имена. Это столь разные писатели как А. Сумароков и А. Радищев в XVIII веке, поэты-декабристы К. Рылеев, А. Бестужев и В. Кюхельбекер, это А. Пушкин и В. Жуковский, Н. Некрасов и А. Островский, П. Мельников-Печерский, М. Пришвин, М. Цветаева, С. Есенин, А. Твардовский, А. Прокофьев и многие другие. Это, наконец, такие корифеи русской музыки как М. Глинка, Н. Римский-Корсаков, П. Чайковский, М. Мусоргский, М. Балакирев, А. Лядов, И. Стравинский, С. Рахманинов, в наши дни — С. Прокофьев, Г. Свиридов, Р. Щедрин и др.

Что же всех их так интересовало в русской народной обрядовой поэзии? Разумеется, ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Писатели и композиторы, которых мы называли, при-

надлежали к разным направлениям русской общественной мысли, литературы и искусства. Они сформировались и творили на разных этапах истории нашей страны, по-разному понимали свои задачи и социальное назначение своего творчества. Вместе с тем требует объяснения и тот бесспорный факт, о котором уже говорилось, — при всем их различии их объединял живой интерес к русскому фольклору, в частности к русской народной обрядовой поэзии. Чтобы разобраться в этой, казалось бы, противоречивой ситуации, необходимо вспомнить о роли и месте фольклора в истории человеческой культуры и, с другой стороны, о его роли и месте в быту русского народа в XVIII и XIX веках.

Письменная (книжная) литература, привычная нам с детства и вошедшая в наш быт, возникла не так уж давно. Даже старейшая из европейских литератур, древнегреческая, начала свое существование только 27—28 веков тому назад. Большинство же современных литератур существует не более тысячи — полуторы тысяч лет, а некоторые из них даже только с XVIII—XIX веков (например, белорусская, словацкая, американская, австралийская). В масштабах истории человечества, насчитывающей более ста тысяч лет, это — только тонкий верхний хронологический слой.

Это не значит, что до возникновения литературы люди не знали словесного поэтического творчества. Одновременно и параллельно с выделением человека из животного мира формировалась человеческая речь и вместе с ней в ходе дальнейшего развития человеческого общества — все те разнообразные формы долитературного устного словесного творчества, которые объединяют словом «фольклор». Поэтому каждый, кто хочет знать прошлое для того, чтобы правильно понимать и настоящее, и будущее, должен знать фольклор, так же как традиционное народное изобразительное искусство, народную музыку, древнейшую архитектуру.

В отличие от вещей и их фрагментов, которые археологи добывают при раскопках, фольклор не лежал долгие века в земле, в кургане или на месте давнего поселения. Он существовал непрерывно, передавался из уст в уста, от рассказчика или певца к слушателю, который потом сам становился исполнителем и обретал новых слушателей. Все, со временем перестававшее интересоваться людей, ставшее непонятным, или просто неудачное, забывалось, но фольклор всегда опирался на предшествующую традицию, ее опыт и поэтические достижения. Он был непрерывной цепью, тянувшейся из глубочайшей древности до наших дней.

Как бы мы ни привыкли к книге и общению с писателем посредством книги, это не отменяет того, что все-таки естествен-

ным и нормальным является непосредственное общение людей при помощи устной речи. Устная речь всегда богаче письменного текста. Она всегда — органический элемент поведения говорящего и контакта говорящего и слушающего, насыщена интонацией, сопровождается жестами, мимикой и т. д. Совершенно также и фольклор — устное словесное творчество — всегда связан с живой интонацией, мимикой, часто — с пением (песня) или с пением и хореографией (хороводная песня). Именно поэтому фольклор, как и устная речь, не мог исчезнуть с появлением письменности и позже — литературы. Он существовал и развивался параллельно с литературой.

Важно и то, что письменность (грамотность), так же как литература, до известного времени была преимущественно достоянием верхних социальных слоев. Народ оставался неграмотным. Однако было бы большой ошибкой считать, что фольклор — это сочинения неграмотных людей, не представляющие большого интереса для тех, кто грамотен и знаком с литературой. Далеко не все, что было создано старым бытом, устарело. Песня и сказка — не курная изба или соха, которые в ходе истории были заменены и вытеснены современным домом и трактором. Художественные шедевры всегда имеют общечеловеческое значение и надолго переживают эпоху, в которую они возникли.

Сказанное, разумеется, не означает того, что все, что может быть названо фольклором — шедевры. В крестьянской среде, как и в любой другой, были люди талантливые и бездарные, обладавшие подлинным художественным вкусом и лишенные его. Собственно, так же было всегда и в сфере литературы, профессиональной музыки и профессионального изобразительного искусства. Признавая замечательные достижения литературы, мы ведь не считаем, что каждый литератор — гений, а каждое написанное им слово — шедевр. Современный читатель не знает многого, что писалось и издавалось в XVIII и XIX веках. И это далеко не всегда плохо. Время отбирает лучшее и передает его последующим поколениям. То же происходит и с фольклором, с той разницей, что забытая книга может веками пылиться на библиотечной полке, а песня, забытая людьми, исчезает навсегда.

Не случайно в наш век промышленного производства почти всех вещей, окружающих нас, особенно ценится вышивка, ковер или шкатулка ручной работы. Современные горожане стали живо интересоваться старой архитектурой, древнерусской живописью, прялками, туесами, вятскими игрушками, городецкой росписью на ложках. Это было традиционное, но не стандартное, не тиражированное, а живое искусство. Ложки или ковры одного мастера или мастерицы похожи друг на друга, как брат на брата или берега на берегу, но в каждом экземпляре внимательный глаз заметит

что-то неповторимое, живой трепет творчества, пульсацию подлинной жизни. Именно художественная подлинность привлекает современного читателя и в фольклоре.

Сочетание «читатель» и «фольклор» звучит противоречиво, даже парадоксально. Фольклор с давних пор знал не читателя, а слушателя или зрителя. Читателю, знакомящемуся с фольклорным текстом по его записи, надо обладать воображением, чтобы, читая песню, заставить себя услышать ее. Но одного воображения мало — фольклорные тексты отражают старый быт русского крестьянства. Более того — они сами были органической частью этого быта. Общечеловеческие заботы, тревоги, радости, которые свойственны и нам, выражены в нем в формах этого старого быта, о котором сейчас помнит только самое старшее поколение. Поэтому для понимания многих особенностей фольклорного художественного творчества нужно знать, что представлял собой этот старый традиционный быт народа, чем он отличался от нашего и какую роль играл в нем фольклор.

Фольклор был не только поэзией, не только художественным творчеством. Он выполнял очень разнообразные функции. Он был исторической памятью народа. В русских былинах народ вспоминал о временах Киевской Руси, переставшей существовать еще в XIII веке, о тверском восстании 1327 года, о движении Степана Разина в XVII веке, об Отечественной войне против Наполеона в 1812—1814 годах. Фольклор был неотъемлемым элементом народного быта. Баюкая дитя, мать пела колыбельную песню, сажая хлеб в печь, она произносила заговор. Фольклор сопровождал первую пахоту и дожинание последнего снопа в поле, молодежные гуляния и рождественские или троицкие обряды, крестины и свадьбы. Он выполнял в народном быту роль, которая теперь делится между книгой, радио, телевидением, газетой, театром, кино, художественной самодеятельностью, пением в дружеском кругу, вечерами поэзии и другими современными формами искусства и художественного быта.

Если обозреть фольклор какого-нибудь народа, то можно отчетливо видеть, как он группируется по своему назначению в характерные жанры, причем количество и состав этих жанров значительно отличаются от жанров, присущих художественной литературе.

Все литературные произведения в конечном счете предназначены для того, чтобы читатель читал их, хотя читать лирическое стихотворение, роман, мемуары или описание путешествия можно с разной целью и с разным настроением. Различия же между жанрами в фольклоре гораздо значительнее, дистанция между ними больше. Сказка и хороводная песня, похоронное причитание

и загадка отличаются друг от друга не как роман и повесть, стихотворение и поэма, а скорее как роман и опера, поэма и балет. У них не только разное назначение, но и разные художественные средства, разный материал, из которого они, условно говоря, «делаются» (создаются). — разное сочетание слова, мелодии, хореографии, жестикуляции, мимики, интонации и т. п.

По своему назначению фольклорные жанры, в том числе жанры русского фольклора, довольно отчетливо распадаются на две основные группы.

Мы уже прибегали к сопоставлению фольклора с традиционным народным изобразительным искусством. Оно почти все имеет прикладной характер. Прялка делается для того, чтобы прясть, горшок — для того, чтобы варить щи, сарафан шьется, чтобы быть одеждой и т. д., но одновременно они могут быть и художественными произведениями — форма, орнамент, различного рода украшения придают им эти качества. Совершенно так же заговор, произносимый для воздействия на природу, человека, его состояния и чувства, одновременно может быть высокохудожественным произведением, как и похоронное причитание, основное предназначение которого «оплакать покойника», согласно старым представлениям, чтобы обеспечить ему переход в иной мир, а себя обезопасить от возможных вредных последствий. Именно такова первая группа жанров, о которых говорят, что они предназначены были для выполнения каких-то вполне практических целей, и только во вторую очередь художественны. Художественность в этом случае, как у всякого мастера, связана с желанием рассказать предание или исполнить похоронное причитание наилучшим образом, максимально выразительно.

В то же время фольклор как бы шире прикладного искусства. Если в старой крестьянской избе не было вещей, не имевших практического назначения (просто украшения, сувениры, красивые безделушки, которые мы постоянно встречаем в современных городских квартирах), то старый фольклор знал и такие жанры, которые создавались как чисто художественные, развлекательные или дидактические (поучительные). Это — сказки и лирические песни, песни плясовые или частушки. Исполнение их не имело никаких практических целей. Они и составляют вторую группу жанров — жанров, в которых преобладает эстетическая функция.

Внутри первой и второй группы можно выделить жанры стихотворные и прозаические. Стихотворным жанрам с прикладным практическим назначением и посвящается настоящий том. Это прежде всего обрядовые песни, то есть песни, которые исполнялись в составе каких-то обрядов или в связи с ними. Мы говорим — песни, так как русский фольклор, как и фольклор боль-

шинства других народов, почти не знал стихотворных непесенных жанров.¹

Обрядовые песни не только возникли в связи с тем или иным обрядом, они считались такой же обязательной составной частью обряда, как и основные обрядовые действия. Так, например, свадебный обряд, на котором не спели бы свадебных песен, считался бы так же несостоявшимся, как обряд без церковного венчания, ритуальной бани или посыпания молодых хмелем либо зернами.

Здесь мы должны коснуться обстоятельства, важного для понимания обрядовых песен. Почти каждый обряд (например, так называемые зимние святки, троицкий или свадебный обряд) сопровождался пением многих песен. Однако не все они были обрядовыми. Дело в том, что обряды преследовали не только ритуальную цель, но и были в значительной мере эмоциональной разрядкой для людей, совершавших их. Это способствовало развитию игровых элементов обряда. Особенно верно это для тех обрядов, общая окраска которых была веселой, радостной (например, свадьба после венца, весенние или масленичные обряды), и, конечно, в меньшей степени для обрядов по своей сути грустных или даже трагических (как, например, прощание невесты с родным домом или похороны). Подобные обряды сопровождались пением как обрядовых, так и необрядовых, веселых или грустных песен попеременно.

Любой обряд можно было исполнить за сравнительно короткое время или, наоборот, сделать его максимально торжественным, длительным и насыщенным ритуальными действиями и песнями. Например, свадьба могла играть в один-два дня или растянуться на неделю. В последнем случае пели и обрядовые песни, и многие другие, которые не были собственно обрядовыми. С другой стороны, в каждой местности был определенный круг собственно обрядовых песен, без которых свадьба не была свадьбой. Это не значит, что надо было обязательно спеть все свадебные песни, которые знали в этой местности. Был, конечно, определенный накопившийся веками запас песен, какая-то часть которых обязательно должна была быть исполнена на свадьбе. Не одна, так другая. В этом смысле многие свадебные песни, так же как и песни, связанные с другими обрядами, были как бы взаимозаменяемыми.

¹ Немногочисленные исключения составляют жанры, стоящие на границе стиха и прозы — так называемые пестушки, — ритмизованные прибаутки, которые предназначались малым детям, ритмизованные шутки свадебного дружки, загадки и, в известном смысле, пословицы, которые можно считать однострочными стихами. Сюда же можно отнести рашник — шуточные комментарии к картинкам, которые показывались на ярмарках, выкрики балаганных «дедов», ярмарочных торговцев и проч.

В каждом разделе тома читатель найдет значительно больше несен, чем могло быть исполнено одновременно при совершении какого-либо обряда. Так, например, печатается более трехсот свадебных песен. Разумеется, на одной свадьбе спеть столько песен было невозможно. Но наша задача и не заключается в том, чтобы показать обряд. Мы даем только некоторые пояснения к обряду и приводим избранные песни, известные по записям собирателей фольклора XIX—XX веков в самых различных районах России. Некоторые из них были распространены почти повсеместно, другие были известны только в ограниченном числе районов расселения русских или даже в одном из районов (например, только на Русском Севере, в Поволжье, в русских районах Сибири или в станицах Северного Кавказа). При обширности русской этнической территории таких локальных (местных) песен было много, и среди них можно найти прекрасные в художественном отношении образцы.

В старом крестьянском быту, впрочем так же как и в современном быту (и сельском, и городском), жизнь человека развивалась циклично — рождение, детство, отрочество, юность, свадьба, рождение детей, старость, смерть. То же наблюдалось и в ежегодной повторяемости времен года и соответственно — сезонных сельскохозяйственных работ. Каждое значительное событие или новый цикл жизни человека и окружающей его природы вызывало необходимость действий, которые в связи с их регулярной повторяемостью совершались в привычном, освещенном вековым обычаем составе и традиционном порядке (этикет) и последовательности. Рациональные, практические действия сопровождалась обрядами или, точнее, переплетались с ними, были друг от друга неотделимы. Так, например, очень трудно сказать, как мотивировалось обрядовое очищение рыболовных сетей дымом: совершали это действие с практической (чтобы отбить запах человека, способный отпугнуть рыбу) или с обрядовой (очищение огнем, подобное прыганью через костер в ивановскую ночь) целью. Мотивировки могли сочетаться, меняться, заменять друг друга, но обряд продолжали исполнять, потому что он стал бытовой традицией, привычкой, обычаем. Чтобы не быть превратно понятым, подчеркну, что крестьяне, в основном и главным, конечно, не путали практические действия с обрядовыми, а, видимо, полагали их одинаково обязательными и взаимодополняющими. Начиная сеять, крестьянин считал, что, бросая зерна в землю, он должен произнести заговор — это поможет достижению результата, однако никто при этом не думал, что можно обойтись одним заговором.

Старые русские народные бытовые обряды были весьма разнообразными. Регламентация, то есть традиционные предписания, как следует поступить в том или ином случае, какой при этом

следует совершить обряд и как его совершать, пронизывала весь крестьянский быт, как, впрочем, и быт старого городского населения. Цикличная повторяемость практических действий и обрядов и способов их сочетания и взаимопроникновения создавала устойчивость обрядовых форм и закрепляла несхожесть их с другими обрядами (крестины не похожи на свадьбу, рождественские обряды — на купальские и т. п.). Все это способствовало выработке замечательного богатства и разнообразия старинных обрядов и связанного с ними фольклора, прежде всего — несен.

Том делится на две неравные части. Первая из них состоит из несен, входивших в состав календарных обрядов. Они открываются рождественско-новогодними обрядами, затем следуют обряды второй половины зимы, весны, лета и осени. Так называемые зимние святки, приуроченные к зимнему солнцестоянию, делили зиму на две половины: первая из них в сознании русского крестьянина завершала год прошедший, а другая — открывала год предстоящий и соответственно обширный цикл зимне-весенне-летних обрядов, связанных с подготовкой к новому урожаю.

Русские традиционные календарные обряды иногда называют «аграрными». Это тоже условно. Они являются аграрными в том смысле, что возникли на почве земледельческого быта. В действительности же их тематика шире — они членили год земледельца на определенные отрезки времени,¹ отмечали переход от одного периода к другому и в целом должны были способствовать воспроизведению и самого человека, и окружающей его среды — растительности вообще и особенно культурных растений (выращиваемых крестьянами в поле, на лугах, в огороде, в саду) и животных (тоже, разумеется, особенно домашних животных и птицы) в масштабах года и в рамках годичной повторяемости. Поэтому в так называемой календарной обрядности мы постоянно встречаемся с взаимопереплетением собственно производственной, сельскохозяйственной и человеческой, брачной обрядности.

Вторая часть книги состоит из песен, связанных преимущественно с так называемой семейной обрядностью, то есть с обрядами, повторяющимися в масштабах и рамках человеческой жизни (родины-крестины,² свадьба, рекрутчина, смерть). Семейными они называются не потому, что их совершают только члены какой-

¹ Ср. крестьянские деревянные резные календари, в которых год делится праздниками (во время которых совершались обряды) на неравные отрезки.

² В отличие, например, от белорусского, в русском фольклоре так называемые родинные песни не получили значительного развития. В настоящий сборник они не включаются. О родинных песнях у русских, украинцев и белорусов см. М. Я. Грынблат «Беларуская радзінная паэзія» в сб. «Радзінная наззія», Мінск, 1971, с. 5—37 (в серии «Беларуская народная творчасць»).

то семьи. Так, свадьба — всегда была праздником всей деревни и всех родственников за ее пределами, в похоронах тоже участвовали родственники, односельчане, в крестинах — многие женщины той же деревни и, конечно, прежде всего родственницы односельчанки. Итак, семейные обряды — это обряды, направленные на сферу индивидуальной и семейной жизни человека.

Кроме календарных и семейных обрядов, в последние годы исследователи выделяют еще так называемые окказиональные (от латинского *occasio* — «случай», «особый случай»). При этом имеют в виду не регулярно повторяемые, а сравнительно редкие, не приуроченные к определенным дням календаря, но значительные для крестьянской жизни случаи — строительство нового дома, рытье колодца, эпидемию, засуху и т. д. Как правило, такие обряды не имели развитого и значительного фольклорного сопровождения или только сопровождение прозаическое (заговоры, гадания), и поэтому они, так же как обряды, связанные с неземледельческими занятиями в земледельческой деревне (пастухи, кузнецы, мельники, плотники и т. п.), не представлены в настоящем томе.

Обряды могли исполняться индивидуально, отдельными представителями какой-то родственной, социальной, возрастной или профессиональной группы или коллективно. Индивидуальные обряды совершались чаще скрытно (например, гадания девушек о замужестве в новый год в бане) и в таком случае не сопровождалось песнями, что, как правило, имело место при исполнении групповых или коллективных обрядов (например, рождественское колядование или семикское завивание березки). Обычно это были определенные половозрастные группы, в которые группировалось все население деревни — дети, подростки, парни, девушки, молодые мужики, молодухи, пожилые, старики.

Мы уже говорили о тесном переплетении рациональных (практических) и обрядовых действий. Необходимо еще подчеркнуть, что и сами обрядовые действия были сложным комплексом символических, магических, демонстративных и игровых элементов. Они должны были способствовать достижению определенного результата (урожай, брак, приплод скота, деторождение) и, вместе с тем, отметить (маркировать) и санкционировать переход в новое состояние. Так, например, свадебный обряд был коллективной санкцией — признанием семьей, родственниками, общиной перехода девушки из родительской семьи в семью мужа, из половозрастной группы девиц — в группу молодух и, вместе с тем, общественной санкцией самого брака. В ходе этого ритуала выполнялась целая серия обрядов, которые должны были способствовать счастливому соединению молодых, их будущему благосостоянию, оберегу их от «порчи», появлению детей и

т. д. Поэтому говорят об обрядах стимулирующих и осторожных. Они состояли обычно в условном обозначении желаемого результата действием или словом (так называемая вербальная магия, от латинского *verbum* — «слово»). Так, например, на колени невесты сажали мальчика, чтобы рождались дети, особенно мальчики; на пути свадебного поезда стреляли, чтобы отпугнуть вредоносные силы. С такой же целью невеста в день свадьбы вкалывала в подол иголки или булавки.

Демонстративно-символические действия были связаны с общественной санкцией происходящего. Так, молодых сажали за свадебный стол вместе, они пили из одного стакана, их сопровождали до постели, в которой они должны были провести брачную ночь, невесте еще до брачной ночи публично расплетали девичью косу и делали «бабью» прическу и т. д.¹

Многие обряды календарного цикла совершались молодежью или даже специально женской молодежью — девушками. Характерно, что в них постоянно звучала тема будущего брака, любви, материнства. Кроме обрядов стимулирующих или осторожных, постоянно совершались так называемые мантические обряды (от греческого *μαῖτική* — «способность или искусство предсказания»), то есть гадания. Мы уже упоминали святочные гадания; целый цикл гаданий совершался на седьмой неделе после пасхи (семик) — заплетение березок, бросание венков в воду и т. д. (подробнее см. перед разделом «Семикские и троицкие песни»). Гадания совершались в определенные дни или по необходимости, но песнями сопровождалась только гадания, коллективно исполнявшиеся преимущественно девушками. Поэтому в настоящем томе представлены главным образом девичьи песни, связанные с гаданиями.

Мы наметили здесь только самые общие особенности обрядов и связанных с ними песен. Более подробные сведения читатель найдет в вводных заметках к каждому разделу.

Обилие и разнообразие традиционных обрядов в старом крестьянском быту, длительность их исторического существования и развитие локальных вариантов создали целый своеобразный и богатый поэтический мир русского обрядового фольклора. Разумеется, он не развивался вполне самостоятельно, вне обрядов, которым он соответствовал. Но все же относительная самостоятельность была свойственна и ему. Объясняется это тем, что по мере приближения к нашему времени магическая функция постепенно слабела и за ее счет развивалась функция символическая (демонстративная) и игровая. Или — если выразить эту мысль

¹ Мы приводим примеры преимущественно из свадебного ритуала, так как он был очень сложен и дает возможность продемонстрировать разные аспекты обрядов.

проще — песни, которым придавалось очень серьезное обрядовое значение, все больше превращались в традиционное развлечение или даже переходили в детский фольклор (как, например, песня «Уж мы просо сеяли», перешедшая из обрядового фольклора в обычный детский репертуар и бытующая до сих пор в детских садах).

Обрядовые песни не составляли единого жанра. Вместе с тем, можно выделить несколько типов обрядовых песен, играющих сходную роль в разных и даже разнотипных обрядах. Так, можно говорить о песнях, описывающих обряд или какие-то его элементы, о песнях-командах или сигналах, исполняемых при переходе от одного этапа к другому, о так называемых вотивных песнях, то есть песнях, в которых люди обращаются к солнцу, весне и т. д. с просьбой (мольбой) возвратиться, прийти, о песнях величальных, в которых высказывались пожелания благополучия, счастья, урожая и т. д., восхвалялись жених и невеста, гости на свадьбе и т. д., о песнях корильных, в которых высмеивались какие-то участники обряда, преимущественно за проявленную скупость.

Однако в песнях, связанных с различными обрядами, эти функции реализуются по-разному. Поэтому одновременно можно говорить об общих чертах, свойственных песням, связанным с тем или иным обрядовым циклом, или об общих свойствах календарно-обрядовых песен, свадебных песен или свадебных, похоронных и рекрутских причитаний. В отличие от вводных заметок к отдельным циклам песен, здесь мы и остановимся коротко именно на этих общих особенностях.

Календарные песни, как правило, не велики по объему (некоторое исключение в этом смысле составляют северно-русские винограды, — см. о них ниже) и не сложны по своей музыкальной и поэтической структуре. Они исполнялись обычно в довольно быстром темпе на мажорные напевы. Внимательный читатель сможет уловить в них весьма своеобразное сочетание тревоги и ликования, неуверенности в будущем и всепобеждающей надежды. Одна из общих черт подобных песен — персонификация основного образа, связанного со смыслом обряда. Так, в рождественских колядках рисуется Коляда, которая ходит по дворам, ищет хозяина, одаряет его всякими благами. С подобными человекоподобными (антропоморфными) образами — Весны, Масленицы, Костромы, Троицы, Семика — мы встречаемся во многих календарных песнях. Песни упрощают, призывают к благодеяниям эти странные существа и, вместе с тем, упрекают их иногда в обмане и легкомыслии (ср., например, масленичные песни). Очень часто эти песенки членились припевами на отдельные сегменты («Слава тебе», «Коляда, Коляда», «Илею, илею»,

1014504

«Ой, ладу!» и т. п.). Некоторые календарно-обрядовые песни, особенно так называемые веснянки, записанные в западных и юго-западных районах, кончались так называемым гуканьем — протяжным выкриком «у-у-у-у!» с повышением тона к концу выкрика. Музыковеды считают, что «гуканье» имело заклинательно-магический характер.

Состав семейно-обрядового фольклора тоже сложен. В настоящем томе представлены четыре жанра — свадебные, величальные, корильные песни и причитания. Величальные и корильные песни тесно связаны друг с другом. Корильные часто пародируют величальные (хула — это величание с обратным знаком). И те, и другие исполнялись весело и, главным образом, в день свадьбы после венца, в доме жениха.

В отличие от величальных и корильных, другие свадебные песни не были однородными по своей эмоциональной окраске. До венца, особенно на девичнике — девичьем вечере в доме невесты накануне свадьбы, — исполнялись, как правило, грустные песни, после венца — преимущественно веселые.

Основные поэтические образы свадебных песен связаны с метафорическим изображением того, что реально происходило во время свадьбы. Например, в песнях, популярных в северных областях России, изображался торжественный приезд жениха на разукрашенном корабле (эту песню мы цитировали в начале статьи). В большинстве районов расселения русских были популярны песни о соколе и лебедушке (женихе и невесте), о том как лебедушка покидает своих подружек и подплывает к утушкам (замужним женщинам), песни о расплетении косы («Трубонька») и др. Все эти и сходные с ними песни отличаются веками отработанной поэтической символикой, глубиной и чистотой человеческих чувств, трогательным сочувствием и тревогой о судьбе девушки, покидающей родной дом и не знающей, как сложится ее судьба в доме родителей мужа.

Современный читатель, впервые знакомящийся со свадебными песнями, найдет в них много вовсе не устаревшего в поэтическом отношении и до сих пор. Если теперь свадьба — безусловно веселое и радостное событие, то все-таки и сейчас только время обнаруживает, как суждено сложиться отношениям мужа и жены (и каждого из них с их родственниками). Когда же мы обращаемся к прошлому, то надо иметь в виду хотя бы два основных обстоятельства. Девушка, выходящая замуж нередко не по своей воле, иной раз даже мало знала жениха. Это не значит, что каждый брак оказывается трагедией (муж и жена могли полюбить друг друга и после венца), но он всегда таил в себе возможность, угрозу будущей трагедии.

Мы не будем здесь напоминать об общественной несвободе

женщины в старом обществе, отметим только, что из дочери на выданье — существа, которое всячески оберегалось и холилось в родной семье, — она превращалась в невестку (сноху), то есть в существо самое бесправное в патриархальной крестьянской семье. Она обязана была подчиняться не только мужу, но и его родителям, старшим братьям и их женам. Поэтому даже и в том случае, когда девушка выходила замуж по любви, ее судьба складывалась тоже достаточно сложно. Недаром М. Горький называл замужество в старой крестьянской семье «гражданской смертью женщины».

Свадебные песни исполнялись на разных этапах свадебного ритуала. Некоторые из них были преимущественно прикреплены к тому или иному этапу, другие — относительно свободно переходили из одного этапа в другой. Поэтому наша группировка свадебных песен в определенной степени условна, но все-таки мы надеемся, что тем самым поможем читателю ориентироваться в этом наиболее многочисленном массиве русских обрядовых песен.

Причитания, которыми завершается настоящий том, занимали своеобразное положение в поэтической системе обрядовых песен. Прежде всего это не песни или, вернее, не совсем песни в обычном смысле этого слова. В большинстве губерний они произносились нараспев с всхлипываниями, которые завершали каждую строку. Существенное отличие причитаний от других обрядовых песен заключалось в том, что они очень определенно оформились в своеобразный жанр, обслуживавший не один, а три разнородных обряда — похоронный, свадебный и рекрутский. Кроме того, известны внеобрядовые причитания. Общее в них обуславливается однородной функцией — выражать горестные переживания и размышления невесты, вдовы, дочери, потерявшей родителей, матери или невесты рекрута. Эмоциональное перенапряжение, с которым они исполнялись, объясняет характерную черту их поэтического строения — нанизывание вопросительных и восклицательных конструкций, открытость структуры, или, проще, возможность бесконечно продолжать причеть — причитать еще и еще. Причитание завершалось обычно не потому, что наступала развязка повествования, а по обстоятельствам обрядовым и бытовым — истекло время, отведенное обычаем для того или иного обряда (невесте пора выходить к столу, пора выносить покойника и т. п.).

Итак, читателя тома ожидает своеобразный мир русской народной обрядовой поэзии, мир многоцветный и богатый, насыщенный человеческими эмоциями, теснейшим образом связанный со старым традиционным бытом и, вместе с тем, таящий в себе удивительные богатства человеческой поэзии, которая выдержала

многовековое испытание временем. Мы расстались в нашем быту со многими обрядами, которые породили эту поэзию, но она сама безусловно достойна бережного сохранения, как храним мы памятники древней русской архитектуры, живописи, литературы, художественного ремесла.

Поэтическая традиция, выработанная народной обрядовой поэзией, стала органической составной частью русского национального поэтического мышления, национальной культуры, вошла в кровь и в лимфу профессиональной (книжной) поэзии. Дело, разумеется, не просто в стилизациях под народную поэзию, в том числе и обрядовую. В истории русской поэзии их много. Достаточно вспомнить стихи Жуковского (балладу «Светлана»), сон и гадание Татьяны из «Евгения Онегина» Пушкина, стихи Кольцова, Некрасова, Есенина и т. д. Обычно подобные реминисценции узнаются довольно легко, так как одна из их функций состоит в том, чтобы оживить в сознании читателей народнопоэтический фон разрабатываемой поэтической темы. Вместе с тем, традиционная обрядовая поэзия воспринималась поэтами не только как национальное поэтическое наследие, но и как принадлежность определенного исторически сложившегося жизненного уклада, со временем все более уходящего в прошлое. Отсюда известная противоречивость в способах использования некоторых видов традиционной обрядовой поэзии, особенно в произведениях, изображающих близкую нам современность.

Приведем некоторые примеры. Так, в стихотворении М. Исаковского «Двенадцать трав» мы находим прямые отзвуки былых купальских обрядов и песен:

Хорошо походкой вялой
Мять в лугах шелка атав,
Под Ивана под Купалу
Собирать двенадцать трав.
Под подушку — травы в клети
И в прохладной тишине,
Может стать, на рассвете
Милый явится во сне.

В «Василии Теркине» А. Твардовского причитание матери звучит уже не как далекий отзвук прошлого, как это было в стихотворении М. Исаковского, а как вполне современное естественное переживание трагедии великой войны. Характерно, что причитание это оживает в сознании самого Теркина, когда он оказывается на отдыхе, вдалеке от фронта и вспоминает о доме:

Так печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой выплакать,

Может, выйдет мать бойца.
Над тобой над малой реченькой,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что жив сынок!

В то же время свадебные причитания, столь тесно связанные со старым бытом, со старыми семейными отношениями, со старой бабьей долей, уже не воспроизводятся прямо, как это было когда-то (например, в главе «Матрена Тимофеевна» поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»), а как бы вступают в противоречие с реальной действительностью. Так произошло, например, в стихотворении А. Прокофьева «Свадьба» или в главе, рисующей свадебный обряд в поэме А. Твардовского «Страна Муравия». Обе невесты, вышедшие замуж в начале 30-х годов, одинаково иронически относятся к традиции оплакивания девичьей доли, обязательной для старого обряда.

В стихотворении А. Прокофьева невесте вовсе не грустно, она выходит по любви и полна самых радужных надежд. Однако традиция еще жива. И отдавая ей дань, она снимает со стены фотографию жениха и иронически причитает над ней:

...ах, не мучьте,
Ах, не делайте надсад,
Потому что очень скучно
Покидать цветущий сад.

В «Стране Муравии» мать, как это полагалось по старому обряду, причитает:

Лети, лети ластынька,
Лети за моря.
Прости-прощай, Настенька,
Дочушка моя,

но причитание кончается вопросом, не предусматривавшимся старой бытовой традицией —

А что ж да не плачется
Не горько тебе?

Имена многих поэтов уже назывались нами выше (см. с. 7). Дальнейшие примеры читатель найдет во вступительных заметках к отдельным разделам. Хотелось бы подчеркнуть, что воздействие традиции народной обрядовой поэзии на творчество профессиональных поэтов так привычно, что оно воспринимается как нечто обыкновенное, само собой разумеюще-

еся и поэтому часто просто не замечается. Приведем два примера. В популярной песне Б. Окуджавы «Дежурный по апрелю» есть строки:

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и в тревоге:
— Что же ты гуляешь, мой сыночек,
Одинокий,
Одинокий?

Современный юноша, поющий под гитару эту песню, вряд ли догадывается, что сюжет ее и ее лирическая настроенность восходит в истории русской культуры к известной в прошлом свадебной песне:

Долина, долинушка, раздолье широкое,
По этой долинушке гулял детинушка...
Увидела матушка из высокого терема:
— Дите ль мое, дитятко, дитятко мое милое!
Что ходишь невесело, гуляешь нерадостно?

Песня современной поэтессы Н. Матвеевой «Страна Дельфиния» стилистически мало напоминает русскую народную, тем более обрядовую песню. Однако строки —

Это далеко. Ну, что же
Я туда уеду тоже.
Ах, ты боже, ты мой боже,
Что там будет без меня?
Пальмы без меня засохнут,
Розы без меня заглохнут,
Птицы без меня замолкнут...
Вот что будет без меня!

знатоку русского фольклора не могут не напомнить строки из русского народного свадебного причитания:

Были яблони лазуревы,
Распевали птички-пташечки;
Там жупили соловеюшки
У меня у красной девушки,
Потешали мою волюшку!
А по сегодняшнему денечку
В саду яблони новянули,
В саду вишенки иоблекнули,
Захлебнулись птички-пташечки,
Задавились соловеюшки!

В основе образной системы песни Н. Матвеевой и народного причитания лежит одна и та же традиционная для русского фольклора метафора — изображение (обозначение) вольного девичества как прекрасного, цветущего сада, в котором радостно распевают птицы.

И, наконец, еще один пример.

Примечательно, как трагические события первых дней Великой Отечественной войны — первые известия о гибели родных, первые бомбежки, смертельная угроза Ленинграду — вдруг сблизили стихи А. Ахматовой, поэтессы, для которой обращение к народной поэзии не столь уж характерно, с традиционными «бабьими» причитаниями.

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.

Или:

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!

Переживая трагедию первых месяцев ленинградской блокады, А. Ахматова познала то, «что знает женщина одна о смертном часе». Это не могло не сблизить ее чувства и поэтическую форму передачи этих чувств с многовековой традицией народной обрядовой поэзии.

Мы уже писали, что наш том включает две основные части — первая из них посвящена календарно-обрядовой, другая — семейно-обрядовой поэзии. Он завершается плачами-поэмами И. А. Федосовой, крупнейшей русской сказительницы XIX—XX веков. Она создавала на основе традиционных похоронных причитаний своеобразные элегические поэмы, связанные с трагическими событиями крестьянской жизни.

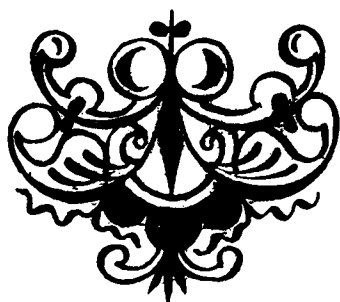
Каждому разделу в книге предпосылается вводная заметка, цель которой — обрисовать основные контуры обряда, с которым связана та или иная группа песен.

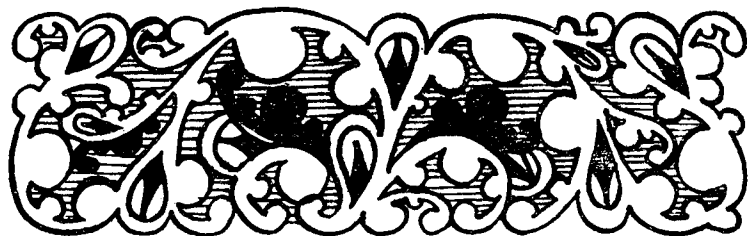
При выборе лучших образцов русской народной обрядовой поэзии мы, имея в виду научно-массовый характер издания, руководствовались не только своим вкусом, но стремились учитывать отбор, который уже производился составителями антологий,

имеющих национальное значение,— И. И. Земцовским, Ю. Г. Кругловым, Н. П. Андреевым, Э. В. Померанцевой, Н. П. Колпаковой, Ф. Ф. Болоневым и М. Н. Мельниковым, Р. П. Потаниной и др. (включая также составленный в свое время нами сборник «Причитания» в Большой серии «Библиотеки поэта» и «И. А. Федосова. Избранное»). Сведения о них читатель найдет в списке использованных источников, предпосланном комментариям.

К. Чистов

**КАЛЕНДАРНО-
ОБРЯДОВЫЕ
ПЕСНИ**

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

Зимними святками назывались рождественско-новогодние праздники (с 24 декабря по 6 января), по своему происхождению связанные с зимним солнцестоянием — одним из важнейших дней земледельческого календаря. Не случайно именно к этому дню христианская церковь приурочила день рождения Христа. Ежегодное празднование рождества заставляет вспомнить широко распространенный в мире миф об умирающем и воскресающем божестве растительности.

Зимние святки делились на «святые вечера» (25 декабря — 1 января) и «страшные вечера» (1 января — 6 января). Их разделял Васильев день (1 января).¹

Название «страшные вечера», видимо, связано с представлением об особенном буйстве нечистой силы (особенно длинная ночь!). В святочные вечера опасались ходить в лес, на кладбище, в старые риги и т. д.

Зимние святки начинались колядованием 24 декабря в канун рождества (сочельник²). Так назывались праздничные обходы домов с пением колядок — песен, в которых славилась хозяйка дома и содержались благопожелания — богатства, урожая, многодетности и т. д. (обычно посредством идеализированного изображения чудесного терема). Колядки исполнялись детьми или молодежью (в некоторых местах — после детей дома обходили и взрослые), которые несли на шесте звезду. Хозяева одаривали колядовщиков обрядовым печеньем (козюльками), конфетами, деньгами. Если хозяйка скупилась, то колядовщики пели озорные корильные колядки с шуточными угрозами (см. № 5, 24 и др.).

¹ Здесь и далее даты указаны по ст. стилю.

² Так назывался последний день рождественского поста. Традиционным обрядовым блюдом в этот день было «сочиво» — постная каша с конопляным маслом.

Дары, полученные от хозяев, собирались обычно специальным механошей в мешок, а потом коллективно поедались.

Слово «коляда» латинского происхождения (от *calendae*; ср. современное русское «календарь»). Подобный обычай и сходное его название было широко распространено у многих народов Европы. Зимнее солнцестояние отделяло один годичный жизненный цикл от другого. Началу года, так же как началу недели или дня, или точнее — еще в большей мере, чем им, приписывалась особенная открытость и особенная восприимчивость. Как проведешь Новый год, таков будет и весь предстоящий год. Поэтому старались, чтобы стол был изобильным, люди веселыми, желали друг другу счастья и удачи. Веселые, коротенькие колядки были песенной формой таких благопожеланий, им тоже приписывались магические свойства (как пожелаешь, так и исполнится).

Колядовщики кроме колядок распевали также песни, прославлявшие младенца Христа («христославение», «рацеи», «тропари» и др.). В соответствии с евангельской легендой, звезда, с которой они обходили дворы (дохристианский символ солнца), трактовалась как Вифлиемская звезда, появившаяся на небосводе в момент рождения Христа.

При общей распространенности названия «коляда» в северорусских и некоторых других районах величальные рождественские песни назывались также Виноградьем по припеву «Виноградье красно-зеленое мое» (идеализированный образ цветущего сада); в некоторых среднерусских районах — овсень (таусень, баусень). Происхождение последнего термина неясно. Так же как Коляда, Овсень-Таусень приобретает в некоторых песнях человеческие (антропоморфные) черты — он ищет двор хозяина и приходит к нему. Иногда же это просто припев или выкрик, предваряющий колядную песню.

Другой популярный вид святочных песен составляли так называемые подблюдные. Они сопровождали новогодние девичьи гадания, при помощи которых старались угадать будущее — когда суждено выйти замуж, далеко ли, что предстоит — богатство или бедность. Девушки собирались в одной из изб, рассаживались с песнями (наборными) по лавкам, одна из них собирала у подруг перстеньки, серьги, ленточки и т. п. Все это пряталось в прикрытую миску (блюдо), часто вместе с зернами ржи или пшеницы, угольком, денежкой — они должны были способствовать успеху обряда. Потом под каждую песенку вынимались одно за другим спрятанные колечки (или что-нибудь другое). Что песенка сулила, то и считалось предсказанием.¹

¹ Подблюдные гадания во многом сходны с современной детской игрой в фанты (что будет сказано, то и делай).

Подблюдные песенки — короткие, иногда всего в несколько строк, и содержат общепонятную метафору (иносказание), обозначающую скорое замужество, долгое девичество, богатство или нищету, здоровье или болезнь и смерть.

Подблюдный обряд был далеко не единственным видом святочных девичьих гаданий. Мы выделяем его только потому, что он отличался богатым и разнообразным фольклорным сопровождением. Для того чтобы представить себе другие виды гаданий, достаточно вспомнить известное стихотворение В. А. Жуковского «Светлана», очень точно и даже полно их описывающее

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном,
Ярый воск топили.

Кроме того, Светлана гадает ночью в бане, глядясь в зеркало, — не появится ли суженый. С этим связаны все дальнейшие события, происходящие в балладе. Здесь же описываются и подблюдные гадания:

В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны —

и пересказывается одна из наиболее популярных подблюдных песен:

...Кузнец

Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое.
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое. (ср. № 52.)

Другая известная подблюдная песня цитируется в V главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
Там мужички-то все богаты
Гребут лопатой серебро.
Кому поем, тому добро
И слава! (ср. № 90.)

Одно из наиболее замечательных литературных отражений подблюдных песен исследователи справедливо видят в агитационных песнях, сочиненных для солдат декабристами К. Ф. Рылевым и А. А. Бестужевым (ср. «Уж как шел кузнец да из кузницы. Слава!» или «Близ Фонтанки-реки собирались полки. Слава!» и др.).

КОЛЯДКИ

1

Проходила коляда
Наперед рождества.
    Виноградые красно-зеленое мое!
Напала пороша
Снегу беленького;
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели, —
Колядовщички,
Недоросточки,
Недоросточки,
Красны девушки
Сочили, искали
Иванова двора.
А Иванов двор
Ни близко, ни далёко, —
Ни близко, ни далёко —
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Ты серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Всё шелкóвая трава;
На всякой тынинке
По жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоит три терема,
Стоит три терема
Златоверхие.
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —

Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому,
Красно солнышко —
То хозяйюшка,
Часты звездочки —
Малы деточки.
Как самого господина
Дома нетути,
Дома нетути,
Не случилось:
В Москву съехавши
Суды судить,
Суды судить
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой едет он;
Он жене-то везет
Кунью шубу,
Кунью шубу,
Кунью шапочку,
А своим-то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венцу,
Своим служенькам
По сапоженькам.
Наша-то коляда
Ни мала, ни велика —
Она в двери не лезет
И в окно кокшиёт *¹:
«Не ломай, не гибай —
Весь пирог подавай!»
Виноградье красно-зеленое мое!

2

Пришла коляда
Накануне рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку!

---

¹ Слова, отмеченные *, см. в «Словаре местных слов и выражений и устойчивых метафорических замен».

А дай бог тому,
Кто в этом дому!
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста!
Ему с колосу осьмина, *
Из зерна ему коврига,
Из полузерна — пирог.
Наделил бы вас господь
И житьем, и бытьем,
И богатством;
И создай вам, господи,
Еще лучше того!

3

Коляда, коляда —
Накануне рождества!
Мы ходили, мы искали
Святую коляду.
Мы нашли коляду
Во Петровом дворе
У Петра-то двор —
На семи столбах,
На восьми верстах.
Дядя Мирон
Выносил пиво во двор.
Мы пива не пьем,
Вина в рот не берем.
Как на улице мороз
Подмораживает,
Не велит долго стоять,
Велит скоро подавать:
Выдавай-ко — не ломай,
Выноси — не труси!
(Тетушка, будет ли милость?!)

4

Свети, свети, месяц,
Частые звезды,
Соборная церковь!
Собиралися девицы
Коляду кричати.
«Уж ты дядя доброхот!

Выдай денег на проход!
Выдашь — не выдашь,
Будем ждать,
У ворот стоять!..
Золотая голова,
Шелковáя борода!
Ты подай пирожка,
Ради праздничка христова
Пирожка-то хоть преснóго.
Хоть кисленького,
Да пшеничненького!
Отрежь потолще,
Подай побольше!

Сто бы тебе коров,
Полтора ста быков!
По ведру бы те доили,
Всё сметаною!
На реку-то бы ходили,
Всё наигрывали!»

5

Бай авсень, бай авсень!
Мы ходили, мы блудили *
По святым вечерам.
Мы искали, мы искали
Мы и Петрина двора.
Мы по ржам, по межам,
По широким рубежам,
Приблудили ко двору
К генералову.
У генералова двора
Стоит сóсна зелена.
Как у этой у сосны
Конь и дóброй стоит.
Как и грива-то гребенкой,
А и хвост-то дугой.
Как на этом на коне
Узда новая.
Уж я села на коня
И поехала.
Генералов двор
Он и тыном обтынен.

Он и тыном обтынен,
И кольцом обведен.
Среди того двора
Стоит горенка новá.
Как во этой во горенке
Коровáтка тесовá.
Как на этой на кровати
Перицúшка пуховá.
Как на этой на перине
Лизаветушка душа.

Если подадут:

Что светел-то месяц —
А и наш-то он.
Как и красно солнце —
Хозяюшка его.
Как и часты звезды —
Его детушки.
Дай, господи,
Нашему хозяину.
Пожилось, побылось,
На двор много лилось.

Если не подадут:

Не дашь пирога —
Мы корову за рога.
Не дашь кишкú * —
Мы свинью за вискú.
Не дашь блинка —
Мы хозяина в пинка.

6

Ты позволь, сударь-хозяин,
Ты позволь, господин,
Коледá!

Ты позволь, господин,
Да ко двору прийти,
Ко двору прийти,
Да словцо молвити,
Словцо молвити,
Да речь говорити.
Еще чей же двор стоит,
Чей высок новой терём?
Еще двор стоит
Павла Макаровича,

Что высок терём
Натальи Васильёвны души.
Против шірока двора,
Госиодинова села
Разливалася Дунай
Да речка быстренькая,
Что со тихими с глубокими
Со зáводями,
Что со кру́тыми, со красными
Со бéрежками,
Что по той ли Дунáи
Речке быстренькою
Еще плавали две белые
Две лебеди,
Что и серые две малые
Две утушки.
Что из хóрома, из вýсока
Из тéрема,
Из хорошего косівчета *
Окошечка,
Узрела, усмотрела
Молода его жена,
Молода жена Наталья
Васильёвна душа.
Говорила Наталья
Господину своёму,
Господину своёму
Да таковые словеса:
«Я без белы их без лебедей
Обедать не хочу,
Что без серы их без утушек
Не ужинаю!»
Закручинился-то Павел,
Запечаловался,
Выходил-то ли Павел
На конюшный двор,
Выбирал-то и Павел
Себе доброго коня,
Себе доброго коня,
Коня неезженого,
Что неезженого,
Коня несéдланного.
Он накладывает
Уздечку тесмяненькую,
Он накладывает

Седёлышко черкасское *,
Он подстегивал подпруги
Семишелковые,
Он не для ради басы, *
Он ради крепости.
Говорил-то ведь Павел
Своим верным слугам:
«Уж вы слуги мои, слуги,
Слуги верные мои!
Вы подайте-тко, слуги,
Золоты мои ключи;
Поскорее отмыкайте
Окованы сундуки;
И подайте-тко тугой лук,
Разрывчатый,
Поскорее нову стрелочку
Калиновую!»
Поезжал-то Павел
На Дунай-речку гулять,
На Дунай-речку гулять
Да белых лебедей стрелять.
Уезжал ли то Павел
Ко Дунаю ко реке,
Соходил-то ведь Павел
Со доброго со коня;
Он садился-то Павел
За ракитовый куст, —
Он натягивает тугой лук
Разрывчатый,
Накладывает стрелочку
Калиновую.
Уж он первый раз стрелил —
Он не мог дострелить;
А в другой он раз стрелил —
Он иерестрелил;
Уж он третий раз стрелил —
Не мог устрелить!
Он сдавался во кручинушку,
Во великую печаль,
Он садился-то Павел
На доброго-то коня,
Уезжал-то и Павел
Ко подворью своему,
Ко подворью своему,
Ко широкому двору.

Что из хóроша, из вѣсока
Из терема,
Из хорошего косивчета
Окошечка,
Что узрела-усмотрела
Молода его жена,
Молода жена Наталья
Васильевна душа.
Выходила Наталья
На широкий двор,
Отпирала Наталья
Широкіе ворота,
Что встречала Наталья
Господина своего,
Что снимала Наталья
Со доброго со коня,
Говорила Наталья
Таковые словеса:
«Я без белые без лебеди
Обедаю, судáрь,
И без серые без утушки
Отужинаю;
Без тебя, моя надѣжа,
Часу быть не могу,
Ни часу я часовать,
Темной ночи коротать!»
Не пора ли то, хозяин,
Коледовщиков дарить?
Еще наша-то колѣдка
Чтой не мала, не величка,
Чтой не мала, не велика,
Не в рубь, не в полтину,
Что не в рубь, не в полтину,
Ровно сорок алтын,
Ровно сорок алтын
С одной денежкой.
Что во двери ти не вóйдет,
А в окно кокшиёт *
Коледа!

7

Пришли славці *
К добру́ господину,
В дому получили

И хозяина звали
На пир пировати,
Хозяюшку звали
Столы столовати,
Сыновей его звали
На стрельбище,
Дочерей его звали
На игрище.
Хозяину дали
Сто рублей денег,
Хозяюшке дали
Кунью шубу под атласом,
Сыновьям его дали
По доброму коню по вороному,
Дочерям его дали
По веночку по златому!
Нам же, славцам,
Не рубь-полтина,—
Единая гривна,
Пива братыня, *
Яиц коробица,
Скляница вина,
Бочка квасу,
Морда * рыбы,
Блюдо шанег,
Ставец * оладий
И масла крыница!

8

Уж и ходим мы,
Уж и бродим мы
По проулочкам,
По заулочкам.
Уж и ищем мы,
Уж и ищем мы
Иванов двор,
Иванов двор.
У Ивана на дворе
Разливалось морé,
Море синее,
Полусинее.
Как по этому по морю
Вырастала трава,
Вырастала трава,

Трава шелковая.
Как по этой по траве
Пробегала куня
Со кунятами,
Со дитятами.
Акулина сговорила:
«Ты, Иван, убей куну
Со кунятами,
Со дитятами,
А ты сшей мне шубу,
Шубу новую,
Мне не долгую,
Не короткую.
Мне не по полу ходить,
Мне по лавочкам ступать;
Мне калачики скупать,
Красных девок оделять».

9

Да виноградиё да красно-зелёной!
Да уж мы ходим, не ходим спо Нову-городу
Уж мы ищем, не ищем господинов двор.
Господинов двор да высоко на горе,
Да высоко на горе, да далеко в стороне,
На семидесят верстах да на восьмидесят столбах.
Да на каждом ли столбе по маковке,
Да на каждой на маковке по замчужке, *
Да на каждой на замчужке по ленточке,
Да на каждой на ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по свечке горит.
Да этот чей стоит дом, да чей высок новый терем?
Да этот дом стоит Филиппа Ивановича,
Да эти горницы Ирины Ивановны.
Да ты позволь, сударь хозяин, ко двору прийти,
Да ко двору прийти, да на круто крыльцо взойти,
Да на круто крыльцо взойти, да за витое кольцо взять,
Да за витое кольцо взять, да спо новым сеням пройти,
Да спо новым сеням пройти, да в нову горницу взойти,
Да в нову горницу взойти, да против грядочки * встать,
Да нам еще того повыше — на лавочку сесть,
Да нам на лавочку сесть, да виноградиё спеть,
Да виноградиё спеть, в дому хозяина опеть,
В дому хозяина опеть, в дому хозяйку припеть.

Да как хозяин во дому — да как Адам в раю,
Да как хозяйка во дому — да как оладья в меду,
Да малы деточки — да часты звездочки;
Да нам хозяин-то дарил да золотую гривну,
Да нам хозяйка-то дарила бел круничатый калач,
Да малы деточки — да по копейке.
Да золотую гривну мы в кабак снесем,
Да мы в кабак снесем, да на вине проъем,
Да бел круничатый калач да на закуску съедим,
Да эти копейки — на конфеточки.

10

Ай, во боре, боре
Стояла там сосна
Зелена, кудрява.
    Ой овсень, ой овсень!
Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили.
    Ой овсень, ой овсень!
Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми убивали.
    Ой овсень, ой овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там овсеню
Да Новому году!
    Ой овсень, ой овсень!

11

Овсей, Овсей
Шел по дорожке,
Нашел железце,
Сделал топорочек,
Ни мал, ни велик,
С игольные уши;
Срубил себе сосну,
Наснастил мосточек.
По этому мосту
Шли три братца:

Первой-то братец —
Рождество христово.
Второй-то братец —
Крещение господне.
Третий-то братец —
Василий Кесаринский.
Блин да лепешка
На заднем окошке.
Подавай, не ломай,
Не закусывай!
У хозяина в дому
Велись бы ребятки,
Велись бы телятки,
Велись бы ягнятки,
Велись бы жеребятки,
Велись бы поросятки,
Велись бы козлятки,
Велись бы цыплятки,
Велись бы утятки!

12

За дверью:

А мы ходим-походим, виноградчики,
Винограде, винограде красно-зелено.
А мы щем-понщем господинов двор.
Господинов двор посередь Москве.
Посередь Москве на живом мосту,
Стоят три терема златоверховые;
Во первом-то терему млад светел месяц,
Во втором-то терему красно солнушко,
В третьем-то терему часты звездочки.
Млад светел месяц — то хозяин наш,
Красно солнушко — то хозяйюшка,
Часты звездочки — малы детушки.
Нас хозяин-то дарил золотым перстнем,
Нас хозяйюшка-то дарила золотой гривной,
Малы детушки дарили частым бархатом.
А мы перстень-то возьмем, на молебен снесем,
А мы гривну-то возьмем, на вине прошьем,
А мы бархат-то возьмем, по себе раздерем.
По себе раздерем, всем кафтанчики пошьем.
Уж кафтан-то короток, а я весь передрог,
У нас торбасы * тоненьки, у нас ножки зябнут,

У нас перчаточки тоненьки, у нас ручки зябнут,
Уж как шапочки голеньки, * у нас темечко зябнет,
Коляда, коляда, отпирай ворота!
Не отворишь ворота — подавай пирога.

Войдя в избу, поют:

Пришли мы, пришли к добру господину,
Добра господина дома не случилось,
Дома не случилось, хозяйюшки дома нет;
Хозяина звали пир пировати,
Хозяюшку звали стол столовати,
Сына-то звали на стрельбище,
Дочь-то звали на игрище;
Хозяина дарили куньею шубой,
Сына-то дарили тугим луком,
Дочь-то дарили золотым венцом.

13

Дайте коровку,
Мазану головку!
Уж ты ласточка,
Ты касаточка,
Ты не вей гнезда
Во чистом поле,
Ты завей гнездо
У Петра на дворе!
Дак дай ему бог
Полтораста коров,
Девяносто быков.
Они на реку идут,
Всё помыкивают,
А с реки-то идут,
Всё поигрывают.

14

Среди двора
Широкого,
Ой таусень! * Ой таусень!
Среди крыльца
Высокого,
Тут стояла скамеечка
Серебряная.
На скамеечке сидел

41

Тут Кирей-от со женой,
Тут Кирей-от со женой,
Он и с Марфой со душой.
Они думушку
Да всё подумывают:
Как нам сына-то женить,
Как нам дочку бы отдать?
А нам сына женить
Со доброго со коня,
А нам доченьку отдать
С высокого терема.
У Кирея-то у Митрича
Золотая борода,
Золотая борода
Да позолоченный усок,
Позолоченный усок.
По рублю-то волосок.

15

Бласлови-ко нас, бог, утро Новый год!
Таусень, * таусень!
Не летай-ко ты, соколик, высоко,
Не маши-ко ты крылом широко.
Не примахивай кручину к молодцу,
Ко Трофиму Алексеевичу.
Собирается Трофим к заутрени,
Надевает кафтан во сто рублей,
Подпоясывает кушак во тысячу,
Надевает шляпу — цены нету.
Как пришел наш Трофим ко заутрени,
Да и все люди сдивовалися:
«Да и чей это такой добрый молодец?
Да кто его восноил, воскормил?»
«Воспоила его родна матушка,
Воскормил же его родной батюшка,
Возлелеяла его родна бабушка».
Супротив его двора стоит горенка нова,
Как во горенке любезная его.
Погляди-ко ты, любезная, в окно.
Покажи-ко свое белое лицо.
Уж я буду всем товарищам хвалить:
«Хороша девка написанная,
Уму-разуму насынанная».

Он по горенке похаживает,
 Он с гривенки на гривенку ступат,
 Он полтиною по горенке лукат, *
 Он рублями-то ворота запирает.
 Супротив его двора приукатана гора,
 Приукатана гора, принаколоты дрова:
 Хотят пиво варить, хотят Трошеньку женить.
 Да взять ли, не взять ли у Филиппа дочь,
 У Филиппа дочь, дочку Танюшку.
 Не держите под окном, подарите серебром,
 Да и дай вам бог да и в поле-то урод, *
 Из восьминки три восьминки, * из зернышка
 пирожок!
 Да чего же ты, хозяйюшка, пожаловаешь:
 Или денег мешок, или каши горшок?

16

За реченькой за быстрою,
 Таусень! *
 Огни горят калиновые,
 Калиновы, малиновы!
 Промеж огней стоит скамья,
 На той скамье лежат гусли,
 Лежат гусли неналаженные,
 А кому эти гусёлушки налаживати?
 А налаживать гусёлушки Гордеюшке!
 А Гордея-то сударя да не случилось,
 А уехал-то Гордей во Казань-город.
 Суды судить суженые,
 Ряды рядить ряженые;
 Он и батюшке шлет добра коня,
 Он и матушке шлет шубу на золоте,
 Он и братцам-то шлет туги луки,
 Туги луки, калены стрелы,
 Он и сестрицам шлет золоты венцы.

17

На Степанушке кудерушки,
 Да-ту-усень!
 Да не сами завивались,

Завивала ему матушка,
Завивала-приговаривала:
«Реки-озера разольются,
А кудри не разовьются!»
Не ломай — да всё подавай,
Не трясси — да всё поднеси;
Не пора ли, сударь, игриц дарить,
Не рублём, не полтиною,
Золотою гривною?

Да виноградие да красно-зелёное!

Да не во далече, далече во чистом поле,
Во чистом да поле, да во раздолии, ой,
Да тут стоял ли, постоял да бел полотняный шатер,
Да бел полотняный шатер да белобархатный.
Да как во этом во шатру столы дубовы стоят,
Да столы дубовы, да ножки точеные,
Да ножки точеные, позолоченные.
Да что за этим за столом да красна девица сидит,
Да красна девица сидит Ирinya Павловна.
Да она шила-вышивала тонко бело полотно,
Да тонко бело полотно да белобархатно.
Да во первой раз вышивала светел месяц со лунами,
Да светел месяц со лунами, со частыми со звездами;
Да во второй раз вышивала красно солнце с маревами,
Да красно солнце с маревами, со теплыми облаками;
Да во третьей раз вышивала сыры боры со лесами,
Да сыры боры со лесами, со рысчучими зверями;
Да во четвертый вышивала сине море со волнами,
Да сине море со волнами, со черными кораблями,
Да со черными кораблями, с мачтовыми деревьями,
Да с мачтовыми деревьями, со белыми парусами,
Да со белыми парусами, с корабельщиками;
Да чтой во-пятых вышивала божью церковь с образами,
Да божью церковь с образами, со чудными со крестами.
Да тут и шел да прошел удалой молодец,
Да удалой молодец Филипп Иванович,
Да он куницами, лисицами обвешался,
Да он черными соболями подпоясался,
Да он тросточкой подпирается;
Да небылыми-то речами похваляется:
«Да кабы был я, кабы жил да на другой на стороне,

Да на другой стороне, на славной Усть-Цильме,
Да я разбил бы, расшумел да бел полотняный шатер,
Да бел полотняный шатер да белобархатный.
Да кабы взял я, кабы взял Иринью замуж за себя.
Да мы пойдем-ка, Иринья, повенчаемся,
Да золотыми-те кольцами обменяемся!
Да во божью церкву зайдем, золоты венцы примём,
Да золоты венцы примём, веселу свадебку сыграм».
Да виноградие да красно-зелёное!

19

По синему морю по Хвалынскому, *
Виноградье красное, зеленое
Ходил-гулял сокол-корабль,
Не много не мало — двенадцать лет со полуночью.
Еще-то было на соколе-корабле,
Пятьсот гребцов, удалых гребцов, славных песенников;
Вместо ушей были повешены две лисицы чернобурья,
Вместо глаз были врезаны два яхонта самоцветные,
Еще тут были бани торговые,
Еще были три базара гостиные, *
Еще были три церкви соборные.
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Калену стрелу накладывает,
Сам ко стрелушке приговаривает:
«Ты лети, моя стрела, во турецкий град,
Самому ко царю да ко султану,
И вонзись ты ему во белу грудь!»
Уж здравствуй, хозяин и хозяйюшка!
Тебе поем, тебе честь воздаем.

20

Вечерняя заря загорелася,
Коляды, святые вечерочки.
К брату в гости мне захотелось,
Запрягла коню я, поехала;
Коло воротикам я подъехала,
А мой братетко под окном сидит.
Я й сама слезу, ворота отчиню,
Некому сестре кони отпрягати;
Я й сама коника выпрягу,
А в хату вхожу, «день добрый» кажу,

Некому сестре «день добрый» сказать;
А мой братетко жене говорит:
«А ты стань, жена, прими хлеб-соль со стола,
А приехала сестра-жабровница, *
Сестра-жабровница, с нами не ровница».
«А постой, братец, постой,
Я ж приехала к вам не обедати,
Я ж приехала вас отведати; *
Приезжай, братец, в мою буду, *
Я ж хлеба-соли жербовать ¹ буду,
Тебе, братетко, частовать * буду.

21

А зайка, зайка,
Бела горностайка!
Свѣтый вечер,
Добрый вечер!
А где ты ходишь,
А где гуляешь?
Хожу, гуляю
Около двора,
Около двора
Михайлова.
А у Михайлушки
Ни куниц, ни лисиц,
Одна дочь хороша —
Наталья-душа.
По улице шла,
Что пава плыла,
На сени взошла,
Сенюшки гнутя,
Сенюшки гнутя,
Столбы клонютя.
А бояры идут,
Шляпки скидают,
Шляпки скидают,
Сыпрашивают:
«Чи ты царевна,
Чи королевна?»
«Я не царевна,

---

¹ Здесь — угощать.

Я не королева,
Я Натальюшка,
Что й Михайловна».

22

Вот дома, дома
Сам нан хозяин.
Святы́й веце́р!
Хоть же он дома,
Нам не кажется, *
Нам не кажется,
Прибирается.
Вставай с постели,
Открывай двери,
Застилай столы,
Клади пироги.
Ой, будет к тебе
Троечка гостей.
Первые гости —
Жаркое солнце.
Другие гости —
Ясен месячко.
Третье гости —
Дробен дождичек.
Ой, пройди, пройди,
Тройчина, * в ночи!
Ой, смочи, смочи
Жито-пшеницу!
Жито-пшеницу,
Всякую пашницу! *
Ой, будь же здоров,
Да й с Новым годом,
Да й с Новым годом,
Да й со всем родом!

23

Не ясён соко́л во поле увивается,
Таусе́нь, таусе́нь, увивается.
Что Ваня на коне ти величается,
Таусе́нь, таусе́нь, величается.
Выходила же к нему сера утушка,

Таусень, таусень, сера утушка,
 Сера утушка — родна матушка,
 Таусень, таусень, родна матушка.
 «Уж ты дитяtko-дитё, чадо милое мое!
 Таусень, таусень, чадо милое мое.
 Не служи-ка королю, ты не ездий-ка в орду.
 Таусень, таусень, ты не ездий-ка в орду.
 Не служи-ка королю, служи белому царю.
 Таусень, таусень, служи белому царю.
 Как у нашего царя три беды стряслось,
 Таусень, таусень, три беды стряслось.
 Три беды стряслось, три церкви сгорело,
 Таусень, таусень, три церкви сгорело.
 Три соборных, богомольных,
 Таусень, таусень, богомольных».
 Не пора ли вам, хозяйвушки, за усенюшку *
 платить?
 Таусень, таусень, за усенюшку платить!
 Либо каши горшок, либо блюдо кишок, *
 Таусень, таусень, либо блюдо кишок.
 Либо стуну молока, либо блюдо киселя,
 Таусень, таусень, либо блюдо киселя.
 Либо сена клок, либо вилы в бок!
 Таусень, таусень, либо вилы в бок!

24

Чанны * воротá,
 Посконная борода,
 Спеть ли вам таусёнку?

Благослови нас бог,
 Завтра Новый год,
 Всё святые вечера!
 Таусень! *
 Собирался Иван
 Ко заутрени;
 Надевал кафтан
 Во сто рублей;
 Подпоясывал кушак
 В тысячу;
 Надевал шляпу —
 Цены нету.
 У Ивана-господина

Молодая жена.
Она часто лежит,
Всё прихварывает,
Ивана-господина
Всё обманывает.
«Поезжай в Москву,
Куни парчу!
Я за эту за парчу
Те сама заплачу:
Либо сына рожу,
Либо дочь хорошú».
Таусень!

Подавайте, не ломайте,
Не закусывайте!
Не дадите пирога —
Сведем корову за рога!

25

Не лес к лесу
Кланяется,
Таусень!*

Не вершина
Завивается, —
Завивались кудерюшки
У Васильюшки;
Завивала ему матушка,
Приговаривала:
«Ты женись, женись,
Васильюшка!
Как не женишься —
Мы на низ сойдем,
Мы на низ сойдем,
Мы коня сведем,
Коня сведем,
Коня сивого.
Продадим мы
Коня сивого,
Мы его, коня,
За сто рублей,
Мы за сто рублей,
Мы за тысячу,
Мы за тысячу,

49

Мы за мелкую.
Эти денежки
Все по деточкам,
Все по деточкам-
Подросточкам».
Добрый молодец
Васильюшка!

Ты нас будешь дарить —
Мы будем хвалить,
А не будешь дарить —
Мы будем корить.
Отвори-ка
Собѣдучек,
Подавай-ка
Елдаечек! *

26

Мы ходили, мы гуляли
По святым вечерам,
Авсень, авсень!

Мы искали, мы шукали
Белую березу.
Мы нашли эту березу
У Хлюстовых на дворе.
На этой березе
Сидела тетеря;
Сидела тетеря,
Перышки роняла.
Выходила, выступала
Настенька-лебедка,
Перышки сбирала,
В подушечку клала;
В подушечку клала,
В другú набивала.
«С кем мне спать?
С кем мне ночевать?
С кем мне спать?
Кого на ручку класть?
Кого мне на ручку класть?
Тимофея Никитича!»

Авсень, авсень!

Пышки, лепешки,
Поросячьи ножки
В печи сидят,
На нас глядят,
Поесть хотят!

27

Овсень, овсень!
Кишки * да лепешки,
Свиные ножки
В печи-то сидели,
На нас-то глядели.

Уж ты бабушка, подай,
Ты сударушка, подай!

Овсень, овсень,
Давай блин совсем!
Подавай, не ломай,
Будет сын Николай!
Отломи немножко,
Будет Ермошка!
Отломи горбушку,
Будет Андрюшка!
Не подашь куляду * —
Я корову уведу!

28

Летел соколок,
Таусень! *
Через бабушкин дворок.
Уронил сапожок,
Кричит: «Бабушка, подай!»
«Недосуг подавать,
Я к обеденке спешу,
Над челом поньку сушу,
Кочергой хлэбы мешу,
Решетом воду ношу,
Косарем лапшу крошу».

Сею, вею, посеваю,
 С Новым годом поздравляю!
 На Новый год, на ново счастье
 Уродись пшеничка,
 Горох, чечевичка!
 На поле — копнами,
 На столе — пирогами!
 С Новым годом,
 С новым счастьем, хозяин, хозяйшка!

Сею, вею, посеваю,
 С Новым годом поздравляю!
 Уродися жито, пшеница,
 И всякая чечевица,
 И лен-долгунец
 На разные рубашки.
 Кво, кво! Одно яйцо —
 Сорок цыплят,
 От одной свиньи —
 Двенадцать поросят.

Ой баусень!
 Наш хозяин богатый,
 Гребет денежки лопатой,
 Сидит на скамейке,
 Считает копейки,
 Сидит на лавке,
 Считает булавки.
 Ой баусень!

Сето, сето¹ на новое лето!
 Куда конь хвостом,
 Туда жито кустом.

---

¹ Здесь — сеяно.

Куда коза рогом,
Туда сено стогом.
Сколько дубочков,
Столько сыночков.
Сколько осиночек,
Столько свиночек.
Сколько свечек,
Столько овечек!

Здравствуйте, хозяин с хозяйкою!
Дайте сала кусок,
Чтоб кабан был высок,
Со стол вышины
И с грубку * толщины!

33

Маленький унчик *
Садился на стульчик,
В дудочку играет,
Христа поздравляет.
«Здравия желаю,
Господин-хозяин!»
Пирог-шаньга
Подавается,
Серебряной копеейкой
Покрывается.
Не давай ломком,
Подавай целком,
А нет — дак гривенником,
Денежным почетом.
Вам на потехи,
А нам на орехи.
Дорога́ наша козулька, *
Рогулька * рождественская!
Открывайте сундуки,
Подавайте пятаки,
Нет — дак гривенники.
Сам господин
Гривену дает,
Сама госпожа
Полугривену дает,
Малы деточки —
По копейке.

Как пошла Коляда
 С конца улицы в конец,
     Коляда молода!
 С конца улицы в конец,
 Да к Ивану на двор.
 А Феклуша добра
 Рубашонку дала.
 Как пошла Коляда
 С конца улицы в конец,
 С конца улицы в конец,
 К Николаю на двор.
 Валёнка добра
 Да и кофтёнку дала,
 Кофтёнку дала,
 Коляду провела.
 Как пошла Коляда
 С конца улицы в конец,
 С конца улицы в конец,
 К Захарёнке на двор.
 А Марьюшка добра
 Да юбчонку дала,
 Юбчонку дала,
 Коляду провела.
 Как пошла Коляда
 С конца улицы в конец,
 С конца улицы в конец,
 Да к Воронину на двор.
 Александрушка добра
 Да й лаптишки дала,
 Лаптишки дала,
 Коляду провела.
 Как пошла Коляда
 С конца улицы в конец,
 С конца улицы в конец,
 К Белоножкину на двор.
 А Верушка добра
 Да й оборки * дала,
 Оборки дала,
 Коляду провела.
 Как пошла Коляда
 С конца улицы в конец,
 С конца улицы в конец,
 Да к Рязанову на двор.

А Домнушка добра
Решето блинов дала,
Решето блинов дала,
Коляду провела.

35

Попрыгала козка
По брусочку, по брусочку.
Таусень, таусень! *

«Чего козка ищет?»
«Брусочек».
«На что те брусочек?»
«Косу точити».
«На что тебе косу?»
«Сено косити».
«На что тебе сено?»
«Корову кормити».
«Зачем те корову?»
«Масло копити».
«Зачем тебе масло?»
«Сына женити».
«Которого сына?»
«Сына Константина».

36

«Калёда-малёда,
Дома ли хозяин?»
«Дома его нету!»
«Где же он?»
«Уехал по прутья!»
«На что прутья?»
«Мост мостить!»
«На что мост мостить?»
«Молодую привозить!»
«На что молодую привозить?»
«Детей родить!»
«На что детей родить?»
«За жёлудкáми ходить!»
«На что за жёлудками ходить?»
«Свиной кормить!»

Пятница, Пятница
 Святая наречёная,
 Мы тебя, Пятницу,
 Ждали дожидали
 Неделю всю,
 Весну красну,
 Все лето-то тёпло,
 Всю зиму холодно,
 Всю осень богату,
 Едва дождалися.
 Несли тебя, Пятница,
 По мхам, по болотам,
 По резучим но осокам.
 О пенья, о коренья
 Руки-ноги обломали,
 О сучья, о прутья
 Глаза охвостали.*
 Подавайте, не ломайте,
 По целому пирогу
 И наверх калиточку.*

Если не подадут пирога:

Тешу, потешу,
 Хозяина повешу.

НОВОГОДНИЕ ИГРЫ И ГАДАНИЯ

ИГРОВЫЕ

Ой святки́ мои, святки́,
 Святые вечера!
                     Ой ди, ой лады моя!
 Ой, все девки
 На улицу ушли,
 А меня-то молоду
 Свекор не пустил:
 Заставляет молоду
 Свое дело делати,
 Свое дело делати —

Овин молотить;
Овин молотить,
Другой посадить.
Я овин молочу
И другой посажу.
Другой посажу,
Цепы в нечь помечу,
Цепы в нечь помечу,
Сама на улицу пойду!

Как пошел же Дунай
Он на игрища гулять,
Он на игрища гулять,
На святые вечера.
Как садился Дунай
Он на лавочке,
Он на лавочке,
На примосточке,
Уронил шапку
Чернобархатную,
Чернобархатную,
Черноплисовую.
Перед ним ходит
Девка красная,
Девка красная,
Слуга верная.
«Уж ты девушка-душа,
Черноброва й хороша!
Черноброва й хороша,
Ты послушай-ка меня,
Ты послушай-ка меня,
Ты подай шапку мою!»
«Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя,
Я не слушаю тебя,
Не подам шапки тебе!»
Как пошел же Дунай
Нерадостен, невесел,
Нерадостен, невесел
Сударушки не нашел.

Ах, и дай нам бог нам коляд¹ дождать!
 Ай люли-люли, нам коляд дождать!
 Мы пойдем-пойдем мы на игрищика,
 Ай люли-люли, мы на игрищика.
 Мы с игришек — на заручины,*
 Ай люли-люли, на заручины,
 А с заручинок — на веселийка,*
 Ай люли-люли, на веселийка.
 Я пойду-пойду к своёму батюшке,
 Ай люли-люли, к своёму батюшке
 «А дай мне, батюшка, ворона коня!
 Ай люли-люли, ворона коня!»
 «За коня, дитя, слова нетути,
 Ай люли-люли, слова нетути,
 Поезжай, дитя, на веселийка,
 Ай люли-люли, на веселийка.
 Ты гуляй, дитя, а как сам знаешь,
 Ай люли-люли, а как сам знаешь,
 Не удивляй, дитя, ты добрых людей!
 Ай люли-люли, ты добрых людей!»

НАБОРНЫЕ

К нам наехали святые вечера
 На конях, на соболях,
 На лисицах, горностах!
 Уж вы, кумушки, подруженьки мои,
 Вы придите, посидите у меня,
 Пособите думу думати,
 Пособите мне отгадывати.
 Отгадаете — не сказывайте.

Ой, да что со вечера васильевского,
 Со полуночи рождественского,
 А сидели красны дѣвицы,

¹ Здесь — праздника святок.

Они пололи * злаченý перстнý.
А кому выпадет злачен перстень —
А то и ты, девка, за тем женихом,
А свет Галина Ивановна
За Геннадием Лаврентьевичём.

43

Еще нýнее * у нас
Страшнýе вечера
Да васильевские.
Илею, илею!
Мы не песню поем,
Хлебу честь отдаем,
Илею, илею!
Кому эта песенка
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется,
Илею, илею!
Тому жить бы богато,
Ходить хорошо!
Илею, илею!

44

А я золото хороню,
Чисто сéребро хороню,
Я у батюшки в терему,
Я у матушки в высокóм.
Пал, пал перстень
В калину-малину,
В черную смородину.
Гáдай, гáдай, девица,
Отгадывай, красавица,
В коей руке бýлица.*
И я рада б отгадала,
Кабы знала, каб я ведала,
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом приплетаючи.
Ах, вы, кумушки,

Вы, голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочет бити
По три утра, но четыре,
По три прута золотые,
Четвертый жемчужный.
Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Пал, пал перстень
В калину-малину,
В черную смородину;
Очутился перстень
Да у боярина,
Да у молодого,
Да на правой ручке
На малом мизинце.
Еще девицы гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало —
Призаиндевело, призаплесневело.
Молодайка, отгадай-ка!

45

Жировку хороню
Ко святому вечеру,
Ко васильевскому!
Жировка маленька,
Окошки велики,
Косящатые,
Верещащатые.*
Блоха не проскочит —
Коза проскочила,
Рога завязила,
Хвост прищемила.

Кому поем,
Тому добро,
Кому сбудется —
Не минуется.

ПОДБЛЮДНЫЕ

К СВАДЬБЕ

46

Куют кузнецы
Золотые венцы.
Диво улі ляду!
Кому спели,
Тому добро!

47

Секи, мати, канустку, пеки пироги,
Свят вечер. Свят вечер.
К тебе, мати, гости, ко мне женихи.
К тебе, мати, в лаптях, ко мне — в сапогах.
Кому мы поём, тому добро будёт.
Тому сбудется и не минуется.

48

Идут сваты богатые.
Один сват в лаптях, а другой — в сапогах.
Кому поём, тому — с добром,
Кому сбудется — не минуется!

49

Ты мати, мати,
Порода моя! ¹
Слава!
И ты взгляни, мати,
В окошечко,
И выкини, мати,
Опутинку,*
Чтоб было чем опутать
Ясна сокола,
Что ясна сокола,
То моёго жениха.

---

¹ Здесь — родная моя.

Да кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

50

Бросали подушки через ворота:
Свят вечер. Свят вечер.
Падí, моя подушка, не на́ землю.
Пади, моя подушка, в саночки.
В возки-скачки-пошовеночки.*
Кому в этих сапочках ехать?
Отроку со отрочицею,
Доброму молодцу со девичею.
Кому мы поём — тому добром будет,
Тому сбудется и не минуется.

51

Есть на небе
Да две радуги,
Как у нашего хозяина
Да две радости:
Еще первая радость —
Сына женил,
А другая-то радость —
Дочь замуж отдал.
Еще за сыном
Корабли бегут,
А за дочерью
Сундуки везут.

А кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Скоро сбудется!
Скоро сбудется,
Не минуется.

Идет кузнец из кузницы, слава!
 Несет кузнец три молота, слава!
 Скуй, кузнец, мне золот венец, слава!
 Из обрезочков мне золот перстень, слава!
 Из остаточков мне булабочку, слава!
 Тем мне венцом венчаться, слава!
 Тем кольцом обручаться, слава!
 И той мне булабочкой убрус * притыкать, слава!
 Кому песню поём, тому добро, слава!
 Тому сбудется, не минуется, слава!

Куручка-погребушечка,
                     Свят вечер. Свят вечер.
 Греблась на завалинке,
 Выгребла две жемчужинки,
 Сделала золот перстень.
 Кому этим перстнем обручаться?
 Отроку — со отрочицею,
 Доброму молодцу — со девицею,
 Кому мы поём, тому добро будет,
 Тому сбудется, не минуется.

Покачу я колечко
 Кругом города,
                     Слава!
 А за тем колечком
 Я сама пойду;
 Я сама пойду,
 Мила друга найду;
 Мила друга,
 Суженого.

Кому мы спели,
 Тому добро,
 Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.

За столом сижу,
   Слава!
 Я на чашу гляжу,
 Пятернею вожу,
 Золото кольцо ищу
 Я еще посижу,
 Я еще повожу
 И суженого найду!

Кому мы спели,
 Тому добро,
 Кому вынется,
 Скоро сбудется,
 Скоро сбудется.
 Не минуется.

Рассыплю я монисто
 По закрому.*
 С кем монисто
 Собирать будет?
 «Собирать монисто
 С милым дружкой».

Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Не минуется,
 Слава!

Полно те, иголочка,
 В коробочке лежать,
 Пора тебе, иголочка,
 Дары припасать.
 Ладо, ладу,
 Кому мы поем,
 Тому честь воздаем.

Катилось зерно
По бархату,
Слава!

Еще ли то зерно
Бурмитское. *
Прикатилось зерно
Ко яхонту.
Крупен жемчуг
Со яхонтом.
Хорош жених
Со невестою.

Да кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

Ленивая
Ленивица,
Слава!

Ленилася она
Часто по воду ходить.
Она таяла снег
На печном столбу,
Она вьтаяла
Позолот перстень,
Позолот перстень
О трех ставочках.
Да кому этим перстнем
Обручатися?
Еще отроку
С отрочицею,
Добру молодцу
Со девицею

Да кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,

Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

60

Вился клен с березою —
Не развился.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

61

Рылась курочка
На завалинке,
Вырыла курочка
Золот перстень.
Мне тем перстнем
Обручатися.

Кому вынется —
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

62

Бежит бобер
За куницею,
Слава!

Бежит-бежит
Да всё к себе манит,
Еще побежит —
Совсем утащит!

Да кому мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

«Заинька-повиляинька!
 Ты виляй, виляй —
 Не отвилеешься».
 «Вилял, вилял —
 В тенета́ попал».

Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Не минуется,
 Слава!

Летит сокол
 Из улицы,
 Слава!

Голубушка
 Из другой,
 Слетался,
 Целовались,
 Сизыми крыльями
 Обнимались.

Кому мы сиели,
 Тому добро,
 Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Тому сбудется
 Не минуется.

Медведь-ныхтун,
 Слава!
 По реке плывет.
 Слава!
 Кому пыхнет во двор,
 Слава!
 Тому зять в терем.
 Слава!

Да кому мы спели,
Тому добро.

Слава!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Слава!

Скоро сбудется,
Не минуется.

Слава!

66

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!

Чия шапочка,
Того й песенка!

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
А чей перстничек,
Тому й песенка!
Ходит котик
По лавочке,
Водит кошку
За лапочки.

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Чия шапочка,
Того й песенка!

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
А чей перстничек,
Тому й песенка!

68

Уж как кличет кот кошурку
 В печурку спать:
 «Ты поди, моя кошурка,
 В печурку спать!
 У меня у кота
 Есть скляница вина,
 Есть скляница вина
 И конец пирога.
 У меня у кота
 И постелька мягка,
 Что мягка, хороша
 И теплѣхонька!»

Да кому мы спели,
 Тому добро!
 Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.

Сидит кошечка
 В лукошечке,
 Она шириночки * шьет,
 За кота замуж идет.

Кому ноем,
 Тому добро!

Ах ты гнутое деревцо
 Черемушка,
 Слава!

Куда клонишься,
 Туда склонишься.

Кому мы спели,
 Тому добро,
 Кому вынется,

Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

70

Саночки-
Самокаточки,
Куда катитесь?
Вы укатитесь —
Назад не воротитесь.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

71

Клубок сини,
Клубок бели:
Они кóтятся,
Не раскóтятся
И трóстятся,*
Не растрóстятся.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется.
Млада!

72

За рекою хомут,
За другой дуга:
Быть той дуге
На том хомуте.
Млада!

Кому поем,
Тому добро!
Правда сбудется,
Не минуется.
Млада!

Растворила я квашонку на донечке.
 Ой, взошла моя квашонушка.
 Твори, мать, опару, пеки пироги —
 К тебе, мати, гости,
 Ко мне — женихи.

Не было ветров — вдруг навянули,
 Не было гостей — вдруг наехали.
 Полная ограда вороных коней,
 Полное застолье красных девушек сидит.
 Одна из них краше всех.
 Она повесила головушку ниже плеч,
 Она задумала думушку крепче всех.

Снежок, снежок,
 Укажи, где женишок.
 Знать в какой стороне
 Собака залает,
 Там мой суженый будет.

К БОГАТСТВУ

Стоит полоса нежатая, —
 А рожь густа, не ужиниста. *
 Кому поём, тому — с добром,
 Тому сбудется, не минуется!

Илья ходит пророк
 По полю,
 Считает суслончики *
 Частеньки.

Во первом-то поле
Сто суслон,
В другом-то поле —
Тысяча,
В третьем-то поле —
Сметы нет,
А сметá его
У царя в Москве,
У царя в Москве,
В золотой казне.

Кому поем,
Тому выпоем,
Кому мечем,
Тому вымечем,
Кому жить богато,
Ходить хорошо!

78

На гунюшке *
Иляля, иляля!
Три ворошкá: *
Во первом-то ворошке
Пирожки пекут,
А в другом-то ворошке
Пиво варят,
В третьем-то ворошке
Вино сурят. *
Кому вынется,
Тому сбудется.

79

Растворю я квашенку на донушке, слава!
И закрою квашенку бархатом, слава!
Опояшу квашенку красным золотом, слава!
И подыметя моя квашенка, слава!
Полным полна, со краями ровна, слава!
Кому песню поем, тому добро, слава!
Тому сбудется, не минуется, слава!

72

Еще ходит Никола
Но погребу,
Слава!

Еще ищет Никола
Неполного,
Что неполного,
Непокрытого,
Еще хочет Никола
Дополнити.

Да кому мы спели,
Тому добро,
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

Чарочка-
Поплывущечка,
Слава!

До чего тебе
Дошлывати?
Князьям да боярам
Вино подносить.

Кому мы спели,
Тому добро,
Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

Пошла наша коровушка
В лес по дрова.
Думали, коровушка
Дров принесет.
Пришла наша коровушка
С приполоном, *

Со теленочком.

Илею, илею!

Кому песню поем,

Тому сбудется,

Тому сбудется.

Не минуется.

Илею, илею!

83

Рылся кочеток
На завалинке,
Вырыл кочеток
Жемчужинку.

Кому спели,

Тому добро!

84

Мышь бежит

По завалинке,

Слава!

Тащит казну

На мочалинке.

Кабы та мочалинка

Да покрепче была,

Не порвалася,

Я б казну донесла.

Кому мы спели,

Тому и добро.

Скоро сбудется,

Не минуется.

85

Комар пищит,

Каравай тащит,

Комариха верещит,

Гнездо * веников тащит.

74

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

86

Во поле березонька
Не старится,
Всё кужлявится. *
Илия!
Что кому эта песенка
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,
Ходить хорошо,
Не жалеть ничего.

87

Ой, идет кузнец
Да всё из кузницы.
Ой, свят вечер!
Да на нем шубонька
Худым-худа.
У ней лева-то пола
В пятьсот рублей,
Еще права-то пола
Да в шестьсот рублей.
Кому сбудется,
Да не минуется.

88

Ходит старушка
Посёреди,
У нее на сарафане
Сто заплат,
За каждой заплатой
Сто рублей,

75

За последней заплатой
Смѣты нет.

Илею, илею!

Кому песнь ноем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

Илею, илею!

89

Сказали, Ивашка
Что в поле завяз.

Слава!

Ижно * Ивашка
С возом на двор,
С возом на двор,
Да и с прибылью.
Кому мы спели,
Тому и добро.
Скоро сбудется,
Не минуется.

90

За рекой мужики живут богатые, слава!
Гребут золото лопатою, слава!
Кому песню поем, тому добро, слава!
Тому сбудется, не минуется, слава!

91

Рассыпался жемчуг,
Иляля, илялю!

По подволоке. *

Иляля, илялю!

Кому эта песня
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется.

Иляля, илялю!

76

92

Я на пѣчи́ сижу,
Заплатки плачú,¹
Еще посижу,
Еще поплачú.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

93

На загнетке сижу,
Слава те!
Долги нитки вожу,
Слава те!
Еще посижу,
Слава те!
Еще повожу.
Слава те!
Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава те!

94

За дежой * сижу,
Пятерней вожу.
Еще посижу,
Еще повожу.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

---

¹ Здесь — штопаю, чиню.

Сидит кисурка
 В печурке,
 Ей теплѣшенько,
 Горячѣшенько.

Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.

Во саду хожу,
 Полотенцы стелю;
 А еще похожу,
 И еще постелю.

Ай, венички-пошумельнички,
 Еще повисят,
 Еще пошумят,
 Слово мое.
 Кому вынется —
 Правда сбудется,
 Слово мое.

Плывет чарка-
 Поплывушечка,
 Приплыла чарка
 На свою сторонѹ.
 Свят вечер!
 Кому поем,
 Да тому добром!
 Кому выйдется,
 Тому сбудется.

Ленивая
 Ленивица
 Таяла
 На столбе ¹ снежок,
 Вытаяла
 Золот перстень.
 Куда с ним
 Деваться?
 Замуж идти —
 Никто не берет!
 Надену перстень
 На руку,
 Замечу себе
 Суженого:
 Кто придет —
 Возьмет,
 Тот и суженый мой.

Кому мы ноем,
 Тому добро будет,
 Тому сбудется
 И не минуется.

К БЕДНОСТИ И ВДОВСТВУ

Ходит старушка
 Посереде,
 На ней сарафан
 Весь истрескался,
 Изверескался.*
 Илею, илею!
 Кому песню поем,
 Тому сбудется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.
 Илею, илею!

---

¹ Здесь — на печном столбе.

Сидела я
 У окошечка,
 Ждала себе
 Милого,
 Не могла
 Дождаться,
 Спать ложилася.
 Утром встала —
 Сиохватилася,
 Гляжу на себя —
 Вдова.

Кому мы поем,
 Тому добро будет,
 Тому сбудется
 И не минуется.

Ходит щеплига *
 По избе.
     Лилею!
 «Рад бы я щеплить, *
 Да штаны черны,
 Штаны черны,
 Подвтоки худы,
 Подвтоки худы,
 Втоки выпали».
 Кому же эта песенка
 Достанется,
 Тому сбудется,
 Не минуется,
 Тому жить-быть богато,
 Ходить хорошо,
 Тому в суткáх сидеть,
 Тому вдоль расти,
 Тому вдоль расти,
 Поперек толстеть!

Рад бы гордиться,
 Так штаны коротки.
 Илия!

Что кому эта песенка
 Достанется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.
 Тому жить-быть богато,
 Ходить хорошо,
 Ходить хорошо,
 Не жалеть ничего.

Обулся не так,
 Оболокся не так,
 Заехал в ухаб —
 Не выехать никак.

Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.
 Слава!

За воротами кони
 Заворочены стоят.
 Сесть и уехать,
 Домой не бывать.
 Илия!
 Что кому эта песенка
 Достанется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.
 Тому жить-быть богато,
 Ходить хорошо,
 Ходить хорошо,
 Не жалеть ничего.

Сидит петух
 На воротиках,
 Голос дó неба,
 Косы дó земли.

Кому эта песня
 Достанется,
 Тому й добро,
 Тому й бóлози. *

Бегает петел *
 По наволоку. *
 Ищет петел
 Быка-третьяка. *

Кому вынется,
 Тому сбудется,
 Не минуется.
 Слава!

Сидит сова
 Над сапушкой. *
 Диво ули ляду!
 Кому спели,
 Тому добро!

На дубу свинья
 Гнездо свила
 С поросятами,
 С полосатыми.
 Слава!
 Кому вынется,
 Верно сбудется,
 Не минуется.
 Слава!

Чуж боровок
 Подрыл конопляный ровок.

Диво!

Кому эта песенка
 Достанется,
 Тому вынется,
 Скоро сбудется.

Диво!

Ходит рыжичек
 По лесу,
 Ищет рыжичек
 Рыжее себя.

Илею, илею!

Кому песню поем,
 Тому сбудется,
 Тому сбудется,
 Не минуется,

Илею, илею!

К РАЗЛУКЕ

Висит полотенце в горенке, —
 Придется ль нам с милым утираться им?
 Кому поём, тому — с добром,
 Кому сбудется — не минуется.

Ласточка косатая,
 Не вей гнезда у терема,
 Кому поём, тому — с добром,
 Тому сбудется, не минуется!

Сидит воробей на новом городе, слава!
 Глядит воробей во чужу сторону слава!
 Кому песню поем, тому добро, слава!
 Тому сбудется, не минуется, слава!

Заинька-
 Завитаинька! ¹
 Завитай, завитай
 На чужую
 Сторонушку.
 Кому вынется,
 Тому сбудется!

Сидит чечурка *
 В печурке.
 Слава!
 Ей год годовать
 И горе горевать.

Кому песню поем,
 Тому добро,
 Тому сбудется,
 Не минуется.

Перекину дугу
 На чужую сторону,
 Оставайся, хомут,
 На своей стороне.

Кому поем,
 Тому добром!
 Кому выйдется,
 Тому лучше всего!

---

¹Здесь — от «завитать» — посетить, навестить.

Саночки,
 Самокаточки,
 Куда поглядят,
 Туда и покатят.

Стоят санки сонаряжены, слава!
 На них подушечки раскладены, слава!
 Они к лесу стоят, слава!
 Покатиться хотят, слава!
 Кому песню поем, тому добро, слава!
 Тому сбудется, не минуется, слава!

Стоят санки
 У крыльчика,
 Всем санки
 Снаряжены:
 Они полсточкой *
 Подернуты,
 Они сами катятся,
 Они сами ехать хотят,
 Только сесть в санки
 Да поехать.

Кому же мы спели,
 Тому добро.
 Кому вынется,
 Тому сбудется.

Лодочка
 От одного берега
 Отстала,
 А ко другому
 Не пристала.

Илия!

Кому вынется,
 Тому сбудется.

Илия!

122

Сидела ворона
На столбике,—
Очутилась ворона
Серёдь избы.
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

123

Висит полотенечко на стеночке,—
Кому полотенечком утириваться?
Кому поём, тому — с добром,
Тому сбудется, не минуется!

124

Сидит старушка
Под осиночкой,
Ой ладу!
Она грозитя
Хворостиночкой.
Да кому мы поем,
Да тому добро,
Кому вынется,
Правда сбудется,
Правда сбудется,
Не минуется.

125

Взял щеплига *
Вострый товар,
Лилею!
Пошел щеплига
Во широкий двор,
Начал щеплига

Доски тесать,
Сколотил колоду
О дубовый гроб.
Кому же эта песенка
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется,
Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,
Тому в сутках сидеть,
Тому вдоль расти,
Тому вдоль расти,
Поперек толстеть!

126

Под окошком лежит
Сунаряженное
Да повязанное.¹
Илею, илею!
Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

127

Идет смерть по улице,
Несет блин на блюде.
Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

128

Стоит корыто
Другим накрыто.
Диво улі ляду!
Кому спели,
Тому добро!

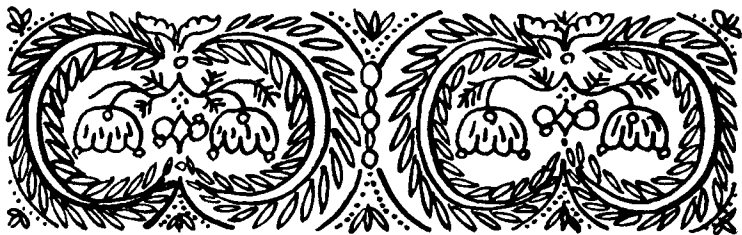
---

¹ Здесь — покойник.

Полное корыто
Платков намыто.
Илия!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Илия!

Стоит корыто
Желудей намыто.
Диво!
Кому эта песенка
Достанется,
Тому вынется,
Скоро сбудется.
Диво!

МАСЛЕНИЦА

Масленица праздновалась на последней неделе перед так называемым великим постом. Церковь считала масленичную (сырную) неделю переходом к великому посту — уже запрещалось употреблять мясо, но еще разрешалось употреблять масло, сыр, молоко. Однако сырная неделя,¹ видимо, унаследовала традиции какого-то древнего дохристианского праздника, расставания с зимой (ср. у западноевропейских народов в это же время карнавал — другой отзвук сходного языческого праздника). Она отличалась буйным весельем, разгулом, гостеприимством, обильным застольем (блины). Однако основная тема масленичных песен — встреча и проводы Масленицы, которая, подобно Коляде и Овсеню, приобретает в песнях человеческие черты. Она веселая обманщица: обещанный праздник проходит слишком быстро и впереди великий пост с его ограничениями и запретами. В песнях ее ругают, высмеивают, призывают возвратиться, называют шуточными человеческими именами (Авдотьюшка Изотьевна, Акулина Саввишна, кривошейка, полизуха, блиноеда и т. д.).

Для проводов масленицы сооружали страшное чучело (обычно из соломы), носили его с песнями по деревне, а потом хоронили, напевая пародийные похоронные причитания (их записано мало) или растаскивали на части, бросали в реку, на поле или сжигали (обычно на высоких местах) вместе с дровами, щепками, хворостом, просмоленной бочкой или колесом.

По свидетельству В. И. Даля, каждый день масленицы имел свое название: понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомка, четверг — широкий четверг (широкая масленица), пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы.

¹ Другое название — мясопуст.

На этой же неделе было принято кататься с гор на санках. Молодожены этого года должны были при этом публично целоваться, а зрители старались вывалить их в снег. В некоторых районах расселения русских при этом пели величальные песни молодым, напоминающие свадебные величания.

МАСЛЕНИЧНЫЕ

131

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, с огромною милостью:
Со льном большим,
С корнем глубоким,
С хлебом великим.
Весна, весна, на чем подошла?
На чем подошла-подъехала?
На чем подошла-подъехала?
«На сошечке, на бороночке, на веничке».

132

Дай тебе господи
На поле — прирост,
На гумне — примолот,
На столе — гущина,
В закромах — спорынья,*
Коровы-те дойны,
Сметаны-те толсты;
Сметану-то снимают —
Ложки ломают,
За окошко бросают,
Наши ребята все подбирают!
С праздничком!

133

Дорога́ наша гостья масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,

Лента алая, двуиолтинная,
Платок беленький, новомоденький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, ластики * красные,
Лапти частые, головастые,*
Портянки белые, набеленные!

134

О, мы масленицу встречали,
Встречали, лёли, встречали,
Мы сыр с масельцем починали,
Починали, лёли, починали,
Мы блинкам¹ гору устилали,
Устилали, лёли, устилали,
Сверху масельцем поливали,
Поливали, душа, поливали.
Как от сыра гора крута,
Гора крута, лёли, гора крута,
А от масла гора ясна,
Гора ясна, лёли, гора ясна.
А на горушке снеги сыплют,
Снеги сыплют, лёли, снеги сыплют,
А нас мамочки домой кличут,
Домой кличут, лёли, домой кличут,
А нам домой не хотится,
Не хотится, лёли, не хотится,
Нам хотится прокатиться,
Прокатиться, лёли, прокатиться,
С горúшки да до елушки,
До елушки, лёли, до елушки!
Наша горóушка всё катлива,
Всё катлива, лёли, всё катлива,
Наши бабушки воркотливы,
Воркотливы, лёли, воркотливы.
Они день и ночь всё воркочут,
Всё воркочут, лёли, всё воркочут.
Они на печке лежат, всё про нас говорят,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!
«Не пришел бы к нам кто, не принес бы чего,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!
Или сыра кусок, или мыла брусок».
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

---

¹ Здесь — блинами.

Ой да масленица на двор въезжает,
 Широкая на двор въезжает!
 А мы, девушки, ее встречаем,
 А мы, красные, ее встречаем!
 Ой да масленица, погостюй недельку,
 Широкая, погостюй другую!
 Масленица: «Я поста боюсь!»
 Широкая: «Я поста боюсь!»
 «Ой да масленица, пост еще далече,
 Широкая, пост еще далече!»

Вот вам масленка пришла да,
 Кто нас покатает?
 Выйдем, станем на снежок да —
 До лужку протает!

Ой, саночки, скачки-самокаточки,
 Ой, сяду я на саночки,
 Да й на самые запяточки.
 Ой, дудочка, дуй, дуй, дуй,
 Сподувашки, дувай, дувай, дувай.
 Мой милый, гуляй, гуляй, гуляй,
 Мой милый, гуляй, гуляй, гуляй!
 Не ходи ты, мой милóй, в огород,
 Не ходи ты, мой милóй, в огород,
 Не смотри ты, мой милóй, на народ —
 Тобой люди судят-говорят,
 А меня, красну девицу, знай, бранят.

А дорогая-то, ой, да наша масленка,
 Да что хорошая, ой, наша пригожая!
 А покатайтесь-ко, ой, да красны девушки,
 А покуль воля-то, ой, да воля батюшкина,
 Ой, а другая-то, ой, да воля матушкина.

Ой, неровён-то да, ой, да сват навяжется,
Ой, неровён-то дурак, дурак навяжется!
И он не пустит меня гулять на улышку.
Ой, я украдуся, ой, да нагуляюся,
А наворуюся, ой, да нацелуюся!

139

Расповадилась Поланка
Часто по воду ходить,
Часто по воду ходить,
Под заборы воду лить.
Под забор воду лила
Против милого двора.
Против милого двора.
Приукатана гора.
Приукатана гора,
Чаем, мёдом улитá,
Чаем, мёдом улитá,
Каблуками убитá.
Подвернулся каблuchок,
Упала Маша на бочок.
Не слыхала, как упала,
Погляжу — млада лежу,
Я на левом на боку.
Я на левом на боку
Прям царёва кабаку,
Прям царёва кабаку...
Поцелую и уйду.

140

Как приехал Степанушка
С Новагорóда,
Как ударил Михайлович
Копьем в вóрота,
Очутились воротички
Середí двора!
А взбрягнуло колечушко
Серебряное,
А заныло сердечушко
Варварушкино.
«Выйди, выйди, Варварушка,
За новые вóротá,

93

Сустрень, сустрень,¹ ой, Павловна,
Середі двора,
Поцелуй, поцелуй, ой, Павловна,
Сахóрны уста».

141

А на дворе снежки сыплют,
А на дворе снежки сыплют,
Ай, люли.
А нас мати домой кличут,
А нас мати домой кличут,
Ай, люли.
А нам домой не хочется,
А нам домой не хочется,
Ай, люли.
А нам хочется прокатиться,
А нам хочется прокатиться,
Ай, люли.

142

Ой, вы, девки,— масленка,
Ой, вы, девки,— масленка.
Вышла из кусту ластовка,*
Вышла из кусту ластовка,
Села она на колу, на колу,
Кидала масло по кому, по кому?
А кто спросит, то тому, то тому.

143

Как ишли-прошли скоморошки,
Люли, люли, скоморошки.
Они срезали по пруточку,
Люли, люли, по пруточку,
И сделали по гудочку, по гудочку,
Люли, люли, по гудочку.
Они сеяли жар по полям,
Люли, люли, по полям.

---

¹ Здесь — встретить.

Да пускали дым по дубравы,
Люли, люли, по дубравы.
Соловьево гнездо спопалёно,
Как и сам соловей под небёс полетел,
Гугалечи, гугалечи,¹
Люли, люли, гугалечи.
Ах, ты, братец мой, ох, ты, братец мой,
Мой соловейка,
Ты не вей гнезда ли дорожки,
Ли дорожки, люли, люли, ли дорожки.
А ты вей гнездо под кусточком,
Под кусточком, люли, люли, под кусточком,
Под малиновым листочком,
Под листочком, люли, люли, под листочком.

144

Ой, куры вы куры,
Кочеты молодые,
Гребени вы золотые!
Что не пойте вы рано,
Не будите мово зятя.
Зять у тещи гуляет,
Теща зятя пытается:
«Что зять ты, зятчек,
Дорогой сын гостечек,
Скажи мне всю правду,
Что на свете милее:
Али тесть, али теща,
Али жена молодая,
Али матушка родная?»
«Теща милая — для привета,
Жена молодая — для совета,
А маменька родная
Милей всего свету».

145

Теща про зятя пирог пекла.
В этом пироге три осьмины муки,
Соли да крупы на четыре рубли,

---

¹ Здесь — громко крича, гукая.

Лучку да мачку на семь рублей,
Маслица с яичком на восемь рублей;
Этот ли пирог с рублем двадцать стал.
Зять-то сел, у присеста съел.
Теща посереде похаживает,
Косо на зятя поглядывает:
«Как тебя, зятя, не разорвало?»
Теща-то зятя употчевала
В четыре дубинки дубовенькие,
В пятую дубинку вязовенькую.
«Дай-ка мне, теща, домой дойти,
Все эти побои на жене взворочу!»

146

Наша деревня не женится,
Красные девушки замуж не идут.
Ох, красные девушки замуж не идут.
Задумала Дунярушка, замуж пошла.
Теща для зятюшки пирог испекла,
Соль да муки на четыре рубли,
Сахару, узюму* на восемь рублей.
Стал он нирог, он двенадцать рублей.
Ох, стал он пирог, он двенадцать рублей.
Теща по горенке похаживает,
Скосо на зятюшку поглядывает,
Ох, скосо на зятюшку поглядывает.
Думала-гадала семерых угостить,
А зятюшка сел да зараз его съел.
«А что ж тебя, зятюшка, не разорвало,
Ох, что ж тебя, зятюшка, не разорвало?»
«Приходи-ка, теща, об масленой,
Я ж тебя, теща, употчуваю:
Четыре дубины березовых,
А пятый кнут по заказу бьют,
Ох, пятый кнут по заказу бьют».
Бежала, бежала, насилу ушла.
Прибежала ко двору, упала на полу.
Ох, прибежала ко двору, упала на полу.
«Дети вы дети, заприте ворота,
Ох, заприте ворота».

Ох, ты уточка полевая,
 Полевая, лели, полевая,
 Где ты ноченьку ночевала,
 Ночевала, лели, ночевала?
 «Ночевала я в лесочку,
 Под ракитовым под кусточком,
 Под кусточком, лели, под кусточком.
 Приносила я вам сыра с маслицем,
 Сыра с маслицем, лели, сыра с маслицем,
 Да я в ямочку закопала,
 Закопала, лели, закопала.
 Лежи, маслице, да на летье,*
 Да на летье, лели, да на летье.
 Пока будет круглолетье,*
 Круглолетье, лели, круглолетье».

«Ах, ты, Домнушка,
 Красно солнышко!
 Вставай с печи,
 Гляди в печь —
 Не пора ли
 Блины печь?»

Мы давно блинов не ели,
 Мы блиночков захотели.
 Ой, блины, блины, блины,
 Вы блиночки мои!
 Ой, блины, блины, блины,
 Вы блиночки мои!
 На поднос блины кладите
 Да к порогу подносите!
 Ой, блины, блины, блины,
 Вы блиночки мои!

На поданный блин отвечали песней и пляской:

Эх, масленица —
 Непогасница!
 До чего ты довела?
 До великого поста.

Как на масленой неделе
 Со стола блины летели,
 И сыр, и творог —
 Всё летело под порог!
 Как на масленой неделе
 Из печи блины летели.
 Весело было нам,
 Весело было нам!
 Прошла маслена,
 Кончилось гулянье,
 Идем теперь
 На отдыханье!

На горе жоров * крутился,
 Крутился, душа, крутился.
 Иван своей хвалился,
 Хвалился, душа, хвалился:
 «Моя женочка молодая,
 Молодая, душа, молодая.
 Какы клюквинка омхывая,*
 Омхывая, душа, омхывая.
 Земляниченька боровая,
 Боровая, душа, боровая!»
 «У Ивана жена — небылица,
 Небылица, душа, небылица.
 Она спит-лежит, как лосица,
 Как лосица, душа, как лосица.
 За водой пойдет — застоится,
 Застоится, душа, застоится,
 Над ребятами заигрится,
 Заигрится, душа, заигрится.
 А воду понесет — обольётся,
 Обольётся, душа, обольётся,
 За соломой пойдет — волокётся,
 Волокётся, душа, волокётся,
 За дровами пойдет — разобьётся,
 Разобьётся, душа, разобьётся.
 А блины станет печь — обожгётся,
 Обожгётся, душа, обожгётся.

Блинов напекет — обожрётся,
Обожрётся, душа, обожрётся».

152

Маслена! Маслена!
Где же это видно?
Ох, и да что ж тебе, маслена,
Да не стыдно?
Да не стыдно?
Ох, и мясоед прошел —
А я не женился.
Не женился,
Родимый мой батюшка
Разорился.

153

Масленица-кривошейка,
Покатай нас хорошенько!
Ай люли, хорошенько.
Масленица-кургузка,
После тебя будет груско! *
Ай люли, будет груско.
Выйду я на горку,
Гляну я под зорьку,
Ай люли, я под зорьку.
Кликну я соловейку:
«Соловейко, родный братец!
Ай люли, родный братец.
Чего ты ко мне не летаешь,
Меня, молодую, не втешаешь?
Ай люли, не втешаешь?»
«Сестрица моя канареечка,
Я прилечу, а ты плачешь,
Ай люли, а ты плачешь.
Я прилечу, а ты плачешь,
Я улечу, ты горюешь,
Ай люли, ты горюешь.
Я улечу, ты горюешь,
Я в лúзи, а ты в тúзи,
Ай люли, а ты в тузи.

Я в лóзы,* а ты в слезы,
Я в горы, а ты в горе,
Ай люли, а ты в горе».

154

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
Масленая-полизуха,
Растянися, масленка, хоть до Духа!
Я думала, масленке
Семь недель, семь недель,
А дни масленки —
Один день, один день!
Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
Масленая, белое молоко,
Растянися далеко!
Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
Масленица-котофейка,
Проводили тебя хорошенько!

155

А маслена, маслена-полизуха!
Полизала блинцы да стопцы,* —
На тарельцы, на тарельцы.
А мы свою маслену провожали,
Тяжко-важко да по ней воздыхали:
«А маслена, маслена, воротися,
До самого велика дня протянися!»

156

Масленья каталіха,
Ой, да люлі, люлі, каталиха.
А как ты пройдешь, будет нам лихо,
Ой, будет лихо, люли, будет лихо.

Масленья белоножка,
Ой, белоножка, люли, белоножка,
Спотянись-ка ты хоть немножко,
Ой, хоть немножко, люли, хоть немножко,
Хоть немножко — на недельку,
Ой, на недельку, люли, на недельку,
На недельку, хоть на денечек,
Ой, на денечек, люли, на денечек.
На денечек, на часочек,
Ой, да люли, люли, на часочек.
Хоть на одну же ты на минутку,
Ой, на минутку, люли, на минутку.
А масленья Прасковья.
Ой, Прасковья, люли, Прасковья.
Подходи-ка к нам поскорее,
Ой, поскорее, люли, поскорее,
Ой, поскорее, люли, поскорее.
А масленья кривошейка,
Ой, кривошейка, люли, кривошейка.
Проводим тебя хорошенько,
Ой, хорошенько, люли, хорошенько.
А масленья ты кургузка.
А проводим тебя, станет грузко,*
Ой, станет грузко, люли, станет грузко.
А масленья старичишша,
Ой, старичишша, люли, старичишша.
Триста лет пройшел — не жанился,
Ой, не жанился, люли, не жанился.
А пост подошел — узначился,*
Ой, узначился, люли, узначился.
А масленья полизуха,
Ой, полизуха, люли, полизуха.
Полизала ты сыр и масло,
Ой, сыр и масло, люли, сыр и масло.
А еще полизала курьи яйца,
Ой, курьи яйца, люли, курьи яйца.
А масленья — я ж на горку,
Ой, на горку, люли, я на горку.
Крикну я, свистну я иод зорьку,
Ой, я под зорьку, люли, иод зорьку.
Я под зорьку — соловейку,
Ой, соловейку, люли, соловейку.
Соловейка ты ж мой, родный братчик,
Ой, родный братчик, люли, родный братчик,
А чего ж ты ко мне в гости не летаешь,

Ой, не летаешь, люли, не летаешь?
А я прилечу — ты ж все плачешь,
Ой, ты все плачешь, люли, ты все плачешь,
А как улечу — зарыдаешь,
Ой, зарыдаешь, люли, зарыдаешь.
А я, сестрица, — за лесок, а ты — в голосок,
А я — за лесок, а ты — в голосок!

157

Масленица постов,
Поезжай в Ростов!
Покупай хвостов
На шубки, на юбки,
На пуговики.

158

Масленица-блиноеда,
Масленица-жироеда,
Масленица-обируха,
Масленица-обмануха!
Обманула, провела,
До поста довела,
Все ежи * взяла,
Дала редьки хвост
На великий пост.
Мы его поели —
Брюха заболели!

159

А мы масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали,
А мы сыром гору налепляли,
Налепляли, душа, налепляли,
А мы маслом гору поливали,

102

Поливали, душа, поливали.
Наша горушка некатлива,
Некатлива, душа, некатлива.
Наши девушки неигривы,
Неигривы, душа, неигривы,
Наши молодушки нешутливы,
Нешутливы, душа, нешутливы,
Стары бабушки неворкотливы,
Неворкотливы, душа, неворкотливы.
Да нас масленица обманила,
Обманила, душа, обманила,
На великий пост посадила,
Посадила, душа, посадила.
Мы рождествен пост весь проспали,
Весь проспали, душа, весь проспали,
А святые вечера проиграли,
Проиграли, душа, проиграли,
А мы мясоед прогостили,
Прогостили, душа, прогостили,
А мы масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали.

160

Ой, ой, ты масленица,
Ой, и ко двору въезжает,
Ой, да ты, широкая,
Ах, ко двору въезжает.
Ах, вот девушки встречаются,
И вот, красные встречаются.
Ох, ты, масленица,
Погостюй недельку,
Ой, да недельку.
Ох, ты, широкая,
Погостюй другую.
Ай, да вы, девушки,
Рада бы гостевала,
Ой, да, вот, красные,
Рада бы гостевала.
Ох, вот, масленица,
Кого же ты боишься?
Ой, вот, широкая,
Кого же ты боишься?

Ах, да вот, девушки,
Я поста боюсь,
Ах, да вот, красные,
Я поста боюсь.
    Ах, да вот, масленица,
    Пост пришел,
    Далекая да широкая,
    Пост пришел.

161

Масленица, масленица,
Симеонова племянница!
Обпоснишься, обмолоснишься!
Завтра постный день —
Опоганишься!

162

Масленица загорела —
Всему миру надоела,
Обманула, провела,
Годика не дожидла,
До поста довела!
Шла сторонкою к нам,
По заулочкам, закоулочкам,
Несла блинов чугуны,
Надорвала животы!
Блинов напекла —
Сама все пожрала!
А нам редьки хвост
Дала на пост!
Весело гуляла,
Песни играла,
Протянула до поста —
Гори, сатана!
Здорово, прощай,
На тот год приезжай!

104

Поддёргалась,
Подпоясалась —
На весь мясоед,
На всю масленицу!
Не отторну хвоста
До великого поста!
Прощай, масленица-ерзовка! *
Оставила нас —
На кислой квас,
На постные щи,
На холодные харчи!

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

Обряды, связанные со встречей весны, длились сравнительно долго — с начала марта до конца апреля. Несмотря на несколько устойчивых дат (Евдокимов день — 1 марта, «сорок мучеников» — 9 марта, благовещение — 25 марта, Егорьев день — 23 апреля), к ним приурочивались то одни и те же, то различные обряды. Это связано, видимо, с тем, что весна наступала в разных районах России в разные сроки. Кроме того, весенние обряды исполнялись в дни главного в году великого поста. Поэтому они почти не имели праздничного игрового характера и развитого фольклорного сопровождения.

Важнейший песенный жанр, связанный со встречей весны, — так называемые веснянки. Их не пели, а кликали (выкликали, выкрикивали) или гукали, взобравшись на пригорки, сараи, крыши. В них призывали весну и расставались с зимой. Кликанья обычно сопровождалась обрядами с птичками, выпеченными из теста (жаворонки, кулики). Птичек подкидывали с высокого места или прикрепляли к шесту, крыше, крыльцу на нитке, чтобы они «летали» на ветру. Все это символизировало приход весны, весеннее возрождение земли. В некоторых районах жаворонков после совершения обрядов съедали.

Внимательный читатель обнаружит среди веснянок текст № 176, который живо напомнит ему знакомые с детства строки «Тараканица» или «Мухи-цокотухи» («тараканы — в барабаны»). На мотивах веснянок построены многие эпизоды «Снегурочки» А. Н. Островского.

Пасха замыкала великий пост. Однако она не была (как и некоторые другие с нею связанные праздники) прикреплена к определенной дате, а передвигалась по марту и апрелю в зависимости от реального соотношения солнца, луны и земли (так называемые пасхалии). Это противоречило учению церкви о пасхе как дне (определенном!) воскресения Христа. Однако пасха стала

одним из главнейших христианских праздников с весьма развитой церковной обрядностью. В отличие от этого, бытовые обряды, если не считать очень устойчивых обрядовых трапез (крашеные яйца, пасха, кулич) и некоторых игр (катания на лошадях, качели, хороводы), заметно не развились, по крайней мере не получили развитого песенного выражения. Только в некоторых районах России относительно большее распространение получили специфические волочебные и вьюнишные песни.

Первые из них известны в основном в записях из западно-русских районов, примыкающих к Белоруссии, и напоминают колядки и по функции, и по содержанию. Их пели не только под окнами и в избах, но и по дороге из деревни в деревню. Исполняли их речитативом (говорком), подчеркивая возгласы-припевы.

На пасхальной (обычно в субботу) либо послепасхальной неделе звучали и так называемые вьюнишные песни, связанные со старинным обрядом поздравления молодоженов в первую весну после свадьбы. Они тоже были распространены не по всей русской территории, а только в некоторых центрально-русских и приволжских губерниях.

Вьюнишные песни тоже исполнялись во время обходов домов, но только в тех, в которых были молодожены последнего года. Молодого мужа при этом величали вьюнцом, а молодуху — вьюницей. Молодые одаривали окликальщиков пасхальными яйцами, конфетами, пряниками.

Несколько особняком от остальных весенних обрядов стояли обряды Егорьева дня. Егорьев день (23 апреля) был традиционным для русских, украинцев и белорусов днем выгона скота. Даже в том случае, если еще не было подножного корма, скот обязательно выгоняли, хотя бы на один день, и подкармливали дома. Объясняется это тем, что св. Егорий считался покровителем скота.

Скотину в этот день кормили обрядовым хлебом с солью и пасхальным яйцом (в некоторых районах — на заслонке от печи). Потом скот выпускали на улицу, и хозяин трижды обходил его, прежде чем повести в стадо. Собрав стадо, пастух тоже обходил его, неся в руках ключ и замок. Потом замок защелкивали и пастух бросал ключ от него в реку. Подобный магический круг должен был обезопасить скотину от диких зверей и болезней. С этим обрядом перекликается одна из популярных егорьевских песен, в которых Егорий (Юрий) призывается взять ключи, отомкнуть землю и выпустить тепло (ср. с веснянками).

Скот обычно выгоняли на рассвете, чтобы он напился егорьевской (юрьевской) росы, которая считалась целебной. В некоторых районах скот подгоняли ветками вербы, священной в вербное воскресенье (за неделю до пасхи).

ВЕСНЯНКИ

164

Благослови, боже,
Весну гукать,
Ой, лю, ой, ли люли,
Нам весну гукать.
Нам весну гукать,
Зиму провожать,
Ой, лю, ой, ли люли,
Зиму провожать.
Уроди нам, боже,
Жита в колосе,
Ой, лю, ой, ли люли,
Жита в колосе.
Жита в колосе,
Колосистое,
Ой, лю, ой, ли люли,
Колосистое.

165

Благослови, боже,
Благослови, Христос,
Нам весну зачати,¹
А зиму проклясти!
Ой весна красна́,
Тёпло летечко!
Что нам вынесла?
«Короб житушка,
Два — пшеничушки,
Малым детушкам
По яичушку,
Красным девушкам
По иерстёночку,
Молодым молодушкам
По детёнышку,
Старым старушкам
По рублевику».

---

¹ Здесь — начать.

Приди к нам, весна,
 Со радостью!
 Со великою к нам
 Со милостью!
 Со рожью зернистою,
 Со пшеничкой золотистою,
 С овсом кучерявым,
 С ячменем усатым,
 Со просом, со гречею.
 С калиной-малиною,
 С черной смородиною,
 С грушами, со яблочками,
 Со всякой садовинкой,
 С цветами лазоревыми,
 С травушкой-муравушкой!

Лето, лето,
 Поди сюда!
 А ты, зима,
 Ступай на моря!
 Надоела нам,
 Надоскучилася,
 Э, рученьки
 Приморозила,
 Все суставчики
 Перезнобила,
 Метель глазки все
 Повыхлестала,
 Метель-вьюга
 Всё повымела.

Уж вы жаворонки,
 Жавороночки,
 Прилетите вы к нам,
 Принесите вы нам
 Лето теплое,
 Весну красную!
 Хоть под крылышком,
 Под бутылышком! *

А соха-борона,
Ступай на поля,
Вспаши, взборони
Хлебца новенького,
Хлебца новенького,
Посолёненького!

Две ластушки,
Три касатушки!
Коровки ревут —
На волю хотят,
Лошадки идут —
Они травки ждут,

Свинки хрючât —
Корешков хотят,
Овечки кричат —
Они травки хотят
Шелкóвой травы,
Ключевой воды.

168

Весна, где бывала,
Весна, где бывала?
В лесу зимовала,
В лесу зимовала,
Горóд * городила,
Горóд городила,
Капусту садила,
Капусту садила,
Краски заводила,
Краски заводила.

169

Весна моя,
Весняночка,
Весняночка!
Где твоя дочкá
Ульяночка,
Ульяночка?
Она в садóчку

110

Шиёт сорочку,
Сорочку,
Она на рынку
Шиёт ширинку.*

170

Дай, весна, добрые годы,
Годы добрые, хлебородные!
Зароди жито густое,
Жито густое, колосистое,
Колосистое, ядренистое!
Чтобы было с чего пиво варити,
Пиво варити — ребят женити,
Ребят женити — девок отдавати!

171

Весна красна
По заречью шла;
«Что ты нам принесла?»
«А я вам принесла
Три угодьяца:
Половодьяце —
Первое угодье,
Пастушок в поле —
Второе угодье,
И с сошками,
И с боронками,
А третье угодье —
Аржаное жать,
Яровое дожидать!»

172

Солнышко-вёдрышко,*
Выгляни красное,
Из-за гор-горы!
Выгляни, солнышко,
До вешней поры!
Видело ль ты, вёдрышко,
Красную весну?
Встретило ли, красное,

111

Ты свою сестру?
Видело ли, солнышко,
Старую ягу,
Бабу ли ягу —
Ведьму-зимú?
Как она, лютая,
От весны ушла,
От красной бегля,
В мешке стужу несла,
Холод на землю трясла,
Сама оступилась,
Под гору покатилась.

173

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром!

174

«Весна, весна,
На чём пришла?»
«На сохе, на бороне,
На кобыле воронé!»
Ой вы жаворонки,
Жавороночки!
Летите в поле,
Несите здоровье:
Первое коровье,
Второе овечье,
Третье человечье!

175

Жавороночки,
Прилетите к нам!
Принесите нам
Тёплу лётушку!
Нам зима-то надоела,
Весь хлебушек поела,
И соломку подбрала,

И мякинку подмела.
«Весна красна!
На чём пришла?»
«На кнутику,
На хомутику,
На сохе, бороне,
На холодной воде!»

176

Жаворонки,
Жаворонки,
Прилетите!
Краснѹ вѣсну
Принесите!
Зиму холѹдну
Унесите!
Галки, галки,
Принесите по палке!
Голубочки,
Голубочки,
Принесите
По клубочку!
Кукушки, кукушки,
Принесите
По мотушке! *
Синицы, синицы,
Принесите по спице!
Канарейки,
Канарейки,
Принесите по швейке! *
Чечотки, чечотки,
Принесите по щетке!
Тогда, утки,
Дуйте в дудки,
Тараканы —
В барабаны!

177

Жавороночек на приталинке *
Распеваает, распевает.
Он зовет себе, он зовет себе
Вѣсну красную, вѣсну красную.

113

Не лежать снежкам во чистом поле —
Растопиться, растопиться,
В синё море, во синё море
Укатиться, укатиться.

178

Кулики-жаворонки!
Летите к нам во одонки.*
«Весна красна!
На чём пришла?»
«На семечке,
На ржаном снопочке,
На золотом колосочке».
Закрывай, кулик,
Холодную зиму:
Холодная зима
Всем надоела.
Открывай, кулик,
Теплое лето!

179

Кулики, кулики
Кулика́ли,
Весну красную
Заклика́ли:
«Весна красна́,
На чём пришла?»
«На сохе, бороне,
На кривой кочерге,
На жёрдочке,
На бороздочке,
На ржаном колоску,
На пшеничном пирожку».

180

Галушка-ключница!
Вылети с заморья,
Вынеси два ключа,
Два ключа золотые!
Замкни зиму холодную,

114

Отóмкни лето,
Лето теплое!
Выпускай тра́ву шёлковую,
Расстилай рóсу жёмчужную!
По́ той по травушке
Хóдили три павушки,
Три павы́-купавы.*
Первая павушка,
Первая кунавая
В ясном золоте.
Дру́гая павушка,
Другая кунавая
В чистом сéребре.
Третья павушка,
Третья кунавая
В атласе, в бархате.
В ясном золоте
То жена Иванова
Татьяна Самойловна!
А в чистом сéребре
То жена Тихонова
Агафья Федоровна!
В атласе, в бархате
То жена Михайлова
Графена Семеновна!

181

Ты пчёлычка ярая
Ты вылети с за́моря,
Ой лялë-лялë,
Ты вылети с заморя!
Ты вылети с заморя,
Ты вынеси ключики,
Ой лялë-лялë,
Ты вынеси ключики!
Ты вынеси ключики,
Ключи золóтые,
Ой лялë-лялë,
Ключи золотые!
Замкни зíмоньку,
Отомкни летечко,
Ой лялë-лялë,
Отомкни летечко!
Отомкни летечко,

115

Лето теплое,
Ой лялѣ-лялѣ,
Лето теплое!
Лето теплое,
Зима студеная!
Ой лялѣ-лялѣ,
Зима студеная!

182

Синички-сестрички,
Тетки-чечѣтки,
Краснозобые
Снегирюшки,
Щеглята молодцы,
Воры воробьи!
Вы по воле
Полетайте,
Вы на вольной
Поживите,
К нам весну
Скорей ведите!

ЕГОРЬЕВСКИЕ

183

Мы ранѣшенько вставали,
Белы лица умывали,
Круг поля ходили,
Кресты становили,
Егорья окликали:
«Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку —
В поле и за полем,
В лесе и за лесом!
Волку, медведю,
Старому зверю,
Лисице и зайцу —
Пень да колода,
На раменьѣ * дорога!..»

Если подадут:

Спасиоо тебе, тетушка,
На добром слове,
На добром подаяньи!
Дай тебе бог
Сто быков-годовиков,
Двести тѣлушек,
Всѣ годóвушек!

Если не подадут:

Злая, тебе, баба,
Пень да колода,
На раменье дорога!
В тартарары провалиться,
Назад поворотиться,
Чертовы горы пройти,
Назад дороги не найти!

184

Батюшка Егорий,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку —
В поле и за полем,
В лесу за горами,
За широкими долами!
Волку, медведю —
Пень да колода,
Да белая береза,
Древесянный камешек! *
Нашим-то тѣлонькам —
Травка-муравка,
Зелененький лужок!
Пастух выйдет на лужок!
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
«Тѣлоньки, телитесь!
Свинки, пороситесь!
Курычки, неситесь!»
Хозяюшка, добрися,
Хозяин, не скупися,
Богу на свечку,
Ребятам по яечку!

117

Если не подадут:

Кто не даст яйца —
Всю скотинку со двора
Под медвѣдюшка!

185

Уж мы к дому подходили,
Хозяина будили:
«Встань, обудися,
Умойся, утрися,
Егорию помолися!»
Егорий, батько храбрый!
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку —
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За лесом-лесами,
За крутыми горами!
Волку с медведем —
Пень да колода,
По-за море дорога!
Зайцу с лисицей —
Горькая осина
По самую вершину!
Ворону с вороной —
Камешек дресвяный! *
Матушке скотинке,
Всей животинке —
Травка-муравка,
Зелененький лужок!
Петушок, топчйся,
Курочка, несися,
Хозяюшка, добрися!
Дай нам яичко
Егорию на свечку,
Дай нам другое
За наши труды
За егорьевские!
Мы Егорья окликали,
Мы Егорья окликали,
Трои лапти изодрали,
По бороздкам раскидали!

Если подадут:

Дай вам бог,
Наделі, Христос,
Двести коров,
Полтора ста быков,
Семьдесят телушек,
Лысенских,
Криво лысенских!
Они в поле-то идут —
Всё номыкивают,
Они из поля идут —
Всё поигрывают.

Если не подадут:

Ни к ла, ни двора,
Нет ни кúричьа пера!
Одна была коро́ва,
И та нездорова!
Одна была овца,
И та ялови́ца!
Хозяйка дьяволи́ца!
Дай вам бог!
Тараканов да клопов!

186

Разгулялся Юрьев конь,
Юрьев конь, Юрьев ко́нь.
Разбил камень копыто́м,
Кóпытом, копыто́м.
А в том камне о́гня нет,
О́гня нет, о́гня нёт.
У мо́йго мужа правды нет,
Пра́вды нет, правды нёт:
Чужой жене башмачки́,
Башмачки, башмачки́,
Своей жене каверзні, *
Ка́верзни, каверзні.
«Носи, жена, поблюда́й,*
По́блюдай, поблюда́й!
По праздни́чкам надева́й,
На́девай, надева́й!»
А я мужу догажу́,*
До́гажу, догажу́,
Шею мужу рубашку́,

119

Рубашку, рубашку,
Со стрекивной* со листвою,
Со листвою, со листвою,
Чтобы тело не свербело,
Не свербело, не свербело,
Чтобы в баню не хотело,
Не хотело, не хотело,
Чтобы баню не топить,
Не топить, не топить,
Чтобы воду не носить,
Не носить, не носить!

187

Что-то в саде,
Что-то в саде
Зазвенело,
Зазвенело!
Зазвенела
Юрья вода,
Юрья вода!
Марья млада
В саде была,
В саде была!
В саде была,
Воду брала,
Воду брала!
Воду брала,
Цветы рвала,
Цветы рвала!
Цветы рвала,
Венок вила,
Венок вила!
Венок вила,
В танок * пошла.

188

Святой Илья
По межам ходит,
Святой Илья!
По межам ходит,
Жито родит,
По межам ходит!

120

По межам ходит,
Девок к себе просит,
По межам ходит!
«Ударьте, девки,
В ладошки,
Ударьте, девки!
Чтоб ладошки
Засвербели,
Чтоб ладошки!
Чтоб колосочки
Зазвенели,
Чтоб колосочки!»

189

Выгоню коровушку
Со двора голикóм,*
Приходи ко мне, коровушка,
Со всем молоком!

190

Пришла верба
Из-за моря,
Принесла верба
Здоровья.
Верба хлёт,
Бей до слез!
Еще на здоровье,
До красненького яичка!

ВОЛОЧЕБНЫЕ

191

По улице по широкой,
По мураве по зеленой
Ишли-брели волочѣбные,
Шаталися-пыталися
Того села, того двора:
«Чей это двор — медяный забор,

121

Воротики щитовые,
Верёюшки * дубовые,
Подворотница — рыба кочка,
Среди двора — кипучий колодезь,
Кипит-кипит рыжим золотом,
Рыжим золотом, чистым серебром?»
Тудашла пани хозяйка,
Онашла со ведёрцами,
Со ведёрцами с тесовыми;
Размахнула рыже золото,
Почерпнула чисто серебро,
Унесла она на белые плечи,
Понесла она во светлицы,
Поставила на скамейцы:
«Слава богу, пане хозяин,
Слава богу, добра много!
А что будем с добра чинить?»
«Закупим мы три праздничка,
Веселые, богомольные:
Первый праздник — святой Велик день,
Другой праздник — Юрий-Егорья,
Третий праздник — святой Никола;
Святой Велик день с красным яйцом,
Юрий-Егорья с шелковой травой,
Святой Никола с засёвочком».

Пане хозяин, не вели томить,
Не вели томить, прикажи дарить!
Наши дары невеликие,
Невеликие и немалые:
Начинальничку * — горькая доля,
Горькая доля — полик * горелки,
А успевальничкам * — хоть по рюмочке,
Мехоноше * — мерку жита,
А рожевничку * — кусок сала,
Яешничку * — карец * яец!
Пане хозяин, ти чуешь ты,
Ти видишь ты,
Как мы тебя звеличаем,
По имени называем,
По отчеству звеличаем,
И с праздничком поздравляем?

Не гуси летят, не лебеди —
 Христос воскрес на весь свет!
 Идут-бредут волочебнички,
 Волочебнички, нолуночнички.
 «Челом здоров, хозяйнушка!
 Чи спишь-лежишь, аль спочиваешь?
 Коли ж ты спишь, так бог с тобой!
 Коли ж не спишь — говори ты с нам,
 Не хошь говорить — ходи ты с нам,
 Ходи ты с нам, с волочебничкам
 По темной ночі грязі толочі,
 Собак дразнить, людей смешить!
 Не хошь ходить — дари ж ты нас:
 Наши подарки малы-великі,
 Малы-велики — в двери не лезут,
 В двери не лезут, в óкны кокшóт: *
 Починальничку — сорок яичек,
 Сорок яичек, золотой червóн,
 Золотой червон, кварту * горелки,
 Кварту горелки, сыр на тарелке;
 Помощничкам — хоть по десятку,
 Хоть по десятку, хоть пóлзолотого,
 Кварту горелки, сыр на тарелке;
 Мехонóше-пирог с ношу,
 Дударіню * — хоть солоніны:
 Дуду помазать, струны погладить,
 Чтобы играла, не залегала.
 За этим же, хозяйнушка,
 Живи здорово, живи богато!
 Дай тебе, боже, пиво варить,
 Пиво варить — сынов женить,
 Горелку гнать — дочек отдавать!
 Христос воскрес на весь свет!

На улице на широкой,
 На мураве на зеленой
 А сидят-то там мужи честные,
 Мужи честные, благочестные,
 Радят раду,* раду добрую,
 Раду добрую, хозяйскую:

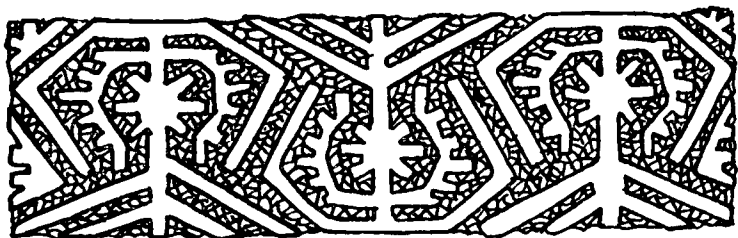
«Кто в этом лете запахивать будет?»
«Запахивать будет паня Мельян:
Его кони ворóные,
Его сохи дубовые,
Лемéшики булатные!»
«Кто в этом лете засевать будет?»
«Засеять будет паня Ахрем:
Его рука счастливая,
Счастливая, хлебородная!»
Ай, дай же бог, зароди, Христос,
А в поле ядром, а в дворе добром!

194

З-за лесу черного,
Засылай, боже, святой Зосим!
З-за бору з-за щирого,
З-за моря з-за синего
Выходила туча темная,—
То не туча, то й не облачина.
Что у той тучи тихо говорила,
Говорила пчелиная мати:
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
В тую деревню в Медведовку,
Куда идете, куда пойдете?»
«Мы идем, пойдём в тую деревню,
В тее сады Петраковы.
Паня Пётра Прохорович,
Ти есть у тебя столько судён? *»
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
А есть у меня столько судён;
Мои ўльлики понапéрины,*
Мои кóшики * понаўжены,*
Мои бóртики * поначищены.
Ах вы пчелы ярые,
Летите-ка по ўльликам!»
Полетели они по ўльликам,
Им ўльликов недóстало.
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
Летите-ка по кóшикам!»
По кóшикам не уселися.
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
Летите-ка по бóртикам!»
По бортикам уселися.

Что по ўльникам — самому ему,
Что по кошникам — то детям его,
Что по бортикам — то на мир божий.
Засылай, боже, святой Зосим!

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ

Зелеными святками называлась последняя неделя перед троицей (пятидесятый день после пасхи). Они выделялись не только по тому значению, которое им придавали (главный весенне-летний праздник), но и наиболее обширным циклом игр, хороводов и песен, с ними связанных. Здесь так же, как и в зимние святки, в календарную обрядность врывается обрядность молодежная, предбрачная по своему характеру. Это создавало благоприятные условия для втягивания в цикл зеленых святок обширного круга лирических песен, не имевших собственно обрядового характера.

Неделя зеленых святок называлась иначе семикской (так как это была седьмая неделя после пасхи) или семикско-троицкой. Зеленые святки были связаны с представлением о расцветающей, входящей в силу растительности.

Большинство обрядов, которые совершали в зеленые святки, были специфически девичьими. Центральный образ этого цикла — березка. На троицу дома и снаружи и изнутри украшали березками, с березками ходили по деревне, березки (особенно на полянах) украшали девичьими лентами и венками. Наконец, сами березки «заплетали» и «расплетали»: из березовых веток с листьями плели венки, на которых гадали. Девичьи семикские гадания, так же как рождественско-новогодние, преимущественно касались замужества. Следили за веночками, завитыми на березе, — сохнули ли они и чей венок сохнет, роняли венок с головы в речку и смотрели, плывет он или пристает к берегу и к какому. Все это было полно таинственности и значения.

Гадания и хороводы, так же как поедание яичницы под березкой и кумление (то есть поцелуи через венок, которые делали девушек кумами — подругами надолго), сопровождались весьма разнообразными песнями. Подчеркнем, что семикско-троицкий цикл — один из самых богатых циклов обрядовых, тем более

календарно-обрядовых, несен. Мелодика их близка к другим обрядовым песням, а ритмика зависела от назначения песен внутри обрядового цикла. Так, например, хороводные были приспособлены к определенному темпу и плавности движений танцующих.

Поэтические образы и мелодии семикско-троицких несен привлекали внимание многих русских писателей — Сумарокова, Островского (ср. песни № 200 и № 202 с известной песней Леля «Туча со громом сговаривалась»), Мельникова-Печерского и др. — и композиторов (песня «Во поле березонька стояла» в V симфонии П. И. Чайковского, «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова и др.).

СЕМИКСКИЕ, ТРОИЦКИЕ

195

Йо, йо, березынька!
Йо, йо, кудрявая!
Семик честной
Да троица —
Только, только
У нас, у девушек,
И праздничек!

196

Дай нам шильце да мыльце,
Белое белильце
Да зеркальце,
Копейку да денежку —
За красную девушку!
Ой дид-ладо!
Семика честного яичницу!

197

Пойдем, девóчки,
Завивать веночки!
Завьем веночки,
Завьем зеленые.
Стой, мой веночек,
Всю недельку зелен,
А я, молодешенька,
Весь год веселёшенька!

127

Святой духа Троица!
 Позволь нам гуляти,
 Венки завивати!
 Завью я веночек
 На круглый годочек.
 Кругло наше поле,
 Кругло, невеличко,
 На нем ягод много,
 Зрелых и спелых.
 Ну я, млада, брала,
 Ох, в фартушок клала,
 Зрелки на тарелку,
 Зеленушки в фартушки.
 Зрелки родному батьке,
 Зеленушки все свекру,
 Чтоб он подавился,
 Со мной не бранился!

Благослови, Троица,
 Богородица!
     Ай дидо, ой ладо!
 Нам в лес пойти,
 Нам венки завивать!
 Нам венки завивать
 И цветы сорывать.
 А мы в лес пойдём
 И цветов нарвём,
 Мы цветов нарвём
 И веночек сошьём,
 Свекру-батюшке,
 Свекрови-матушке.
 Свекру-батюшке
 Малиновый,
 Свекрови-матушке
 Калиновый.
 Пойду ль я тишком
 Лужком-бережком,
 Сломлю ль с сыра дуба
 Веточку,
 Брошу на быстрю

Реченьку —
Не тонет, не плывет
С сыра дуба веточка,
Не тужит по мне
Свекор-батюшка,
Не тужит по мне
Свекровь-матушка.
Ай дидо, ой ладо!

200

Туча с громом сговаривалась:
Доли-лѣли-лѣли-лѣ!
«Пойдем, туча, гулять на полѣ,
На то поле на Заводское!
Ты с дождем, а я с милостью,
Ты польешь, а я выращу!»
Туча с громом сговаривалась:
«Пойдем, туча, гулять на поле,
На то поле на Лоньяльское!
Ты с грозой, а я с молнией,
Ты стукнешь, а я выпалю!»
Доли-лѣли-лѣли-лѣ!

201

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Ах, люли, люли, стояла,
Ах, люли, люли, стояла.
Алыми цветами расцветала,
Ах, люли, люли, расцветала.
Некому березу заломати,
Некому кудряву зацинати,
Люли, люли, зацинати.
Пойду в лес, погуляю,
Белую березу заломаю,
Люли, люли, заломаю.
Я, млада девица, загуляла,
Белую березу заломала,
Люли, люли, заломала.
Выломлю я два пруточка,
Сделаю я два гудочка,

Ах, люли, люли, два гудочка.
И четвертную балалайку,
И четвертную балалайку,
Люли, люли, балалайку.
Стану балалаечку играти,
Милого дружка вспоминати,
Ах, люли, люли, вспоминати.
Стану я мил друга будити,
Люли, люли, будити.

Ровне * пели:

Встань, мой муж, разбудися,
Люли, люли, разбудися.
Светленькой водичкой умойся,
Люли, люли, умойся.
Чистым полотенцем утрися,
Люли, люли, утрися.
На тебе икону — помолися,
Люли, люли, помолися.

Старому пели:

Стану старого мужа будити,
Ах, люли, люли, будити:
Встань, мой муж, разбудися,
Люли, люли, разбудися.
На тебе — помойцей умойся,
На тебе отымалочку * — утрися,
На тебе лопату — помолися.

202

Береза девушкам
Приказывала,
Ой лялѣ-лялѣ,
Всѣ приказывала:
«Придите вы, девушки,
Придите вы, красные!
Ой лялѣ-лялѣ,
Придите, красные!
Сама я, березынька,
Сама я оденуся,
Ой лялѣ-лялѣ,
Сама оденуся,
Надену платьико,
Всѣ зеленое,
Ой лялѣ-лялѣ,

130

Всё зеленое,
Всё зеленое,
Всё шелкóвое,
    Ой лялë-лялë,
    Всё шелковое!
Ветрик повеет —
Всё шуметь буду,
    Ой лялë-лялë,
    Всё шуметь буду,
Дождичек пройдет —
Лопотать буду,
    Ой лялë-лялë,
    Всё лопотать буду,
Солнце выблеснет —
Зеленеть буду,
    Ой лялë-лялë,
    Всё зеленеть буду».

Не радуйся
Ни кленье-дубье,
    Ой лялë-лялë,
    Ни кленье-дубье,
Только радуйся
Да белая береза,
    Ой лялë-лялë,
    Белая береза,
Белая береза,
Горькая осина,
    Ой лялë-лялë,
    Горькая осина!
Идут к тебе
Девки красные,
    Ой лялë-лялë,
    Девки красные,
Девки красные,
Косы русые,
    Ой лялë-лялë,
    Косы русые,
Несут тебе
Горелку горькую,
    Ой лялë-лялë,
    Горелку горькую,
Горелку горькую,
Скрипку звонкую,
    Ой лялë-лялë,
    Скрипку звонкую,

Скрипку звонкую,
Яишню смачную,
    Ой лялѣ-лялѣ,
    Яишню смачную!

203

Береза моя, березонька!
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки,
На тебе, березонька,
Трава шелковая,
Близ тебя, березонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Семик ноют.
Под тобою, березонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Венок плетут.
Что не белая березонька
К земле клонится;
Не шелкова травонька
Под ней расстилается;
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются.
Под этой березонькой
С красной девицей,
С красной девицей
Молодец разговаривает.

204

Ульѣ, ульѣ!
Не клен, не береза,
Как во ржах ты стояла,
Там сидела кукушка,
Хорошо скуковала,
Всеё правду сказала:
«Вы, бабы, дуры!
Всю зиму прыдете,

А всю весну ткете,
Неодеты живете!
Я ли береза, я ли кудрява,
Ни тку, ни пряду,
Хорошо хожу.
В неделю распукну,
В другую раскинусь,
В третью оденусь.
Мне свекровь не матушка,
Мне свекор не батюшка,
Деверья мне не братья,
А золовки не сестры».

205

Пошли девки, ой,
В опёночки,
Молодушечки
В говорушечки.
Пошли девки
В луги гулять,
В луги гулять,
Венков завивать:
«Завьем венки
На все святки,
На все святки,
На все празднички!»
А святой Илья
По межам ходил,
По межам ходил,
Житушко родил,
Разогнал девок
По чистом полю,
По чистом полю,
По густом житу.
А Дух с Троицем —
То й сбор девкам,
А святой Илья —
То разгон девкам!

206

Вдоль по улице, мимо кузницы.
Во той кузнице молодые кузнецы
Куют, дуют, все наваривают,

133

К себе Дуню приговаривают:
«Пойдем, Дуня, во лесок на часок,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок,
Под саменький корешок, корешок...
Куплю Дуне сарафан, сарафан.
Носи, Дуня, не марай, не марай.
По праздничкам одевай, одевай.
На троице, на святой, на маслене годовой»

207

Пойдем, девки,
В зелену рощу,
    Пойдем, девки!
Совьем, девки,
Себе по веночку,
    Совьем, девки!
На мне веночек
Не сохнет, не вянет
    На мне веночек!
По мне дружок
Не тужит, не плачет
    По мне дружок!

208

На той горе на горушке
Четыре двора.
У тех дворах, у двориках
Четыре кумы.
Вы кумушки-голубушки,
Сестрицы мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите и меня.
Пойдете вы в зеленый сад,
Возьмите и меня.
Сорвете вы по прутуку,
Сорвите и мене.
Сорвете вы по веточке,
Сорвите и мене.
Пойдете вы на Дунай-речку
Возьмите и меня.
Укинете свои венки,

134

Укинете и мой.
Уже венки поверх воды,
Один мой потонул.
Уже дружки с Москвы пришли,
Одного моего нет.
Спрошу-ка я у бабушки,
С откель дружка ждате.
«Дитя моя, дитя милая,
Не жди ни с откуль:
Ни с Киева, ни с Питера,
Ни с дальней Москвы».

209

Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
Тишком лужком, бережком.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
В кленник, в дубняк, в ясенник.
Сломлю ль я, молода,
Сломлю ль я, хороша,
Кленничку, дубнячку, ясенничку.
Совью ль я, молода,
Совью ль я, хороша,
Себе золотой веноч.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
На Дунай, быстру реку.
Кину ль я, брошу ль я
Свой золотой веноч.
Тонет ли, тонет ли
Мой золотой веноч?
Тужит ли, тужит ли
По мне свекор-бабушка?
Не тонет, не тонет
Мой золотой веноч,
Не тужит, не тужит
По мне свекор-бабушка.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
Тишком лужком, бережком.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,

В кленник, в дубняк, в ясенник.
Сломлю ль я, молода,
Сломлю ль я, хороша,
Кленничку, дубнячку, ясенничку
Совью ль я, молода,
Совью ль я, хороша,
Себе золотой венок.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
На Дунай, быстру реку.
Кину ль я, брошу ль я
Свой золотой венок.
Тонет ли, тонет ли
Мой золотой венок?
Тужит ли, тужит ли
По мне миленький дружок?
Тонет, тонет
Мой золотой венок,
Тужит, тужит
По мне милый дружок.

210

Как за реченькой хмель вьётся,
Как за реченькой хмель вьётся,
За быстрою вьётся.
Эх, за быстрою вьётся.
Перевейся-вейся, яру хмель,
Перевейся-вейся, яру хмель,
На нашу сторонку,
Эх, на нашу на сторонку.
Как на нашей на сторонке,
Как на нашей на сторонке
Усадьба большая,
Эх, усадьба большая!
Что усадьба-то большая,
Что усадьба-то большая,
Серебряна тычья, *
Эх, серебряна тычья!
Серебряна тычья, тычья,
Серебряна тычья, тычья,
Венки золотые,
Эх, венки золотые!
Венки, венки золотые,

Вѣнки, вѣнки золотые,
Маковки витые,
Эх, маковки витые.
Пойду я, млада, в зелен садик,
Пойду я, млада, в зелен садик,
В зеленый сад, сад гуляти,
Эх, в зеленый сад я гуляти.
Нащиплю я, млада, хмелю,
Эх, нащиплю я, млада, хмелю,
Хмелю-то ярового,
Эх, хмелю ярового.
Наварю я, млада, пива,
Наварю я, млада, пива,
Пивушка пьяного,
Эх, пивушка пьяного.
Призову я гостя в гости,
Призову я гостя в гости,
Гостя я дорогого,
Эх, гостя я дорогого.
Гостя-то в гости дорогого,
Гостя-то в гости дорогого,
Батюшку родного.
Уж ты, батюшка родимый,
Уж ты, батюшка родимый!
Редко в гости ходишь,
Редко в гости ходишь,
Не по долгу гóстишь.
Одну ноченьку ночуешь,
Одну ноченьку ночуешь,
И то протоскуешь,
И то протоскуешь.
Во горенку спать ложишься,
Во горенку спать ложишься,
Близко ко окошку,
Эх, близко ко окошку.
Окошечко открываешь,
Окошечко открываешь,
Светику желаешь,
Эх, светику желаешь:
«А что долго свету нету,
А что долго свету нету,
Долго не светает,
Эх, долго не светает?»

Девки, молодухи
 Коло жита ходили,
     Ай маю, маю,
     Маю зеленó!

Коло жита ходили,
 Траву заломили.
 Как пошла травица
 Да к господу богу:
 «А господи боже,
 Меня девки стоптали,
 Меня девки стоптали,
 Молодухи сломали!»
     Ай маю, маю,
     Маю зеленó!

Покумимся, кума,
 Покумимся,
 Мы семицкою березкой
 Покумимся.

    Ой дид-ладо
     Честному семику!
     Ой дид-ладо
     Березке моей!
     Еще кумушке
     Да голубушке!

Покумимся,
 Покумимся,
 Не сваряся,
 Не браняся!
     Ой дид-ладо,
     Березка моя!

Кумушка-голубушка,
 Серая кукушечка!
 Давай с тобой, дэвица,
 Давай покумимся!
 Ты мне кумушка,

Я тебе голубушка!
Кумушка-голубушка,
Горюшко размыкаем!
Будешь мне помощница,
Рукам моим пособница!

214

Ну-тка, кума,
Ну-тка, кума,
Покумимся,
Покумимся,
Покумимся,
Покумимся,
Полюбимся,
Полюбимся.
Ты мне кума,
Ты мне кума,
И я тебе,
И я тебе.
Твое ко мне,
Твое ко мне,
Мое к тебе,
Мое к тебе.
Кума куме,
Кума куме
Говорила,
Говорила:
«Нейди, кума,
Нейди, кума,
Весной замуж,
Весной замуж!
Весной, кума,
Весной, кума,
Хлеба нету,
Хлеба нету.
Ты йди, кума,
Ты йди, кума,
В осень замуж,
В осень замуж,
В осень, кума,
В осень, кума,
Хлеба много,
Хлеба много!»

Пошли девушки во лужки гулять,
 Люли, во лужки гулять, люли, венки завивать.
 Мы завьем венки на все святовки,
 Люли, на все святовки,
 На духовские, на петровские,
 Ой, люли-люли, на петровские.
 Не кумилися, ой, люли-люли, не сварилися,
 Покумился — рассварилися,
 Ой, люли-люли, рассварилися.

А кума со кумой,
 Окумитесь,
     Ой ё-иё,
     Окумитесь,
 Окумитесь,
 Не бранитесь,
     Ой ё-иё,
     Не бранитесь.
 Окумился,
 Разбраиился,
     Ой ё-иё,
     Разбраиился.
 А где девки шли,
 Тут цветы цвели,
     Ой ё-иё,
     Тут цветы цвели.
 Где ребята шли,
 Тута рожь густа,
     Ой ё-иё,
     Тута рожь густа.
 А где бабы шли,
 Тут грибы росли,
     Ой ё-иё,
     Тут грибы росли.

---

¹ Здесь — не ссорились.

Ах, ты, венчик мой,
 Да веночек, да веночек,
 В поле розовый
 Да цветочек, да цветочек.
 На кого тебя, веночек,
 Положити, положити?
 Положу тебя, веночек,
 На головку, на головку.
 Как на душечку
 На девицу, на девицу.
 Что не кум со кумою
 Покумился, покумился,
 Среди кружка
 Становился, становился.
 И платочками
 Разменялся, разменялся.
 Еще ты, мой кум,
 Еще я, твоя кума;
 Где мы сойдемся,
 Тут обоймемся, поцелуемся,
 Разойдемся, разойдемся.
 Ах, ты, венчик мой,
 Да веночек, да веночек.
 В поле розовый
 Да цветочек, да цветочек.
 На кого тебя, веночек,
 Положити, положити?
 Положу тебя, веночек,
 На головку, на головку,
 На удалу молодецку, молодецку,
 Молодецкую
 Княженецку, княженецку.
 Что не кум со кумою
 Покумился, покумился,
 Среди кружка
 Становился, становился.
 И платочками разменялся,
 Разменялся, разменялся.
 Еще ты, мой кум,
 Еще я, твоя кума;
 Где мы сойдемся,
 Тут обоймемся, поцелуемся,
 Разойдемся, разойдемся.

Вы кумушки-голубушки,
 Вы подружки мои,
 Кумитесь, любитесь,
 Любите и меня.
 Пойдете вы в зеленый сад,
 Возьмите и меня!
 Сорвете вы по цветочку,
 Сорвите и мне.
 Совете вы по веночку,
 Вы свейте и мне.
 Наденете на головку,
 Наденьте и мне.
 Вы пойдете на быстру речку,
 Возьмите и меня!
 На быстрой речке на реченьке
 Круты бережка,
 На крутеньких бережочках
 Желтые пески,
 На желтеньких песочках
 Лесок выросал,
 Из этого лесочка
 Соболь выбегал,
 За соболем черным
 Там моя кума,
 За кумушкой, за голубушкой —
 Подружки мои.
 Кумитесь, любитесь,
 Любите и меня!

Дезушки-голубушки,
 Кумушки-нодруженьки,
 Свейте вы веночки
 Из плакучей травки,
 Из белой березки!
 Мы веночки сложим
 Вот так, вот так!
 Мы веночки сложим
 Вот так, вот так!
 Прощай, прощай, кукушечка,
 Прощай, прощай, рябушечка,

До новых до берез,
До красной до зари,
До новой до травы!

220

Кукушечка-рябушечка
Из куста летела,
Через лес пролетала,
На все стороны глядела,
Себе цветики искала,
Цветики-венок.
А я, молода, выйду-пройду
Через мостик в лесок
На студену на росу.
«Ты цвети, цветик,
Цвети, не засыхай!
Ты люби меня, молоду,
Люби, не разлюбляй!»

221

Ты кукуй-кукуй,
Ты кукушечка!
    Ой лялё-лялё,
    Ты кукушечка!
Немножко тебе
Куковать будет,
    Ой лялё-лялё,
    Куковать будет!
С Христового дня
До Петрового,
    Ой лялё-лялё,
    До Петрового!
Ты гуляй-гуляй,
Ты Ариночка!
    Ой лялё-лялё,
    Ты Ариночка!
Немного тебе
Погулять будет,
    Ой лялё-лялё,
    Погулять будет!
Только летечко

Перелётовать,
Ой лялё-лялё,
Перелетовать!
С весны красны
Да до осени,
Ой лялё-лялё,
Да до осени!

222

Скакал-нлясал
Воробушек,
Где и где ладу!
Он манил-манил
Красных девушек.
Как и девки говорят:
«Нам своя воля играть!»
А молодки говорят:
«Нам нет воли играть,
Нам нет воли играти,
Нам мужья не велят,
Нам мужья не велят.
Дитя кричит!»
Уж я мужнину грозу
В узелок завяжу,
В узелок завяжу,
В уголок положу.
Узелок-то лежит,
Уголочек-то дрожит!

223

Семик да и троица!
Ой йё-йё-лилё!
Все девушки стронутся.
Да уж вы девки-девушки,
Белые лебедушки!
Выйдем ли на улицу,
Ударим-ти в ладоши!
Не ладоши-те звенят,
Звенят золоты перстни,
Звенят подвенечные.
Да уж вы девки-девушки,

144

Белые лебедушки!
А вы не порывайтесь
Замуж за поповича.
Да ведь у поповича
Просвиры-те прогнили,
Кануны-те кислые.
Уж ты верба-вербушка!
Не стой над речушкой:
Речушка разольется,
Кореньицы вымоет,
Вершинушку высушит,
Подмочит бумажный лист.

224

Улица моя широкая,
  Да йё-йё-йё!
Трава-мурава зеленая!
Чем улица изукрашена?
Изукрашена улица
Травой-муравой зеленою,
И гудками, и волынками,
Молодыми молодницами,
Еще красными девицами.
Чьи девки луга толочали? *
Толочали девки луга сторонски. *
На них рубашки посконные, *
Сарафаны конопляные,
Крыши * на них все рогожные,
В косах ленты полубенные. *
Улица моя широкая,
Трава-мурава зеленая!
Чем улица изукрашена?
Изукрашена улица
Травой-муравой зеленою,
И гудками, и волынками,
Молодыми молодницами,
Еще красными девицами.
Чьи девки луга толочали?
Толочали девки луга турдакси.
На них рубашки бумажные,
Сарафаны все кумашные, *
Крыши на них все шелковые,
В косах ленты все мишурные! *

Я по луженьке хожу,
 Цвет калинницы ломлю.
     Люли-люляшеньки,
     Цвет калинницы ломлю.
 Цвет калинницы ломлю,
 Во пучёчки вяжу.
     Люли-люляшеньки,
     Во пучёчки вяжу.
 Во пучёчки вяжу
 Да веночки совью.
     Люли-люляшеньки,
     Да веночки совью.
 Да веночки совью,
 На головочку сложу.
     Люли-люляшеньки,
     На головочку сложу.
 На головочку сложу,
 В тапочек * пойду.
     Люли-люляшеньки,
     В таночек я пойду.
 А мой свёкорка стоит,
 На меня косо глядит.
     Люли-люляшеньки,
     На меня косо глядит.
 «Ты не сёрдися, свекор,
 Ты не сёрдися, лихой.
     Люли-люляшеньки,
     Ты не сёрдися, лихой.
 Не ты чоботы купил,
 Да не ты червонные.
     Люли-люляшеньки,
     Да не ты червонные.
 А мне батюшка купил,
 Их мне родненький купил.
     Люли-люляшеньки,
     Их мне родненький купил»

Пойду в танок *
 Совью веночек.
     Эй, василек,

Девкам на венок!
Что в том тѣнку
Мой нелюбый,
Мой нелюбый
В гусли грая.¹
Его гусли —
Лубяные,
Его струны —
Пеньковые.
Пойду в танок.
Совью венок.
Что в том тѣнку
Мой миленький,
Мой миленький
В гусли грая.
Его гусли —
Золотые,
Его струны —
Шелковыя.
Эй, Василек,
Девкам на венок!

227

«Что же ты, березонька,
Не зелена стоишь?
Люшечки-люли,
Не зелена стоишь?
Аль тебя, березонька,
Морозом побило?
Люшечки-люли,
Морозом побило.
Морозом побило,
Инеем прихватило?
Люшечки-люли,
Инеем прихватило.
Инеем прихватило,
Солнцем присушило?
Люшечки-люли,
Солнцем присушило».
«Нет, меня, березоньку,
Морозцем не било,

¹ Здесь — играет.

Люшечки-люли,
Морозцем не било.
Морозцем не било,
Солнцем не сушило,
Люшечки-люли,
Солнцем не сушило,
Красны девицы
Веночки завили,
Люшечки-люли,
Веночки завили.
Веночки завили,
Веточки ломали,
Люшечки-люли,
Веточки ломали.
Веточки ломали,
В речку бросали,
Люшечки-люли,
В речку бросали.
В речку бросали,
Судьбу загадали,
Люшечки-люли,
Судьбу загадали.
Быстра речка
Судьбу отгадала,
Люшечки-люли,
Судьбу отгадала.
Коим девушкам
Замуж иди,
Люшечки-люли,
Замуж иди,
Коим девушкам
Век вековать,
Люшечки-люли,
Век вековать.
А коим несчастным
Во сырой земле лежать,
Люшечки-люли,
Во земле лежать».

Во садику девки гуляли,
Калина моя, малина моя!
Во саду красные гуляли,

Цветки сорывали, венки совивали,
Во Неву-реку бросали.
«Кто веночек поймает,
За того замуж пойду».
Где ни взялся молодчик
Из суровского ряда.
Разувался, раздевался,
В Неву-реку бросался.
Как веночек-то дале,
Молодец-то ведь тонет,
Как веночек повернулся,
Молодец захлебнулся.
Калина моя, малина моя!

229

Лелим-е, лелим!

А у ворот ягодничек,
У ворот зелененький,
А он сильно зацветает,
А немножко урожает, *
А всего две ягодки,
А всего две красненьких:
Перва ягодка Марьянушка,
А другая Татьянушка!
У ворот орешничек,
У ворот зелененький,
А он сильно зацветает,
А немножко урожает.
А всего два орешика,
А всего два сладеньких:
Первый орешек Иванушка,
А второй орешек Демьянушка!

230

Стой, мил хоровод!
Стой, мил, не расходись!
В этом хороводе
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Танец сводила,
Танец сводила,
Веночек сронила.

149

Батюшка, поди,
Венок подыми!
Батюшка идет,
Венок не несет.
Стой, мил хоровод!
Стой, мил, не расходись!
В этом хороводе
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Танец сводила,
Танец сводила,
Венок сронила.
Матушка, поди,
Венок подыми!
Матушка идет,
Венок не несет.
Стой, мил хоровод!
Стой, мил, не расходись!
В этом хороводе
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Танец сводила,
Танец сводила,
Венок сронила.
Милый мой, поди,
Венок подыми!
Милый мой идет,
Венок мне несет,
Венок мне несет,
За ручку берет.

231

Вы луги мои,
Вы зеленые!
На вас красочки
Всё багровые.
Я сорву цветок
И совью венок.
«Скажи, венок,
За кого пойду:
Ти за старого,
Ти за малого,
Ти за малого,

Ай за ровного?»
«Быть тебе, дѣвица,
За старым мужем!»
«Я ж тебя, веночек,
В руках сотру,
Под ногой стопчу,
Не померяю!»
Вы луги мои,
Вы зеленые!
На вас красочки
Всѣ багровые.
Я сорву цветок
И совью венок.
«Скажи, венок,
За кого пойду:
Ти за старого,
Ти за малого,
Ти за малого
Ай за ровного?»
«Быть тебе, дѣвица,
За ровным мужем!»
«Я ж тебя, веночек,
Померяю,
Я ж тебя, веночек,
На голове сношу!»

232

Ай во поле,
Ай во ноле,
Ай во поле
Липынька!
Под липою,
Под липою,
Под липою
Бел шатер.
Во том шатре,
Во том шатре,
Во том шатре
Стол стоит.
За тем столом,
За тем столом,
За тем столом
Дѣвица.

Рвала́ цветы,
Рвала цветы,
Рвала цветы
Со травы,
Вила венок,
Вила венок,
Вила венок
С огороды, *
Со дорогим,
Со дорогим,
Со дорогим
Яхонтом.
Кому венок,
Кому венок,
Кому венок
Износить?
Носить венок,
Носить венок,
Носить венок
Старому.
Старому венок,
Старому венок,
Старому венок
Не сносить.
Мою молодость,
Мою молодость,
Мою молодость
Не сдержать.
Ай во поле,
Ай во поле,
Ай во поле
Липынька!
Под липою,
Под липою,
Под липою
Бел шатер.
Во том шатре,
Во том шатре,
Во том шатре
Стол стоит.
За тем столом,
За тем столом,
За тем столом
Девица.
Рвала цветы,

Рвала цветы,
Рвала цветы
Со травы,
Вила веночек,
Вила веночек,
Вила веночек
С огорода,
Со дорогим,
Со дорогим,
Со дорогим
Яхонтом.
Кому веночек,
Кому веночек,
Кому веночек
Износить?
Носить веночек,
Носить веночек,
Носить веночек
Милому.
Милому веночек,
Милому веночек,
Милому веночек
Износить,
Мою молодость,
Мою молодость,
Мою молодость
Содержать!

233

Из лугу, лугу,
Из-за лужечку
Ходили-гуляли
Красные девки,
Рвали-щипали
Со травы цветочки,
Вили-свивали
С огорода веночки,
Свимши, надевали
На буйну головку,
Вокруг становились
Супротив старого:
Как старой-от взглянет —
Веночек завянет!

153

Вокруг становились
Супротив ровни:
Как ровня-т взглянет —
Венок не завянет,
Мое-то сердечко
Оно взвеселится!

234

По морю уточки плавали,
Плавали, душа, плавали.
Отколь ни взялся селезень,
Селезень, душа, селезень:
«Я всех уточек разогнал,
Разогнал, душа, разогнал,
Одну уточку к себе взял,
К себе взял, душа, к себе взял».
На улице девки гуляли,
Гуляли, душа, гуляли.
Отколь ни взялся Володька,
Володька, душа, Володька:
«Я всех девочек разогнал,
Разогнал, душа, разогнал,
Одну Валечку к себе взял,
К себе взял, душа, к себе взял»

235

Раскачайте меня,
Разбаюкайте!
Я скажу вам жениха:
На березке сучок,
Так и мой женишок,
Сучок обломился —
Женишок убилися!

236

Лéлим-е, лéлим!
Задумал мой братик
Маленький жениться.
Не выбирай, братик,

На улице девок:
На улице девки
А все хорошеньки,
А все хорошеньки,
Рубашки беленьки,
Рубашки беленьки,
Сарафаны красненьки!
Выбирай, мой братик,
В поле на загоне,
В поле на загоне,
На широком раздолье:
На широком раздолье,
У которых ста́вушка, *
У которых ставушка —
По́стать * широкéнька,
Постать широкенька,
Снопочки частеньки,
Снопочки частеньки,
Перевясла * крутеньки!

237

«Уж ты зять, ты мой зятюшка,
Дорогой ты мой зять возлюбленный!
У тебя-то, мой зятюшка,
Ни усов нет, ни бородушки,
Ни сохи нет, ни боронушки,
Ни в чистом поле ноло́сыньки,
На гумне нет ни кладушечки, *
На столе нет ни краюшечки!»
«Уж ты теща моя ласковая!
Твоя-то дочка умница:
Что неделя — то ручéни * напрядет,
Что годочек — то моточек напрядет;
Поставила кросна́ * — девятая весна́,
Десятая — масленца;
На прошести * трава выросла,
На подножках * самоседочка * сидит;
Самоседка цыплят вывела,
Семьдесят молóдочков,
Девяносто петушков-молодцов!»
«Уж ты зять, ты мой зятюшка!
Ты поедешь во Китай-город гулять?»
«Теща ты моя ласковая!

Я куплю тебе косу резкую,
И скошу я траву шелковую,
А на печном столбу стопочку складу».

238

Ржица-матушка
Колосилася,
Во ржи свинушка
Поросилася:
Семьдесят поросят,
Да всё свиночки,
Всё свиночки,
Да всё пестренькие,
Хвостики у них
Востренькие.

239

На том месте при лужочке,
На прекрасном бережочке,
На мягкой траве,
На лазоревой,
Там девушки гуляли,
Там красные гуляли,
Цветочки рвали,
Увязывали.
Они цветики срывали,
Они красные срывали,
Веночки плели,
Увязывали.
На венках девки гадали,
Венки в реченьку кидали,
Чей венок плывет —
Милый воздохнет.
Венок по морю ныряет,
Милый клятвой уверяет,
Хочет верен быть,
Одною меня любить.
Одна девка не смолчала,
Громким голосом вскричала
«А мой потонул!
Милый обманул!»

156

Она подружкам говорила,
Она голубкам говорила:
«Пойду — утоплюсь,
С горя удавлюсь!»
Ей подружки говорили,
Ей голубки говорили:
«Дура глупая,
Безрассудная!»

240

У нас ныне Семик-Троица!
Ой лиле-лиле-лиле!
Царь-государь в поход пошел.
За ним гонят двое, трое, четверо:
«Царь-государь, воротись назад,
Твоя царевна дочку родила!»
«Для дочери не ворочусь:
Как дочка-та не домашний гость».
У нас ныне Семик-Троица!
Царь-государь в поход пошел.
За ним гонят двое, трое, четверо:
«Царь-государь, воротись назад,
Твоя царевна сына родила!»
«Для сына-та я ведь ворочусь:
Как сын-от ведь мой домашний гость».

241

Мы в поле были,
Венки развили,
Венки развили
И жито глядели.
«Зароди, боже,
Жито густое,
Жито густое,
Колосистое,
Колосистое,
Ядрянистое!»
А святой Илья
По межам ходит,
По межам ходит
Да житушко родит,—

157

Тое житушко
На пивушко,
Дочек отдавать,
Сынов женить,
Сынов женить
И пиво варить.

242

Да уж вы милые девушки мои,
Да вы подруженьки мои!
Да вы зачем меня да раздеваете?
Да чем же, чем же вам да разглянулася?
Да я кудрявая, да я нарядная была,
А теперь, березынька, да оголенная стою.
Все наряды мои да подаренные,
Все листочки мои, да вы свернулись!
Вы подруженьки мои, да отнесите вы меня,
Киньте-бросьте вы меня да в речку быструю,
И поплачьте надо мной да над березынькой!

РУСАЛЬСКИЕ

243

На гряной * неделе
Русалки сидели.
    Ой, рано й ру!
    Русалки сидели.
Русалки сидели,
Сорочки просили.
    Ой, рано й ру!
    Сорочки просили.
«Ай, девочки, подружки,
Дайте сорочки,
    Ой, рано й ру!
    Дайте сорочки.
Дайте сорочки,
Завити веночки,
    Ой, рано й ру!
    Завити веночки.

158

Завити веночки
На святы духовые,
Ой, рано й ру!
На духовые».

244

У ворот береза
Зелена стояла,
Зелена стояла,
Ветьтиком * махала.
На той на березе
Русалка сидела,
Русалка сидела,
Рубахи просила:
«Девки, молодухи,
Дайте мне рубахи!
Хоть худым-худеньку,
Да белым-беленьку!»

245

Ходит колос по яри,
По белояровой пшенице.
Где парни шли,
Тут парина, *
Где девки шли,
Тут и рожь густа,
Колосиста,
Семениста,
Нажиниста,
Умолотиста:
Как из каждого из ста
По четыреста!
Как из колосу осьмина
Из зерна-то коврига,
Из полузерна пирог,
Еще собинничек * —
Семисаженничек!

ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ

246

Костромушку да наряжали,
Девки весну провожали.
Пройдет весна да троица,
Все забавы скроются!

247

Кострома моя, Костро́мушка,
Золота в тебе головушка.
У Костромушки кисель да блины,
У золовушка горячи пироги

248

Костромушка-Кострома
Поехала в острова,
Заценила за пенек,
Простояла весь денек.
Давай, кума, шерсти,
Полысти * валяти,
Куму одевати
На шелкво́й кровати!

249

Кострома моя, Костро́мушка,
Моя белая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много зóлота-казны.
У костромского купца
Была дочка хороша,
То Костро́мушка была!
Кострому́шка-Кострома,
Лебеду́шка-лебедя!
У Костромы-то родства —
Кострома полна была,
У Костро́мина отца
Было всемеро.

Кострома-то разгулялась,
 Кострома-то расхвалилась.
 Как Костромин-то отец
 Стал гостей собирать,
 Гости собирать,
 Большой пир затевать;
 Кострома пошла плясать,
 А чужие-то пританцовывать:
     «Кострома-Кострома,
     То Костромушка была!
 Я к тебе, кума, незваная пришла;
 Я ли тебя, Костромушка,
 За рученьку возьму,
 Вином с маком напою,
 В хоровод тебя введу».

Стала Кострома поворачиваться,
 С вина-маку покачиваться;
 Вдоль по улице пошла,
 На подворьице зашла,
 На подворье костромское,
 На купецкое.

    Кострома ли Кострома,
     То Костромушка была!
 Костромушка расплясалась,
 Костромушка разыгралась,
 Вина с маком нализалась.
 Вдруг Костромка повалилась:
 Костромушка умерла.

    Костромушка-Кострома!
 К Костроме стали сходитьсь,
 Костромушку убирать
 И во гроб полагать.
 Как родные-то стали тужить,
 По Костромушке выплакивати:
 «Была Кострома весела,
 Была Кострома хороша!»
     Кострома-Костромушка,
     Наша белая лебедушка!..

Кострома моя, Костромушка,
 Развеселая головушка,
 Не у Костромушки ль головушка болит,

Не у Костромушки ли ручки болят,
Не у Костромушки ли ножки болят?
Повалилась Кострома на землю,
Подхватили, потащили Кострому на воду
И пустили ее на Волгу-реку:
«Костромушка, потопай-потопай!»
Только ручки да ножки видать,
Да маленько язычок говорит...

251

Во поле было в поле
Стояла береза.
Она ростом высока,
Листом широка.
Как под этой березой
Лежала Кострома;
Она убита не убита,
Тафтою покрыта.
Девица-красавица
К ней подходила,
Тафту открывала,
В лице признавала:
«Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь?
Твои кони вороные
Во поле кочуют,
Дороженьку чуют».
Девица-красавица
Водицу носила,
Дождика просила:
«Создай, боже, дождя,
Дождичка частого,
Чтобы травоньку смочило,
Костроме косу остру притупило».
Как за речкой, за рекой
Кострома сено косит,—
Бросила косу
Середí покосу.

252

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,

162

Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла!
И к тебе ль, Костроме,
Сошлись незванные сюда.
Стали Кострому
Собирать-одевать,
Собирать-одевать
И оплакивать:
«Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тебя ль, Кострома,
Блины масленые,
Блины масленые,
Браги сыченые,
Ложки крашеные,
Чашки липовые?»

253

Костромушка-Кострома,
Чужедальня сторона!
У Костромушки в дому
Ели кашу на полу.
Каша масленая,
Ложка крашеная.
Кашу брошу, ложку брошу,
Душа по миру пойдет.
«Где Костромушка?»
«В лес ушла».
Костромушка-Кострома,
Чужедальня сторона!
Зачем в лес забрела?
В лесу частые пеньки,
Смотри, ногу не сломи,
Нас по миру не пусти!
«Где Костромушка?»
«В бане».
Костромушка-Кострома,
Чужедальня сторона!
Зачем в баню забрела?
В бане редкий потолок,
Расшибешь себе носок,
Спину гвоздем расскребёшь,

На тот свет скоро пойдешь!
«Где Костромушка?»
«Костромушка умерла».
Умер, умер наш покойник
Не в среду, не во вторник,
Его стали кадить —
А он глазками глядит!
Стали Кузькой величать —
Он ногами стучать,
Костромушкой величать —
Стал он спинку расправлять,
А как стали отпевать —
Он за ними бежать!

254

Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!

Клали его во гробочек,
Зарывали его во песочек.
«Встань, батюшка, встань!»
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу —
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.

Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!

Приходили к батюшке четыре старушки,
Приносили батюшке четыре ватрушки:
«Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу —
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.

Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!

Приходили к батюшке четыре молодки,
Приносили батюшке четыре сочовки:
«Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу —
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.

Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!

Приходили к батюшке четыре девчонки,
Приносили батюшке четыре печенки!

«Встань, батюшка, встань!

Встань, родимый, вздынься!

Ждем твою привету, ждем твою ответу,

Встань из гробочка,

Вздынься из песочка!»

Ожил наш батюшка, ожил!

Вздынул родимый наш, встал!

КУПАЛА И ПЕТРОВКИ

Иванов день (Иван Купала) широко отмечался у большинства европейских народов, и основные формы обрядов были сходными. Купала был приурочен к летнему солнцевороту (24 июня), то есть времени, когда растительность входила в полную силу и обладала чудесными свойствами. Крестьяне начинали ожидать урожая, надеяться на него и готовиться к его сбору.¹ В ивановскую ночь собирали целебные травы, купались или обливались водой (очистительный обряд) и кое-где (раньше, видимо, повсеместно) прыгали через костры (тоже очистительный обряд). Если купаться было нельзя (например, на Севере России), принято было париться в бане, настаивая воду на целебных травах.

Русских купальских песен известно сравнительно мало, большинство записей сделано в районах, близких к Украине или Белоруссии. К дню Ивана Купала были приурочены также своеобразные обрядовые лирические песни и баллады об Иване да Марье, брате и сестре, которые, не узнав друг друга, стали мужем и женою и были за это превращены в цветок.

Петров день (29 июня) был в значительной степени продолжением Иванова дня. На петровки пели иной раз те же песни, что и на купалу, но бытовало и некоторое количество самостоятельных петровских песен. В петровскую ночь «караулили солнце», так как верили, что солнце в эту короткую ночь «играет». Молодежь, участвовавшая в этом обряде, шумела, уносила у хозяев «все, что плохо лежит», и сваливала в кучи где-нибудь за деревней.

---

¹ Заметим, что купальские обряды у русских были менее развитыми, чем у украинцев и белорусов. Ср. повесть Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала».

КУПАЛЬСКИЕ И ПЕТРОВСКИЕ

255

Ходил чижик ¹ по улице,
Сбирал девок на купальню: ²
«Ну, девки, на купальню,
Ну-те да вы, девки, на купальню!
Вам, девки, своя волюшка!»
Ажно женочкам воли нету,
Нету воли а николи! *
Нету воли а николи:
Горшочек кипит на загнети,*
Дитя плачет в колыбели,
Свекор лежит на постели,
А свекровка против печи,
А девери кóло столу́,
А золовки кóло полу́!
Покуль * младá пробрáлася,
И купаленка миновáлася!

256

Пойдем, девки,
Пойдем, девки,
Кругом жита,
Кругом жита.
В нашем жите,
В нашем жите
Ведьма сидит,
Ведьма сидит.
«Иди, ведьма,
Иди, ведьма,
С нашего жита,
С нашего жита,
Наше жито,
Наше жито
Свячённое, *
Свячённое!
Иди, ведьма,
Иди, ведьма,

¹ Здесь — хоровод.

² Здесь — на Ивана Купалу.

В Сеньково,
В Сеньково,—
Тама жито,
Тама жито
Не свячено,
Не свячено».

257

Марья Ивана,
Марья Ивана
В жито звала,
В жито звала:
«Пойдем, Иван,
Пойдем, Иван,
Жито глядеть,
Жито глядеть!»
Чье жито,
Чье жито
Лучше из всех,
Лучше из всех?
Наше жито,
Наше жито
Лучше из всех,
Лучше из всех!
Колосисто,
Колосисто,
Ядрянисто,
Ядрянисто.
Ядро в ведро,
Ядро в ведро.
Колос в бревно,
Колос в бревно!

258

Иван Марью,
Иван Марью звал в жито,
Звал в жито.
«Пойдем, Марья,
Пойдем, Марья, глядеть жито,
Глядеть жито.
А в том жите,

168

А в том жите нелюб сидит,
Нелюб сидит.
Нелюб сидит,
Нелюб сидит, косо глядит,
Косо глядит.
Косо глянет,
Косо глянет — веноч вянет,
Веноч вянет.
Прямо глянет,
Прямо глянет — зеленеет,
Зеленеет.
Тая девка,
Тая девка веселеет,
Веселеет».

259

Иван да Марья
В реке купались:
Где Иван купался,
Берег колыхался,
Где Марья купалась,
Трава расстилалась.
Купала на Ивана!
Купался Иван,
Да в воду упал.
Купала на Ивана!

260

А Иван Марью
Звал на купальню,
Купала на Ивана!
«Где, Купала,
Ночь ночевала?»
«Под осинкою
С Максимкою,
Под орешкою
С Терешкою».
«Что, Купала,
Вечеряла?»
«А варенички
С цибулею,
Кулажищу-
Неуважищу».

169

По бору,
По бору,
По вересу,*
По вересу
Ходит коник,
Ходит коник
Вороненький,
Вороненький.
На том коне,
На том коне
Седло лежит,
Седло лежит.
На том седле,
На том седле
Иван сидит,
Иван сидит,
За ним Марья,
За ним Марья
Вдогон бежит,
Вдогон бежит:
«Постой, Иван,
Постой, Иван!
Скажу нечто,
Скажу нечто!
Скажу нечто,
Скажу нечто,—
Тебя люблю,
Тебя люблю,
Тебя люблю,
Тебя люблю,
С тобой пойду,
С тобой пойду!
Загадаю,
Загадаю
Три загадки,
Три загадки.
«А что растет,
А что растет
Без кореня,
Без кореня?
А что горит,
А что горит
Без польямя,

Без полымя?
А что бежит,
А что бежит
Без повода,
Без повода?»
«Сейчас, Марья,
Сейчас, Марья,
Разгадаю,
Разгадаю!
Разгадаю,
Разгадаю
Три загадки,
Три загадки:
Камень растёт,
Камень растёт
Без кореня,
Без кореня.
Сажа горит,
Сажа горит
Без полымя,
Без полымя.
Вода бежит,
Вода бежит
Без повода,
Без повода».

262

Нонче купалы,
Завтра Иваны.
Купалы на Иваны!
Купался Иван
Да в воду упал.
Ох, брат сестру
Двору кличет.
Двору кличет,
Загубить хочет.
«Ой, братец мой
Иванушка!
Не губи меня
В буденный день,
Загуби меня
В воскресный день.
Положи меня

171

У ограды,
Обсади меня
Стреліцами,*
Обвешай меня
Намётками,*
Обсей меня
Василечками!
Молодцы идут,
Стреліцы рвут.
Старушки идут,
Намётки берут.
Девицы идут,
Василечки рвут,
Василечки рвут,
Веночки вьют.
Меня, младу,
Поминать будут».

263

О, купаленка, о, купаленка,
Нючка маленька, ночка маленька.
Там купалось, там купалось
Две сестрицы, две сестрицы.
Там купались, там купались,
Говорили, говорили:
«Вместе рóсли, вместе рóсли,
Пóврозь вышли, пóврозь вышли».
Купаленка, купаленка,
Нючка маленька, ночка маленька.
Там купалось, там купалось
Две сношки, две сношки.
Там купались, там купались,
Говорили, говорили:
«Пóврозь рóсли, пóврозь рóсли,
Вместе сóшлись, вместе сóшлись».

264

Как на горушке, ой, на горѣ,
На высокою на крутой,
На раздольицы широкѣй
Там горит огонь высокѣй.

172

Как в том огню жгли три змеи:
Как одна змея закликуха,
Как вторая змея заползуха,
Как третья змея веретейка. *
Закликуха-змея коров закликает,*
Заползуха-змея заломы ломает,
Веретейка-змея зажин зажинает.

265

«Святой Иван,
Что ты робишь?»
«Ах, мой боже,
Ляды * полю».
«Святой Иван,
На что ляды?»
«Ах, мой боже,
Ячмень сеять».
«Святой Иван,
На что ячмень?»
«Ах, мой боже,
Пиво варить!
Пиво варить,
Сынов женить,
Дочек отдавать,
Пасаг * делить».

266

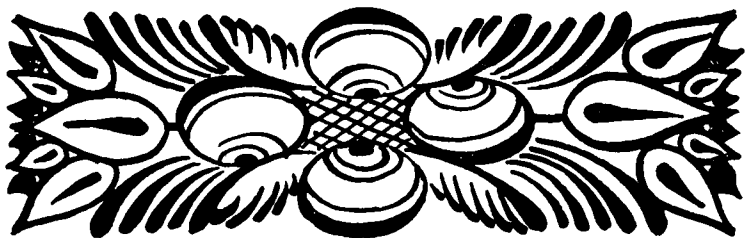
Девы цветы щипали
Да у Ивана пытали:
«Что это за цветы?»
«Это цветы Купáлы,
Дэвицам — умывáлы,
А пáреням — воздыханья!»
Сохнут-сохнут пáрени,
За грядáми сáдючи,
На дэвицей смóтрючи,
Что дэвицы хороши́,
А пáрени — голыши́:
Не мают копейцы про души́!

Петровская ночка,
 Ночка невеличка,
     А рельё, * ладо,
     Невеличка!
 А я, молодая,
 Не выпалася,
     А рельё, ладо,
     Не выпалася!
 Не выпалася,
 Не нагулялася,
     А рельё, ладо,
     Не нагулялася!
 Я с милым дружкойм
 Не настоялася,
     А рельё, ладо,
     Не настоялася!
 Не настоялась,
 Не наговорилаь,
     А рельё, ладо,
     Не наговорилаь!
 Я пришла до дому,
 С печали свалилась,
     А рельё, ладо,
     С печали свалилась!
 А пока, молода,
 В сени войду,
     А рельё, ладо,
     В сени войду!
 В сени войду,
 Постель постелю,
     А рельё, ладо,
     Постель постелю!
 А ложуся спать,
 Слезой обольюсь,
     А рельё, ладо,
     Слезой обольюсь!

А я роду,
 А я роду хорошего,
 А я роду.

А я батьки,
А я батьки богатого,
А я батьки.
А мой батька,
А мой батька — ясен месяц,
А мой батька.
И моя матка,
Моя матка — красное солнце,
Моя матка.
И мои братья,
Мои братья — соловьи в лесе,
Мои братья.
И мои сестры,
Мои сестры — в жите перепелки,
Мои сестры.
Ясен месяц,
Ясен месяц ночью светит,
Ясен месяц.
Красное солнце,
Красное солнце летом греет,
Красное солнце.
Сизы соловьи,
Сизы соловьи летом поют.
Сизы соловьи.
В жите перепелки,
В жите перепелки жать зазывают,
В жите перепелки.

СБОР УРОЖАЯ

Последний календарно-обрядовый цикл был связан со сбором урожая. Обряды эти совершали в тот день, когда кончали убирать хлеб, то есть тоже в разных районах России в разные дни. Различают зажиночные обряды и песни (жатвенные) и дожиночные, когда кончали жать.

Окончив жатву, обычно «завивали бороду», то есть завязывали последнюю горсть стеблей веночком, чтобы сила земли не скудела. После этого жнеи катались по жниву с той же целью — восстановить силы, растерянные в дни страды. Здесь же в поле поедали заранее приготовленную яичницу и потом с последним снопом, распевая песни, торжественно шествовали домой. Сноп стоял в избе до рождества, когда им закармливали скотину или трусили по полу избы, чем как бы начинали подготовку к новому урожаю.

ЖНИВНЫЕ

269

В поле пшеница
Перестой стояла.

Маю, маю,
Маю зеленó!

Перестой стояла,
Колосом махала.
Колосом махала,
Голосом гукала:
«Девки, молодухи,

Выходите, жните!
Не могу стояти,
Колосом махати.
Буйное колосье
Суколёны * ломит».
Маничка младая
Просилася замуж:
«Батюшка, мой родный,
Отдай меня замуж!
Не могу ходити,
Русых кос носити.
Русы косоньки
Плечушки сломили».
Маю, маю,
Маю зеленó!

270

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,—
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,*
Постать * широкая;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

271

Петрочкова женка
На свою нивку
Раненько выходила,
Дочек-лебедок,
Невесток-перепелок
С собой выводила.
«Пожинайте, невестки,
Пожинайте, дочери!
Дочки-лебедки,
Невестки-перепелки!
Поутру раненько,

177

Вечером поздненько,
Чтобы было с чего жити
Добренько, ладненько».

272

А я, молоденька, рожь топчú,
Рожь топчу, рожь топчú.
Травку-муравку вытопчú,
Вытопчу, вытопчú.
Зеленое жито вырастет,
Вырастет, вырастет.
А я, молоденька, буду жать,
Буду жать, буду жать.
И да в снопочки вязать,
Да вязать, да вязать.
И в сарай буду возить,
Да возить, да возить.
И на раю * буду садить,
Да садить, да садить,
И цепами буду молотить,
Молотить, молотить,
У печи буду сушить,
Да сушить, да сушить,
В квашне буду творить,
Да творить, да творить, *
И рабочих всех кормить,
Всех кормить, всех кормить.

273

Ох, чье то поле
Задремало стоя?
Янцовское то поле
Задремало стоя.
Как ему не дремать,
Когда некому жати?
Ой, чье то поле
Загремело стоя?
Цызуревское-то поле
Загремело стоя.
Чего ему не греметь,
Коли есть кому жати?

Есть кому жати,
Во стога метати,
В закрома ссыпати,
Жней награждати.

274

В бору тетерлюк *
Болбочет,
Из бора лететь
Не хочет.
В бору ягодки
Сладки,
Солодей меду
И вина.
Солодей меду
И вина,
Пошеничного
Пирога.
«Дожди, дочушка,
Овесец,
Тогда тебе бог сватов
Принесет!»

275

Пора жнейкам домой идти,
Пора жнейкам домой идти.
Потеряла заря ключи,
Потеряла заря ключи.
«А кто мои ключи найдет,
А кто мои ключи найдет,
За того замуж пойду,
За того замуж пойду».
Отозвался старый старик,
Отозвался старый старик:
«Я твои ключи нашел,
Я твои ключи нашел».
«Пропадайте, мои золоты ключи,
Пропадайте, мои золоты ключи,
А за старого замуж не идти,
А за старого замуж не идти».

179

Не пойду домой,
 Я тут заночую, горя не почую,
 Не пойду домой.
 У меня дома
 Не родная мамка, не родненький татка,
 У меня дома.
 Не пытаются, *
 Что я заморилась, что я притомилась,
 Не пытаются.
 А пытаются,
 Много ли я сжала, много ли нажала,
 А пытаются.
 Я жала,
 Жала не гуляла, снопы не считала,
 Я жала.
 Я нажала
 Девять копья жита, десятую пшенку,
 Я нажала.
 Наварила
 Девять бочек пива, десятую вина,
 Наварила.

Ой, да заходила
 Да й темная туча
 З-за темного леса.
 Ой, да проносила
 Да буйного дождя,
 Да буйного дождя.
 «Ой, дай, боже, дождя,
 Да й на три недели,
 Да й на три недели!
 Батракам на отдыханье,
 Хозяину на воздыханье,
 Хозяину на воздыханье!»
 Мы придем домóвки,*
 Мы сядем на лавки
 Да поближе к хозяйке:
 «Хозяйка-тетерька,
 Ти готова ль вечерька,*
 Ти готова ль вечерька?»

А у нас не пытаются *
Ти хотите вы исти,
Ти хотите вы исти?
А только пытаются,
А ти много вы жали
Да ти много нажали?

278

Ой, зелена-зелена
В поле трава.
Чего ж она зелена?
Что коса не была.
А молода-молода
У Андрея жена.
Чего ж она молода?
Что во поле не была,
Что во поле не была,
Она жита не жала.
Сказывает молода
Своему мужу жена:
«Запрягай, Андрюша,
Вороних коней!
Поедем, Андрюша,
На нивку скорей,
Поедем с тобою
Мы прогуляемся,
С молодыми жнеями
Мы повидаемся». *
«Уж вы жнеи, вы жнеи,
Мои молодые!
Жнеи молодые,
Серпы золотые!
Уж вы жните, жните,
Жните, не ленитесь,
А обжавши нивку,
Пейте, веселитесь!»

279

Слава тебе, боже,
Слава тебе, боже,
Что в поле пригоже!

181

В поле копами,
В поле копами,
На гумне стогами!
На гумне стогами,
На гумне стогами,
В клетки закромами!
В клетки закромами,
В клетки закромами,
В печи пирогами!
Ты рад наш хозяин,
Ты рад наш хозяин,
Что в поле пожали?
В поле пожали,
В поле пожали,
В копы поклали.

280

А слава богу
До нового году,
Слава богу
До нового году!
Егорий обжался,
Яковлевич обстрадался! *
Ниву пожали,
Страду пострадали! *
Слава богу
До нового году,
Слава богу
До нового году!

281

Уж мы вьем-вьем бороду
У Василя на поле,
Завиваем бороду
У Ивановича нашего
На ниве великой,
На полосе широкой!

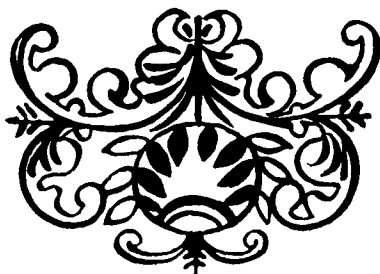
Ходил, ко́зел по меже,
 Ходил козел по меже,
 Дивовался бороде:
 «А чья й то борода,
 А чья й то борода
 Черным шелком повита́?
 Черным шелком повита,
 Черным шелком повита,
 Сы́той-медой полита́?»
 «Иванова борода,
 Иванова борода
 Черным шелком увита́,
 Черным шелком увита,
 Черным шелком увита,
 Сытой-медой полита.
 Марусенька, не лежи,
 Марусенька, не лежи,
 Ему́ бороду оближи!»

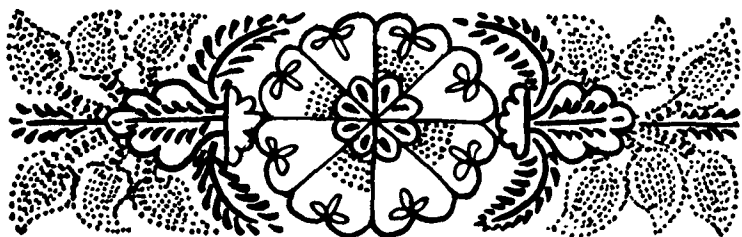
Ярья * пшеница,
 Ярья пшеница
 Говорила, говорила,
 Говорила, говорила,
 Жнеюшек просила:
 «Жнеи, мои жнеи,
 Жнеи, мои жнеи,
 Вы меня не жните,
 Вы меня не жните,
 А косой косите,
 А косой косите
 И скотам кормите.
 Не могу стояти,
 Не могу стояти,
 Колос содержать.
 А мой буйный колос,
 А мой буйный колос
 Соломину ломить,
 Соломину ломить,
 Соломину ломить,
 К сырой земле клонить».

А Ниночка матке
Давно говорила:
«Ты в люди давайся,
Ты в люди давайся,
Ты зятя прймай.
Не могу ходити,
Не могу ходити,
Красоту носить.
Мои буйные крали,
Мои буйные крали
Шию отырвали.
Моя новая шуба,
Моя новая шуба
Плечи обломила».

**СЕМЕЙНО-
ОБРЯДОВЫЕ
ПЕСНИ**

С В А Д Ъ Б А

Свадебный обряд — наиболее сложный по своему составу и в художественном отношении самый богатый из русских традиционных бытовых обрядов. Это многоактное драматическое действо. Свадьба обычно длилась не меньше двух-трех дней (а в максимальном варианте — неделю и более) и была сложным сочетанием обрядовых действий, фольклорных текстов (в том числе и прежде всего несенных), пляски, драматических сценок. Поэтому есть все основания говорить о свадебном ритуале, то есть не об одном обряде, а о целой системе обрядов.

В настоящем томе мы знакомим читателя только со свадебными песнями. В центре этих песен, как и всего свадебного ритуала, — невеста, если иметь в виду художественную природу этих песен, образ невесты. Это не требует особенно пространныго объяснения. В условиях патриархальной деревни переход от девичьей жизни к бабьей был очень резок и содержал в себе значительную долю неизвестного, которое могло обернуться трагедией.

Свадебные песни были одной из форм общественной санкции брака. Поэтому в них в метафорической форме изображается происходящее — приезд жениха, прощание с подругами и с родным домом и т. д. Однако слово «изображается» здесь если и может быть уместно, то явно недостаточно. Песни исполнены трогательного сочувствия к невесте и ее судьбе, в них признается неизбежность происходящего, оно считалось естественным и все-таки пугало. Более того, предстоящее невесте униженное положение в семье мужа не одобрялось.

Чтобы понять столь странное для нашего читателя сочетание разнородных эмоций, может быть, полезно вспомнить некоторые более известные факты. В патриархальной деревне считалось, что муж имеет право бить жену — он должен ее «учить» и даже, как

это ни странно, если мало «учит», то, следовательно, мало любит. И в то же время неизвестно ни одной русской народной песни, в которой восхвалялось бы или даже просто изображалось битье жен как нечто нормальное. Разумеется, определенную роль сыграло то обстоятельство, что большинство семейных, бытовых и любовных песен было создано женщинами. Однако это не было определяющим. Нам хорошо известны специфические «мужские» песни (казачьи, солдатские, бурлацкие, ямщицкие и т. д.), но и в них нет ни следа не только битья жен, но вообще чего-либо унижающего женское достоинство, ставящего их хоть в чем-то ниже мужчин и т. д. Объясняется это тем, что старинная народная песня, в том числе и обрядовая (особенно свадебная), вовсе не была направлена на примитивно понимаемое реалистическое (или, точнее, натуралистическое) изображение народного быта. Песня создавала свой возвышенный идеальный мир, живущий по законам красоты и нравственности. В этом мире девушка всегда красива и нежна как лебедушка или березка, мужчина — сокол. Он похищает свою будущую жену, потому что любит ее. Это объясняется не непониманием действительности или стремлением видеть ее через розовые очки. Свадебная песня должна была создавать праздничное, торжественное настроение, способствовать забвению несуразностей обыденной жизни и предрекать счастливое будущее молодым. Предрекать — и тем самым способствовать тому, чтобы будущее было действительно счастливым. Вместе с тем песни не уводили от самого главного — от тревожной неизвестности, от психологической сложности перехода невесты в другую семью и в другое социальное состояние — из дочери в родном доме она становилась снохой в доме мужа.

Если песни будут прочитаны в таком ключе, то читателю будет доступна их подлинная красота и благородство и станет понятно, почему эти и подобные им песни жили столетиями и понятны еще и до сих пор.

Свадебные песни — самый обширный раздел настоящего тома, что отражает подлинное соотношение вещей — это действительно самый богатый и многочисленный цикл обрядовых песен. Они поются на разных этапах ритуала, обращены то к невесте, то к жениху, то к ним обоим, к подружкам, к родным и т. д. Среди них мы найдем несни-метафоры, песни, комментирующие обряд, песни-команды, сигнализировавшие о переходе от одного этапа к другому, песни веселые и грустные, песни от имени невесты и от имени девушек, ее подружек. Подавляющее большинство песен в дни свадьбы пелось девушками. Без опасности преувеличить, можно сказать, что ритуал развивался на фоне почти непрерывного пения хора девушек. Поэтому девушек-певиц

было принято одаривать за пение сладостями, пряниками, мелкой монетой.

В отличие от свадьбы других славянских народов,¹ ритуал русской свадьбы предписывал не только пение девичьих песен от имени невесты, но и вербальную (словесную) активность самой невесты. С просватанья и до выхода к столу после приезда жениха она обычно произносила так называемые причитания, которые составляли особый стихотворный жанр, исполнявшийся речитативом. Поэтому причитания мы выделяем в особый раздел. В особые разделы выделены также свадебные величальные и корильные песни (подробнее о них см. в вводных заметках к этим разделам), которым свойственна самостоятельная обрядовая функция. Основная же масса собственно свадебных песен подобрана и расположена по этапам свадебного ритуала. Это расположение несколько условно, так как рядом с песнями, которые более или менее определенно связаны с теми или иными обрядами, есть значительное число песен, которые могли исполняться если не на всех, то по крайней мере на нескольких этапах. Это главным образом песни, связанные со сквозными темами — любовь, расставание, замужество и т. д. Кроме того, как уже говорилось, в предсвадебные и свадебные дни пелось обычно много песен, которые тематически прямо или косвенно связаны со свадьбой, однако не могут быть названы собственно обрядовыми.

Свадебные песни использовались многими писателями и композиторами. Так, например, широко распространенная песня «На море утушки купались» звучит в опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», в операх «Опричник» П. И. Чайковского и «Сон на Волге» А. С. Аренского. Песня «Пивная ягода по сахару плыла» обрабатывалась М. А. Балакиревым и легла в основу одной из частей «Увертюры на русские темы» С. М. Ляпунова и т. д.

Мы не даем здесь пространного описания свадебного обряда, тем более в его многочисленных местных разновидностях. Каждой группе песен, более или менее устойчиво связанных с каким-либо этапом ритуала, предпосылаются краткие замечания, необходимые для понимания этих песен.

---

¹ В этом смысле традиционный русский ритуал близок к тому, что мы находим в традиции некоторых финно-угорских народов — карел, коми, мордвы.

СВАТОВСТВО

Сватать обычно приходили мужчины — сваты из пожилых родственников; в некоторых районах расселения русских и, как правило, в городах — пожилые женщины (чаще им доверялось предварительное сватовство или «выведывание»). Сваты шли по деревне (обычно к вечеру) с полотенцами, перевязанными вкось через плечо, и в новых или чистых рубахах. Все их дальнейшее поведение было также строго регламентировано: согласно обычаю, они должны были определенным образом войти в избу, перекреститься и поздороваться с хозяевами. Речь о сватовстве они заводили обиняком, традиционными метафорами (ср. балладу «Сватовство» А. К. Толстого, где сваты выдают себя за рыбаков, охотников). Приглашение сватов за стол и их угощение было тоже своеобразной метафорой, знаком того, что согласие возможно.

Невеста выходила к сватам, и с этого момента считалась «сговорёнкой», хотя основной юридический акт, закреплявший согласие (рукобитье), был еще впереди. Во время сватовства начинали звучать песни (большинство из них пели девушки) и причитания невесты.

284

Двое-трое Анны уговаривали,
Да двое-трое Андреевны наказывали:
«Да не ходи ты хоть, Анна, к высокому терему,
Да ты не слушай хоть, Анна, у Василья игры,
Да ты не слушай хоть, Анна, у Петровича:
Да что Василья-то гусельцы звончатые,
Они звончатые гусли, иеребáрчатные, *
Да они скоро-то перезовут на чужу сторону.
Да на чужу сторону к чужу батюшку,
Да на чужу сторону к чужой матушке».

285

Как вечер, моя матушка,
Прилетала кукушечка,
И садилась кукушечка
На кутнее * окошечко.
Говорила кукушечка
Человеческим голосом:

189

«Уж ты плачь, красна девица,
Уливайся, дочь отецкая!
На чужой-то на сторонушке
Три поля горя насеяны,
Печальёй-то огорожены,
Горючим слезам поливаны
Течет реченька слезяная,
По ей жилочка кровяная.
А сегодня вот, матушка,
Прилетал млад ясён сокол,
Что садился млад ясён сокол
На переднее окошечко;
Говорил млад ясён сокол
Человеческим голосом:
«Ты не плачь, красна девица,
Веселись, дочь отецкая!
На чужой дальней стороне
Три поля пшена насеяны,
Весельем да обгорожены,
Радостью да исполиваны.
Течет реченька медовая,
По ей жилочка золотая».

286

Полно зимушке зимою зимовать,
Время летушку-то с вёсной наступать.
И полно, миленькой, тебе да пить-гулять
И на мое сердцё тоски да надавать!
И мне-ка так да тэперь, девушке, ведь тошно,
И пособить да тому горюшку не можно.
И я последнюю-то веснушку гуляю,
Теперь последнее я лето работаю,
И я последнее во девках коротаю,
И всё последнюю тэперь зимушку играю,
И все последние ведь крайние денечки,
И вси разважны * теперь с волюшкой часочки!
И хочет батюшко ведь замуж выдавать,
И рódна матушка ведь с волей разлучать,
И выдать девушку ли, меня, не за ровню,
Не за ровнюшку ли замуж — за старóго;
И за старым я, девка, в любви * жить не буду,
И за старым мужем я да погуливать стану,
И себе ровнюшку я буду прибирать.

190

Хвалилася калина,
 А в лозе стоючи:
 «Ой, кто до меня дойдёт,
 Ой, кто да меня ссекёт?»
 Заслышал да лютой мороз:
 «Ой, я до тебя дойду,
 Ой, я да тебя ссеку
 Без лука, без сабли,
 Без булатного ножичка».
 Хвалилася Маринушка,
 У батюшки седючи:
 «Ой, кто до меня дойдёт,
 Ой, кто да меня возьмёт?»
 Заслышал Иванушка,
 Заслышал Васильевич:
 «Ой, я до тебя дойду,
 Ой, я да тебя возьму
 Без пива, без мёду,
 Без зелёного вина».

А в поле холменочка стояла,
 А около холма дорожка лежала.
 По той по дорожке Маринушка бежала.
 Бежит, бежит Маринушка резвенько,
 Оглянётся на батюшку близенько:
 «Ой, иди-нейди, мой батюшка, за мною,
 А не будет нам годинушки с тобою:
 То дождь, то снег, то метелица на дворе».
 А в поле холменочка стояла,
 А около холма дорожка лежала,
 По той по дорожке Маринушка бежала,
 Бежит, бежит Маринушка резвенько,
 Оглянётся на матушку близенько:
 «Ой, иди-нейди, моя матушка, за мною,
 А не будет нам годинушки с тобою:
 То дождь, то снег, то метелица на дворе»
 А в поле холменочка стояла,
 А около холма дорожка лежала.
 По той по дорожке Маринушка бежала,
 Бежит, бежит Маринушка резвенько,

Оглянется на Иванушку близенько:
«Ой, иди-пойди, Иванушка, за мною,
Да будет нам годинушка с тобою:
Нет ни дождю, нет ни снегу, ни метелицы на дворе».

289

Тятенька лялил, лялил, *
Маменька по головке гладила:
«Ты поедешь, сын, жениться,
Заедешь во широк двор.
Не пускай коня по-просту,
Давай коня конюху,
Заставляй его поить-кормить,
Поить его водицею,
Кормить его пшеницею.
Ты заедешь, сын, на красно крыльцо —
Воздавай свашеньке поклон;
Ты заедешь, сын, на калинов мост —
Воздавай девушкам поклон;
Ты взойдешь, сын, в белу горенку —
Не вставай, сын, под матицу, * —
Становись, сын, посреди полу,
Понижае своей барыне поклон!»

290

По сеничкам ли, сеничкам батюшковым
Ой, калина ли моя, ой, малина ли моя!
Да тут хóдила, гуляла красна девица,
Да она хóдила, будила да родна батюшка:
«Да уж ты встань, пробудись, родный батюшка,
Да под окном стоят гости торговые,
Да продают атласы и бархаты,
Да продают сафьянны-то башмачки,
Да много красного золота,
Да много чистого серебра».
Да стал родной батюшко,
Умывается, утирается.
Да ён пошел по торгам и по лавицам,
Да ён купил и атласу, и бархату,
Да ён купил сафьянны башмачки,
Да ён купил много красного золота,

192

Да ён купил много чистого серебра,
Он сошил ей из бархата шубочку,
А из золота повязочку * садил,
А из серебра-то чуски * слил.

291

Край дороженьки берёзонька стоит,
Край дороженьки заломанная,
Край дороженьки заломанная,
Во веночек она связанная.
Да тут ходила злая сватовщица,
Да тут ходила злая сватовщица,
Она сваталася и хвасталася,
Она сваталася и хвасталася,
Да за чужу душу божилася,
За чужу душу все божилася,
Все божилася да клялася:
«У меня жених не пьяница,
Он не пьет же пиво пьяное,
Он не пьет же пиво пьяное,
Не примат вино зеленое».

292

Что на тихой на тишине,
Да на тихой лебединою
Да тут не паванька плавала,
Да не пава перья ронила,
Да тут сестра брату жалилась,
Брату милому, любимому:
«Да уж ты, брателко, брат родной,
Да зачем рано распрогневался
Да на меня, на молодёхоньку,
Да на мою на буйну голову,
Да на мою на трубчату косу,
Да на приплетну ленту алую?!»
«Да ты сестра моя, сестриченька,
Да не твори судьбу-жалобу¹
Да ты на брата на старшего,
Да ты твори судьбу-жалобу

¹ Здесь — суд, судбище.

Да ты на свата на бóльшого,
Да на бóльшого, лукавого,
Да на вряля редкозубого,
Да на змея семиглавого;
Да он ходил всё, похаживал,
Да стороной, не дорогою;
Да он хвалил всё, нахваливал
Да как чужу-ту дальну стóрону:
Да как чужá дальна стóрона
Да она горохом огорожена,
Да черносливом усажена,
Да медами она поливана;
Да как у нашего Иванушка,
Да как у нашего Ивановича
Да стоит дом на семи верстах,
Да на семи с половиною;
Да среди двора божья церковь,
Да по углам стоят горницы».
«Не жила я, не ведала,
Пожила — все проведала:
Да как чужа дальна сторона,
Да сторона незнакомая
Тоской-горюшком посеяна,
Да тоской-горем огорожена,
Да горючьми слезами поливана;
Да как у нашего Иванушка
Да стоит дом на семи шагах, *
Да на семи с половиною;
Да по углам стоят байницы, *
Да среди двора конюшнишко».

293

Жалобилася, плакала
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому,
Брату ясному соколу,
Анна Карповна
Ивану Карповичу:
«Уж ты брат ли мой, брателко,
Поступай-ка, мой брателко,
Да по светлой по светлицы
Да по столовой новой горницы».
На крюках дверь отпиралася,

194

Да на пята * становилася;
Что во ту светлу светелку,
Пристоло́ву * нову горницу
Заходили князья-бояра
Со всема поезжаночками,
Со всем княжеским поездом.*
Во-первы́х едет батюшко,
Во-вторых едет тысяцкий,
Во-третьих — первобрачный мо́лод князь,*
Князь хорошенький, молоденький,
Князь — верба́ кудреватая,
Князь — наливная ягодка.
Становился невробрачный мо́лод князь
Среди пола дубового,
Среди напротив матицы.
Он крест по писаному кладет,
Он поклон по ученому ведет,
На все стороны кланяется:
Как на перву-то сторону —
Княгининому батюшке,
Карпу Ивановичу,
На вторую-то сторону —
Княгининой матушке,
Доманы Даниловне,
На третью сторону —
Ко княгининым братьицам,
На четвертую сторону —
Ко княгининым сестрицам,
На пятую сторону —
Ко княгине за завесу, *
Анне Карповне.

Налетали ясны соколы́.
Садилсь соколы́ за дубовы столы,
За дубовые столы, за камчатны скатерти.
Еще все-то соколы́ оны пьют и едят,
Оны пьют и едят, сами веселы сидят,
А один-от сокол он не ест и не пьет,
Он не ест и не пьет, он невесел сидит,
Он невесел сидит да все за завесу глядит,
Все за завесу глядит да себе девицу бажит.*

Тут успела-не успела Аграфена-душа,
Тут поспела-не поспела свет Ивановна:
У ей русая коса недорощена,
У ей хазова * повязка не запошена,
У ей ленточка ала не затрепана,
А белые дары да не добелены...
Налетали ясны соколы,
Садилась соколы за дубовые столы,
За дубовые столы, за камчатны скатерти.
Еще все-то соколы оны пьют и едят,
Оны пьют и едят, сами веселы сидят,
А один-то сокол он не ест и не пьет,
Он не ест и не пьет, он невесел сидит,
Он невесел сидит да все за завесу глядит,
Все за завесу глядит да себе девицу бажит.
Тут поспела, тут поспела Аграфена-душа,
Тут поспела, тут поспела свет Ивановна:
У ей русая коса уж дорощена,
У ей хазова повязочка запошена,
У ей алая-то ленточка затрепана,
А белые-ти дары да все добелены.

295

Раскачалась в саду грушица
Перед яблонью кудрявою,
Перед яблонью зеленою,
Перед яблонью зеленою.
Расплакалась красна девица
Перед своим родимым тятенькой,
Перед своей родимой маменькой:
«Ты родимая моя маменька,
Вы на что же пиво варите?
Вы на что же пиво варите?
То ли сына женить хотите?
То ли сына женить хотите?
То ли сноху в дом заводите?»
«Мило мое дитяtko,
Мы хотим тебя взамуж отдать,
Мы хотим тебя взамуж отдать
За удала добра молодца».

Уж я банюшку топила,
 Уж я жаркую топила.
 Растопися, банюшка,
 Ты рассыпся, бел жемчуг,
 По подласу, * по бархату,
 По шитым браным скатертям!
 Ты расплачься, свет Катенька,
 Перед своим родным батюшкой,
 Перед своей родной матушкой:
 «Ты, родитель мой батюшка,
 Ты на что зелено вино куришь,
 Ты на что пиво пьяное варишь?
 Ты, родительница матушка,
 Ты на что дары кроишь?»
 «Ты, родимое дитяtko,—
 Все твоих гостей кормить,
 Твоего боярина.
 Все твоих гостей дарить,
 Твоего боярина».

Ты Сокол да Соколович,
 Да ты Василий Иванович,
 Да ты летал, перелётывал
 Через горницу на крыльцо,
 Да замечал себе лебедушку,
 Да душу красную девушку.
 Я не знамучи не знала, как назвать,
 Да я по имени не знала свеличать,
 Да я по имени Васильюшkom,
 Да по изотечеству * Иванович.
 «Да ты испей-ка, искушай-ка,
 Да моего медку покушай-ка».
 «Да я из рюмочки не пью-таки, не пью,
 Да из стакана не хочу, не хочу,
 Да перед тобой постою, ностою,
 Да тебя душой назову, назову,
 Да тебя Александрюшкой,
 Да по изотчине Ивановной».

«Ой, да ты рябина, да ты рябинушка,
 Ой, да ты садова зелена прикудрявая,
 Ой ты, когда ты взросла, когда выросла?»
 «Ой, да весной-то взросла, летом выросла».
 «Ой, да когда выросла, когда вызрела?»
 «Ой, да зрела-то, зрела я при солнышке,
 Да при солнышке, да все при зорюшке».
 «Ой, да когда ты, зачем рано наклонилася?»
 «Ой, да не сама я наклонилася,
 Ой, да наклонили меня снега глубокие,
 Снеги глубокие, ветры буйные».
 «Ой, да ты дева, дева, ты зачем рано замуж пошла?»
 «Ой, да не сама я, сама замуж пошла,
 Да просватал меня сударь батюшка,
 Потакала меня родна матушка,
 Ой, да потакала меня родна сестрица,
 Ой, да потакали меня родны братики,
 Ой, да перва — мила подруженька Фросенька!»

Как по улице дождь поливает,
 У нас в Виске-то девок убывает,
 Молодушек-то да прибывает.
 Уж вы, девушки, да поиграйте,
 Еще вы, молодцы, да погодите,
 Еще жалобно на девок не глядите.
 Еще взглядом-то девушку не вóзьмешь:
 Еще взять-то, взять да сно любви,
 Что со батюшкиного благословенья,
 Что со матушкина дозволенья.
 Уж я батюшку да говорила,
 Уж я свету родному доносила:
 «Не отдай меня, батюшка, замуж,
 Не задорься на высокие хоромы;
 Не с хоромами жить — с человеком,
 Мне не с платьем, да со советом.
 Много цвётного платица на грядке, *
 Что неровнюша лежит да на кровати,
 Разувать, разболочать да заставляет.
 Еще мне покориться да не охота,

Своей спинушки да присогнути,
Белых ручушек да примарати,
Золотых перстней да поломати».

300

Уж ты свет наша изменщица,
Катерина ты Федоровна.
Ты крестилась, божилась:
«Право, право, не йду замуж,
Вот те бог, не подумаю».
Уж кого ты послушалась?
Или батюшки с матушкой?
Или братьев, малых сестер?
Или сношки-невестушки?
Или свата ты, сводника?
Уж как свату-то, своднику,
Как ему, полуночнику,
Три болёски * тяжелые,
Уж как нерву болёстоньку —
Комуху-то * трясучую,
Чтоб трясло потрясаючи,
В потолок утыкаючи,
Под семи нод одьялами,
Под восьми нод тулупами.

301

«Кто у нас во горнице холост, не женат?»
«Холост, не женат Иван-господин!
Время ему, ему жениться:
Сужена его новыросла,
Ряжена его ноперёросла;
Белое бельё перебелено,
Персидски платки принакуплены,
Ленточки бантиками перевязаны,
Бельем сундуки принакладены!»
Вспрогóворит, вспомóлвит Иван-господин:
«Уж вы глупые люди, неразумные!
Сужена моя не выросла,
Ряженная не перёросла,
Белое бельё не набелено,
Персидски платки не накуплены!»

Не разливайся, мой тихий Дунай,
 Не потопляй зеленые луга,
 Зелены луга и ковыль-травку!
 По этой но травушке ходит олень,
 Ходит олень — золотые рога,
 Некому оленя иодбить-подстрелить,
 Подбить-нодстрелить и подранити,
 Взаяся-нринялся один господин,
 Один господин удалой молодец,
 Свет Иван Васильевич;
 Ударил оленюшка тросточкою,
 Тросточкою серебряною,
 Стегнул оленюшка плеточкою,
 Плеточкой шелковенькою,
 Взмолился ему белый олень:
 «Не бей, не стреляй, удалой молодец,
 На экое время сгожуся тебе!
 Будешь жениться — на свадьбу приду,
 На свадьбу приду — я в гостину * зайду,
 В гостину зайду — все свечи погашу,
 Все свечи погашу и рога засвечу,
 Рога засвечу — я игры подниму,
 Игры подниму — всех гостей взвеселю,
 А наособицу — красну девицу
 Свет Прасковью да Ивановну!»

Долина, долинушка, раздолье широкое!
 По этой долинушке гулял детинушка
 (*Имя и отчество жениха*).
 Увидела матушка из высока терема:
 «Дите ль мое, дитятко, дите ль мое милое,
 Что ходишь невесело, гуляешь не радостно?»
 «Ах, родима матушка, к чему веселитися?
 Все мои товарищи да все поженилися,
 А я у вас, матушка, хожу холост, не женат!»
 «Женись, женись, дитятко, женись, мое милое,
 Бери, бери, дитятко, которая понравится!»
 «Понравилась, матушка, у соседа девушка!»
 «Соседова девушка будет твоя женушка,
 Будет твоя женушка, а моя невестушка —
 Свет (*имя и отчество невесты*)!»

СМОТРИНЫ, СГОВОР (РУКОБИТЬЕ) И ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

После сватовства начинались взаимные посещения будущих родственников. «Смотрели» невесту и хозяйство жениха (даже в том случае, когда жених был ближайшим соседом и все необходимое было заранее известно), договаривались о приданом и о «кладке»,¹ о дне свадьбы, о количестве приглашаемых родственников. Все это сопровождалось советами с родственниками, выборами дружки — руководителя свадьбы со стороны жениха и т. д. Самым главным для невесты до дня свадьбы было приготовление приданого. Собственно, это тоже был в значительной мере обряд, так как приданое начинали готовить будущей невесте еще в детские годы. В предсвадебные же дни невеста должна была продемонстрировать свое трудолюбие. Все эти последние приготовления совершались ею в окружении и при ближайшем участии ее подружек — других девиц на выданье из этой же деревни.

Самым значительным событием этого типа свадебного ритуала был сговор (рукобитье, заной и т. д.) — обрядовый акт, во время которого окончательно договаривались о свадьбе — «били по рукам». После сговора отказываться от женитьбы было позором и для жениха, и для невесты. Сговор был своеобразной кульминацией, высшей точкой предсвадебного периода. После сговора приготовления к свадьбе ускорялись, каждый день невесты становился все более насыщенным обрядами. Девушки каждый вечер собирались к ней, вместе рукодельничали и пели песни.

СМОТРИНЫ

304

Во тереме девица сидит,
Что Авдотья Андреевна,
Ожерелье жемчужное садит. *
Рассыпала ожерельице
По всему высокому терему.
Не собрать, не собрать жемчужка
Что ни батюшке, ни матушке,
Ни братцам, ясным соколам,

¹ То есть об участии семьи жениха в свадебных расходах и дарах невесте.

Ни сестрицам, белым лебедям.
Соберет, соберет жемчужок
Удалой добрый молодец
Александр Николаевич
Со душой со красной девицей,
Что с Авдотьей Андреевной.

305

Уво ключика, во свежего
Да свет ли Маня воду черпала,
Свет ли Маня воду черпала
Да, подчерпнувши, ведра ставила,
Подчерпнувши, ведра ставила,
А все с Васей речи баила.
А все с Васей речи баила,
Перстениями поменялися.
Перстениями поменялися,
В уста крепко целовалися.
В уста крепко целовалися,
Увидала ее маменька.
Увидала ее маменька
С высокого своего терема.
«Уж дите ты мое, дитяtko,
Че ж ты долго воду черпала?»
«Родимая моя маменька,
Налетели гуси-лебеди,
Налетели гуси-лебеди,
Замутили воду свежую.
Замутили воду свежую,
А я, млада, дожидалася.
А я, млада, дожидалася,
Пока вода устоялася».
«Уж дите ты мое, дитяtko,
Молода стала обманывать.
Молода стала обманывать,
Ты подай же праву рученьку.
Ты подай же праву рученьку,—
Это чей же у тебя перстень на руке?»

306

Во Казани, славном городе,
Во палате белокаменной,
Там и стены беломраморны,

Там полы-то все крашóные,
Столы новые, дубовые,
На столах-то скатерь браная,
За столами гости званые
Пьют, едят и прохлаждаются,
Сами собой восхваляются,
Кто богатством, кто торговлею,
Кто помещьем, а кто вотчиной,
Только один из них не хвалится,
Что Иванушка Иванович:
«У меня, братцы, есть невеста хороша,
Клавденька Петровна!
Без белил-то лицо белое,
Без румян-то щечки алые,
Без сурмянки брови черные,
А походочка павлиная,
Разговоры лебединые,
А наречье — серой утицы!»

307

Как у Аннушки матушка
Не добра была, не ласкова;
У Андреевны рóдная
Не ласкова, не приветлива.
Посылала ее матушка
Что во сырой бор по ягодки:
«Выбирай-ко себе, дитяtko,
Что из ягодок ты ягодку;
Из калины — калинушку,
Из малины — малинушку,
Из смородины — смородинку».
Как у Аннушки матушка
И добра была, и ласкова;
У Андреевны родимая
И ласкова, и приветлива.
Посылала ее матушка
Во высок терем бояр смотреть:
«Выбирай-ко себе, дитяtko,
Из князей ты себе княжича,
Из бояр себе боярина;
Выбирай сужено-ряжено,
Удалого добра молодца».
Красна девица назад идет;

Под ней ноги подгибаются,
Белы руки опускаются,
Очи ясны закрываются,
Горьки слезы проливаются.
«Уж я выбрала-то, матушка,
Себе суженое-ряженое,
Удалого добра молодца,
Свет Ивана-то Никитича!»

308

Сказали: Иван-от грозён,
Он грозен, грозен, немилостивой,
Спо новым сеням похаживает,
Каблуком полы проламывает.
Он ступил да в белу горницу,
Распахнул белу занавесу.
За занавесой-то девица сидит
Лизавета Николаевна.
Он и брал ее за правую руку,
Руку о руку ударили,
Изломал он у ё да золот перстень.
Лизавета испужалась.
Николаевна приужахнулась:
«Еще как будет мне батюшке сказать,
Еще как мне родной маменьке сказать?
Я скажу родиму батюшке,
Я солгу родимой маменьке.
Что брала я трои золоты ключи,
Отпирала окованны сундуки,
Вынимала кармазиновы * сукна
Да кроила добру молодцу сюртук,
Что Ивану свет Михайловичу.
Я кроила да вымеривала,
Чтоб не долог, не короток был,
Вкруг сердечика ужимистой,
Во подоле-то широконой».

309

Сободем Наташенька леса прошла;
Крыла леса алым бархатом,
По пути катила крупным жемчугом.

204

Прикатила на крутой бережок;
Стала на бел-горюч камешок;
Вскрикнула она зычным голосом:
«Кто бы меня за реку перевез?
Много бы дала тому золота,
Больше бы того скатна жемчугу».
Не отколь взялся ¹ Агафон-госнодин;
Агафон-госнодин, свет Иванович.
Он лодочку спускает во быстрú реку;
Он скоро поспешает ко Наташеньке,
Ко Наташеньке, свет к Федотовне.
«Уж чем тебя дарить, добрый молодец?
Есть у меня золота казна,
Жемчуг дорогой, платье цвётное».
«Мне не надо твоя золота казна,
Жемчуг дорогой, платье цвётное:
Подари собой, мое сужено,
Мое сужено, мое ряжено!»

310

Ой, мы приехали
Не двора смотреть,
Ой, мы приехали
Всё бояр смотреть,
Ой, нам сказали,
Что бояра баски,
Ой, посмотрели мы,
Что бояра страшны,
Ой, нам сказали,
Сваха под шалью,
Ой, посмотрели мы,
Сваха под рогозой. *

311

У плота, плота медяного, *
У колодца у глубокого
Со черпалищем серебряным,
Со ведерушком позолоченным
Там девицы воду черпали,

---

¹ Здесь — откуда ни возьмись.

Молодицы-то унашивали.
Что случилось мимо ехати
Удалому добру молодцу
(Ивану Степановичу).
Он им «Бог помощь!» сказывал,
Про дороженьку выпрашивал,
Куда пути-дороженьки лежат.
Что ко тестевому терему,
Ко невестиному пологу.
Подъезжает удалой молодец,
Он слезает со добра коня,
Он набрал горсть снегу белого,
И бросает он в окошечко,
Вышибает стеколышко,
Попадает в красну девицу-душу,
Вызывает красну девицу
На широкий двор на улицу,
Зовет шахматы разыгрывать,
Золоты ковры вымётывать.
«Уж не стыдно ли, удалый молодец,
Проигрался ты, прохвастался,
Проиграл свой золотой перстенок
С правой ручки с мизинчика!»
«Тебе не стыдно ль, красна девица-душа,
Пронгралася, прохвасталася,
Проиграла буйну голову свою
Со хорошей девьей красотой!»

312

Во столовой новой горнице,
Что в кути за занавесой,
Тут сидела красна девица,
Свет Елена Павловна.
Подняла она занавесу
И взвела очами по горнице:
«Это что у нас за гости сидят,
Это что у нас за званые сидят?»
Увидала братца милого:
«Государь мой, братец миленький,
Свет Владимир Павлович,
Сослужи мне службу верную,
Ты пойди на конюшний двор,
Ты возьми узду тесьмяную,

Ты поймай своего добра коня,
Заседлай седло черкасское, *
Поезжай ты во чисто поле,
Во чисто поле, во тёмный лес,
Засеки-ка ты засеку
От востока до запада,
От сырой земли до неба;
Не пропускай, брат родименький,
Ты ни конного, ни пешего;
Останови моего суженого,
Ты спроси моего ряженого,
Он не пьет ли зелена вина,
Не играет ли в кости с картами;
Не сидеть бы мне поздно вечером,
Мне не ждать бы своего мужа,
Не ронить бы горючі слезы,
Не крутить бы ретиво сердце,
Не беспокоить бы отца с матерью».

313

Хмель ходит да по улице,
Хмель ходит да по улице,
Два двора да минуется,
Два двора да минуется,
А в третий послушает,
А в третий послушает,
Что люди говóрят,
Что люди говóрят,
Чьего батьку кáрют.
Кáрют, подкарáют,
Ой, Марининога батюшку,
Ой, Марининога родного:
Прóпил он Маринушку,
Прóпил он Гавриловну
Да на винной чарочке,
На медовой стопочке.
Хмель ходит да по улице,
Хмель ходит да по улице,
Два двора да минуется,
Два двора да минуется,
А в третий послушает,
А в третий послушает,
Что люди говóрят,

Что люди говорят,
Чьего батьку хвалят.
Да хвалят, похваляют,
Ой, Иванова батюшку,
Ой, Иванова родного:
Выкупил он Маринушку,
Выкупил Гавриловну
Да на винной чарочке,
На медовой стопочке.

Как по морю, морю, морю, морю синёму,
да из-за Дунай,
Как по синёму морю, по Хвалынскому, *
Там бежало-выбегало тридцать кáраблей,
Тридцать кáраблей бежало со единым кораблём,
Со единым кораблём, с корабельщичком.
Как один-то корань да наперёд выбегал,
Наперёд выбегал да как сокол вылетал,
Еще нос, корма да по-зверинному,
Что бока-то звездены ¹ по-лошадиному,
А по кáраблю гуляёт разудалый молодец,
Разудалый молодец да нервобрачный князь,
Он стругал стружком да кипарисно деревцо,
Уронил с руки да золотой перстень,
Он во синее морё да во Хвалынское,
Закричал Иван да зычным голосом,
Да Михайлович да во всю голову:
«Уж вы слуги мои, слуги верные,
Вы берите ключи да во свои белы руки,
Отмыкайте, слуги, да окованны сундуки,
Доставайте, слуги, шелковые невода,
Вы бросайте, слуги, да во синее морё,
Что во синее морё, во Хвалынское».
Еще первый раз забросили — не выловили,
А другой раз закинули — попало ничего,
А третей раз забросили — новыловили,
Оне выловили целó три окуня,
Да три окуня златопёрые,
Еще первому окуню пятьсот рублей,
А второму-то окуню во тысячу рублей,

---

¹ Здесь — украшены.

А третьёму-то окуню — цены-то ему нет,
Только есть ему цена во Новом городе,
Во Новом городе да в каменной Москве.

315

Ты река ли моя, реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Ты, река, по лугам течешь,
По раздольям разливаешься,
У тебя ль, у быстрой реченьки,
Берега были хрустальные,
А пески на них жемчужные,
Тут стоял тонкий бел шатер.
Уж как девица из терема
Приходила ко белу шатру,
Разбужала добра молодца:
«Пробудись, удалой молодец!
Пробудися, мое сужено,
Пробудися, мое ряжено!
Что пришла к тебе девица,
Что пришла я позабавиться,
Поиграть в гусли звончатые».
Проиграла красна девица
Золотой перстень с правой руки.
«Не в досаду ль тебе, девица?»
«Не в досаду, добрый молодец!»
Проиграл ей добрый молодец
Свои гусельцы звончатые.
«Не в досаду ль тебе, молодец?»
«Не в досаду, красна девица!»
Проиграла красна девица
Что свою-то трубочку косу.
«Не в досаду ль, красна девица?»
«Не в досаду, добрый молодец!»

316

«Ах, не тесно ль тебе, реченька,
Не тесно ль тебе, быстрая,
По подлесью было текучи?»
«Ах, когда было бы не тесно,
Я текла бы, не мутилася,

Не обмывала бы крутых берегов,
Не осыпала бы с гор желтых песков,
С гор желтых песков рассыпчатых!»
«Ино как тебе, Анна-душа,
Сговоренной сидеть не скучно?»
«Ах, когда бы не было скучно,
Я сидела бы не плакала,
Не слезила лица белого,
Лица белого, румяного!»

СГОВОР

317

У броду, у бродичку,
У серебряного плотичка,
Тут и плавало, плавало
Золотое ведерышко,
Золота почерпаленка.
Тут и черпала, черпала
Душа красная девица.
Тут и подъезжал, подъезжал
Удалой добрый молодец.
Он и спрашивал девицу,
Он и спрашивал красную:
«Куда эта дорожка пролегла?»
Говорит душа девица,
Говорит душа красная:
«Пролегла та дороженька
К моему родиму тятеньке,
Ко моей родимой матушке
По меня, по красну девицу».

318

«Не лежи, черной бобр, у крутых берегов,
Черная кунá, возле быстрой реки!
Не сиди, Памфил, во чужом пиру,
Памфил — господин да Иванович!
Снаряжай ты свадебку Катенькину,
Что Катенькину да Ивановнину!»
«Глупые люди, неразумные!

210

Уж у меня свадебка снаряжена:
Девять печей хлеба испечено,
Десятая печь тертых калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десятая четверть зелена вина!
Уж у меня приданое изготовлено:
Девять городов с пригородками,
Три терема с притерёмками!»

319

Не в трубушку трубили рано по заре —
Расплакалась Прасковья по русой по косе:
«Коса ль моя косынька, коса ль моя русая!
Вечор мою косыньку девушки плели,
Жемчужными камушками увязывали,
Шелковыми плётушками уплётывали.
Прислал Иван ко мне сватушку
Немилостивую, нежалостливую:
Начала она кóсыньку рвати-метати,
Шелковые плётушки выплётывати,
Жемчужные камушки вынизывать,
Распустила мою косыньку по белым плечам,
Разлила мои слезыньки по румяным щекам».

320

«Уж, вы гуси да лебеди,
Вы далёко ли лётали?»
«Уж мы лётали-лётали
С моря на море».
«Уж вы что там видели?»
«Уж мы видели-видели
Белу лебедь на заводи».
«Для чего вы ее
С собой не взяли?»
«Хотя мы ее не взяли,
Мы ее заприметили —
Право крылышко залóмили».
«Вы бояра, бояра,
Вы далёко ли ездили?»
«Уж мы ездили-ездили
С городу на город».

«Уж вы что же там видели?»
«Уж мы видели-видели
Красну девицу в тереме».
«Для чего вы ее
С собой не взяли?»
«Хотя мы ее не взяли,
Мы ее заporučили, *
За поруки за крепкие,
За замки да за верные».

321

«Ой вы соколы, соколы,
Куда вechор летали?»
«Ах мы летали
На море, на синее».
«Ах вы что там видели?»
«Ах мы видели серую уточку,
Серую уточку на заводе».
«Ах вы что ее не пымали?»
«Мы хотя ее не нымали,
Сизы перышки повыщипали».
«Ой вы бояре умные,
Куда, бояре, ездили?»
«Ох мы ездили с городу на город,
Уж мы видели, видели
Красну девицу во тереме».
«Что вы ее не взяли?»
«Мы хотя ее не взяли,
Русу косу рóсплели,
Шелкóвой косник * выплели».

322

Сноносила меня маменька,
Споносила государыня
Во утробе ровно сорок недель.
Спородила меня маменька
Во злосчастный день,
Во злосчастный день да во пятницу,
Обмывала меня маменька
Ключевой водой холодною!
Пеленала меня маменька

Во пеленочку шелкóвую,
Во покрóмочку * русчитную. *
Еще клала меня маменька
Во колыбелицу качливую!
Уж качала меня маменька
На все четыре стороны,
Качала да приговаривала:
«Не отдам я тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за того сына казацкого!»
Уж теперь отдает меня маменька
На чужую дальнюю сторонушку,
На чужую, дальнюю, незнакомую,
Ко чужому свекру-батюшке,
Ко чужой свекровке-матушке,
Ко чужим деверьям-брателкам,
Ко чужим золовкам-сестрицам.
Уж то ходит моя матушка
На великих радостях;
И не слышит она под собою ножки резвые,
И не видит она у себя ручки белые,
Меня-то избываючи.*
Она избудет меня, хватится!
Как лихого зверя из бора,
Как лихую траву из поля,
Меня, младу, из терему.
Уж придет-то зима холодная,
Уж пойдешь ты, родимая маменька,
На Дунай-реку рубашки мыть,
Уж прищиплет ножки резвые
Ко ледочку да ко студеному,
Приморозит ручки белые
Ко валёчку да ко дубовому,
Уж тогда-то меня хватится:
«Уж было бы мое дитятко,
Заменяло бы меня при старости!»

323

Я когда была глупешенька,
Я когда была младешенька,
Круг я лавочки-то ходила,
Круг я брусчатой-то гуляла
В одной тоненькой рубашечке,

В одной тоненькой рубашечке,
Я во шелковом-то поясе.
Приходил мне сударь батюшка
Со тяжелой со работочки,
Со тяжелой со работочки,
Со великого устаточку.
Он и брал на белы рученьки,
Подымал он выше поясу,
Говорил он слово ласково,
Говорил он слово ласково,
Говорил слово приметливо:
«Ты расти-ко, расти, дитятко,
Ты расти-ко, чадо милое,
До большого ты до выросту,
До большого ты до выросту,
Да копи-ко ума-разуму,
Ой-да не отдам я тебя, дитятко,
Ой-да не отдам я, чадо милое,
Ни за князя ли боярина,
Ни за гостя-то богатого,
Ой, отдам я чадо милое
За крестьянина пащатого».*

324

Как во поле-нолечке,
Во широком раздольице
Вырастала береза, "1
Не тонка, высокая,
И бела, кудревата,
И коренья булатны,
А сама вся хрустальна,
А вершинка золотая.
На ней ветви шелковы,
На ветвях листья бумажны.
Что ко той белой березе
Слетались пташки.
Сидючи, взворковали,
На мыслях размышляли,
На голосах разносили:
«Как во нынешнем лете,
Как во нынешнем красном
Во полях травы нету,

Во лужьях воды не стало.
Как у Акулинина батюшки,
У Лаврентья, свет родимого,
Жалости в сердце нету,
Попеченья не бывало.
Отдает он милу дочь
Во чужие во люди
И во крепкие руки».

325

Как и на горе, горе,
    Рай мой, рай!
На высокой на крутой,
    Рай мой, рай!
Тут стояло деревцо
Кипарисовое.
Как на том деревце
Свито гнездышко,
Свито ласточкино,
Свито касаточкино.
Солетались соколѣ
Со всей разной стороны.
Они думу думали,
Меж собой говóрили:
«Еще кто же взлетит,
Еще кто разорит
Гнездо ласточкино,
Гнездо касаточкино?»
Один сокол посмелей,
Он и всех поудалей:
«Дай-ка я полечу,
На круту гору взлечу,
Я у пташек разорю,
Я у птичек гнездышко,
У касаток теплое,
Одну птичку заберу».
Как и на горе, горе,
На высокой на крутой,
На высокой на крутой
Тут стоял высóк терём.
Во высоком терему
Красна девица сидит.
Тут у девиц игрище,

215

У красавиц гульбище.
Собирались молодцы
Со всей разной стороны,
Они думу думали,
Они речь говорили:
«Еще кто будет войти,
Во высок терём зайти,
Во высок терём зайти,
Да красну девку увести?»
Один молодец посмелей,
Он и всех поудалей:
«Дайте я пойду,
Во высок терём зайду,
Во высок терём зайду,
Красну девку уведу.
Я у девиц разорю,
Я у девиц игрище,
Я у девиц игрище,
У красавиц гульбище».

326

«Княгини, да мы до вас пришли.
Молодые, мы до вас пришли».
«Бояра, да вы зачем пришли?
Молодые, вы зачем пришли?»
«Княгини, да мы невест смекать,¹
Молодые, мы невест смекать».
«Бояра, да у нас нет невест,
Молодые, у нас нет невест».
«Княгини, да есть на возрасте,
Молодые, есть на возрасте».
«Бояра да вы, котора вам мила?
Молодые, да котора вам мила?»
«Княгини, да вот котора нам мила!
Молодые, вот котора нам мила!»
«Бояра, да мы ее не отдадим!
Молодые, мы ее не отдадим!»
«Княгини, да мы придем и уведем!
Молодые, мы придем и уведем!»
«Бояра, да покажите жениха!
Молодые, покажите жениха!»

---

¹ Здесь — искать, выбирать.

«Княгини, да это что ли не жених?
Молодые, это что ли не жених?»
«Бояра, да покажите ваш кустюм!
Молодые, покажите ваш кустюм!»
«Княгини, да это что ли не кустюм?
Молодые, это что ли не кустюм?»
«Бояра, да покажите сапоги!
Молодые, покажите сапоги!»
«Княгини, да это что ли не сапог?
Молодые, это что ли не сапог?»

327

Из гор-горы,
Из гор-горы
Всё ключи бегут.
Из бочек-то,
Из бочек-то
Всё вино цедят,
Всё вино цедят:
Тятенька, пей,
Да меня не пропей,
Да меня не пропей.
Пей, пропивай,
Пей, пропивай,
Пей, пропивай
Свой широкий двор,
Свой широкий двор.
Ты его пропьешь,
Ты его пропьешь,
Да его выкупишь,
Его выручишь.
А меня пропьешь,
А меня пропьешь —
Да не выручишь,
Да не выручишь
Ни за сто рублей,
Ни за тысячу.
Маменька, пей,
Да меня не пропей.
Пей, пропивай,
Пей, пропивай
Свою лисью шубу,
Свою лисью шубу.

217

Ты ее пропьешь,
Ты ее пропьешь —
Ее выкупишь,
Ее выручишь.
А меня пропьешь,
А меня пропьешь —
Уж не выкупишь,
Уж не выручишь
Ни за сто рублей,
Ни за тысячу.
Братишка, пей,
Да меня не пропей,
Да меня не пропей.
Пей, пропивай,
Пей, пропивай
Вороного коня,
Вороного коня.
Ты его пропьешь,
Ты его пропьешь —
Его выкупишь,
Его выручишь.
А меня пропьешь,
А меня пропьешь —
Да не выкупишь
И не выручишь
Ни за сто рублей,
Ни за тысячу.

328

Перекатно красно солнышко
Закатилось за оболочко,
Закативши, затуманилось.
Перехожа красна девица,
Перешла она из комнаты,
Перешодцы, становилася,
Становивши, призадумалась,
Она горько прираснлакалась,
Во слезах да слово молвила:
«Государь ты мой тятенька,
Государыня ты маменька,
Нельзя ль думушку отдумати,
Мою свадебку оставити
До иного года нового,

218

Хоть до летичка до красного,
До весны ли до прохладной?»
«Ты дитя ли наше дитяtko,
Ты дитя ли наше милое,
Уж ты поздно спохватилась,
Не во время слово молвила,
У нас записи записаны,
Зеленое вино выпито,
По рукам у нас ударено,
Про придано все рассказано».

329

Как у нас во зеленом саду
Раскачалась грушица,
Перед яблоней стоючи,
Зеленые листья ронючи;
Как у Павла в высоком терему,
У Трофимовича в новой горнице,
Что расплакалась Еленушка,
Что расплакалась Павловна,
Перед бабушкой стоючи,
Горячие слезы ронючи:
«Да еще что это за праздничек?
Да это кто у нас именинничек?
Новые горницы разубраны,
Стол дубовые расставлены,
Скатерти браные разостланы?»
Свет Павел-сударь божится,
Свет Трофимович стал божитися:
«Да еще нет у нас праздничка,
Да еще нет у нас именинничка,—
У нас думушка крепко вздумана,
Слово тайно перемолвлено;
У нас на слове положено,
По рукам у нас ударено,
Быть свиданью, быть девишнику,
Быть разлучному вечеру!»
«Уж ты, бабушка родимый мой,
Нельзя ль слово перемолвити,
Нельзя ль думу передумати?»

Перед грушею зеленою,
 Перед яблоней кудрявою,
 Перед родимым своим батюшкой
 Тут растужилась, расплакалась
 Что душа ли красна девушка
 Елена Павловна:
 «Уж ты, родимой батюшко,
 Ты какие думы думаешь,
 Ты какие мысли мыслишь,
 Ты какие думы крепкие,
 Ты какие думы скорые:
 Не меня ли замуж выдаешь,
 Не меня ли запросватаешь?»
 «Ты дитя ли мое, дитяtko,
 Ты дитя ли, чадо милое,
 Что нельзя замуж не выдать,
 Права ручка была давана,
 Воску ярого свечи теплены,
 Зелёное вино выпито,
 Цветно платье было принято,
 Оно принято, изрезано,
 В сундуке было положено,
 Что тремя-то замкам замкнуто,
 Что ключи в море опущены,
 Белой рыбе были скормлены».

У ворот, моя матушка, выростала травушка,
 Ох, люли алилэй лёли, выростала травушка.
 Выростала травушка, всё трава шелкóвая,
 Ох, люли алилэй лёли, всё трава шелкóвая.
 Всё трава шелкóвая, по лугам зеленая,
 Ох, люли алилэй лёли, по лугам зеленая.
 По лугам зеленая, а топтали травушку,
 Ох, люли алилэй лёли, а топтали травушку.
 А топтали травушку всё сваты-сходатаи,
 Ох, люли алилэй лёли, всё сваты-сходатаи.
 Всё сваты-сходатаи — мужики богатые,
 Ох, люли алилэй лёли, мужики богатые.
 Мужики богатые, сватали, сватали — высватывали,
 Ох, лёли алилэй лёли, сватали — высватывали.

Сватали-высватывали девушку вот Манечку,
Ох, люли алилѣй лѣли, девушку вот Манечку.
Девушку вот Манечку, красную вот Алексеевну,
Ох, люли алилѣй лѣли, красную вот Алексеевну.
Манечку вот Алексеевну — запросили приданого,
Ох, люли алилѣй лѣли, запросили приданого.
Запросили приданого не большого, да не малого,
Ох, люли алилѣй лѣли, не большого, да не малого.
Не большого, да не малого: все коня й осталого.*
Ох, люли алилѣй лѣли, все коня й осталого.
Все коня й осталого, гусака чубарого,
Ох, люли алилѣй лѣли, гусака чубарого.
Гусака чубарого и гусыню серую,
Ох, люли алилѣй лѣли, гусыню серую.
И гусыню серую, всё село с деревнею,
Ох, люли алилѣй лѣли, всё село с деревнею.
Все село с деревнею, зелен сад со вишеньем,
Ох, люли алилѣй лѣли, зелен сад со вишеньем.
Зелен сад со вишеньем, виноград с орешеньем,
Ох, люли алилѣй лѣли, виноград с орешеньем.
Калину-малину, черную смородину,
Ох, люли алилѣй лѣли, черную смородину.
Черную смородину, зеленую ноломану,
Ох, люли алилѣй лѣли, зеленую поломану.
Зеленую поломану, в пучки повязану,
Ох, люли алилѣй лѣли, в пучки повязану.
В пучки повязану, при пути покладену,
Ох, люли алилѣй лѣли, при пути покладену.
При пути покладену, при пути, при дороженьке,
Ох, люли алилѣй лѣли, при пути, при дороженьке.
При пути, при дороженьке, при широкой
обложеньке,*
Ох, люли алилѣй лѣли, при широкой обложеньке.

Когда-то была маленька,
Умом-разумом глуненька,
Я во люлечке качалась,
Во пеленочки пеленалась.
Подходил-то ко мне родимый батюшка,
Брал меня во белы руки.
Уж он брал-то, метал,
Приговаривал:

«Ты дите ли мое, дитяtko,
Ты дите ли, чадо милое!
Не отдам-то я тебя, мое дитяtko,
Не за того ли купца торгового!
Посажу-то я тебя во зеленый сад,
Во зеленый сад под яблони,
Обложу-то я тебя цветами лазоревыми,
Оболью-то я тебя сытою * медвяною!»
Теперь-то, мой родимый батюшка,
Изменил ты свое слово ласково:
Посадил ты меня за дубовый стол,
Обсадил ты меня любезными подружками
Облил ты меня горючими слезами.
Я спала-то, млада, высыпалася,
Я ждала-то, млада, дожидалася
От батюшки-то нобужденьица,
От матушки покликаныица,
От братца-то слова ласкова,
От сестрицы-то ключевой воды,
От невестушки-то полотенчика.
Любезные мои подруженьки,
Как придет к вам весна красная,
Наипаче-то того лето теплое,
Как пойдете-то вы в бор по ягоды,
Не увидите ли где мою девью красоту? *
Не сидит ли где под кустиком,
Не умывается ли горючими слезьми?
Возьмите вы ее на белы́ руки,
Принесите-ка ко родимой матушке,
Посадите-ка на окошечко.

ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

333

Как на улице дождь поливает,
Во деревенке девок прибывает.
Во деревенке девок прибывает,
От хозяин-от волю дает,
От хозяин-от волю дает.
Уж вы, девушки, играйте до утра,
Уж вы, девушки, играйте до утра,
Раскрасавицы, повеселитесь,

Раскрасавицы, повеселитесь.
А все стары старухи — не бранитесь,
А все стары старухи — не бранитесь.
Молодые молодки, не плошайте,
Молодые молодки, не плошайте.
Гляденьем девушку не вóзьмешь,
Гляденьем девушку не вóзьмешь:
Взять не взять ее спо любви,
Взять не взять ее спо любви,
Да с батюшкина дозволенья,
Да с батюшкина дозволенья,
Да с матушкина благословенья,
Да с матушкина благословенья.
Пешью к обедне не ходят,
Пешью к обедне не ходят,
Да все больше на лошадях гуляют,
Да все больше на лошадях гуляют.
Да еще лошади вороные,
Да еще лошади вороные,
Да седёлышки золотые,
Да седёлышки золотые,
А ребятушки молодые.

334

Мимо сада зеленóго,
Радость, радость,
Мимо сада зеленого,
Душа ль мой.
Ясный сокол пролетает,
Радость, радость,
Ясный сокол пролетает,
Душа ль мой.
Про зезюлюшку * пытается,
Радость, радость,
Про зезюлюшку пытается,
Душа ль мой:
«Здесь, здесь зезюлюшка?
Радость, радость,
Здесь, здесь зезюлюшка?
Душа ль мой».
Ему пташки отвечают,
Радость, радость,
Ему дробные * отвечают,

Душа ль мой:
«Она здесь не гуляет,
    Радость, радость,
Она здесь работает,
    Душа ль мой.
Вьёт себе гнездо с разного перья,
    Радость, радость,
Вьёт себе гнездо с разного перья,
    Душа ль мой.
Ей пташки помогают,
    Радость, радость,
Ей дробные помогают,
    Душа ль мой.
По перышку прикладывают,
    Радость, радость,
По едином, лебедином,
    Душа ль мой».
Мимо терема высокого,
    Радость, радость,
Мимо терема высокого,
    Душа ль мой.
Иванушка проезжает,
    Радость, радость,
Васильевич проезжает,
    Душа ль мой.
Про Маринушку пытается,
    Радость, радость,
Про Гавриловну пытается,
    Душа ль мой:
«Здесь, здесь Маринушка,
    Радость, радость,
Здесь, здесь Гавриловна?
    Душа ль мой».
Ему девушки отвечают,
    Радость, радость,
Ему красные отвечают,
    Душа ль мой:
«Она здесь не гуляет,
    Радость, радость,
Она здесь работает,
    Душа ль мой.
Вьёт себе венок с разного цвету,
    Радость, радость,
Вьёт себе венок с разного цвету,
    Душа ль мой.

Ей девушки помогают,
Радость, радость,
Ей красные помогают,
Душа ль мой.
По цветочку прикладывают,
Радость, радость,
По едином, по лазоревом,
Душа ль мой».

335

Да дуба́, дуба́ дубравушка зеленá,
Эй люли, эх и лелё, зеленáя.
Да кому же дубравушку сечь, рубити,
Эй люли, эх и лелё, сечь, рубити?
Да кому же зеленую подвалити,
Эй люли, эх и лелё, подвалити?
Николаюшке дубравушку сечь, рубити,
Эй люли, эх и лелё, сечь, рубити,
Григорьевичу зеленую сподвалити,
Эй люли, эх и лелё, сподвалити.
Да поехал Николаюшка в Иван-город,
Эй люли, эх и лелё, в Иван-город,
И серебряны сережечки закупати,
Эй люли, эх и лелё, закупати,
Округ его стали девки винтовати,*
Эй люли, эх и лелё, винтовати,
Серебряны сережечки торговати,
Эй люли, эх и лелё, торговати.
«Вы торгуйте, не торгуйте, не продам их.
Эй люли, эх и лелё, не продам их,
Я поеду до Марьюшки, так отдам их,
Эй люли, эх и лелё, так отдам их,
Я поеду́, Михайловне подарю их,
Эй люли, эх и лелё, подарю их».

336

Хитёр-то, мудёр Егор-госнодин.
Он ходил в торги, закунал шелки,
Всяки шелки шелкинские.
Да он и плел колыбель из семи шелков,
Да он повесил колыбельку на улицу,

Да он на ту ли на дорожку на проезжую,
Да пред тем ли окошком пред тестевым,
Да пред те ль колоды прямо тѣщевой.
Да все садился, садился в колыбель,
Все садился Егор-от господин,
Да во шелковую садился Иванович.
Да говорил он слугам, слугам верным:
«Да уж вы слуги мои, слуги верные,
Да уж вы дружки мои два хорошие,
Да раскачайте колыбель повыше всех,
Да чтобы мне же увидеть да подальше всех,
Да чтобы мне же увидеть свою сужену,
Да свою сужену, Елену свет Ивановну».
Да еще что же моя сужена поделывает,
Да еще что же моя ряжена поряживает?
Да что из горенки по сеничкам похаживат,
Да с руки на руку кольцо да перелаживат,
Да что сама она кольцу да приговариват:
«Да уж я той ли водой ко двору пришла,
Да я на лесенку взлетела перепелочкой,
Да по новым сеням шла красной девицей,
Да в нову горницу взошла молодицею,
Да я к Егору пришла молодой женой,
Да я к Ивановичу слугой верною,
Да уж я верною слугою, неизменною».

337

Да нетѣсан был терем, нескѣблен,
Да не школѣн был Григорий-от, не учен,
Только хорошо Васильевич снаряжен:
На ѣм всякое платьице цветное.
Да не шелкова плеточка к стенке льнет,
Да Григорий перед батюшкой челом бьет,
Да Васильевич перед родненьким кланяется:
«А благослови-ко меня, батюшка, жениться
Мне на душечке на красной на девице,
Мне на молодой Марье Андреевны».
Приутоптана дорожечка ковриком,
Приуезжена широкая коничком.
Еще кто эту дорожечку утурил, *
Еще кто эту широкою уездил?
Утурил эту дорожечку Григорий-господин,
Приуездил эту широкою Васильевич-сокѣл.

Ещё он все ездучи ко Марье своей,
 Ещё он все ездучи с подарочками.
 Уж он первый подарочек — пряничек,
 Уж он второй подарочек — зеркальцо,
 Уж он третий подарочек — башмачки.
 Собирала-то Марьюшка всех она подруг.
 Да садила Андреевна всех она за стол,
 Да сама она садилась выше всех,
 Буйну голову клонила да ниже всех,
 Она думушку думала крепче всех:
 «Вы подружки мои, все голубушки,
 Вы придумайте мне, пригадайте мне:
 Уж я как же буду звати люта свекра?
 Уж я как называть люту свекровь?
 Уж я как звеличать да деверьицев?
 Уж я как назову да золовушек?
 Приубавлю я спеси-гордости,
 Я прибавлю смиренства и кротости,
 Назову ли я люта свёкра батюшком,
 Назову ли я люту свекровку матушкой.
 Назову ли я деверьицев братцами,
 Назову ли я золовушек сестрицами,
 Назову ли я Григория душечкой,
 Назову ли я Васильевича ягодкой».

338

Как не ластка,
 Как не ластка,
 Не косатка,
 Она вилася, увивалася
 Круг своо тёпла гнездышка
 Увивалася,
 Увивалась Елена-душа
 Круг высокого нова терема
 Увивалася:
 «Отомкнися, отомкнися,
 Мой витой замочек,
 Отомкнися!
 Отоприся, отоприся,
 Бела дубова дверь,
 Отворися!
 Распахнися, распахнися,
 Шитый бран * положок,

Раснахнися!
Разбудися, разбудися,
Родной батюшка,
Разбудися!
Мне не год у тебя,
Мне не год у тебя
Годовати.
Не студену зиму,
Не студену зиму
Зимовати.
Одну ночку,
Одну темпу
Ночевати.
Я не знаю,
Я не знаю
Как ночь нрководити:
Не знай ходя,
Не знай ходя
Проходити,
Не знай сидя,
Не знай сидя
Просидети?
Не знай с батюшкой,
Не знай с батюшкой
Речь говорити,
Не знай с матушкой,
Не знай с матушкой
Мне думу думати?»

339

Цвела, цвела липушка
Алыми цветами,
Опадала липушка
Тихими зарями
На твою, Маринушка,
Да на русую косу,
Да на русую косу,
На белое лицо.
Жить было у батюшки
Да потише ходити,
Буйную головушку
Да пониже носити,
Родимого батюшку

Было не гневить.
«Сестрицы-подруженьки,
Я тихо ходила,
Золотыми ключами
Я не звонила.
Родимого батюшку
Я не гневала,
Родимую матушку
Я не слезила,
Молодого Иванушку
Я в гости не звала.
Он сам ко мне ходит
И гостинчики носит».

340

Уж как по мосту-мосточку,
По калинову, сырому
Уж как шла-пошла карета,
Каретушка немалая,
Каретушка немалая,
Лошадушка вороная.
Как во эту во карету
Ясен сокол залетает,
Ясен сокол залетает,
Дуню плакать унимает:
«Ты не плачь-ко, не плачь, Дунюшка,
Ты не плачь-ко, не плачь, Антоновна,
У меня жить будет лучше,
Жить вольнее да гульнее.
Куды пойдешь, ты сиросися,
Откуль придешь, ты скажися».
«Это черт у тя, не нега!
Мне у батюшки жить лучше,
Мне у батюшки жить лучше,
Жить вольнее да гульнее.
Куды пойду, не сирושуся,
Откуль приду, не скажуся».

341

У нас было на Дону, на Дону, на Дону,
На крутеньком бережку, бережку, бережку
Слетались галушки, галушки, галушки,

Садилися гáлушки на песку, на песку, на песку,
Садилися гáлушки рядушком, рядушком, рядушком,
Что рядушком в три ряда, в три ряда, в три ряда;
Где ни взялся соколин, соколин, соколин,
Он взял галку за крыло, за крыло, за крыло,
Что за то ли крыло правое, правое, правое;
Она у него просилась, просилась, просилась:
«Отпусти, соко́л, на волю, на волю, на волю,
Что на ту ли волю к гáлушкам, галушкам, галушкам!»
«Я тогда тебя отпущу, отпущу, отпущу,
Когда перья ощиплю, ощиплю, ощиплю,
Мяса твоего наклююсь, наклююсь, наклююсь!»
У нас было в терему, в терему, в терему,
Садилися девушки рядушком, рядушком, рядушком,
Что рядушком в три ряда, в три ряда, в три ряда;
Где ни взялся Иван, Иван, Иван,
Он взял Марью за руку, за руку, за руку,
Что за ту ли руку правую, правую, правую;
Она у него просилась, просилась, просилась:
«Отпусти, Иван, на волю, на волю, на волю,
Что на ту ли волю к девушкам, к девушкам, к девушкам!»
«Я тогда тебя отпущу, отпущу, отпущу,
Когда русу косу расплету, расплету, расплету,
Надвое заплету, заплету, заплету,
К суду божью¹ приведу, приведу, приведу!»

342

Ой, вы сборы мои, сборы, сборки!
Чьи это сборы? Свет Евлампины,
Чьи это сборы? Свет Евлампины,
Это сборы да свет Пимовны.
Собирала девушек во батюшкин дом,
Уж сажала она их за дубовый стол,
Уж сажала она их за дубовый стол,
Сама садилась выше всех,
Думу думала она крепче всех,
Думу думала она крепче всех,
Голову клонила она ниже всех,
Голову она клонила ниже всех:
«Уж вы девушки, подружки мои,
Вы придумайте мне, как мне, горькой, быть,

---

¹ Здесь — в церковь, венчаться.

Вы придумайте мне, как мне, горькой, быть,
Как замуж идтить?
Как чужого отца-мать буду как называть?
Как чужого отца-мать буду как называть?
Назову ль я свёкра — батюшкой, свекровь — матушкой
А чужого дитя назову ли я по имени и по отчеству?»

343

Уж ты мать моя, матушка,
Уж ты мать-государыня,
Ты пойдн, моя матушка,
Ты, пойдн, государыня,
Во мою нову горенку,
Уж ты сядь, моя матушка,
Уж ты сядь, государыня,
Впереди под окнами,
Под святыми иконами,
Посмотри, моя матушка,
Посмотри, государыня,
На мою косу русую
И на девичью красоту.
Что не долго осталось мне
Что красой красоватися
И русой любоватися —
От субботы до сѹбботы,
А в субботу девичничек,
В воскресенье в церковь свезут
Под венцы золоченые.
Под венцом голова болит,
Скору ноженъки подломятся,
Белы рученьки опустятса,
Ретиво сердце ужахнется.

344

Марья-то на льду, на льду, на льду,
Говорит — пешком нейду, нейду, нейду.
Запрягайте пару коней вороных,
Закладайте две кареты золотых,
Да удала добра молодца
Ивана Евдокимовича.

Мимо лесу, мимо садику зеленого
 Пролегала тут дороженька широкая.
 Как по этой но дороженьке
 Мати дочерю проводила
 И назад ее ворочала:
 «Ты вернись-кошь, моя доченька,
 Ты вернись-кошь, моя милая,
 Я поболе тебе накажу,
 Я подале тебя провожу:
 Ты зови-ко свекра батюшкой,
 А свекровю зови матушкой,
 А деверьей зови братцами.
 А золовушек — сестрицами».
 Как послали меня, мóлоду,
 Во глухую полночь по воду.
 Дали сроку-то мне три часа,
 Три часа и три минуточки.
 Уж я первый час проплакала,
 А второй я час продумала,
 А в третьем часу к воде пришла.
 Налетели гуси-лебеди,
 Возмутили воду светлую.
 Почерпнула воды мутной,
 Понесла я ко свекровьюшке лихой.
 Как-от свекор-то журит, бранит,
 А свекровушка велит побить,
 А деверьюшка илетья несут;
 А золовушка-лебедушка
 Мое¹ словьице замолвила:
 «Уж ты, мамушка родимая,
 Разве можно чужое дитя.
 Чужо дитятко журить-бранить?
 Ты отдашь меня ли, молоду —
 И меня станут журить-бранить,
 Застушиться будет некому!»
 Так золовушка-лебедушка
 Слово ласково замолвила.

---

¹ Здесь — за меня.

Что-то при вечере, вечере,
 При Палагеине девишничке,
 При Палагеине девишничке
 Да не краснó было, не весело:
 Да прилетал тутa ясён сокол.
 Прилетал тутa ясён сокол,
 Да ён-то садился на окошечко.
 Ён-то садился на окошечко,
 Да на серебряну решётчку.
 На серебряну решётчку,
 На золотую на прибоенку, *
 На золотую на прибоенку.
 Что-то никто-то его не видел,
 Что-то никто-то его не видел.
 Да что-то увидела, усмотрела,
 Да что-то увидела, усмотрела
 Да Палагеина матушка,
 Палагеина матушка,
 Да говорила дитю милому,
 Говорила дитю милому:
 «Да ты-то дитё ли мое милое,
 Ты-то дитё ли мое милое,
 Да приголубь-ка ясна сокола,
 Да приголубь-ка ясна сокола,
 Да ясного сокола залетного,
 Ясного сокола залетного,
 Да доброго молодца приезжего,
 Доброго молодца приезжего;
 Да он-то не сам сюды залетел,
 Да он-то не сам сюды залетел,
 Да занесло его погодою;
 Занесло его погодою.
 Да завезли его добры кони;
 Завезли его добры кони,
 Да что-то добры кони Васильевы».

На горе стоят два шáтрика,
 На горе стоят два тонкие,
 Да тонкие, полотняные,
 Да полотняны, шиты-браные.

Что во первом во шатрике
Разудалый добрый молодец,
Свет Иван-от Калистратович.
Во другом-то было шатрике,
Во другом-то полотняном
Раздуша ли красна девица,
Что и Марфа-то Степановна.
Пожелала душа Марфинька,
Пожелала свет Степановна
Она из шатрику в шатёр сходить,
В золоты карты сыгратися.
Проиграла же свет Марфинька,
Проиграла свет Степановна
Со буйной головки сеточку,
Из русой ли косы ленточку,
Со правой руки золот перстень.
Проигравши-то, спокаялась,
Она спокаялась, расплакалась:
«Еще как мне будет домой прийти,
Мне домой прийти, дома сказывать?
Уж я знаю, как домой прийти,
Уж я знаю, как мне сказывать:
Ты родимый ли мой батюшка,
Ты лебедушка ли матушка,
Уж я шла двором широким,
Подували с гор буйны ветры,
Содували с главы сеточку,
Из русою косы ленточку,
Со правой руки золот перстень».

348

Желтые кудерки за стол пошли, за стол пошли,
Да русую косу за собой повели, за собой повели.
Да желтые кудерки Васильюшковы, Васильюшковы,
Да русая косынька Аннушкина, Аннушкина.
На уличке дождичек вскрапывает, вскрапывает,
Как Васильюшка Аннушку спрашивает, спрашивает:
«Да ты скажи-ка, Аннушка, правду всю, правду всю,
Да расскажи, Ивановна, истинную, истинную:
Да кто же тебе, Аннушка, из роду мил, из роду мил?»
«Мил мне милешенек батюшка в дому, батюшка в дому
«Да Анна-душа, не правда твоя, не правда твоя!
Да свое сердце тешишь, мое веселишь, мое веселишь!»

234

На уличке дождичек вскрапывает, вскрапывает,
Как Васильюшка Аннушку спрашивает, спрашивает:
«Да ты скажи-ка, Аннушка, правду всю, правду всю,
Да расскажи, Ивановна, истинную, истинную:
Да кто же тебе, Аннушка, из роду мил, из роду мил?»
«Мила мне милешенька матушка в дому, матушка в дому».
«Да Анна-душа, не правда твоя, не правда твоя!
Да свое сердце тешишь, мое веселишь!»
На уличке дождичек вскрапывает, вскрапывает,
Как Васильюшка Аннушку спрашивает, спрашивает:
«Да ты скажи-ка, Аннушка, правду всю, правду всю,
Да расскажи, Ивановна, истинную, истинную:
Да кто же тебе, Аннушка, из роду мил, из роду мил?»
Мил мне милешенек Васильюшко, Васильюшко!»
«Анна моя, правда твоя истинная, истинная!»

349

Уж вы семена мои, семена!
Я вас, семена, немного сеяла, —
Уродилось семян множество
По чистому по полю.
Ты межа моя, межа,
Межа ты моя широкая!
По этой меже Татьянашка ходила,
По этой по широкой Егоровна ходила.
Выкаталась туча черная
Со ливным крупным дождем.
«Размочись ты, мать сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Разбудися, мамынька родна!
Уж не злата, не серебра прошу,
Прошу твоего благословеньица,
Твое благословеньице из синя моря выбросит,
Из синя моря на сухой бережок,
На сухой бережок, на желтый камешок!»

350

Как засватал меня батюшка
В немалую семью,
Э-э, охо-хо, да и ох-охти мне.
Что не в малую семью,

Не в рассудливую...
Что как свекор со свекровью
Да четыре деверья...
Да две тётушки,
Две лебёдушки...
Две золовки, две золовки,
В том же доме все живут.
«Зри, — как свекор говорит, —
К нам медведицу ведут!»
А свекровь-то говорит:
«К нам лиху змею ведут!»
«Зри, — как тётки говорят, —
К нам волчицу ведут!»
Деверья-то говорят:
«К нам не пряльно ведут!»
Уж золовки говорят:
«К нам не ткально ведут!»
Уж как день прошел,
Уж как два прошли,
Уж как три-то дня прошло
Говорить стало можно.
Я по горницам прошла,
Речь такую повела:
«Ты позволь мне, свекор-батюшка,
По горнице пройти.
Что по горнице пройти,
Слово вымолвити...
Зри, как свёкор на дому
Как медведь в сыром бору,
А что лютая змея
То — свекровушка моя.
Девери, вы соколы,
У вас жены таковы.
Вы золовки, вы мутовки,¹
Вам самим замуж идти.
Уж вы, тётушки,
Вы, лебёдушки,
Вам в чужом-то дому
Не указывати...»
Муж по горнице прошел,
По щёке жену провел.
Как просватал меня батюшка

---

¹ Здесь — сиплетницы.

Не в малую семью.
Что не в малую семью,
Да не в урядливую.*

351

На море лебедь воду пила,
Напившись воды, на берег взошла,
На берег взошла — сама всплакала:
«Как-то я с морюшком расстануся?
Придет зима да студеная,
Выпадут снега глубокие,
Западут следы да лебедушкины —
Тут-то я с морюшком расстануся!»
В тереме высоком красна девица дары шила,
Шила дары, слезно всплакала:
«Как-то с матушкой расстануся?
Первые растаны¹ — середь горницы,
Другие растаны — на новом крыльце,
Третьи растаны — за воротами —
Тут-то я с матушкой расстануся!»

ДЕВИЧНИК

Предсвадебную неделю заключал девичник (девишник, девичий вечер). Девушки собирались для того, чтобы попрощаться с невестой. Невеста покидала не только свою семью, свой род и становилась членом другой семьи. Она расставалась со своей возрастной группой «девок» — невест и переходила в группу «баб» — «молодух». В быту старой деревни это было самое значительное событие в жизни женщины — она становилась женой, готовилась стать матерью и одновременно становилась самой бесправной в будущей семье — снохой.

Русская народная традиция создала необычайный по своей поэтичности образ «красоты» — воплощения девичества, — с которой невеста расставалась на девичнике. Красота — девичество, которое невеста берегла и холила и с которым она расстается, передавая ее младшей сестре или незамужней подруге. Невеста обращается к красоте как к одушевленному человекообразному

¹ Здесь — место расставания.

(антропоморфному) существу, просит не покидать ее, не обижаться. Красота — далеко не только девичество в физиологическом смысле этого слова, но девичья воля, девичья честь, девичьи годы, принадлежность к возрастной группе девушек. Вместе с тем в самом обряде красота получает в разных районах расселения русских различное материальное воплощение — это может быть ленточка-косоплетка (косник), вплетаемая в девичью косу. В других местах красота — это головной убор невесты в виде повязки из парчи, расшитой позументом или украшенной лентами, или венок из цветов и лент, который изготавливается специально для обряда. В среднерусском и южнорусском свадебном обряде красота — разукрашенное деревцо (часто елочка) или цветок, символизирующий девичество.

Обряд расставания с красотой сопровождался расплетением косы невесты и последним заплетением ее по-девичьи. Девичник справлялся одними девушками, или на него к концу приходили парни во главе с женихом.

На девичнике девушки пели много песен, главным образом грустной тональности. Веселые песни обычно пели после венца.

В день девичника или в один из последних дней предсвадебной недели невесту водили в баню, что также сопровождалось целым рядом обрядов и песен.

352

Дремливо поле,
Ой, раным-раным, дремливо,
В поле ягодка родилась,
Ой, раным-раным, родилась.
Брала¹ ягодку Зоя,
Ой, раным-раным, за рекой.
Бравши ягодку, приснула,*
Ой, раным-раным, приснула.
Наехал на ее бóльший брат,
Ой, раным-раным, бóльший брат,
Коня шибко гнал, не стоптал,
Ой, раным-раным, не стоптал,
Плеткою махнул, не стегнул,
Ой, раным-раным, не стегнул,
Слово сговорил — пробудил,
Ой, раным-раным, пробудил:
«Ой, вставай, сестра, не лежи,

---

¹ Здесь — собирала.

Ой, раным-раным, не лежи.
А тебе, сестра, много надо.
Ой, раным-раным, много надо:
Сорок сороков рушников,
Ой, раным-раным, рушников,
Свекра с свекровью дарити,
Красных золовок, ох, золовок,
Молодцов, деверьев,
Ой, раным-раным, деверьев».

353

Пред воротами озеро стоит,
Перед широкими глубокое;
На том озере остров стоит,
На том острове калина растет,
На той калине соловей сидит,
А мимо-то едет Степан-молодец,
Шелковой нлеточкой помахивает:
«Лети, лети, соловей, ты лети, не сиди,
Буди Аксиньюшку во тереме,
Чтобы Аксинья не крепко спала,
Чтобы Николаевна не просыпала!
Шила бы дары чистым золотом,
Дарила бы Степана со всем поездом, *
Дарила бы Ивановича со всем честным!»

354

Яблоня моя садовая, груша зеленая,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, груша зеленая.
Под грушицей под зеленой трава золотая,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, трава золотая.
Там гуляла свет Маруся, кору колупала,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, кору колупала.
Проходила Ивановна — золотá снимала.
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, золота снимала.
Тем золотом, тем серебром платки вышивала,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, платки вышивала
Она этими платками милого дарила,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, милого дарила:
«Милый свет Ванечка, прими мои дары,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, прими мои дары

Дары дорогие — платки вышивные,
Э во й лели, лёли, лёли, лёли, платки вышивные».
Тем золотом, тем серебром ковры вышивала,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, ковры вышивала.
Она этими коврами свекра дарила,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, свекра дарила:
«Свекрочек, мой батюшка, прими мои дары,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, прими мои дары.
Дары дорогие — ковры вышивные,
Э во й лёли, лёли, лёли, лёли, ковры вышивные».

355

Одна ягодка во бору росла,
Другая ягодка в другом бору;
Ягодка с ягодкой сокатила,
Ягодка ягодке слово молвила:
«Ягодка, Марьюшка, где ж ты была?»
«Ягодка, Иван же князь, в твоём саду!»
«Ягодка, Марьюшка, что ж ты делала?»
«Ягодка, Иван же князь, ягоды брала!»
«Ягодка, Марьюшка, во что же ты брала?»
«Ягодка, Иван же князь, в твою шаночку!»
«Ягодка, Марьюшка, кому поднесла?»
«Ягодка, Иван же князь, твоему батюшке!»
«То умна, то умна, то догадлива! —
Нечего умную переучивать!»

356

«Вы где, гуси, были?
Вы где побывали?
Где спали, ночевали?»
«Мы были у княгини,
Побывали у первобрачной!»
«Еще что княгиня делает?»
«Во гусли играет,
Дары снаряжает,
Она плачет, възрыдает,
К дарам причитает:
«Уж вы дары, мои дары,
Тонки, белы, полотняны!
Не год я вас пряла,

Не год сподобляла,
Пришло такое время —
Все в час раскроила,
В другой раздарила:
Как батюшку-свекру
Рубашку, порточки,
Жилетку, платочек;
Матушке-свекрове
Рубашку, повойник;
Деверьям-соколям
Всем по платочку;
Золовкам-сестрицам
По алой косынке!»

357

Да у нас по морю,
Ой, да у нас по морю,
У нас по морю, морю синему,
У нас по морю, морю синему,
Ой, да плывет лебедь,
Эй, да плывет лебедь.
Плывет лебедь с лебедятами,
Плывет лебедь с лебедятами.
Ох, да под ним вода,
Эй, да под ним вода,
Под ним вода не сколо́хнется,
Под ним вода не сколохнется.
Ой, да с отколь взялся,
Эй, да с отколь взялся,
С отколь взялся млад сизой орел,
С отколь взялся млад сизой орел.
Ой, да он кровь пустил,
Эй, да он кровь пустил,
Он кровь пустил ио синему морю,
Он кровь пустил ио синему морю.
Ох, да он пух пустил,
Эй, да он пух пустил,
Он пух пустил по чисту полю,
Он пух пустил по чисту полю.
Ох, собиралися,
Ох, собиралися,
Собиралися красны девицы,
Собиралися красны девицы

Ох, да собирать перья,
Эх, да собирать перья,
Сбирать перья лебединые,
Сбирать перья лебединые.

358

Ай, ты яблоня,
Ай, кудрявая,
Ай, люли-люли,
Ты кудрявая.
Ай, полно тебе
Во саду стоять.
Во саду стоять
Перед грушею,
Ай, люли-люли,
Перед грушею.
Я срублю тебя
Да из садика,
Ай, люли-люли,
Из зеленого,
Ай, люли-люли,
Из зеленого.
Довольно тебе,
Свет Марьюшка,
В девушках жить:
Отдадим тебя замуж
За Степанушку за Ивановича.

359

Зла изменница, красна девица!
Ты сказала нам, что замуж не пойдешь
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя, ни за торгового.
А теперь, наша подруженька,
Ты пошла замуж, задумала
За удала добра молодца,
За Степана свет Ивановича!
«Не сама собой я замуж пошла,
Отдает меня сударь батюшка,
Приневоливает родна матушка,
Потакают люди добрые.

242

Вы красуйтесь, красны девицы,
Во своей-то девьей красоте! *
Уж как я открасовалася:
Не плести уж мне русой косы,
Не носить мне алой ленточки!»

360

«Ты река ли моя, реченька,
Да ты река ли моя быстрая,
Да что ж ты, речка, не сколыбишься,
Да с бережками не равняешься?»
«Да еще как же мне равняться?
Да нет ни ветру, нет ни вехору,*
Да нет такой буйной погодушки».
Да подымалася погодушка
Да со матушки со крутой горы.
Да там сидели красны девушки.
У их головушки причёсаны,
Да алы ленточки увязаны.
Да у одной у красной девицы
Да у ней головушка не чёсана,
Да ала лента не увязана.
Да ко столу она припадаюча,
Да все сестрицу причитаюча:
«Да ты сестра ли, моя сестрица,
Да ты сходи-ка во божью церкву,
Да ты ударь-ка в большой колокол,
Да в большой колокол родительский:
Да не восстанет ли родной отец
Да на мою перву́ беседушку,
Да на мою свадьбушку горькую?
Да проводить-то меня есть кому,
Да благословить-то меня некому!»

361

Как у грушицы у зеленя,
Как у яблони у кудрявоей
Много листу было, много веточек.
Потянули-то ветры буйные
Со восточныя сторонушки,
Обнесло листьа кудрявые,

Обломило ветки зеленые,
Приклонило-то грушу зеленую
Ко матушке сырой земле.
У души-то, у красной девицы,
Много роду было, много племени,
Много братцев, много сестрицев,
Много дядюшек, много тетушек,
Только нету матушки родимья.
Кабы здравствовала родимая матушка,
Я не так бы слёзно плакала,
Не мочила бы лицо белое,
Не ронила бы горючй слезы.

362

Куковала кукушечка,
Во сыр-бор летаючи;
Плакала Марьюшка,
К столику припадаючи,
Батюшку величаючи,
Матушке причитаючи:
«Государь мой батюшко!
Напиши мне личико
На дубовом столике!
Государыня матушка!
Набери мою красоту
На браной скатерти.
Когда столик подвинете,
Про меня вспомянете,
А скатерть накроете,
Три раза восплакнете:
„Как-то наше дитятко
На чужой сторонушке,
На чужой сторонушке,
У чужого батюшки?“»

363

Сборы, сборы широкие,
Широкие сборы девичьи!
Собирала подружек за круглый стол,
Садила подружек высоко;
Сама садилась повыше всех,

Наклонила голову пониже всех,
Думала думушку покрепче всех:
«Как будет прийти во чужи люди,
Как будет назвать люта свекра?
Батюшком назвать — не хочется,
Свекром назвать — рассердится.
Как назвать люту свекровушку?
Матушкой назвать — не хочется,
Свекровью назвать — рассердится.
Подружки мои, голубушки!
Придумайте-ко пригадайте
Убавлю я спеси-гордости.
Прибавлю ума-разума:
Назову свекра — батюшком,
Люту свекровушку — матушкой.
С этого я худа не буду,
С белого лица не спаду,
С алых румянец не сойду».

364

По морю, морю, по морю синему,
Морю Хвалынскому, *
Плавала лебедь белая,
Лебедь залётная;
Крыльями бьет о синё море,
Да об Хвалынское.
Голову клонит на крутые берега,
Да на рассыпчатые,
Жалобу творила на холодную зиму,
На морозливую:
«Будет зима, зима холодная,
Зима морозливая;
Выпадут снега глубокие,
Будут морозы рождественские
И крещенские;
Позябнут лапочки лебединые.
Как будет отстать прочь от Волги-реки?
Как будет пристать к болотной воде?»
По сеням, сеням батюшкиным,
Сеням матушкиным
Ходила-гуляла красна девица,
Душа Елена Павловна.
Голову клонила на могучие плечи,

245

Руки жмет к ретивому сердцу,
Слезы роняет на цветное платье,
Жалобу творила на родимого отца:
«Бог тебе судья, родимый батюшка,
Зачем меня молодú замуж отдаешь?
Как будет прочь отстать от батюшки,
Как будет пристать мне к чужому отцу,
К чужой матушке?
Как будет назвать мне чужого отца?
Батюшкой назвать мне не хочется,
По имени звать — так не честь, не хвала,
Свекром звать — так не водится;
Сжав свое сердце, сжав ретивое,
Назвать батюшкой».

365

На море утушка купалася,
На синиим серая полоскалася;
Выкупавши, утушка на́ берег взошла,
Взошедши на́ берег, встрепенулася,
Встрепенувши, серая воскликнула:
«Как-то мне, утушке, с бережка подняться,
С синим моречком, серою, расстатися?
Придет зима холодная,
Выпадут снега всё глубокие,
Ударят морозы крещенские!»
Во тереме девица одевалася,
В высокиим красная наряжалася;
Одевши, Марья-душа за́ стол села,
За стол села дэвица, заплакала:
«Как-то девице с теремом расстатися,
С батюшкой, с матушкой расстатися?
Приедет Памфил с своим поездом!» *

366

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за темного, дремучего,
Из-за гор крутых, высоких,
Тут летит стадо серых гусей,
Серых маленьких утицей;
Что второе стадо лебедей.

Отставала лебедушка
Прочь от стада лебединого;
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко серым гусям,
К серым, маленьким утицам,
Замешалася лебедушка
Что во стаде серых гусей,
Серых маленьких утицей.
Не умела лебедушка
По мелким ручьям плавати,
По гусиному гикати.
Еще начали серы гуси,
Серы маленькие утицы
Как белую лебедь щипати,
А белая лебедь гикати
Лебединым тонким голосом:
«Не щипите вы, серы гуси,
Серы маленькие утицы!
Не сама я к вам залетела,
Не своею охотою:
Занесли ветры буйные,
Злы погодушки великие».

Отставала Аннушка
Прочь от батюшки, от матушки,
Прочь от братьицев, от сестрицей,
От велика рода-племени,
От подружек любовных,
От соседок порядовных. *
Не умела Аннушка
На головушке управити,
Злой свекровушке уладити.
Еще начали чужи люди
Аннушку журить, бранить.
Аннушка стала плакати:
«Не журите вы, чужи люди
И богоданные родители!
Не сама я к вам на двор пришла,
Не своею я охотою;
Что завез меня сам молод князь *
На своих да на добрых конях,
На добрых конях, наступчивых».

Разнесло-то, разлелеяло
 Да по лужкам-то воду вѣшную.
 По лужкам-то воду вѣшную.
 Да отнесло-то, отдалеяло.
 Отнесло-то, отдалеяло
 Да что любиму дочь от матери,
 Что любиму дочь от матери.
 Да уж как мать дитя провѣдила,
 Уж как мать дитя провѣдила,
 Да проводивши, слезно плакала,
 Проводивши, слезно плакала:
 «Да воротись, родимо дитятко,
 Воротись, родимо дитятко.
 Да не воротись — спокаешься,
 А не воротись — спокаешься.
 Да в чужих людях ты намаешься.
 В чужих людях ты намаешься.
 Да в чужих людях по воду пошлют,
 В чужих людях по воду пошлют».
 Да не поспела я воды почерпнуть,
 Не поспела я воды почерпнуть,
 Да прилетели гуси серые.
 Прилетели гуси серые,
 Ой, замутили воду свежую,
 Замутили воду свежую.
 Да как пришлось мне без воды идти,
 Как пришлось мне без воды идти.
 Да меня свѣкор-от журит-бранит,
 Меня свѣкор-от журит-бранит.
 Да свекровь-маменька побить велит,
 Свекровь-маменька побить велит,
 Да а золовушка заступилася,
 А золовушка заступилася,
 Да ее умна головушка,
 Ее умна головушка:
 «Да ты голубушка-невестушка,
 А ты голубушка-невестушка,
 Да ты бы эту воду черпала,
 Ты бы эту воду черпала,
 Да ты бы мутную домой несла,
 Ты бы мутную домой несла,
 Да а вода та бы устоялася,
 А вода та бы устоялася,
 Да твое горе миновалося».

У реки то было, у реченьки,
 У быстрою, каменистою,
 Вырастало кипарис-то древо,
 Кипарис-то древо богатое.
 Как на том ли кипарис-то древе
 Солетались птицы райские,
 Они пели песни царские,
 Про царя многомилостивого,
 Про царицу многожалостливую,
 Как про душечку красну девицу,
 Аграфену душу Степановну.
 Услыхал ее батюшка родной,
 Степан сударь Павлович.
 Он де вышел на красное крыльцо,
 Он оперся о перилочки
 О перилочки точеные,
 Точеные, золоченые.
 Он вскричал зычным голосом своим:
 «Уж вы птицы, вы, птицы райские,
 Голоса ваши царские,
 Полетайте к моему дитятку в терём,
 Полетайте к моему родимому в высók.
 Уж вы сядьте на окошечко;
 А с окошечка на лавочку,
 А со лавочки во передний уголок.
 Вы пропойте жалобнёшенько,
 Жалобнёшенько, веселёшенько,
 Взвеселите мое дитяtko
 При тоске ее, при кручинушке,
 При великой злой печалюшке,
 Как у ней сегодня девичий вечер,
 А как завтра будет разлучный день,
 Как придет к ней разлука-молодец,
 Иннокентий свет Дмитриевич.
 Он разлучит с отцом, с матерью ее
 И со всем родом-племенем,
 Наипаче со русой ее косой,
 Со хорошей девьей красотою, *
 Со сиротской девьей красотою!»

Возле реки,
 На крутом берегу,
 Стоял тут
 Сад зелененькой.
 В том во саду
 Висит клеточка,
 Во той во клеточке
 Канареечка,
 Малая пташечка.
 Слетались к ней
 Малые пташечки,
 Канареечки,
 Цели они
 Жалобнёшенько:
 «Свет ты наша канареечка,
 Малая пташечка!
 Знать, нам с тобою
 Вместе не лётывати,
 Пшенки, горошку
 Не клёвывати!»
 Возле реки,
 На крутом берегу,
 Стоял тут
 Нов высок терём.
 В том терему
 Красная девица сидит,
 Свет Наталья Алексеевна.
 Сходились к ней
 Все кумушки,
 Все подруженьки,
 Выли они жалобнёшенько:
 «Свет ты наша
 Красная девица-душа!
 Знать, нам с тобою
 Вместе не сиживати,
 Крепкие думы
 Не думывати,
 Тайных речей
 Не говаривати:
 Крепкая дума —
 Григорий у тебя,
 Тайные речи —
 Матвеич господин».

Что ты, что ты, синё морё,
 Что ты, что ты, синё морё,
 Да ты стоишь, не колыбнёшься,
 Ты стоишь, не колыбнёшься?
 Да что ты, что ты, березынька,
 Ой, что ты, что ты, кудрявая,
 Да ты стоишь, не шатаешься,
 Ты стоишь, не шатаешься?
 Да что ты, что ты Овдотьюшка,
 Что ты, что ты Прокопьевна,
 Да ты сидишь, не усмехнёшься,
 Ты сидишь, не усмехнёшься,
 Да ты на нас не оглянешься,
 Ты на нас не оглянешься,
 Да на нас, милых подружечек,
 На нас, милых подружечек?
 «Да я об чем буду смеяться,
 Я об чем буду смеяться,
 Да я об чем радоваться,
 Я об чем радоваться?
 Да мне ночесь мало спалось,
 Мне ночесь мало спалось,
 Да мне во снах много виделось,
 Мне во снах много виделось;
 Да привиделся мне страшен сон,
 Привиделся мне страшен сон,
 Да страшен сон, немилостливый,
 Страшен сон, немилостливый:
 Да всё на нашей на улочке,
 Все на нашей на улочке,
 Да на проезжой дорожочке,
 На проезжой дорожочке,
 Да всё пуста стоит хоромина,
 Всё пуста стоит хоромина,
 Да всё пуста, непокрытая,
 Всё пуста, непокрытая,
 Да углы прочь отвалилися,
 Углы прочь отвалилися,
 Да по бревну раскатилися,
 По бревну раскатилися,
 Да на печище котище лежит,
 На печище котище лежит,
 Да по полу ходит гúсыня,

По полу ходит гусыня.
Да всё по лавочкам — ласточки
Всё по лавочкам — ласточки,
Да по окошечкам — голуби,
По окошечкам — голуби,
Да в новой горнице — ясен сокол,
В новой горнице — ясен сокол». —
Да мы рассудимте страшен сон,
Мы рассудимте страшен сон:
Да всё пусты-то хоромины,
Всё пусты-то хоромины —
Да тут чужедальная сторона,
Тут чужедальная сторона;
Да углы прочь отвалилися,
Углы прочь отвалилися —
Да то злодейка незнакомая,
То злодейка незнакомая!
Да на нечище котище лежит,
На печище котище лежит —
Да тут ведь свекор-от батюшко,
Тут ведь свекор-от батюшко;
Да по полу-то ходит гусыня,
По полу-то ходит гусыня —
Да тут свекрова-то матушка,
Тут свекрова-то матушка;
Да все по лавочкам ласточки,
Все по лавочкам ласточки —
Да то золовки-сестриченьки,
То золовки-сестриченьки;
Да по окошечкам голуби,
По окошечкам голуби —
Да то деверья-те брателка,
То деверья-те брателка;
Да в новой горнице ясен сокол,
В новой горнице ясен сокол —
Да еще твой богосуженый,
Ещё твой богосуженый,
Еще твой богоряженный.

Ты заря ли моя, зорюшка,
Ты заря ли моя утренняя,
Поутру рано взошла

Выше леса, выше тёмненького.
Выше садику зелёненького.
У ворот-то стоит батюшка родной,
Меня, девицу, с игры домой зовет.
Я не йду, не слушаю,
Не пойду я, не послушаюсь:
Не допеты мои песенки,
Не дотянут тонкий звонкий голосок,
Не доиграны веселые игры.
Ты заря ли, зорюшка,
Ты заря ли моя утренняя,
Поутру рано взошла
Выше лесу, выше тёмненького,
Выше садику зелёненького.
У ворот-то стоит мамонька родна,
Меня, девицу, с игры домой звала,
Меня, красную, с веселой звала.
Я не йду, не йду, не слушаюся:
Не допеты мои песенки,
Не доиграны веселые игры,
Не дотянут тонкий звонкий голосок.
Ты заря ли моя, зорюшка,
Ты заря ли моя утренняя,
Ты поутру рано взошла
Выше садику зелёного,
Выше лесу, выше тёмного.
У ворот-то стоит миленький дружок,
Со игры домой зовет;
Я пойду, пойду, послушаюсь;
Все допеты мои песенки,
Все доиграны мои игры,
И дотянут тонкий звонкий голосок.

372

- Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизёхоньку кланялась
Своему-то брату милому,
Ивану Васильевичу:
«Ты сокол мой, братец миленький,
Ты запри крепко вороточки
Тремя замками немецкими
Да запорами дубовыми,

253

Моему чтобы разлучнику
Ивану Иванычу
Чтоб за мной сюда не въехати,
На широкий двор на батюшкин». .
Как возговорит Иван-то молодец,
Как возговорит Иванович:
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой слесаря,
Из немецкой земли мастера:
Отопрет замки немецкие,
Все запоры ваши крепкие».

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась,
Говорила речь милóй сестре:
«Ты голубушка, милá сестра,
Заплети мне русу косыньку
И увей мне крепче золотом,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русóй косы».
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой свахоньку
Расплетать твою русу косу,
Разовьет всё с косы золото».

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
Понизехоньку кланялась
Подружкам-голубушкам:
«Вы голубушки-подруженьки,
Вы улейте-ка круту горú,
Чтоб нельзя было разлучнику
За мной въехать на круту гору».
«Ты не плачь, не плачь, Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю кóней под горой,
А пешком взойду на круту горú
Со друзьями, со товарищами
И возьму за руки белые,
Поведу тебя под злат венец».

Как при вечере было вечере,
 Да как при Дунином девишничке,
 Как при Дунином девишничке
 Да прилетал к ней ясный млад сокол.
 Прилетал к ней млад ясён сокол,
 Да он садился на окошечко.
 Да он садился на окошечко,
 Да на серебряну прицепинку,
 Да на серебряну прицепинку,
 Да спозолочену прищелинку.
 Вот никто не догадается,
 Да догадалась ее маменька,
 Да догадалась ее маменька:
 «Да ты родимое мое дитятко,
 Да ты родимое мое дитятко,
 Да приголубь ты ясна сокола,
 Да приголубь ты ясна сокола,
 Да ясна сокола залётного,
 Да ясна сокола залётного».
 А у Дуни ручки заняты.
 «Да ох родимая моя маменька,
 Да родная моя маменька,
 Да приголубь ты ясна сокола,
 Да приголубь ты ясна сокола».

Дунай-речка всколыхалася,
 В реке рыба разыгралася,
 В берега рыба кидалася.
 Проведали про рыбиньку
 Молоды гребцы-захарьевцы,
 Поладили шелковы невода,
 Клали плутивья * серебряные,
 Проволо́ки позолоченные.
 Эту рыбиньку пойзловили,
 Эту рыбиньку-белуженьку.
 Стала рыбинька выплясывати,
 Красна девица выспрашивати:
 «Каково те, рыбинька, жить без воды?
 Таково-то без милá дружка,
 Без милá дружка, Иванушки!»

За то отдали в солдаты молодца,
Пронисали в трое книги удалца.
Горе-горькое солдатское житье,
Не ио многу дают жалованья;
По три денежки на суточки дают,
Хошь ней, хошь ешь, молодец,
Хошь душу красну девицу дари.
«На перву денгу я похлебочки куплю,
На другу — хлеба мяконького,
На третью — подарочек дорогой,
Подарочек дорогой — перстень золотой.
Подарю красну девицу-душу».
«Ты, миленькой-милый,
Не хочу перстня носить,
Хочу на воду бросить,
Буду нового просить:
Ты миленькой, мой милый,
Купи новенькой иной,
Позолоченной, витой».

375

Как во стольном Новом городе,
Во столовой новой горнице
Тут стоял нов кипарисов стол,
За столом сидел молодец,
Он чесал кудри русые
Черепашовой гребелочкой. *
Он чесал, сам приговаривал:
«Приходи-ко, моя боярышня,
Ты катись, груша зеленая,
Прилетай-ко, моя ласточка,
Проблести, искра алмазная».
Не успел речи окончить он,
Как вдруг двери растворилися,
На пята * остановилися.
Как ответ держит девица,
Отвечает свет Елена Павловна:
«Если б я была боярышня,
Я ходила бы со мамками.
Если б я была груша зеленая,
Я б висела в зеленом саду,
В зеленом саду у бабушки».

Если б я была ласточка,
Я б летала во синём небе.
Если бы я была искра алмазная,
Я была бы в золотом перстне,
В золотом перстне у молодца,
У Александра Николаевича».

376

Как у Галина двора, у двора
Стоит озеро воды,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Стоит озеро воды.
Стоит озеро воды
Да по колено глубины,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Да по колено глубины.
Никто к озеру не идет,
Добра коня не ведет,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Добра коня не ведет.
А как Коля подходил,
Добра коня подводил,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Добра коня подводил.
Коня к воротам привязал,
Сам к окошку подбежал,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Сам к окошку подбежал.
Сам к окошку подбежал,
Свет он Галю увидал,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Свет он Галю увидал.
Ой, как Галя воду носит,
Коромысло гнется,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Коромысло гнется.
Гнися, гнися, мое коромысло,
Гнися — не сломися,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Гнися — не сломися.
«Почему, сударь Коля,
Долго не женился,
Ой, люли-люли, люлёшанки,

Долго не женился?»
«Потому что, моя дорогая,
Тебя дожидался,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Тебя дожидался».
«Возьми дуру, дуру-негодяйку,
Дому не хозяйку,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Дому не хозяйку.
У нас Галечка годяйка,*
Дому полная хозяйка,
Ой, люли-люли, люлёшанки,
Дому полная хозяйка».

377

Ай, остров мой, да все зелёный мой!
Что на этом острове
Да двое-трое воротá.

Ай, остров мой, да все зелёный мой!
Что во первы-то ворота
Пролетали сокола.
Во вторые-то ворота
Провозили сундуки.
А во третьи-то ворота
Проезжали женихи.
Еще кто у нас женится?
Кого замуж берет?
У нас Ванюшка женится,
Марфушку берет.
Алексеевич женится,
Ивановну берет.
Еще дает ему бог,
Что он ровнушку берет.

378

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Серый селезень плывет.
Ай да люли, ай да люли,
Серый селезень плывет.
Вдоль по бережку,

Вдоль по крутому,
Добрый молодец идет.
Ай да люли, ай да люли,
Добрый молодец идет.
Он со кудрями,
Он со русыми
Разговаривает.
Ай да люли, ай да люли,
Разговаривает.
«Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достаются расчесать?
Ай да люли, ай да люли,
Достаются расчесать.
Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабушке чесать.
Ай да люли, ай да люли,
Старой бабушке чесать.
Сколь она ни чешет,
Сколь она ни гладит,
Только волосы дерет.
Ай да люли, ай да люли,
Только волосы дерет.
Доставались кудри,
Доставались русы
Красной девушке чесать.
Ай да люли, ай да люли,
Красной девушке чесать.
Сколь она ни чешет,
Сколь она ни гладит,
Волос к волосу кладет.
Ай да люли, ай да люли,
Волос к волосу кладет».

379

Да во Китае-то да было в городе,
Да во проезжей-то да новой улочке,
Да во высоком-то да новом тереме,
Да во столовой-то да в новой горенке,
Да на дубовой-то да новой лавочке
Да я сидела, красна девица,
Да во левой руке держала пяличко,

Да во правой ручке держала иголочку.
Да уж я шила, красна девица,
Да не по плису шила, не по бархату,
Да не по белому да коленкоричку:
Да но атласной да алой ленточке.
Да уж я красила, красна девица,
Да я свою-то да девью красоту
Да я не ленточками да не атласными,
И не цветами да не лазоревыми,
А дорогим своим умом-разумом.

380

Черная ягода, самородина
Зелена она заломана,
По пути она разбросана,
По пути, но дорожинки,
По широкой долинушки,
Все конями притоптана,
Колесами приукатана.
Кто ее заломал?
Заломал добрый молодец
Иван Степанович,
На добром коне ездючи,
Красных девушек смотрячи.
Все девки не кажутся,
А одна показалася,
Одна полюбилася.
Посмотря, он за себя берет.
«Ох вы девки, вы девушки,
Вы любимые подружинки!
Вы вставайте поутру рано,
Вы чешите мне буйну голову,
Плетите русую косу
С кореня туго-натуго,
Посередь моей русой косы
Первивайте красным золотом,
По конец моей русой косы
Замыкайте немецкий замок,
Вы бросайте золотые ключи
Во синё море Хвалынское!» *
Степановы бояре
Зорники * они, насмешники,
Черноморы, ненавистники:

Они кидались-бросались
Во синё море Хвалынское,
Доставали золотые ключи,
Отпирали немецкий замок,
Развивали красно золото,
Расплетали русую косу,
Разделяли двое-надвое!

381

Вы подруженьки, голубушки мои,
Заплетите мне русу косу
Во корне-то мне мелко-намелко;
Посередь моей русой косы
Вплетите гайтан * шелковый;
По конец-то моей русой косы
Вы вяжите ленту алую;
Вы запряте золотым замком,
И вы бросьте мои золоты ключи
Во матушку во быстру реку.
Никита был рыболовщичком,
Ефимыч был рыболовщичком;
Он закинул невод шелковый,
Он от краю да до краю;
Он пымал * эти золоты ключи.
Признавал * он эти золоты ключи:
«Не от Вериной ли русой косы?»
Отпрет мою русу косу,
А меня за себя возьмет.

382

Вот мы встанемте-ко, сестрицы, на крутú горú,
И на круту гору, сестрицы, во единый ряд.
Мы посмотримте-ка, сестрицы, все ль скопилися
Или все ли голосочки понастроились?
Мы покличем-ко, сестрицы, зорю утреннюю,
И зорю утреннюю, сестрицы, вольну волюшку. *
И вот и где же, знать, вольна воля заблыкалася? *
И во частой травы вольна воля запуталася,
Во частом лесу вольна воля заблыкалася,
Во черной грязи вольна воля замешалася,
Да во быстрой реки вольна воля обмывалася.

261

Позаперли вольну волю девяти дверям,
Позамкнули да вольну волю девяти замкам.
Знать, не будет такой воли, как у батюшки,
Такой нежности не будет, как у матушки.

383

Как недолго тебе, веточка, на черемушке висеть,
Как недолго тебе, Нюрочка, в девушках сидеть,
Как недолго же Ивановне красоватися,
На свою девичью красоту любоватися!
Уж как девичья-то красота на столе стоит,
Уж как бабья-то красота из кути глядит;
Уж как девичью-то красоту через три поля чуть,¹
А уж как бабью-то красоту через поле не слышать;
Уж как девичья-то красота в чистом поле на лугу,
Уж как бабья-то красота на печи в углу!

384

На прибуйной * улочке
Тут стояла нова баенка,
В ней жемчужная каменка.*
Умывалась в ней Манюшка,
Умывалась Ивановна
Что тремя мылам разными.
Уж как первым петербургским,
А вторым новгородским,
А уж третьим ярославским.
Вам спасибо, родный батюшка
И родимая матушка,
Что на парú и на баенке,
На шелковом веничке,
На холодной ключевой воде.
Ключева вода размывчиста,
Поразмыла вольную волюшку
И мою девичью красоту.

---

¹ Здесь — видно.

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ

Утро свадебного дня особенно насыщено обрядами. Важнейшие из них связаны с бужением невесты, ее одеванием и ожиданием приезда свадебного поезда жениха. Невеста в причитаниях и девушки в песнях, которые исполнялись в эти часы, просят не отдавать невесту жениху, защитить ее. Кроме того, исполняются любовные, лирические и свадебные метафорические песни.

385

По загуменьи * тропинка лежит, ах, ну!
По тропинке дружок бежит, ах, ну!
Он бежит, бежит, бежит, ах, ну!
Он повадился ко вдовушке ходить, ах, ну!
Ты вдова, вдова, победна голова, ах, ну!
У вдовушки ни житья нет, ни бытъя, ах, ну!
У вдовушки столбы точеные, ах, ну!
Веревьюшки позолоченные, ах, ну!
Подворотенка — светел камешок, ах, ну!
Из-под камешка быстра речка течет, ах, ну!
По той реченьке насадничек * плывет, ах, ну!
Во насадничке немного людей, ах, ну!
Во червленом малехонько, ах, ну!
По моёму счету — шесть человек, ах, ну!
А седьмой-от водолей воду льет, ах, ну!
А восьмой-от кашевар кашу варит, ах, ну!
А девятый стоит столъничает, ах, ну!
А десятый удалой молодец, ах, ну!
Он по кораблю похаживает, ах, ну!
Да по червленому погуливает, ах, ну!
Во карман ручки посаивает, * ах, ну!
Золоты ключи выдергивает, ах, ну!
«Уж вы девушки-мáнишки, ах, ну!
Уж вы Марьины подружечки, ах, ну!
Вы берите в руки золоты ключи, ах, ну!
Отмыкайте окованы сундуки, ах, ну!
Выбирайте одинцóвого * сукна, ах, ну!
Уж вы шейте молодцу кафтан, ах, ну!
Он не долог, не коротенький, ах, ну!
По подолу раструбистый, ах, ну!
По бокам пережимистый, ах, ну!
Мене ехать жениться, ах, ну!
С красной девушкой венчатися, ах, ну!»

Как расшатило белу березоньку.
 Как у тоё белы березоньки
 Тут кореньца булатные,
 Что пруточкики проволочные,
 Что листочкики бумажные,
 Что вершинка — скатен жемчуг.
 Ведь то кака бела березонька?
 Ведь то я, да молодешенька,
 Душица да красна девица.
 То ведь каки да коренья булатные?
 То мои да резвы ноженьки.
 То ведь каки да прутья проволочные?
 То ведь мои да белы рученьки
 Со перстнями со злаченными.
 То ведь каки листочки бумажные?
 То ведь мое да цветно платье.
 То ведь кака вершина — скатен жемчуг?
 То ведь моя буйная головушка,
 Со косою да со трубчатою,
 Со ленточками да разными шелковыми.
 Вы служите, мои резвы ноженьки,
 Подо мной, да молодешенькой, —
 Мне ко божьей церкви ехать,
 Мне закон да божий приймати.

По лугам, лугам, зеленым лугам,
 По травам, травам, шелковым травам,
 Распущёны там добры кони,
 Распущёны там добры кони,
 Добры кони свет Владимировы,
 Добры кони свет Григорьевича.
 Шелком ноги перепутанные,
 Шелком ноги перепутанные,
 Земчугом * гривы унизанные,
 Земчугом гривы унизанные,
 У травы стоят — травы не едят,
 У травы стоят — травы не едят,
 У овса стоят — овса не едят,
 У овса стоят — овса не едят,
 У воды стоят — воды не пьют,

У воды стоят — воды не пьют.
Они чуют службу дальнюю,
Они чуют службу дальнюю,
Службу дальнюю свет Владимира,
Службу дальнюю свет Григорьевича:
Во Москву ехать за золотом,
Во Москву ехать за золотом,
Во Саратов — за серебром,
Во Саратов — за серебром,
В Александровку — за невестою,
В Александровку — за невестою,
Подъезжают к двору тѣстиному,
Подъезжают к двору тѣстиному,
К широку шатру невестину,
К широку шатру невестину.

388

На горе, горе,
На горе, горе, что на всекрáсоте, *
Тут стоял город, тут стоял город,
Тут стоял город, город каменный.
В этом городе, в этом городе,
В этом городе да сила войская стоит.
В этом городе, в этом городе,
В этом городе да полкí набраны.
При полку майор, при полку майор,
При полку майор — сам полковничек,
Что Василий свет, что Василий свет,
Что Василий свет Александрович.
Хотел силу взять, во полон забрать,
Хотел силу взять, во полон забрать —
Только полонил, только полонил,
Только полонил он свет Марьюшку,
Только полонил он Степановну-душу.

389

Из устья березового,
Ой, дево-ли-лилю, рано мое!
Со становища ладейного, *
Со ходу корабельного
Выезжали князья-бóяра,

265

Князья-бóяра Васильевы,
Поезжаны Ефимовича.
Они спрашивают всё двора,
Да двора света-батюшкова,
Терема света-матушкина,
Полушка красной девицы,
Ефросиньи Матвеевны.
Воспроговорит Ефросиньюшка,
Воспроговорит Матвеевна:
«Да уж вы глúпцы, князья-бóяра,
Неразумны вы князевы,
Еще как двора не знаете,
Да двора света-батюшкова,
Терема света-матушкина,
Пóлушка красной девицы-души?
Как у моёго батюшки
У Матвея Егорыча
Стоит дом на семи верстах,
Ото всех дворов прочь отстал;
Кругом-около железный тын,
Да заложка серебряна,
Да кольцо позолоченное».
Как во батюшковом тереме,
Да во матушкином высоком
Девки плачут и песни поют,
Ефросиньюшку замуж отдают,
Да Матвеевну просватывают
За удалого добра молодца,
Как Василия Ефимовича.

390

У нас ныне непогожая неделька,
Эх и лё, ой да ле лёли, неделька,
У нас ныне невздумная * свадьбёнка,
Эх и лё, ой да ле лёли, свадьбёнка.
Запрягает Николай семь коней,
Эх и лё, ой да ле лёли, семь коней.
Запрягает Иванович семь ворóных,
Эх и лё, ой да ле лёли, семь ворóных.
Седьмой конь, седьмой конь, восьмой воз,
Эх и лё, ой да ле лёли, восьмой воз,
А девятый повозничек, чтоб вез,
Эх и лё, ой да ле лёли, чтоб вез,
А десятый скоморошничек, чтоб играл.

Эх и лё, ой да ле лёли, чтоб играл.
Ты играй, играй, скоморошничек, с села до села,
Эх и лё, ой да ле лёли, с села до села,
Чтобы наша Марья была весела,
Эх и лё, ой да ле лёли, была весела,
Чтобы наша Ивановна завсегда,
Эх и лё, ой да ле лёли, завсегда.
Зиму, лето сосёнушка была зелена,
Эх и лё, ой да ле лёли, зелена,
В воскресенье ушла к обедне — плакала,
Эх и лё, ой да ле лёли, плакала,
На батюшку родимого жаловалась,
Эх и лё, ой да ле лёли, жаловалась:
«Отдаешь, отдаешь меня, батюшка, навсегда,
Эх и лё, ой да ле лёли, навсегда».

391

Не буйны ветры повеяли,
Незваны гости наехали.
Проломился сени новые
С переходами да с перебрдами;
Растопились чары золоты,
Золоты чары со свинистами. *
Как расплается Ириньюшка,
Как расплается Ивановна:
«Еще кто мне-ка состроит сени новые,
Еще кто мне-ка состроит с переходами,
Еще кто мне-ка состроит с перебрдами?
Еще кто мне-ка сольет да чары золоты,
Еще кто мне-ка сольет да со свинистами?
Еще кто меня-ка станет поутру будить,
Кто, кто меня-ка станет ранешенько?»
Тут сироговорил Никита-молодец:
«Ты не нлачь-ка, Ириньюшка,
Ты не плачь, свет Ивановна,
Уж как я тебе сострою сени новые,
Уж как я тебе сострою с переходами,
Уж как я тебе сострою с перебрдами;
Уж как я тебе солью да чары золоты,
Уж как я тебе солью да со свинистами;
Уж как я тебя стану поутру будить,
Уж как я тебя стану ранешенько;
Уж как буду я собой соловей в саду,
Молодой соловей в зеленешеньком».

Из-за гор, гор высокиих,
 Да из-за лесу, лесу темного,
 Ох, да из-за лесу, лесу темного,
 Да из-за садику зеленого,
 Из-за садику зеленого,
 Да из-за моря, моря синего,
 Из-за моря, моря синего
 Да поднялася туча грозная.
 Да поднималась туча грозная
 Да со громами со громучима,
 Со громами со громучима,
 Да с молоньями * со палючима,
 С молоньями со палючима,
 Да со крупным-то частым дождиком,
 Со крупным-то частым дождиком,
 Да со бурей-со пáдерой, *
 Со бурей-со пáдерой,
 Да со тяжкой-то заметелицей,
 Со тяжкой-то заметелицей.
 Да из-под той-то тучи грозной,
 Да из-под той-то непроносной *
 Да вылетало-то стадо гусей,
 Вылетало-то стадо гусей,
 Да стадо гусей-серых утичек,
 Стадо гусей-серых утичек.
 Да во черных гусях-серых утицах,
 Во черных гусях-серых утицах
 Да замешалась лебедь белая,
 Замешалась лебедь белая.
 Да начали и гуси черные,
 Да стали гуси-ти, гуси черные
 Да белу лебедь стали клéвати.
 Белу лебедь стали клéвати
 Да злато крылышко лóмати,
 Злато крылышко лóмати.
 Да начала лебедь-то кукати
 Да своим звонким голосом,
 Да звонким, громким лебединным:
 «Да вы докуль же, гуси черные,
 Да мое перышко вы щиплете,
 Да злато крылышко да ломите?
 Да не сама я к вам залётала,
 Не сама я к вам залетала,

Да занесла меня туча грозная,
Занесла меня туча грозная,
Да затащили буйны ветры-ти,
Затащили буйны ветры-ти».
Да вылетала лебедь белая,
Да бела лебедь, красна девица,
Бела лебедь, красна девица,
Да именем изотечеством
Да свет Лукия-то ведь Дмитревна,
На да вот Лукия-то ведь Дмитревна,
Она: «На головушке уладить не могу,
Да злой свекровушке уладить не могу,
Злой свекровушке уладить не могу».
Да стали тут журить, бранить
Да богоданны родители.
«Да не браните, родители,
Да не сама я к вам во двор зашла.
Не сама я к вам во двор зашла —
Да как завез-то меня добрый конь,
Да как завел-то добрый молодец,
Как завел-то добрый молодец,
Да именем изотечеством
Никанор Селиванович».

393

Выводил её батюшка
Из-под липовой грядочки.*
Из-под липовой грядочки,
Из-за узорчатой завёсы,*
Из-под липовой грядочки,
Из-за узорчатой завёсы,
Из-за узорчатой завёсы.
Становил её батюшка,
Становил её батюшка
Среди полу дубового,
Среди полу дубового.
Отдавал её батюшка,
Отдавал её батюшка
Князям-боярам на руки,
Князям-боярам на руки,
Николаю-то вовеки,
Николаю-то вовеки,
Да Егоровичу век вековать,

Да Егоровичу век вековать,
Со душой красной девицей,
Со душой красной девицей,
Да с Галиной Алексеевной.

394

С терема на терем Марья шла,
Играйте, играйте горадже, горадже...
Со высока на высок Ивановна шла.
«Не могу идти: башмачки глуздят, *
Башмачки глуздят, пяточки щемлят,
Пяточки щемлят, пяты ломаются,
Пяты ломаются, гвоздья щипляются,
Гвоздья щипляются, полы дыбляются.
«Подьте, братцы, приведите коня батюшкова!»
Батюшков конь не пошел, не повез
Ко божьей церкви, ко злату венцу,
Ко злату венцу — к золоту кольцу.
С терема на терем Марья шла,
Со высока на высок Ивановна шла.
«Не могу идти: башмачки глуздят,
Башмачки глуздят, пяточки щемлят,
Пяточки щемлят, пяты ломаются,
Пяты ломаются, гвоздья щипляются,
Гвоздья щипляются, нолы дыбляются.
«Подьте, братцы, приведите Иванова коня!»
Иванов-то конь и пошел, и повез
Ко божьей церкви, ко злату венцу,
Ко злату венцу — к золоту кольцу!
Играйте, играйте, играйте
Горадже, горадже, горадже!..

В ответ на эту песню невеста затягивает на тот же голос:

«Уж как волюшка моя да миновалася...
Играйте, играйте горадже, горадже!
И руса косынька моя да распеталася...
Играйте, играйте горадже, горадже!
И вся дѣвичья игра да миновалася!..
Играйте, играйте, играйте,
Горадже, горадже, горадже!»

---

¹ Здесь — громче.

Не золото с золотом свивалось, свивалось,
 Не жемчуг с жемчугом сокатались, сокатались.
 Еще наше-то золото получше, получше,
 Еще наш-то жемчуг поскатнее, поскатнее.
 Еще наша Марина получше, получше,
 Еще наша Егоровна постатнее, постатнее.
 Она личиком побелее, побелее,
 У ей брови его почернее, почернее.
 Еще ваши по наши ходили, ходили,
 Семь команей * притомили, притомили,
 Двух молодцов притрудили, притрудили,
 Семеры подошвы протоптали, протоптали —
 Все-то нашу Марину доступали, доступали,
 Все-то нашу Егоровну домогались, домогались.
 Уж ты, Марина, подумай, да подумай,
 Ты, Егоровна, вразумися, вразумися,
 Уж ты господа бога побойся, побойся,
 Добрых людей постыдися, постыдися,
 У венцу целовать не давайся, ай, не давайся!

Как но морю-то, морю синему,
 Морю Хвалынскому *
 Плавала лебедь, плавала лебедь,
 Лебедь белая,
 Крыльями била об синё море,
 Жалобу творила синю морю:
 «Море, ты море, море синее,
 Море Хвалынское!
 Как я отстану от синя моря,
 От Хвалынского?
 Как я пристану ко ржавчатой воде,
 Ко болотяной траве?
 Будет зима — зима студеная,
 Выпадут снега — снега белые,
 Будут морозы крещенские,
 Подзябнут ножки лебединые».

Как во светлой во светлице,
 Во столовой новой горнице, оре-ди-ди,

За столом было дубовым.
Тут сидела красна девица,
Свет Анна Ивановна, оре-ди-ди.
Ко столу припадает,
Ко отцу причитает:
«Государь, родной батюшка,
Свет Иван, сударь Иванович!
Ты спиши лицо белое
На столе белодубовом.
У тебя гости будут,
У тебя меня спросят,—
У тебя меня нету.
Ты на стол-то взглянешь,
Меня, девицу, вспомнешь,
Свет Анну Ивановну».

398

С горы на гору вино течет,
С горы на гору зелено течет;
Никто вино не черпает,
Никто не расчернывает;
Егор-сударь вино черпает,
Андреевич расчернывает;
Он своим-то золотым ковшом
Свою-то дочь потчует:
«Ты испей, испей, Татьяна, винца,
Ты испей, испей, Егоровна!»
«Государь ты, родной батюшка!
Мне теперя не до зелена вина,
Мне теперя до зла горя:
Иван-сударь к венцу спешит,
Не дает мне снарядиться,
С тобой, батюшкой, проститися,
Роду-племени поклонитися!»

399

Золотая ты наша гривенка,
Позолоченная копеечка,
Полежи, гривна, на блюдечке,
На серебряной тарелочке.
Дорогая наша гостыюшка,

Свет Елена Павловна,
Погости ты у батюшки,
У родимой своей матушки.
«Уж вы, свет мои подруженьки,
Уж я рада бы весь век гостить
У родимого у батюшки,
У родимой своей матушки,
Да за мной скор посол послан
Со чужой дальней сторонушки,
За моей буйной головушкой,
За моей русой косой;
Увезут-то меня, младешеньку,
На чужую сторонушку
К свекру батюшке, к свекрови матушке.
Уж и как-то буду я, млада,
Буду жить во чужом дому,
Во чужом в незнакомом дому?
Уж смогу ли я понравиться
Своему свекру батюшке
Да свекрови своей матушке?»

400

Много, много во сыроём во дубу,
Много лісту, много по́витья; *
И столько нету у сырого у дуба,
Золотой нету вершиночки,
Подзолоченной нет маковки.
И много, много-то у девушки,
Много роду, много племени,
Много срóдчев, много срóдничков,
И столько нет у красной девушки,
Нет родителя-то батюшка,
Нет желанной рóдной матушки,
Нету братцев — ясных со́колов,
Нет сестриц да белых лебедей.
И выдавать-то замуж есть кому,
И наградить-то младу некому.
И выдают всё чужі люди,
Чужі люди, незнакомые,
Всё суседи спорядовые.

СБОРЫ СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА ВО ДВОРЕ ЖЕНИХА

Накануне свадебного дня жених также провожается в баню, но баня жениха обставляется меньшим числом обрядов, чем баня невесты. В тот же вечер окончательно распределяются роли среди поезжан со стороны жениха.

Утром в свадебный день в доме жениха готовятся к отъезду. Жених одевается к венцу, родители благословляют его, собирают свадебный поезд. Дружка (часто старший родственник жениха или пожилой мужчина, хорошо знающий свадебный ритуал) начинает распорядиться свадьбой. Едут в дом невесты часто не прямым путем, а в объезд, чтобы запутать злые силы, которые могут помешать свадьбе.

Кроме дружки, в составе поезда старший шафер жениха — тысяцкий и бояре (поезжане) — сопровождающие. Жениха величают князем молодым или князем нареченным.

Песенное сопровождение здесь не столь обильно, как в доме невесты при ее сборах. Здесь звучат обычно мажорные (веселые) песни.

Поезд жениха (лошади, их сбруя, телеги, повозки или сани) украшался цветами и лентами. Число подвод должно было быть нечетным и не меньше трех.

401

Как Иванушка матушка
В воскресеньё спорóдила,
В воскресеньё спорóдила,
В воскресеньску заутреню,
В воскресеньску заутреню,
Да белой грудью кóрмила,
Да белой грудью кóрмила,
По головушке гладила,
По головушке гладила,
Ума-разума учила,
Ума-разума учила:
«Ты расти, расти, дитятко,
Ты расти, расти, дитятко,
Ты расти, чадо милое,
Ты расти, чадо милое,
Ты до полного возраста,
Ты до полного возраста,
До полна́ молодецкого,
До полна́ молодецкого,

Ты поедёшь жениться,
Ты поедёшь жениться,
Приворачивай спроситися,
Приворачивай спроситися.
Ты приедешь во тестёв двор,
Ты приедешь во тестёв двор,
Отдавай коня конюхам,
Отдавай коня конюхам,
Пусть накормят коня конюхи,
Пусть накормят коня конюхи,
Пусть накормят пшеницею,
Пусть накормят пшеницею,
Напоят коня водицею,
Напоят коня водицею.
Ты зайдёшь на новы сени,
Ты зайдёшь на новы сени —
Скидывай пухову шляпу,
Скидывай пухову шляпу,
Отдавай поклон тестюшку,
Отдавай поклон тестюшку,
Да пониже того тещушке,
Да пониже того тещушке.
Ты зайдешь в нову горницу,
Ты зайдешь в нову горницу,
Доходи до белых столов,
Доходи до белых столов,
Спознавай богосужену,
Спознавай богосужену.
Знать, твоя богосужена,
Знать, твоя богосужена,
Она вся сидит в золоте,
Она вся сидит в золоте,
В дорогом чистом серебре,
В дорогом чистом серебре.
Знать у ей на головушке,
Знать у ей на головушке,
Во ушах у ей петелки,
Во ушах у ей петелки,
Петелки были жемчужные,
Петелки были жемчужные.
Как у ей на головушке,
Как у ей на головушке,
Шелкова перевязочка,
Шелкова перевязочка,
Перевязка позолочена.

Ты король, государь, королевич,
 Егор сударь, свет Иванович,
 Поносила тебя родна матушка
 Во утробушке девять месяцев,
 Породила тебя родна матушка
 Во великую большую пятницу.
 Принимала тебя родна баушка
 На свои на ручки белые,
 Обмывала тебя родна баушка
 Из колодечку ключевой водой.
 Обтирала тебя родна баушка
 Разукрашенной трубчатой тафтой,
 Пеленала тебя родна баушка
 Во пеленочке во шелковенькой,
 Во свивальничке во тафтьяненском,
 Отдавала тебя родна баушка
 Родной матушке на белы руки.
 Берегла тебя родна матушка
 И от ветру, и от вихорю,
 И от божьей немилости.
 Не казала тебя родна матушка
 Ни князьям, и ни боярам,
 И ни тем купцам-корабельщикам,
 Только узрила тебя и усмотрела
 Душа красна девица
 Из высокого тебя из терему,
 Скрозь окошечко косяцатое...
 Скрозь стеколинку стекольчатку.

Среди было двора,
   оре-ди-ди.
 Среди широка,
 Свет Василья,
 Свет Ивановича.
 Соезжались,
 Собирались
 Князья, бояре;
 Думали они
 Думу крепкую:
 Как идти к Василью во дворе,

Как идти к свет к Ивановичу,
Как нам взять Марью-душу,
Как нам взять Васильевну.
Как выискался
Удалой добрый молодец,
Свет Григорий господин,
Свет Андреевич.
Во се * я пойду,
Во се я возьму
Свет Марью-душу,
Свет Васильевну.

404

Сборы вы мои, сборы
Все Николая господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе тысяцкого,
Да Ефима-то
Свет Софроновича.
Сборы вы мои, сборы
Все Николая господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе боярина большого,
Да Гордея-то
Свет Григорьевича.
Сборы вы мои, сборы
Все Николая господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе боярина меньшего,
Да Сидора-то
Свет Карповича.
Сборы вы мои, сборы
Николая господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе полудружья,
Да Петра-то
Свет Матвеевича.
Сборы вы мои, сборы
Николая господина

Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Княжу свашеньку,
Да Елену госпожу
Свет Панкратьевну.
Сборы вы мои, сборы
Николая господина
Свет Ивановича;
Выбирал наш господин
Себе подсвятьюшку,
Да Пелагею госпожу
Свет Акакиевну.

405

Еще у броду́, броду́,
У калинова мосту,
Тут стоял поездочек,
Он не мал, не величек,
Ровно пятеро саней;
Они все с надрезами: *
Как во первых-то санях
Сидит дружка с полудружьем,
А во вторых-то санях —
Молодой князь с тысяцким,
А во третьих-то санях —
Два боярина меньшие,
Во четвертых-то санях —
Два боярина большие,
Во пятых-то санях —
Княжна и сватенька с повозничком.
У нас кони пристоялись,
Бояры все притомились,
Молодой князь при кручине.
Воспроговорит Александра сударь,
Спроговорит Григорьевич:
«Уж ты, дружка, ты дружка,
Поезжай ты, дружка,
Ко тестю, ко теще,
Ко моей-то невесте.
Ты спроси-ка у тестя, у тещи,
У моей невесты —
Во всем ли наряде,
Во матерьевом * ли платье,

278

Во гласовой * ли косынке,
Во штофной * ли епаничке? *»

406

Как и у брѳду, брѳду,
Ой, ради, радость!
У мелка перебрѳду,
Тут стояла конюшня,
Тут конюшня не простая,
Не проста — дубовая.
Как во той во конюшне,
Как во той во дубовой
Тут да тридцать три коня.
Они все под коврами,
Они все под шитыми.
Один конь под попоной.
Что никто коня не любит,
Что никто не навидит. *
Александр коня любит,
Что Иванович навидит.
Он и вокруг коня ходит,
По бокам коня треплет,
Он овсом коня кормит,
Еще сена до колена,
А овса-то до щеток. *
«Уж ты комонь, мой комонь,
Сослужи мне три службы:
Еще первую-то службу —
Мне в Казань-то по мыло.
Что вторую мне службу —
Мне в Рязань по белила.
Еще третью-то службу —
По невесту мне ехать,
Что по Анну хорошу,
По Васильевну пригожу».

ПРИЕЗД ЖЕНИХА. СТОЛ В ДОМЕ НЕВЕСТЫ

Свадебный поезд подъезжает к дому невесты. В некоторых районах расселения русских изба невесты украшалась таким образом, чтобы выделить ее из других изб (вывешивались рушники — вышитые полотенца, сооружались воротики, через ко-

торые должны были пройти молодые и т. п.). Перед приездом поезда с женихом в избу невесты наведывались гонцы (иногда сам дружка) и спрашивали, здорова ли невеста и можно ли приезжать жениху.

Жених обычно ехал не на первой, а на второй или третьей подводе (санях). По дороге односельчане или жители других сел учиняли поезду препятствия (заставы). Поезд должен был остановиться и откупиться угощением.

Поезд подъезжал к избе невесты. Родственники ее имитировали сопротивление жениху — запирали ворота, двери, пропускали в избу только после замысловатой словесной дуэли и выкупа. Войдя в избу, жених также должен был выкупить (угощением, пряниками, мелкой монетой) право перешагнуть через порог, место на лавке и т. д., найти невесту среди других девушек.

Затем устраивали так называемый малый стол, то есть застолье для родственников жениха в доме невесты, и невесту, обычно закрытую так называемой завеской (фатой, платком, покрывалом), выводили к столу. Невеста (или подголосница за нее) при этом причитала, и затем молодые отправлялись со свадебным поездом в церковь. Молодые до венца ехали отдельно, обычно на второй-третьей (но не первой) подводе. На пути их тоже могли остановить «заставы», «злые силы» отпугивали шумом, путали следы и т. д.

В церковной сторожке после венчания (или в доме жениха) совершался обряд расплетения косы невесты — девичий головной убор и прическу ей меняли на бабью (окручивали). Обратномолодые ехали вместе.

407

У ворот было, у воротичек,
У ворот было у стекольчатых,
У вита кольца серебряна.
Тут стучит-брячит Агафон сударь,
Что стучит-брячит-то Иванович;
Он стучит-брячит со боярами,
Со боярами, со княжими-то:
«Отирай-ко ты, тещь, воротички,
Ты встречай-ко, теща, ласково,
Ты, своячнна, встречай приветливо».
По двору идет — поклоняется,
На крыльцо идет — усмехается,
Во терем идет — похваляется:
«Я приехал к вам не молебны петь,
Я пришел-то к вам не воды святить;
Я приехал к вам по сужено, *

Я пришел-то к вам по ряжено,
По душу ль, по красну девицу,
По Авдотью-то Николаевну».

408

Вьюн над водой увивается,
Жених у ворот улещается,
Он просит своё, своё сужено, *
Он просит своё, своё ряжено;
Вывели ему доброго коня:
«Это не моё и не сужено,
Это не моё и не ряжено!»
Вьюн над водой увивается,
Жених у крыльца улещается,
Он просит своё, своё сужено,
Он просит своё, своё ряжено;
Вынесли ему что ясного сокола,
Вынесли ему на правой на руке:
«Это не моё и не сужено,
Это не моё и не ряжено!»
Вьюн над водой увивается,
Жених у стола дожидается.
Просит он своё, своё сужено,
Просит он своё, своё ряжено:
«Вы подайте мне мою сужену!»
Вывели ему красну девушку-душу:
«Это вот моё сужено,
Это вот моё, моё ряжено!»

409

Золоты́ нóвы выводы! *
По тем новым выводам
Красну девицу вывели
Из кутí * в подокошечко;
А навстречу-то девице
Удалой добрый молодец
Свет Иван да Александрович!
Он стал девку спрашивать,
Из ума стал выведывать:
«Ты душа красна девица,
Свет Анна Васильевна!

281

Ты скажи, красна девица,
Куды нам с тобой уйти,
Куды нам идти, ехати?»
«Удалой добрый молодец!
Нечего тебе спрашивать,
Из ума да выведывать:
Что пути по полям лежат,
А броды по быстрым рекам,
Во деревнюшку — улица,
На широкой двор — ворота,
Во высок терём — лесенка,
В нову горенку — дверечка!»

410

На горе стоит елочка,
Под горой стоит светелочка.
Во светелочке стол стоит,
За столом сидят девицы,
За столом сидят красные,
Все и Манины подруженьки,
Все Ивановны подруженьки.
Приходил тут родный батюшка,
Уж он звал меня с собой домой.
Я нейду, нейду, не слушаюсь идти.
Ночь темна, темна, немесячна,
Леса тёмны, караулов нет,
Реки быстры, перевозов нет.
Приходила родна матушка,
Она звала с собой домой.
Я нейду, нейду, не слушаюсь идти.
Ночь темна, темна, немесячна,
Леса тёмны, караулов нет,
Речки быстры, перевозов нет.
Приходил тут родный братец,
Он и звал меня с собой домой.
Я нейду, нейду, не слушаюсь идти.
Ночь темна, темна, немесячна,
Леса тёмны, караулов нет,
Речки быстры, перевозов нет.
Приходила родна сестрица,
Она звала с собой домой.
Я нейду, нейду, не слушаюсь идти.
Ночь темна, темна, немесячна,

Леса тёмны, караулов нет,
Речки быстры, перевозов нет.
Приходил тут сужен-ряженный.
Приходил тут сударь Ванюшка,
Приходил и тут Иванович,
Он и звал меня с собой домой.
Я иду, иду и слушаюсь идти.
Ночь темна, темна и месячна,
Леса тёмны, караулы есть,
Речки быстры, перевозки есть.

411

Машенька мамочку высылала:
«Ой, выйди, мамочка, за ворота,
Приклони голову ко сырой земле,
Послушай, не шумит дубрава зеленая,
Не стонет дорога широкая,
Не везут бояре полковъ,
Не везут нам князя молóдого?»
«Ой, шумит дубрава зеленая,
Ой, стонет дорога широкая,
Ой, едут бояре полковья,
Ой, везут нам князя молóдого!»

412

«Мамынька, разлучники едут,
Рóдная, разлучники едут!»
«И, милая, сиди, не пужайся,
Ой, дитяtko, ты сиди, не бойся!»
«Мамынька, ко двóру подъезжают,
Рóдная, ко двóру подъезжают!»
«Дитяtko, сиди, не бойся,
Милая, сиди, не пужайся!»
«Мамынька, к воротам подходят,
Рóдная, к воротам подходят!»
«Дитяtko, ты сиди, не бойся,
Милая, сиди, не пужайся!»
«Мамынька, ко сеня́м подходят,
Рóдная, ко сеня́м подходят!»
«Дитяtko, ты сиди, не бойся,
Милая, сиди, не пужайся!»

«Мамынька, во íзбу входят!
Рóдная, во íзбу входят!»
«Дитятко, ты сиди, не бойся,
Милая, сиди, не пужайся!»
«Мамынька, кó столу подходят,
Рóдная, ко столу подходят!»
«Дитятко, ты сиди, не бойся,
Милая, сиди, не пужайся!»
«Мамынька, зá ручку берутся,
Рóдная, зá ручку берутся!»
«Дитятко, сиди, не пужайся,
Милая, ты сиди, не бойся!»
«Мамынька, из-за стола выводят,
Рóдная, из-за стола выводят!»
«Дитятко, иди, бог с тобою,
Милая, иди, бог с тобою!»

413

Ой ты комонь, * мой комонь,
    Раю да раю,
Комонь — вещая лошадь,
Он вокруг комоня ходит,
Да он комоня треплет,
Ему гривушку чешет.
Ой ты комонь, мой комонь,
Комонь — вещая лошадь,
Сослужи-ка мне службу,
Мне по сужену ехать,
Мне по ряжену ехать,
Моя сужена расплакалась,
Моя сужена разнежилась.

414

«Подружки-голубушки,
Подруженьки мои милые», —
Говорила Маланьюшка
Свет Сидоровна, плачучи,
Говорила красным девушкам,
Говорила, сама мóлила:
«Не отпирайте, не отпирайте,
Не отпирайте ворот гостям,

Чужим гостям, неизвестным!
Не пускайте, не пускайте,
Не пускайте чужих гостей,
Чужих гостей, неизвестных,
Гостей на широкий двор!
Запирайте, запирайте,
Запирайте сенную дверь,
Сенную дверь во светелочку!
Не отворяйте, не отворяйте,
Не отворяйте дверь ко терему,
К терему ль моему высокому!
Не пускайте, не пускайте,
Не пускайте чужих гостей,
Чужих гостей, неизвестных!»
«Ой не плачь, не плачь,
Не плачь, душа Маланьюшка,
Не плачь, свет наша Сидоровна!
Не чужой гость, не чужой,
Не чужой идет — твой суженый,
Идет к тебе твой ряженный!»

415

Вот воскликнули лебеди,
Воскликнули белые,
Да Дунай переплывши,
Тростник привалявши,
Лозник приломавши,
А лебедушку взявши,
Да белую вловемши!¹
«Белая ты лебедушка,
Да белая ты лебедушка,
Уж ли ты наша?
Да нашего лебедина, лебедина,
Да нашего вот белого?»
«Вот, гуси вы, лебеди,
Гуси вы, лебеди,
Еще я не ваша, еще я не ваша,
Не вашего лебедина, не вашего белого!
Тогда буду ваша, как с вами поплыву
По синему морю, по тихому Дунаю!»
Вот заиграли бояре, заиграли честные,

¹ Здесь — поймав.

Город взвоевавши, деревню разбивши,
Терем разоривши, столы повалявши,
Скатерти помаравши, Татьянушку взявши:
Красивая Татьянушка, хорошая Ивановна,
Ужó ли ты наша?
А нашего Иванушки, а нашего Петровича?»
«Тогда буду ваша, как с вами поеду,
Когда вашей на тройке,
На всей на четверке,
Но вашей дорожке!»

416

Ах вы, комони, * комони,
Комони, кони добрые!
Знать слышали комони
Что невзгоду великую.
Из Дуная воды не пили,
Из тихого не кушали.
По Дунаю насад * плывет,
По тихому ветляненькой; *
Подле берег колымагу * несет,
Подле крутой багрецовую. *
Во насаде Андрей сидит,
Что Андрей свет Николаевич;
В колымаге красна девица,
Что Надежда Терентьевна.
Как Андрей-то богу молится,
Николаевич поклоняется:
«Как создай, боже-господи,
Со небес тучу грозную
Со громами со страшными,
С моланьями * со яркими;
Снеси, ¹ боже-господи,
Что насад с колымагою;
Сочетай, боже-господи,
Что Андрея-то с Надеждою,
Николаевича с Терентьевной».

---

¹ Здесь — соедини.

Улицы, метитесь,
 Города, становитесь,
 Города с пригородышами,
 Терема с притерёмышами;
 Храбро идет мóлодец
 Свет Николай
 Споизотчеству Иванович
 На добром коне бáтюшковом.
 Шелковой плеткой помахивает,
 Стременами наколачивает
 К тестеву широкому двору,
 Ко тещину высокоу терему,
 К шурьям — ясным соколам,
 К своячинам — белым лебедям.

Не было ветру, не было ветру —
 Вдруг наваяло.
 Не было гостей, не было гостей —
 Вдруг наехали.
 Полная ограда, полная ограда
 Золотых карет,
 Полная конюшня, полная конюшня
 Вороних коней,
 Полная зала, полное застолье
 Дорогих гостей,
 Полная кухня, полная кухня
 Молодых кучеров,
 Полная гостиная, полная гостиная
 Молодых шаферов.
 Не подломите, не подломите
 Залу новую.
 Залу новую, залу новую
 Со гостиною,
 Не растопите, не растопите
 Чару золоту,
 Чару золоту, чару золоту
 Со финитями,*
 Не выпустите, не выпустите
 Соловья из саду,
 Соловья из саду, соловья из саду.

Молодого из зелена.
Не расслезите, не расслезите
Красну девицу.
Подломили, подломили
Залу новую,
Растопили, растопили
Чару золоту,
Чару золоту, чару золоту
Со финитями.
Выпустили, выпустили
Соловья из саду,
Соловья из саду, соловья из саду,
Молодого из зелена.
Расслезили, расслезили
Красну девицу.
Растужилась, расплакалась
Красна девица:
«Кто у меня будет, кто у меня будет
Соловей во саду
Заместо молодого, заместо молодого
Во зеленом?
Кто меня станет, кто меня станет
С утра рано будить?
Кто меня станет, кто меня станет
Скоро к делу учить?
Кто мне построит, кто мне построит
Залу новую,
Залу новую, залу новую
Со гостиною?
Кто мне отольет, кто мне отольет
Чару золоту,
Чару золоту, чару золоту
Со финитями?»
Спроговорил, спроговорил
Удалой молодец:
«Я у тебя буду, я у тебя буду
Соловей во саду,
Я у тебя буду, я у тебя буду
Молодой в зеленом.
Я тебя стану, я тебя стану
Споутру рано будить,
Я тебя стану, я тебя стану
Скоро к делу учить,
Я тебе построю, я тебе построю
Залу новую.

Залу новую, залу новую
Со гостиною.
Я тебе отолью, я тебе отолью
Чару золоту,
Чару золоту, чару золоту
Со финитями».

419

У Николая-господина
Были трои воротá.
    Дымно, дымно в поле,
    Чадно, чадно в чистом.
Да у Прокопьевича
На широкий двор.
Да как Людмилушка его
Да на крылечке стоялá.
Еще Яковлевна
Да на прекрасном гулялá.
Да голоском крикнулá,
Да рукавцем махнулá.
Да воротись, воротись,
Николай-молодец.
Да воротись, воротись,
Ты Прокопьевич-душа.
Да ради твоего здоровья
Я сына порожу.
Да уж я сына порожу,
А себе дочерь получу.
Да у мня дочушка,
Да будет гостюшка.
Да у мня зятюшка
Да завсегдашний гость.

420

Как на горé, на горé,
На высокой, на крутой
Город стоял,
Город каменный.
Как под тем городом
Сила-войско стоит.
Как во силе силен —

Воевода грозен.
Хочет город взять,
Всех людей в полон забрать.
Заполóнил он
Красну девицу-душу.
Взмолилась она
Кормильцу-батюшку:
«Батюшка родной,
Уж ты выручи меня.
Уж ты выручи меня —
Уж ты выкупи меня.
Ты отдай за меня
Ровно сто рублей,
Ровно сто рублей.
Ровно тысячу».
«Дитятко мое,
Дитя милое,
Нынче люди не таки,
Не рассудливые,
Они денег не берут,
На откúп купцу нейдут.
Они просят у меня
Тебя, мила дочь...»

421

Что у князя было, князя,
Что у князя молодого,
Что у князя молодого,
Что у света дорогого,
Что у света дорогого
Кудри золотые.
Кудри золотые,
Золотые, увитые,
Золотые, увитые.
За те ёго кудри,
За те ёго русы
Тесть ёго любит,
Тесть ёго любит,
Добрым конём дарит,
Добрым конём дарит.
Еще те ему подарки,
Еще те ему хорошие,

Не в любви приходили,
Не в любви приходили.
Он с лавки не встанёт,
Он с лавки не встанёт,
Пуховой шляпы не соймёт,
Пуховой шляпы не соймёт,
Головы-то не преклонит,
Головы-то не преклонит,
Спасибо не скажёт,
Спасибо не скажёт.
Что у князя было, князя,
Что у князя было, князя,
Что у света дорогого,
Что у света дорогого
Кудри золотые,
Кудри золотые,
Золотые, увитые,
Золотые, увитые.
За те ёго кудри,
За те ёго русы
Его теща любила,
Настасьей дарила,
Настасьей дарила
Да Ивановной пожаловала,
Да Ивановной пожаловала.
Еще те ему подарочки,
Еще те ему хорошие
В любви приходились,
В любви приходились.
Он с лавки встает,
Пухову шляпу снимает,
Поклон воздает,
Поклон воздает:
«Те спасибо, сударь-теща,
Те спасибо, сударь-теща,
Богом данна мене матушка,
Богом данна мене матушка».

По сеням было, сенечкам, (да)
По частым переходинкам,
По частым переходинкам, (да)

Ходила́ туда гу́ляла,
Ходила́ туда гу́ляла, (да)
Душа красная девица.
Душа красная девица, (да)
Как и Нина Петровна душа,
Как и Нина Петровна душа, (да)
Во право́й руке но́сила,
Во право́й руке но́сила, (да)
Свой подносик серебряной.
Свой подносик серебряной, (да)
На подносике носила,
На подносике но́сила, (да)
Две чары зеленого вина,
Две чары зеленого вина, (да)
Сама верно выговаривала.
Сама верно выговаривала: (да)
«Уж вы гости, вы гостьюшки,
Уж вы гости, вы гостьюшки, (да)
Дороги гости́, прихожия,
Дороги гости́, прихожия, (да)
Не приходи, приезжия!
Не приходи, приезжия, (да)
Посидите малёшенько,
Посидите малёшенько, (да)
Докуль я ли, молодёшенька,
Докуль я ли, молодёшенька, (да)
Я пойду ли потихошеньку.
Я пойду ли потихошеньку, (да)
Выступаю помалёшеньку,
Выступаю помалёшеньку, (да)
Я до новой ли до горницы.
Я до новой ли до горницы, (да)
До высокой светлой светлицы».
До высокой светлой светлицы, (да)
Там сидят князья-бóяра,
Там сидят князья-бóяра, (да)
Там сидит ли ей милый друг, (да)
Там сидит ли ей милый друг, (да)
Николай да как Фёдорович.
Николай да как Фёдорович, (да).
Уж он пьет-упивается,
Уж он пьет-упивается, (да)
Вино́м-пивом забавляется,
Вино́м-пивом забавляется, (да)
Своей невестой похваляется.

Своей невестой похваляется: (да)
«У меня невеста умная,
У меня невеста умная, (да)
Свет как Нина разумная,
Свет как Нина разумная, (да)
У ней походочка павиная. *
У ней походочка павиная, (да)
Тиха́ речь лебединая,
Тиха́ речь лебединая, (да)
Брови чёрного соболя,
Брови чёрного соболя, (да)
Очи ясного сокола».
Очи ясного сокола, (да)
«Проздравляем, Николай-молодец,
Проздравляем и Фёдорович, (да)
Со своей наречённою,
Со своей наречённою, (да)
Да как с Ниной Петровной душой!»

423

Судном по морю,
Судном по морю
Николай да Михайлович.
Пеша * бережком,
Пеша бережком
Да как Нина Семёновна.
Крыкнула-зыкнула,
Крыкнула-зыкнула
Да своим зычным голосом:
«Стой-постой, милой муж,
Стой-постой, милой муж
Николай да Михайлович,
Я тебе споднесу,
Я тебе споднесу
Да чару зеленého вина».
«То мне не надобно,
То не душа моя,
Да чару зеленého вина».

Судном по морю,
Судном по морю
Николай да Михайлович.
Пеша бережком,

Пеша бережком
Да как Нина Семёновна.
Крыкнула-зыкнула,
Крыкнула-зыкнула
Да своим зычным голосом:
«Стой-нстой, милой муж,
Стой-постой, милой муж
Николай да Михайлович,
Я тебе спорожу,
Я тебе спорожу
Да дочí — серу утицу».
«То мне не надобно,
То не душа моя,
Да дочи — серу утицу».

Судном по морю,
Судном по морю
Николай да Михайлович.
Пеша бережком,
Пеша бережком
Да как Нина Семеновна.
Крыкнула-зыкнула,
Крыкнула-зыкнула
Да своим зычным голосом:
«Стой-нстой, милой муж,
Стой-постой, милой муж
Николай да Михайлович,
Я тебе спорожу,
Я тебе спорожу
Да сынá — ясна сокола».
«То мне и надобно,
То и душа моя,
Да сына — ясна сокола».

424

Кто эту дороженьку уторíл, *
Кто эту широкую уездíл?
Кто эту широкую уездíл?
Уторил дорожку Иван-господин,
Уторил дорожку Иван-господин,
Уездíл широку Петрович,
Уездíл широку Петрович,
Он все езжучись да ко Марфы своей,

294

Он все ежучись да ко Марфы своей,
 Он все гуляючись да ко Павловной,
 Он все гуляючись да ко Павловной,
 Дорогой гостинечек вожучись,¹
 Дорогой гостинечек вожучись.
 Первой гостинечёк — пряничёк,
 Первой гостинечёк — пряничёк,
 Другой гостинечёк — йзюмец,
 Другой гостинечёк — йзюмец,
 Третий гостинечёк — бел сахár,
 Третий гостинечёк — бел сахár,
 Четверто́й гостинечёк — сам на двор,
 Четверто́й гостинечёк — сам на двор,
 Ведь он сам в высок да терём низко бьёт,
 Ведь он сам в высок да терём низко бьёт.
 Не сколь он не учён, да Иван-господин,
 Не сколь он не учён, да Иван-господин,
 Не сколь он не учён, да Петрович,
 Не сколь он не учён, да Петрович,
 Столько хорошо да еще снаряжён,*
 Столько хорошо да еще снаряжён.
 Не шелко́ва ленточка к стенке льнёт,
 Не шелко́ва ленточка к стенке льнёт,
 Да Иван-то перед матушкой челом бьет,
 Да Иван-то перед матушкой челом бьет:
 «Бласлови, сударь-матушка, жéниться
 Бласлови, сударь-матушка, жéниться
 На душе на красной на дéвице,
 На душе на красной на дéвице,
 На душе да на Марфы на Павловной.
 На душе на Марфы на Павловной.
 Что ль с горы, с горы да со Марфушкиной,
 Что ль с горы, с горы да со Марфушкиной,
 С высоко́й, с крутой да со Павловной».
 С высоко́й, с крутой да со Павловной.
 Собрала тут Марфушка всех подруг,
 Собрала тут Марфушка всех подруг,
 Собрала тут Павловна всех своих,
 Собрала тут Павловна всех своих,
 Садилá подруженёк за свой стол,
 Садилá подруженёк за свой стол,
 Сама садилася выше всех,
 Сама садилася выше всех,

¹ Здесь — привозя.

Клонила буйную голову ниже всех,
Клонила буйную голову ниже всех,
Думала крепкую думушку крепче всех,
Думала крепкую думушку крепче всех:
«Сёстрицы вы мои да милы подружки,
Сёстрицы вы мои да милы подружки,
Придумайте мне да-ко вы думушку,
Придумайте мне да-ко вы думушку:
Как будёт назвати да свекровушку,
Как будёт назвати да свекровушку?
Как будёт назвати да деверьецев,
Как будёт назвати да деверьецев?
Как будёт назвати да золовушек,
Как будёт назвати да золовушек?
Убавлюсь веселья да гордости,
Убавлюсь веселья да гордости,
Прибавлю смиренства да кротости,
Прибавлю смиренства да кротости,
Назову я люта́ свекра «батюшко».
Назову я люта свекра «батюшко»,
Назову я свекровушку матушкой,
Назову я свекровушку матушкой,
Назову я деверьецев брателкамы,
Назову я деверьецев брателкамы,
Назову я золовушек сёстрицамы,
Назову я золовушек сёстрицамы,
Назову я Ивана Петровичём,
Назову я Ивана Петровичём,
Назову я Петровича душечкой».

425

В горнице гусли лежали,
А некому в гусли играти.
Как Степана-то не случилось,
Не прилучилось Ивановича.
Он у ласкова тестя пирует,
Он у ласковой тещи столует.
Теща-то зятя провожала,
А сама зятю наказала:
«Пей, мой зять, не упивайся,
Приедешь домой — не ломайся,
Ведь дите-то мое младое,
Твоего обычая не знает,
Твоего норова не ведает».

296

Разливались воды вешние
 Спо крутым бережочикам,
 По желтым по песочикам.
 Отнесло да отваяло
 Три корабля от бережку.
 Что первой-от корабль отнесло
 Со образами со чудными.
 Что другой-от корабль отнесло
 С сундуками да с окованными.
 Что и третий корабль отнесло
 Со душой красной девицей.
 По бережку шла маменька,
 Она шла, слезно плакала,
 Она кликала, гаркала,
 Свою дочь ворочала:*
 «Ты постой, моя милая,
 Воротися, любимая!
 Ты забыла, оставила
 Трои золоты ключики:
 Что первы-те ключики
 От воли от великие,
 От неги-то нежные.
 Что другие-то ключики
 То от девичья житья-бытья.
 Что третьи-то ключики
 От родимой сторонушки».
 «Ты родимая моя матушка,
 Я не то одно оставила,
 Я забыла, я оставила
 Во белой-то я во горнице,
 Я на вербенном столике,
 На кленовой столесенке,*
 На фарфоровой тарелочке
 Свою дивью да красоту,*
 Свою алу ленточку».

Уж ты грушица, грушица моя,
 Уж ты яблонь садовая моя,
 Я садила тебя — надсадила себя,
 Поливала, укрывала — сердце надорвала.

Я со яблоньки яблочков не кушивала,
Я со грушицы грушицу не щипывала.
Свет Наталья Васильевна
По горнице прошла в горючих слезах,
В горючих слезах слово вымолвила:
«Ты дитя мое, дитя милое,
Я носила тебя — насадила себя,
Я родила тебя — смертный час приняла,
Я взрастила тебя — не видала у себя,
Занросватала тебя — прослезилась себя,
Замуж выдала тебя — не бывала у тебя».
«Побывай, побывай, родима маменька, ко мне,
Погляди, погляди на житье-бытье мое,
По атласу хожу, моя матушка, по бархату,
Кармазинные * сукна ногами топчу,
На парчу золоту и глядеть не хочу:
Через чистое золото слезы текут».

МОЛОДЫЕ ПРИЕЗЖАЮТ В ДОМ ЖЕНИХА. БОЛЬШОЙ, ИЛИ КНЯЖИЙ, СТОЛ

Согласно русскому традиционному свадебному обряду (в отличие от украинского и белорусского), после венчания молодые направлялись в дом жениха без заезда в дом невесты. У дома их встречали родители жениха, благословляли (отец — иконой, мать — хлебом). Молодые кланялись им в ноги, причем они должны были сделать это одновременно, чтобы и в дальнейшем в их семейной жизни не было разногласий. В некоторых районах еще в начале XX века свекровь встречала молодую одетой в вывороченную шубу мехом вверх.

При входе в дом молодых, с пожеланиями им богатства и счастья, осыпали хмелем, овсом, рожью и т. п. При этом приговаривали:

Сколько на болоте кочек —
Столько бы у вас было дочек,
Сколько в лесу пеньков —
Столько бы у вас было сынков.

Следует иметь в виду, что, наряду с богатым песенным сопровождением, свадебный этикет включал множество стереотипных словесных формул пожеланий: заговоров, оберегов, юманд и просто шуток. Особенно насыщенными традиционными словесными формулами были обряды свадебного дня. Так, например

перед началом свадебного обеда обращались к поварушке или свахе:

Свахонька-лапонька!
С ножки на ножку переступай,
Сахарные кушанья переменяй,
Что есть в печи —
На стол мечи,
Стань на куньи ланки
Достань до судной¹ лавки.
Погляди через чело,²
Не забыла ли чего.
Что забудешь —
Виновата будешь.

Словесные формулы произносились всеми участниками обряда, но больше всех — дружкой. Его голос, его команды раздавались систематически, отмечая переход от одного обряда к другому или от одного этапа ритуала к другому.

Непрерывно звучали также и песни. Их пели то девушки — подруги невесты, то все участники свадебного застолья. После венца обычно пели веселые песни, причитания больше не звучали. Еда прерывалась также пляской и т. д.

Молодых торжественно усаживали за стол; их родственники располагались за столом по старшинству. Во время застолья продолжался обмен дарами и совершался целый ряд других символических действий — молодые пили и ели из одной посуды, невесте на колени сажали мальчика (чтобы рождались сыновья) и т. д. Во время застолья молодым предписывалось воздержание — они почти ничего не ели, почти ничего не говорили и, тем более, не пили.

После застолья совершался постельный обряд — молодых отводили в клеть³ и оставляли наедине, в некоторых районах расселения русских на один-два часа, в других — до утра. Проводы в клеть сопровождались шутками и пением эротических песен, которые должны были способствовать удачному браку.

«На дворе да вьюга-падера *
Что большая заметелица —
Добрым коням да бездорожица,

¹ То есть посудной.

² Чело, или устье, русской печи.

³ Летнее спальное помещение, боковушка или кладовка.

Княжим дру́жкам — безпокоица.
Погости-ка, наша гостюшка,
Дорогая да небывалая,
У родного у батюшки,
У родимой-то матушки,
Ты у братца, ясна сокола,
У сестриц своих, голубушек,
У всего да роду-племени».
«Уж я рада бы погостила —
Не гостят мои дорогие гости:
Свет Иван-то да Васильевич
Он со княжим да со тысяцким,
Он со княжими со свашеньками,
Он со княжими со дру́жками,
Он со княжими со боярами».
Покатился да скатен жемчуг *
Со горы да со высокие
Он со всею же да со свадьбою.

429

Как у грушеньки было, у зеленя.
Что у яблони, у кудрявья,
Были листочки бумажные,
Что верхушка жемчужная.
Что пришла-то зима студеная,
Что со лютыми со морозами;
Зазнобило-то листья — упали до полу,
Приосыпалася вершиночка,
Приосыпалася жемчужная.
У меня-то, у красной девицы,
Много роду, много племени;
Много тетушек, много дядюшек,
Много братцев, много сестриц,—
Нету-ка матушки родимой.
Мне бы теперь ее нужно-надобно:
Мне-то взять бы благословеньице:
Мне ведь ехать ко суду божью,
Ко суду божью, ко злату венцу
С удалым добрым молодцем
Александром Николаевичем.

Как по сеням, сеням, сеничкам,
 По частым ли переходичкам
 Тут ходила, выгуливала
 Дорога наша боярыня,
 Свет-де (*имя-отчество*);
 Она будила, выбуживала
 Своего друга милого,
 Своего друга любезного.
 Свет (*имя-отчество*):
 «Да ты встань, пробудися, мой друг.
 Оторвался наш добрый конь
 От столба, столба дубового,
 От кольца, кольца серебряного,
 От витого, позолоченного.
 Он ворвался во зеленый сад,
 Весь зеленый сад повытоптал,
 Со калиною, с малиною,
 С черной ягодой-смородиной
 И со винными ягодами,
 Со наливными яблоками».
 «Ты не плачь, моя умная,
 Не взрыдай, моя разумная.
 Может, может, бог помилует,
 Государь-царь пожалует, —
 Наживем с тобой зеленый сад,
 Со калиною, с малиною,
 С черной ягодой-смородиной
 И со винными ягодами,
 Со наливными яблоками».

Как сидела я во тереме
 И низала ли жемчужинки
 Что на длинную ниточку.
 Не отколь взялся ясен сокол.
 Он взмахнул правым крылышком,
 Он задел им за тарелочку,
 За тарелочку серебряну.
 Он просыпал все жемчужинки
 До единого до зернышка.

Как расплакалася девица,
Стоючи перед батюшкой.
«Ты не плачь-ко, мое дитятко,
Созову я князей-бояр,
Подберут твои жемчужинки
До единого до зернышка».

432

Кругом солнце обошло;
Рядом бояре ехали,
Вершину у рябинушки сломили,
Коням под ноги бросили.
«Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябина, бѣз верху;
Живи, батюшка, без дочери,
Без любимыя Аннушки».
Кругом солнышко обошло;
Рядом бояре ехали,
У рябины вершинушку сломили.
Коням под ноги бросили.
«Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябинушка, бѣз верху;
Живи, матушка, без дочери,
Без любимыя дочери Аннушки!»

433

Маменька, маменька,
Государыня, боярыня моя!
Отдаешь меня, маменька,
Во чужи люди, незнамые,
Во незнамы, незнакомые!
«Ты, дитя ли, мое дитятко!
Я же дам провожатого,
Провожатого верного,
Я те братца любезного».
Уж ты, мать моя, маменька,
Государыня, боярыня!
Проводя брат-от домой,
Брат-от скажет: «Сестра, так живи,
Ты живи в чужих людях — не старейся.
Ты носи платье — не снашивай,

Ты тери горе — не сказывай»
Уж ты братец, родимой мой!
Поживу в чужих людях — состарюся,
Поношу я платье — сносится,
Потерплю я горе — скажется!

434

Полевая наша вишенка,
Дорогая наша гостюшка,
Погости у нас немножечко.
«Я бы рада погостить у вас,
На дворе стоят добры кони,
У дверей стоят разбойнички,
У стола стоят разлучнички,
Разлучают с отцом, с матерью,
С отцом, с матерью,
С родом-племенем,
С родом-племенем,
Со подружками.
Как со первой со подружкой —
С Манюшкой,
Со второю со подружкой —
С Дунюшкой,
Со третьей со подружкой —
Нотюшкой,
Со четвертой со подружкой —
Катюшкой...»

435

Ой заря ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Солнушко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко осветило,
Через лес, через поле,
Через синее море,
Через речку быстрюю.
Тут лежала жердочка
И тонка, и быстрая;
Вот по этой жердочке
Что никто не хаживал,

303

Никого не важивал.
Перешел детинушка,
Перевел девчинушку,
Перевемши девчинку,
Он стал выпрашивать,
Из ума вываживать:
«Цветик мой, ты чей такой?»
«Радость моя, ты сам догадайся!»

436

Ой, во поле-то ель
Да зеленая.
Ой, как на той елѣ
Да пава сидит.
Ой, да как под той елью
Павин * гуляет.
Ой, сговорил павин
Да паве своей:
«Ой, павушка,
Да взлетю ли я к тебе?»
Ой, да хоть взлететь
Да не взлетю —
Право крылышко
Да отшибу».
Ой, да во высоком
Новом терему,
Ой, за столами
Да за дубовыми,
Ой, тут сидела
Да красна девица.
Ой, взошел в сени
Да удалой молодец,
Сговорил молодец
Красной дѣвице:
«Ой, да взойду ли я
Да во высок терем?»
Ой, хоть взойти
Я не взойду —
Ой, трубчату косу
Да расплету,
Алу ленточку
Да развяжу!»

304

Коса моя, косушка коротенька;
 Была я у маменьки молоденька.
 Хотят мою косушку расчесати.
 Хотят мою русую раздвоити.
 Шахал мужик пашеньку мякенько,
 Посеял он цветики, да реденько.
 Цвели, цвели цветики, да опали,
 Любил меня миленький, да покинул.
 Поехал мой миленький в городочек,
 А я за ним, девочка, во следочек.
 Бегла, бегла девочка, приуслала,
 Приуоставши, девочка приуснула.
 Наехал на девочку сын казацкий.
 «Вставай, вставай, девочка, поскорее,
 Садись на колясочку посмелее».

Разлилась, разлелеялась
 По лугам вода вешняя,
 Унесло, улелеяло
 Три кораблика по морю:
 Первый кораблик унесло
 С сундуками с окованными;
 Второй кораблик унесло
 Со периной пуховою,
 Со подушками пуховыми;
 Третий кораблик унесло
 Со душой красной девицей
 С Натальей Ивановной!
 Оставалась маменька
 На крутом славном берегу,
 Она кричала-зычала:
 «Воротись, моя мила дочь,
 Забыла три золоты ключи,
 На алой на ленточке,
 На фарфоровой тарелочке,
 Во твоей новой спальне,
 На дубовом на столике,
 На фабричной салфеточке!»
 «Не горюй, моя маменька,
 Не одни я ключи оставила,

Позабыла волю тятенькину,
Позабыла негу мамонькину,
Приласканьица братцевы,
Разговоры сестрицыны!»

439

Как со вечера родна матушка
Нов корабль она строила,
Как со полуночи матушка
Нов корабль она грузила,
На восхожем красном солнышке
Нов кораблик спускала.
Оставалася рѳдна матушка
На крутом берегу;
Говорила рѳдна матушка:
«Ты постой-ка, постой,
Родное дитятко!»
«Мы простимся с тобой,
Родимая матушка.
Уж я рада бы постоять,
Да кораблик-то не стоит,
Уж я рада бы слово вымолвить,
Да суженый не велит».
«Ты постой, постой, дитятко.
Я забыла слово выговорить».
«Уж я рада бы постоять —
Корабельщики не стоят,
Уключинки прирасходилися,
Весёлышки приразмахалися».
Оставалась родна маменька
На крутеньком берегу.

440

Рано по заре,
Рано по заре
Плакала Аннушка
По русой косе,
По русой косе.
Плакала Михайловна
По девьей красоте:
«Вечор мою косоньку

306

Девицы плели,
Девицы плели,
Ленты увили.
Приезжала свахонька
Немилостива,
Стала мою косоньку
Рвать, порывать,
Стала мою русую
Подергивать.
Разделила косоньку
На две косы,
Положила русую
Сверх головы:
„Вот тебе, косонька,
Век вековать“».

441

При последнем-то при денёчике,
При минутным часёчике,
Жарко-жарко-то во тереме,
Пожарчее-то во высоком;
Жарко-жарко-то свещи горят,
Пожарчее воску ярого.
И красна девушка во тереме
Слезно плакала.

Приходил-то родный батюшка,
Подходила родна матушка.

(Если же отца или матери нет, то поют так:

Приходил-то родный дядюшка,

Приходила родна тетушка.

Приходил-то родный братьюшка,

Или:

Приходила родна сестрынька.)

Красна девушка-то слезно плакала

По своей да вольной волюшке,*

По своей да русой косыньке!

Уговаривал-то родный батюшка,

Утешала родна матушка:

«Ты не плачь, не плачь, да наша умница,

Не тужи-тко ты, разумница.

Мы тебя да не в полон даем,

Не в полон даем, не полонить хотим:
Выдаваем мы тебя за умного,
Мы за умного, да за разумного,
Да за славного ли, за богатого,
За красивого, за тароватого,
Мы за белого, кудрявого
И за личушко его да за румяное!

442

Угрюм, угрюм ходит
Марьин батюшка;
Угрюма, угрюма ходит
Марьи́на матушка:
Мела свой высок терем,
Потеряла свой золот перстень.
Не золот перстень потеряла —
Потеряла свое дитятко,
Потеряла свое милое,
Марью Андреевну.
Весел, весел ходит
Васильев батюшка;
Весела, весела ходит
Васильева матушка:
Мела свой широкий двор
И свою новую горницу,
Нашла золот перстень
С дорогим с камешком.
Не золот перстень нашла —
Нашла себе дитятко,
Нашла себе милую
Марью Андреевну.

443

Санки, вы, саночки,
Из Москвы пошевёночки! *
Кого буду в саночках возить,
Кого в пошевёночках?
В саночках-то девицу;
На запятках ли удалой молодец,
Терентьюшко за возжи брал,
Федосеевич за шелкóвые.

Подъезжает ко широкому двору,
Вызывает свою мать родну:
«Пойди-выйди, мамонька,
Пойди-выйди, родимая,
Я привез тебе заменушку,
Дорогую люблю гостейку,
Себе верную хозяйку,
Степанидушку свет Семеновну».

444

Среди двора широкого
Стояли палатушки горновитые;*
Покрыты палатушки черным бархатом,
Убиты¹ палаты по бархату частыми звездами.
Во той ли палатушке
Расставлены столики дубовые,
Разостланы скатерти браные,*
Наставлены яства сахарные,
Разносят пойлица медяные.
За столами-ти сидят всё князья, бояре;
Впереди-то сидит дородный добрый молодец.
(Имя и отчество).
Не пьет-то, не ест и не кушает,
Бела лебеда не рушает.*
Во руках-то он держит звончаты гусли;
Он выигрывает волю батюшкину,
Он выигрывает негу матушкину.
Подошедши, красна девица послушала;
Отошедши она, душа, заплакала:
«Ты свет моя воля батюшкина!
Ты свет моя нега матушкина!
Не будет такой воли, как у батюшки,
Не будет такой неги, как у матушки».

445

Как вчера пшаничка на нивке была,
А сегодня пшаничка в пироги поспела.
Как вчера наша Люба красна девушка была,
А сегодня наша Люба в молодухи поспела.

¹ Здесь — обиты.

В молодушки нарекли, в две косички заплели.
Была одна коса да две волюшки,
Стало две косы — одна волюшка.
Одна волюшка да неполная.
Чужа маменька да неродная.

Ах, пивна ягода по сахару плыла,
Да спо медú, медú крупивчатому,
Да что ль по сахару рассыпчатому;
Душа Марьюшка по бархатцу шла,
Приходила ко белú шатру,
Приходила ко дубовú столу,
Бел шатер да растворён стоит,
Князь Иван да за столом сидит,
Князь Васильевич да за дубовым:
«Тебе хлеб да соль, детина-господин!»
«Хлеба кушать, душа Марьюшка!»
«Я не есть, сударь, не нить пришла,
Я пришла к вам позабавиться,
Понизёшеньку раскланяться
И поиграть с вами в шашечки,
Во шашки да во шахматы,
Во все игры турецкие,
Во забавы молодецкие!»
Проигрался детина-молодец:
Со правóй руки злачён перстенёк,
Со левóй позолоченной,
Со кармана золоты́ часы,
Со другого позолоченны.
Усмехнулась красна девица-душа:
«Не в досаду ли, детинушка,
Не в досаду ли, хорошенькой?»
Красна дéвица по бархатцу шла,
Душа Марьюшка по аленькому
И приходит ко белú шатру,
И приходит к дубовú столу.
Бел шатёр да растворен стоит.
Князь Ванюша за столом сидит,
Князь Васильевич за дубовым:
«Тебе хлеб да соль, детина-господин!»
«Хлеба кушать, душа Марьюшка!»
«Я не есть, сударь, не пить пришла,

Я пришла к вам позабавиться.
 Понизёшеньку раскланяться,
 И поиграть с вами во шашечки,
 Во шашки да во шахматы,
 Во все игры турецкие,
 Во забавы молодецкие!»
 Проигралась дúша Марьюшка-душа:
 Со правóй руки злачён перстенёк,
 Со левóй позолоченной,
 Со головушки-то волюшку,
 Со русóй косы ленточку,
 Золотую перевязочку.
 Усмехнулся тут Иван-то господин,
 Усмехнулся тут Васильевич:
 «Не в досаду ль, красна девица-душа,
 Не в досаду ль тебе, Марьюшка,
 Не в досаду ли, Ивановна?»
 Она брала трóи зóлоты ключи,
 Отмыкала все комоды, сундуки,
 Вынимала тонко гладкое сукно,
 Тут кроила-то Иванушку кафтан,
 Чтобý кафтан не долог был,
 Чтобý он не коротенькой,
 По подольчику раструбистый,
 По бокам он перехватистый,
 Чтобы легче на добра коня скочить,
 Чтобы ехать ко божьей церьквы,
 Ко божьей церьквы, ко злáту венцу.

447

Сидит наша гостинька выше всех,
   Выше всех,
 А держит головушку ниже всех,
   Ниже всех,
 А думает думушку крепче всех,
   Крепче всех.
 Селезень по реченьке сплавливает,
   Сплавливает,
 Вáнюшка Машеньку выспрашивает,
   Выспрашивает:
 «Скажи, скажи, Машенька, кто тебе мил,
   Кто тебе мил?»
 «Мила-то мне милёшенька матушка родна,

Матушка родна».
«Машенька мила, мила, неправда твоя,
Неистинная.
Неправду сказываешь, всё ложь говоришь
Всё ложь говоришь,
Свое сердце тешишь, а мое гневишь,
А мое гневишь».
Селезень по реченьке сплавливает,
Сплавливает,
Ванюшка Машеньку выпрашивает,
Выпрашивает:
«Скажи мне, Машенька, кто тебе мил,
Кто тебе мил?»
«Мил-то мне милёшенек батюшка родной,
Батюшка родной».
«Машенька мила, мила, неправда твоя,
Неистинная.
Неправду сказываешь, всё ложь говоришь,
Всё ложь говоришь,
Сама себя тешишь, а меня гневишь,
А меня гневишь».
Селезень по реченьке сплавливает,
Сплавливает,
Ванюшка Машеньку выпрашивает,
Выпрашивает:
«Скажи, скажи, Машенька, кто тебе мил,
Кто тебе мил?»
«Мил-то мне милёшенек ты, господин,
Ты, господин».
«Машенька мила, мила, то правда твоя
Истинная,
Всё ты правду сказываешь, не ложь говоришь,
Не ложь говоришь,
Свое сердце тешишь, мое веселишь,
Мое веселишь».

Из-под гор, из-под камешка
Протекал серебрян ручей.
По тому ручью серебряному
Тут ходила, тут гуляла
Молодая молодушка
Что княгинина свашенька.

Она ходила, она искала
Самоцветного камешка,
Самоцветно-лазоревого:
«Уж я где найду камешек
Самоцветной, лазоревой,
Я возьму этот камешек
Самоцветной, лазоревой
В свои рученьки белые
И отдам я тот камешек
Уж я мастеру-серебряннику;
Он вольет этот камешек
В золотой перстень вставочкой;
Я надену тот злат перстень
Я при марте при месяце,
При своем при здоровьице,
При своей буйной головушке,
При своем при милом дружке,
При своих малых детушках».

449

Козушка-белоножушка по приволью гуляла,
Дразнивала, передразнивала серого волка:
«Волчушка мой серенький, я тебя не боюсь!»
«Козушка-белоножушка, постой, не хвались!
Встанем мы ранешенько, поглядим на утрях:
Ножки лежат, рожки лежат, а козушки нету...
Вот же тебе, моя козушка, за твои за насмешки!»
По двору девушка ходила,
Дразнивала, передразнивала доброго молодца:
«Добрый молодец, я тебя не боюсь!»
«Красная девушка, постой, не хвались!
Встанем мы ранешенько, поглядим на утрях:
Девки играют, платки сияют — красной девушки
нету...
Вот же тебе, девушка, за твои за насмешки!»

450

Искупайся, утушка, искупайся,
Ой люли да люли, искупайся.
Встрепехнися, серая, встрепехнися,
Ой люли да люли, встрепехнися.

313

Над тобою, серая, орлы вьются,
Ой люли да люли, орлы вьются.
Над тобою, серая увиваются,
Ой люли да люли, увиваются.
А хотят тебя, утушка, поймати,
Ой люли да люли, поймати.
Твои перышки ощипати,
Ой люли да люли, ощипати.
В перинушку попихати.
Ой люли да люли, попихати.
Как поехал Надин родный братец,
Ой люли да люли, родный братец,
Покупать всем дру́жкам алы ленты.
Ой люли да люли, алы ленты,
А своей сестрице дорогую,
Ой люли да люли, дорогую.
А куда ж ты, сестрица, собираешься,
Ой люли да люли, собираешься?
Что ты так чисто снаряжаешься,
Ой люли да люли, снаряжаешься?
Горько-бедное мое, собираешься,
Ой люли да люли, собираешься?

451

У Ивана на дворе, рай мой, рай!
Разливалася вода, рай мой, рай!
Как по этой по воде, рай мой, рай!
Расстелилися ковры, рай мой, рай!
Как по этим по коврам, рай мой, рай!
Свет и Аннушку ведут, рай мой, рай!
У Аннушки во руке, рай мой, рай!
Воску ярого свеча, рай мой, рай!
Ты гори, гори, свеча, рай мой, рай!
Вместо солнышка, рай мой, рай!
Не гореть тебе, свеча, рай мой, рай!
Вместо солнышка, рай мой, рай!
Хоть не быть тебе, и свекор, рай мой, рай!
Вместо тятеньки родного, рай мой, рай!
Хоть не быть тебе, свекрови, рай мой, рай!
Вместо маменьки родной, рай мой, рай!
Хоть не быть тебе, золовка, рай мой, рай!
Вместо сестрицы родимой, рай мой, рай!
Хоть не быть тебе, и деверь, рай мой, рай!
Вместо братца родного, рай мой, рай!

«Ты подай, мати, чулки,
Поскорее сапоги.
Я вскочу да полечу,
Я кораблик захвачу:
Красну девку уведу,
В божью церковь поведу —
Ко златому ко венцу!»

453

Плавала чарочка в сладком меду,
В сладком меду, в сладкой патоке;
Никто за чару не вóзьмется, —
Взялся, принялся смелый человек,
Смелый человек, удалой молодец Иван
Семенович.

Сам изопьет, госпоже поднесет Марье Егоровне:
«Кушай, жена, кушай, барыня моя!
Выпей ты чару за меня, за меня;
Роди ты сына во меня, во меня,
Роди ты дочь во себя, во себя.
Этому сыну я коня куплю,
Этой я дочери терем куплю;
С этого коня я сына женю,
С этого терема дочь замуж отдам».

454

Ты сокол, сокол, соколик мой,
Разудалый добрый молодец
Николаюшко Васильевич!
Он гулял в саду под вишенкой,
Да разогнал он лебедей в саду,
Да лебедей, белых лебедушек,
Лебедей, белых лебедушек,
Да раздушечек красных девушек.
Раздушечек красных девушек.
Да он поймал себе лебедушку,
Да раздушу ли красну девицу,
Что Федóру Афанасьевну.
Он и брал ее за праву за руку,
За ее ли золоты виты кольца,
Он повел же ее к батюшке,

316

К государыне ко матушке:
«Государь мой, рódный батюшка,
Государыня, родна матушка,
Хороша ли вам невестушка моя?
Без белильцев лицо белое,
Без румянцев щечки алые,
Без сурмил брови черные».
«Тебе любя, а нам очень хороша!»

455

По залесью красно солнышко пекёт, ой-да рано мое!
Да не солнце пекёт, не изюм не растет, ой-да рано мое!
Не изюм растет — виноград цветет; ой-да рано мое!
По застолью молодую ведут, ой-да рано мое!
Молоду княгину первобрачную, ой-да рано мое!
На имя Софью свет Михайловну; ой-да рано мое!
Давали ключи, ключи батюшковы, ой-да рано мое!
Брала она ключи во свои белы руки, ой-да рано мое!
Воздымала ключи выше буйной головы, ой-да рано мое!
Спускала ключи на дубовый стол, ой-да рано мое!
И ко этим ключам приговаривала: ой-да рано мое!
«Я этим ключам буду не ключница, ой-да рано мое!
Золотой казны буду не счетчица», ой-да рано мое!
По залесью красно солнце пекёт, ой-да рано мое!
Не солнце пекёт, сам изюм растет, ой-да рано мое!
Не изюм растет — виноград цветет; ой-да рано мое!
По застолью молодую ведут, ой-да рано мое!
Молодую княгину первобрачную; ой-да рано мое!
Давали ключи, ключи суженого; ой-да рано мое!
Брала она ключи, ключи суженого, ой-да рано мое!
Брала она ключи во свои белы руки, ой-да рано мое!
Сама ключам приговаривала: ой-да рано мое!
«Я этим ключам буду ключница, ой-да рано мое!
Как этим ларцам буду ларёшница, ой-да рано мое!
Золотой казны буду счетчица», ой-да рано мое!

456

Под горой, горой высокою
Что кипит колодезь с красным золотом,
Красны девицы расчерпывают;
Коя чарой, коя ковшичком,

Одна Машенька целым кубцом.*
Кому кубец отдать с красным золотом?
Отдать батюшке — назад не взять.
Отдать матушке — ничего не видать;
Как отдам кубец Ксенофонтушке,
Ксенофонту да Кирилловичу:
Тем кубцом мы село заведем.

457

Где был лебедь,
Где лебедка была?
Лебедь был на синем море,
Лебедка была на тихих заводах.
Нынче они
На одном заводе.*
Нынче они
Одну травку клюют;
Нынче они одну воду пьют.
Где был Антон,
Где Иванович был?
Антон сударь был,
Иванович был
В каменной Москве,
Аксинья росла,
Павловна росла
В высоком терему—
Нынче они
За одним столом сидят,
Одни ествы едят,
Нынче они
Одну речь говорят.

458

Виноград расцветает.
А ягода, а ягода поспекает.
Виноград — Иванушка,
А ягода, а ягода — Настасьюшка.
Ими люди дивовались,
Что хороши, что красивы нарожались.
Не дивуйтесь, бояре.
Будто сами таковыми не бывали.

318

Сойдутся, поцелуются,
Разойдутся, разойдутся, поклонятся.
Еже вежливыми ноговорами.
Виноград расцветает,
А ягода, а ягода поспекает.

459

Брат сестре коня дает.
Брат сестру домой зовет:
«Сестрица родная, поедем домой.
У нас без тебя не весело.
У нас без тебя хаточка не метена.
У нас без тебя столики не прибраны.
У нас без тебя гостики не созданы».

460

Ты звезда моя, звёздочка,
Да перешла, переступила,
Перешла, переступила
Да через трой новы сёнички,
Через трой нёвы сёнички,
Да через часты переходички,
Через часты переходички.
Да там ходила та гўляла,
Там ходила та гўляла,
Да молодая боярина,
Молодая боярина
Да чтой Татьяна та Павловна,
Чтой Татьяна та Павловна,
Да молодого боярина,
Молодого боярина.
Да всё Дмитрия Николаёвича,
Всё Дмитрия Николаёвича
Да на руках она нёсила,
На руках она нёсила,
Да чтой на блюде серебряном,
Чтой на блюде серебряном,
Да не два яхонта косищатые,*
Не два яхонта косищатые,
Да бел-алмазные запони,*
Бел-алмазные запони.
Да полежите малёшенько,

319

Полежите малёшенько,
Да покуль я, молодёшенька,
Покуль я, молодёшенька,
Да я схожу в нову горницу.
Я схожу в нову горницу,
Да я во светлую свѣтлицу,
Я во светлую свѣтлицу
Да к своему дружку милому,
К своему дружку милому,
Да ко приятелю сердечному,
Ко приятелю сердечному.
Да там сидит мой сердечный друг,
Там сидит мой сердечный друг,
Да за столом белодубовым,
За столом белодубовым,
Да за скатертями верчатныма,*
За скатертями верчатныма,
Да с холостыма, женатыма,
С холостыма, женатыма,
Да со купцам с торговатыма,
Со купцам с торговатыма.
Да он сидит прохлаждается,
Он сидит прохлаждается,
Да сам женой похваляется,
Сам женой похваляется:
«Да у меня жена умная,
У меня жена умная,
Да все Татьяна разумная,
Чтой Татьяна разумная!
У ей походка павиная,
У ней походка павиная,
Да тиха речь лебединая,
Тиха речь лебединая,
Да брови черного соболя,
Брови черного соболя,
Да очи ясного сокола,
Очи ясного сокола».
Да затем здравствуй, Димитрий-гражданин,
Затем здравствуй, Димитрий-гражданин,
Да проздравляем, Николаёвич,
Проздравляем, Николаёвич.
Да со своей молодою женой,
Со своей молодою женой,
Да с Татьяной со Павловной.

Ой, не разбушуй,
 Ой, не разбушуй, холоден ветер,
 Ой, не раскачай,
 Ой, не раскачай звонкий колокол,
 Ой, не разбуди,
 Ой, не разбуди у крестна жену,
 У Ивана Петровича.
 Ой, вечер она, ой, вечер она
 Во пиру была, во пиру была,
 Во пиру была, во беседушке.
 Ой, поутру она сына родила,
 Сына родила.
 Ой, за то ее царь, за то ее царь,
 Царь пожаловал
 Да трем городам, трем городам,
 Ой, с пригородками, с пригородками.
 Что в одном городе, в одном городе
 Пиво варили,
 А в другом городе, в другом городе
 Вино курили.
 А в третьем городе, в третьем городе
 Сына крестили.

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Утром в первый послесвадебный день молодых будили и затем провожали в баню. Между баней и заключительным застольем совершался еще целый ряд обрядов: молодая «колупала печку» в знак приобщения к новому дому и очагу; она должна была публично пройти определенные испытания — принести воду из колодца, подмести избу, напечь блинов и т. д.

В застолье (отходный или сырный стол) послесвадебного дня участвовали родственники и поезжане с обеих сторон. Если дом невесты был близко, молодые вместе посещали ее родителей в этот же или один из последующих дней. В некоторых районах молодые оставались у родителей жены два-три дня. Все послесвадебные обряды также сопровождались песнями.

Во саду ли во вишеньё
 Сидела мала пташечка,
 Пташечка-канареечка.
 Летел сокол по вишенью,
 Он завидел в саду пташечку,
 Пташечку-канареечку,
 Посадил пташечку во клеточку
 За серебряну решеточку.
 Ехе-хе, да ей тошнёшенько,
 Ехе-хе, да ей горчёшенько!
 Сидит пташечка во клеточке
 Среди да лета теплого
 Без травы да без шелковые,
 Без воды да без ключевые.
 Во высоком новом тереме
 Сидела красна девица,
 За столами за дубовыми,
 За столесенками * кедровыми,
 За яствами за сахарными,
 За питьями за медвяными.
 Наезжал тут добрый молодец,
 Увозил он красну девицу,
 Посадил ее во горницу,
 За стекольчату оконницу,
 За шелкову занавесочку.
 Ехе-хе, да ей тошнёшенько,
 Ехе-хе, да ей горчёшенько!
 Без родимого без батюшки,
 Без родимой-то без матушки,
 Сидеть дёвице во горнице
 Среди да лета теплого
 Без кумушек да без подруженек.

Из-за гор было из высокиих,
 Из-за лесуныку было, лесу темного,
 Оттуль вылетал-то младенькой ясен сокол.
 На лету ж его крылья примахалися,
 И у доброго мóлодца кудри завивалися.
 И завилися его кудрюшка ровно в три ряда
 И во четвертой-то рядочик по плéчам лежат

И точно жар горят, развиться хотят.
И тем кудрям бабы дивовалися.
Бабы дивовалися, девки любовалися,
И любовавшись, девушка, я замуж пошла,
И во замужестве воспокаялась,
И воспокаялась — пораздумалась,
И пораздумалась — порасплакалась:
«Мне-ка лучше бы сидеть в красных девушках,
В красных девушках — в девичестве.
Мне-ка скопить бы золотá казна,
Мне-ка съездить бы, красной девушке, столько ¹ в Новгород,
Мне сходить бы, красной девушке, на рыночек.
Мне вокруг пройти, красной девушке, все бы лавочки,
И взойти в лавочку мне бы, девушке, в угловую,
И мне к купцу зайти да не к молодому,
И мне купить бы столько, девушке, рыбий гребешок,
И мне сидеть бы у родителей в новой горенке,
И в новой горенке под окошечком,
И мне чесать бы, красной девушке, буйна голова,
И мне плести бы, раскрасавице, коса русая,
И мне вплетать бы то, голубушке, алы ленточки».

464

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор, гор высокиих
Вылетало гусей стадо,
А другое лебединое.
Отставала лебедушка,
Отставала лебедь белая
Прочь от стада лебединого,
Приставала лебедушка,
Приставала лебедь белая
Что ко стаду, ко серым гусям.
Не сумела лебедушка
По-гусиному кричати,
Начали гуси щипати,
А лебедушка кричати:
«Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залётала,
Занесло меня погодою,
Что погодою несноюю,

---

¹ Здесь — только.

Что несносным буйным ветром».
Отставала тут Марьюшка,
Отставала тут Ивановна
Что от нас, от красных девушек,
Приставала свет Марьюшка,
Приставала свет Ивановна
Ко молодым молодушкам.
Не сумела тут Марьюшка,
Не сумела тут Ивановна
Буйну голову повязывать.
Начали люди, люди сѹдити,
А свет Марьюшка плакати:
«Не судите, люди добрые,
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Ванины,
Что добры кони Петровича».

465

Во Китай во крепком городе,
На ковре на красном золоте,
У стола, стола дубового,
Против зеркала хрустального
Чесал кудри добрый молодец;
Он чесал их, перечёсывал,
Красну девку перекликивал:
«Уж ты, девица, извей кудри,
Красавица, мои русые!»
«Погоди ж, я кудри перевью,
Перевью я кудри русые.
Не у вас я ела-кушала,
Я не вас и буду слушати!
Ела-кушала у батюшки,
Буду слушать рѹдну матушку!»
Во Китай во крепком городе,
На ковре на красном золоте,
У стола, стола дубового,
Против зеркала хрустального
Чесал кудри добрый молодец;
Он чесал да перечёсывал,
Красну девку перекликивал:
«Уж ты, девица, извей кудри,
Красавица, завей русые!»

«Погоди ж, я буду пёревить!
Я твое все ем и кушаю,
Я тебя теперь и слушаю!»

466

Как по погребу бочоночек катается,
Как Иван-сúдарь над женою надругается:
«Ты и Марьюшка, разуь, ты Егоровна, разуь!»
«Я бы рада разула, я не знаю, как назвать;
Я бы рада разула, я не знаю, как назвать;
Я к соседушке пойду, я спрошу, как назвать,
Я к соседушке пойду, я спрошу, как назвать».
Я и ноженьку разула, я Иваном назвала,
Я и ноженьку разула, я Иваном назвала,
Я другую-то разула, я Степановичем назвала.

467

Взворковалась голубушка, в голубине * сидя:
«Чем же мне сиза голубя, ой, чем накормити?
Накормлю сиза голубя яровой пшеницей,
Напою сизокрылого холодной водицей!»
Стосковалась Натальюшка, во тереме сидя,
Сгрустовалась Михайловна под красным окошком:
«Чем же мне Василья-свет да чем накормити?
Чем же мне свет Дмитрича да чем напоити?
Накормлю я Васильюшку калачами тертыми,
Напою я Дмитрича да сладким ли медом,
Оло, ло, ло, ло, да сладким ли медом!»

468

Как по сёням, сёням, сёнюшкам,
По новым сёням решетчатым
Тут ходила красна девица-душа,
Пробужала удалого молодца:
«Уж ты встань-проснись, удалой молодёц,
Пробудись, душа отецкой сын,

Отвязался твой удалой конь
От столба, столба дубового,
От колечка полужёного;
Поломал он весь железной тын,
Прищипал весь зеленый сад
Со калиною, малиною,
С черной ягодой-смородиной!»
«Не тужи ты, красна девица-душа,
Не печаль ты удалого молодца,
Наживем с тобой железный тын,
Разведем с тобой зеленой сад
С калиною, малиною,
С черной ягодой-смородиной!»

469

Вспомни-тко, Пётро-князь,
Как холост ходил,
Вспомни-тко, Васильевич,
Как холост ходил!
Холост ходил Пётро-князь,
Да никто не журил,
Холост ходил, Васильевич,
Да никто не журил;
А теперича, Пётро-князь,
Офросинья журит,
А теперича, Васильевич,
Алексеевна журит:
«Не ходи, Пётро-князь,
Да теперь хоробёр!
Не ходи, Васильевич,
Да теперь хоробёр!
Не чеши голову
Да не вей кудёр!
Не надевай чулочки
Белы шелкóвые,
Не обувай башмачки
Да со пряжечками!
Я тебя, Пётро-князь,
Я и так люблю!
Я тебя, Васильевич,
Я и так люблю!»

Теща зятя угощала,
 Ой, да угощала:
 «Уж ты кушай, зять, пожалуй,
 Ой, да пожалуй,
 Уж ты кушай, не величайся,
 Ой, да не величайся,
 Над моей дочерью не коварься,
 Ой, да не коварься.
 У меня дочь-то не учена,
 Ой, да не учена,
 Не учена, не страшёна,
 Ой, да не страшёна,
 Разувать, миловать не доганет, *
 Ой, да не доганет,
 Ткать-то, прясть-то не умеет,
 Ой, да не умеет.
 У нее ли рученьки беленьки,
 Ой, да беленьки,
 Златы кольца тоненьки,
 Ой, да тоненьки».

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ И КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Среди песен, исполнявшихся в ходе традиционного свадебного ритуала, выделяются так называемые величальные и корильные.

Величальные песни — это стихотворные восхваления и благопожелания. Они исполнялись, как правило, в день свадьбы и в ходе послесвадебных обрядов. Восхваляли невесту, жениха, их родителей, дружку, тысяцкого, гостей. Обычно эти песни исполняли девушки, и восхваляемые одаривали их конфетами, пряниками, деньгами. Если они скупились, девушки пели корильные песни, в которых вышучивали скаредов (ср. в «Русалке» А. С. Пушкина корильную песню «Сватушка, сватушка, бестолковый сватушка»).

В северо-русской фольклорной традиции были широко распространены так называемые опевания (похожие на новогодние винограды, опевания во время молодежных гуляний и т. п.). В этих районах свадебные песни невеличального характера превращались в свадебные путем введения в текст имен жениха и невесты и др.

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ

МОЛОДОМУ

471

То не яблочек с-под блюдечку катался,
Ой, да ли катался.
По хрустальному рассыпался,
Ой, да ли рассыпался.
Рассыпался всё Петр Степанович,
На смотрины сподоблялся,
Ой, да ли сподоблялся.
Да не мать-то его снаряжала,
Ой, да ли снаряжала.
Все ему русы кудри расчесала,
Ему цветное платье выносила,
Ой, да ли выносила.
Все грознешенько ему же наказала,
Ой, да ли наказала:
«Ты поедешь, сыночек, на смотреенье,
Ты поедешь, мой родимый, на гляденье,
Ой, да ли на гляденье.
Там будут тебе девицы песни петь,
Тебя будут мастерицы величать,
Ой, да ли величать.
Ты дари этих мастериц, не скупися,
Ой, да ли не скупися,
Ты дари этих мастериц не полтинкой,
Ты дари их всей рублинкой,
Ой, да ли всей рублинкой».

472

Мимо тещина широкого двора,
Мимо тещина широкого двора
Пролегала там дороженька торна,
Пролегала там дороженька торна.
Все торна, торна, убита до песка,
Все торна, торна, убита до песка,
До того песка Макаревского,
До того песка Макаревского,
До уезда до Саратовского,
До уезда до Саратовского.

328

Знаю, знаю, кто дороженьку торил —
Иван-сударь все к Дуняшеньке ходил.
Он не так ходил — подарочки носил,
Подарочки — сладки прянички,
Орешевые одни зернушки.
Растворяйтесь, широки ворота,
Растворяйтесь, широки ворота,
Сударь Ванюшка с походика идет,
Сударь Ванюшка с походика идет,
За собою коня ворона ведет,
За собою коня ворона ведет
За поводы и за шелкóвые,
За поводы и за шелкóвые.
Удила на нем серебряные,
Удила на нем серебряные.
Разыгрался его добрый конь,
Разыгрался его добрый конь,
Разыгрался коник, вырвался,
Разыгрался коник, вырвался.
Побежал конь во зеленые сады,
Поломал он с груши веточки.
Как и всем друзьям по парочке,
А Ванюше нету парочки.
Мы найдем ему парочку —
Все Марью Алексеевну.
Без белил она белая,
Без румяны нарумяненная,
Без чернилы брови, черные глаза,
Без чернилы брови, черные глаза.
Ну откуда спородилась красота?
Спородила родна матушка,
Споил-скормил родный батюшка.

473

У города, города,
Ой и вью, ой и вью, елилю,
У Казани у славного,
Четверы были ворота,
Воротà были стекольчатая,
Подворотня решётчатая,
Да защёлка серебряна,
Да кольцо позолочено,
Да бульё-то * бульчистойё,

Да бульё чисто золото,
Да бульё чисто сѣребро.
Да по улице-улице,
Да по улице Алексеевой,
Проезжал туда князь молодой,
Князь Иван да Иванович,
На своем на добром коне,
Да на сивом на жеребце,
На любимом на батюшковом.
Да из высока терема,
Из окошка косящата *
Да зазрѣла, засмóтрила
Душа красная девица,
Да Настасья Алексеевна:
«Уж ты гой еси, князь молодой,
Князь Иван да Иванович,
Тебя кто, хороша, спóродил?
Тебя кто высоко вóзростил?
Тебе кто голову чёсал?
Тебе кто кудри завивал?
Тебя кто хорошо одевал?
Тебя кто хорошо снарядил?
Тебя кто же конем подарил?
Тебе кто же коня взнуздал?
Тебя кто на коня посадил?
Тебя кто плеткой подарил?
Тебя кто со двора проводил?
Тебе кто же поклон выводил?»
Тут ответ держал князь молодой,
Князь Иван да Иванович:
«Хорошо меня спорóдила
Моя мати, государыня,
Да как Зина Андреевна;
Высоко взростил батюшко,
Да Иван да Михайлович;
Да головушку чёсала
Моя крѣстная маменька,
Таисея Андреевна;
Да кудёрки завивала
Да сестрица родимая,
Да как Анна Ивановна;
Да фуражку одевала
Да родимая тётенька,
Да как Анна Андреевна;
Хорошо меня снарѣдила

Богоданна невѣстушка,
Да Мария Ивановна;
Да конѣм меня по́дарил
Да как крѣстной мой батюшко,
Николай да Михайлович;
На коня меня по́садил
Да родимой мой брателко,
Михаил да Иванович;
Да коня взнудал брателко,
Александр да Иванович;
Да как плеткой-то по́дарил
Да любимой мой зятюшко,
Анатолий Иванович;
Со двора меня спр́овадил
Да любимой племянничѣк,
Алексей да Михайлович;
Да поклон мне вывóдила
Да моя богосужена,
Душа красная девица,
Да Настасья Алексеевна».
«Поздравляем, и князь молодой,
Князь Иван да Иванович,
Со своѣй запорученной,
Со душой красной девицей,
Да с Настасьей Алексеевной».

474

Алексей-господин
На траве, на траве,
Свет Павлович
На мураве, на мураве;
Он зелен сафьян сапог
Надевает, надевает,
Он сам себя
Озирает, озирает:
«Ахти, молодец,
Хорошенек, хорошенек;
Ахти, молодец,
Пригоженек, пригоженек.
Как умел он у батюшки
Родиться, родиться,
У родимой матушки
Снарядиться, снарядиться»;

Он горазд из туга лука
Стреляти, стреляти,
Гусей, лебедей
Побивати, побивати,
Государю-царю
Отсылати, отсылати;
А за то государь-царь
Его любит, его любит,
По головушке его гладит».

475

Розан мой, розан, да-ле виноград зеленый!
Да-ле кто у нас хороший,
Да-ле кто у нас пригожий?
Евгений-от хороший,
Владимирович пригожий.
Да-ле по свѣтлице ходит,
Спо горнице гуляет;
То ли в сени-то выходит —
Да-ле сени-то проскрыпели;
Да-ле на крыльцо выходит —
Да-ле конь и к нему подходит;
Да-ле на коня садился —
Да-ле конь под им бодрился;
Да-ле плеточкой возмашет —
Да-ле конь под им воспляшет;
Да-ле на коня садился —
Да-ле конь под им бодрился;
Да-ле плеточкой возмашет —
Да-ле конь под им воспляшет;
Да-ле к лугу-то подъезжает —
Да-ле луг-от зеленеет;
Да-ле к морю-то подъезжает —
Да море-то сколыбают;
Да-ле к дому-то подъезжает —
Да-ле маменька встречает,
Да-ле с вершочки сымают,
Да-ле в горницу заводит,
Во светлицу проводит;
Да-ле за стол посадила,
Да-ле невестой дарила:
«Да-ле на тебе, сын, невеста,
Да-ле на тебе, сын-сыночек:

Наталья-то хороша,
Павловна пригожа!»

476

Косатый мой селезень,
Ой, ляли, селезень!
Ты на море не бывал,
Ой, ляли, не бывал?
Серых уток не видал,
Ой, ляли, не видал?
Плывет утка с тростничком,
Ой, ляли, с тростничком!
Ох, за ней уток три рядá,
Ой, ляли, три рядá!
Четвертый ряд селезнев,
Ой, ляли, селезнев!
А пятый ряд молодцов,
Ой, ляли, молодцов!
Да кто у нас молодец,
Ой, ляли, молодец?
Да кто у нас лучше всех,
Ой, ляли, лучше всех?
У нас Иван молодец,
Ой, ляли, молодец!
Григорьевич лучше всех,
Ой, ляли, лучше всех!

477

Как у млада светлого месяца
Да отрастали золотые рога,
Да у света у Бориса ведь Павловича
Да завивались кудри русые,
Да к ним бояры соезжались,
Да на его кудри сдивовались:
«Да еще кто ж тебя породил, молодца?»
«Да породила меня маменька,
Да свет и Александра Ивановна,
Да воспоил, воскормил родный тятенька,
Да свет Павел Степанович,
Да возлелеяла родная сестрица,
Да свет и Надежда Павловна».

333

Да завила кудри сударушка его,
Да свет-ы Матрена Ивановна.

478

Как у месяца, как у месяца
Золоты рога, золоты рога,
Как у солнышка, как у солнышка
Лучи ясные, лучи ясные,
Как у Васеньки у Петровича
Кудри русые, кудри русые.
Завила кудри, завила русы
Сестра рóдная, сестра рóдная,
Под окошечком, под окошечком
Она сидючи, она сидючи,
На светел месяц, на светел месяц
Она глядючи, она глядючи,
На часты звезды, на часты звезды
Всё взираючи, всё взираючи,
Со воды узор, со воды узор
Сонимаючи, сонимаючи:
«Ты теки, вода, ты теки, вода,
Поскореючи, поскореючи,
Ты неси узор, ты неси узор
Помоднеючи, помоднеючи
Моему братцу, моему братцу
На головушку, на головушку».

479

Как на горке, на горочке,
Люли да люли, люшанцы мои!
Тут стояли два зеленые дуба,
Да на тех дубчиках голубчики сидят
Да промежду собою речи говорят,
Между собой расхвастались:
«Да у нас нет такова́ молодца,
Да как Иван-то Васильевич,
Да нет ни в городе ни в Астрахани,
Да ни у нас в каменной Москве».
Да проявлялася богатчинка, *
Да свет богатчинка удалый молодец.
Да он охоч был по вечёрочкам гулять,

334

Да он охоч был из бед выкупать,
Да он из бед победовщиков
Да из тюрем потюремщичков.
Да за него богу молятся,
Да за него низко кланяются,
Да что пошли ему, господи,
Да ему сужену хорошеньку,
Да душу красную девицу,
Да свет Ольгу Ивановну.

480

Во тереме свеченьки
Ясненько горят,
Во высоком притаивают.
Служеньки верные
Выспрашивают:
«Где же ты, молодец,
Спобыл, спобывал?»
«Был-то я, спобывал
У тестенька в гостях,
У ласковой тещеньки,
У приветливой».
«Чем тебя, молодец,
Тестюшка дарил?»
«Дарил меня тестюшка
Вороным конем».
«Чем тебя, молодца,
Теща дарила?»
«Дарила теща
Своим милым дитем,
Своим милым дитем
Да еще сундучком».
«Чем тебя, молодца,
Шурин-от дарил?»
«Дарил меня шурин-от
Черкасским * седлом».
«Чем тебя, молодца,
Свесьюшка * дарила?»
«Дарила свесьюшка
Шелковым ковром».
«Чем тебя, молодца,
Сужена дарила?»
«Сужена дарила
Сама собой она».

Наша хорошенькая,
 Наша пригоженькая!
 Рубашка на ней кисейная,
 Ферези * на ней шелковые,
 Сапожки у ней сафьяновые,
 Чулочки у ней бумажные,
 Сережки у ней жемчужные,
 Браслетка у ней серебряна,
 Платочек на ней как жар горит!
 Сама сидит скучнёшенько,
 А глядит веселёшенько,
 Говорит вежливёшенько,
 Слово скажет — во сто рублей,
 А другое — во тысячу!

Хороша новая изба под накрышечкой,
 Хороша Ульянушка под повязочкой!
 Заходят братчики — во глаза смотрят!
 Хороша нова изба под накрышечкой,
 Хороша Ульянушка под повязочкой!
 Заходят сестрицы — во глаза глядят!

Наша княгиня душа Агафья Ивановна!
 У нашей княгини души Агафьи Ивановны
 Сережки яхонтовы — лицо разгорелось,
 Монисты золоты — шею обломили;
 У нашей княгини души Агафьи Ивановны
 Тело бумажное, кости лебединые,
 Со бровей соболь бежит, с очей сокол летит,
 Повздыханье белкино, поговорка кункина, *
 Повздохнет — в сто рублей,
 Поговорит — в тысячу.

«Земляничка-ягодка,
 Отчего же ты красна?
     Ой, люли, ой, люли,
     Отчего же ты красна?»
 Отчего же ты красна?»
 «Во сыром бору росла,
     Ой, люли, ой, люли,
     Во сыром бору росла.
 Во сыром бору росла,
 Спротив солнышка цвела.
     Ой, люли, ой, люли,
     Спротив солнышка цвела».
 «Ой, Евлания-душечка,
 Да в кого ж ты хороша?
     Ой, люли, ой, люли,
     Да в кого ж ты хороша?»
 «Я в тятеньку хороша,
 Да я в маменьку пригожа́.
     Ой, люли, ой, люли,
     Да я в маменьку пригожа́.
 Через мой широкий двор
 Пролетал ясён сокол.
     Ой, люли, ой, люли,
     Пролетал ясён сокол.
 Пролетал ясён сокол,
 Ронил золотцем-пером.
     Ой, люли, ой, люли,
     Ронил золотцем-пером.
 Ронил золотцем-пером
 На подворье на мое.
     Ой, люли, ой, люли,
     На подворье на мое».
 Это тятенька увидел,
 Сударь родный усмотрел.
     Ой, люли, ой, люли,
     Сударь родный усмотрел.
 «Ты, Евлания, сподыми,
 Ты, Пименовна, сбереги.
     Ой, люли, ой, люли,
     Ты, Пименовна, сбереги».
 «А мне, тятя, недосуг,
 Сударь родный, недосуг.
     Ой, люли, ой, люли,

Сударь родный, недосуг:
По новым сеням хожу,
На руках жемчуг ношу.
Ой, люли, ой, люли,
На руках жемчуг ношу.
Да я на шеюшку нижу,
Во компаньцу спешу. ~
Ой, люли, ой, люли,
Во компаньцу спешу.
Женишка ли выбираю.
Я выбрала женишка.
Ой, люли, ой, люли,
Я выбрала женишка,
Свет Григорья-щеголька,
Терентьича-щеголька.
Ой, люли, ой, люли,
Терентьича-щеголька».

Н О В О Б Р А Ч Н Ы М

485

Сладко яблочко наливчasto,
Сладко яблочко наливчasto
Не по блюдечку катается,
Сахар с медом рассыпается.
Не по сахару речка бежит —
По изюму разливается вода.
Бережка у ней хрустальные,
Есть сады-то виноградные
Что со калиной, со малиной,
Сладкой ягодой смородиной.

486

На горочке деревце, (да)
На горы кудреватое,
На горы кудреватое, (да)
Высокошенько выросло,
Высокошенько выросло, (да)
Прутьём-листьём обзросло,¹

Здесь — обросло.

Прутьём-листьём обóзросло, (да)
 Соболями обóцвело.
 Соболями обóцвело, (да)
 Что ль за тем ли за деревцом,
 Что ль за тем за кудрявым, (да)
 Тулилáсь, * хоронилáся,
 Тулилáсь, хоронилáся, (да)
 Душа красная девица,
 Душа красная девица (и)
 Да Настасья Алексеевна.
 Да й Настасья Алексеевна, (да)
 Она сáма похвалялася,
 Она сáма похвалялася (да)
 Похвалой своёй великою,
 Похвалой своёй великою, (да)
 Крáсотою своёй девочею.
 Крáсотою своёй девочею (да):
 «Из-за этого деревца,
 Из-за этого кудрявого, (да)
 Никому будёт не выкупить,
 Никому будёт не выкупить, (да)
 Да не стом да не дрúгима,
 Да не стом да не дрúгима,
 Да не целой счётной тысящей, (да)
 Да не целой счётной тысящей, (да)
 Не великим княжьим поездом. *
 Не великим княжьим поездом», (да).
 Да слышал тут пóхвалу,
 Да слышал великую (да)
 Удалой доброй молодец,
 Удалой доброй молодец (и)
 Да Иван да Иванович,
 Да Иван да Иванович; (да)
 «Не хвались-ко, красна девица-душа,
 Не хвались-ко, красна девица-душа (и)
 Да Настасья Алексеевна,
 Да Настасья Алексеевна, (да)
 Я один тебя выкуплю,
 Я один тебя выручу, (да)
 Я без ста да без дрúгия, (да)
 Я без ста да без дрúгия,
 Я без целой счётной тысящи,
 Я без целой счётной тысящи, (да)
 Без велика княжья поезда,
 Без велика княжья поезда, (да)

Со единым я со тысяцким,
Со единым я со тысяцким, (да)
И со крёстным со батюшком,
Да со крёстным со батюшком (да)
И с единою со сватьюшкой,
С единою со сватьюшкой, (да)
Я со крёстной со матушкой.
Я со крёстной со матушкой» (да)
Проздравляём, Иван-молодец,
Проздравляём, Иванович, (да)
Со своей заporученной,
Со своей заporученной, (да)
Со душой красной девицей,
Со душой красной девицей (и)
Да с Настасьей Алексеевной!

487

Ты взойди, Анна-душа, на новы сени,
Ты взойди, Михайловна, да на новые!
Посмотри, Анна-душа, во чистó поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое!
Сколь силен едет Иван-то князь,
Сколь силен едет Александрович:
По одну сторону пятьдесят человек,
По другую сторону еще пятьдесят!
Гляючи, Анна-душа испугалася,
Гляючи, Михайловна испугалася:
«Зашатри, батюшка, шатром воротá!
Занавесь, матушка, камкою * терём!
Оберните, сестрицы, меня полотном!»
Едучи, Иван-то князь похваляется,
Едучи, Александрович похваляется:
«Быть, быть шатру да разломанному!
Быть, быть камке да разодранной!
Быть, быть Анне-душе во полон взятой!
Быть, быть Михайловне во полон взятой!»

488

Ох, на море, на тихоньком Дунаю,
Там лежала тонкая гибкая досточка,
А на досточке да Маринушка стояла,

340

Тонкие белые да рубашечки смывала.
А по бережку да Иванушка гуляет,
С правой руки винтовочку справляет
Да по утушкам, да по сереньким стреляет,
А на Маринушку взирает:
«Чего же ты, Маринушка, хороша?
Чего же ты, Маринушка, пригожа?»
«Иванушка, мой батюшка был хорош,
А матушка еще лучше.
В воскрѣсный день меня матушка родила,
А в патоке меня бабушка скупала,
В кисейную пелёночку свивала,
Шелкóвеньким свивальничком связала —
То-то я, Маринушка, хороша,
То-то я, Гавриловна, пригожа».

489

Виноград в саду цветет,
Виноград в саду цветет,
    А ягода, а ягода созревает,
    А ягода, а ягода созревает.
Виноград-то — Иван-сударь,
Виноград-то — Иван-сударь,
    А ягода, а ягода — свет Прасковья его,
    А ягода, а ягода — свет Прасковья его.
Люди в див дивуются,
Люди в див дивуются:
    Что за дети хороши,
Уродились хороши,
    Что за дети хороши,
Уродились хороши!
    Дай им бог совет-любовь,
    Дай им бог совет-любовь,
Во совете, во любви
Хорошо надо пожить,
    Во совете, во любви
    Хорошо надо пожить!
«А мне батюшкин хлеб
Есть не хочется,
    А мне батюшкин хлеб
Есть не хочется:
Его хлеб полынь пахнет,
Его хлеб полынь пахнет,

Темной горькою горчицей
Отзывается,
Темной горькою горчицей
Отзывается!
Как Ивана-то хлеб
Есть хочется,
Как Ивана-то хлеб
Есть хочется:
Его хлеб медом пахнет,
Его хлеб медом пахнет,
А он сладкою сытою *
Отзывается,
А он сладкою сытою
Отзывается,
Сахаром рассыпается!»

490

Славен город, славен город
Да на вóзгорье, да на вóзгорье!
Звон-от был, звон-от был
У Николы колоко́лы, у Николы колоко́лы!
Славна была, славна была
У Александра дочь, у Александра дочь,
Славна росла, славна росла
У Тимофеича большая, у Тимофеича большая.
Сватались на Марьи, сватались на Марьи
Трое сватовья, трое сватовья,
Трое сватовья, трое сватовья,
Трое большое, трое большое.
Первое сватовье, первое сватовье
Да из Новгорода, да из Новгорода,
Другое сватовье, другое сватовье
Да из славной Москвы, да из славной Москвы,
Третье сватовье, третье сватовье
Да из славной волости, да из славной волости,
Из славной волости, из славной волости,
С волости со Слуды, с волости со Слуды.
Олексей-от молод князь, Олексей-от молод, князь,
Молод князь-от Потапьевич, молод князь-от
Потапьевич.
Ездил в город Олексей-от молод князь,
Ездил в новый, повыездил, ездил в новый, повыездил.
Красных девок повысмотрел, красных девок новысмотрел.

Сужену Марью повыприглядел, сужену Марью
 повыприглядел,
 Разума-обычая, разума-обычая повыведал, повыведал.
 Сам он говорит — только выславился.
 У добрых отцей, у добрых отцей
 Сыновья были добры, сыновья были добры,
 У хороших матерей, у хороших матерей
 Дочери хороши, дочери хороши.
 Сын-от Алексей, сын-от Алексей
 Потапьевич, Потапьевич,
 Дочь-то Марья, дочь-то Марья
 Александровна, Александровна.
 Она тонёхонька, она тонёхонька,
 Личушком она белёхонька, личушком она белёхонька,
 Она белёхонька, она белёхонька,
 Белёхонька да румянёхонька, белёхонька да
 румянёхонька,
 Ясны очи ясней сокола, ясны очи ясней сокола,
 Черны брови черней соболя.
 Ягодницы * как маков цвет, маков цвет,
 Походка у ней все павиная, * все павиная,
 Разговоры у ней лебединые!

491

На угорышке * часовенка стояла,
 Под угорышком быстра речка бежала,
 Через ту речку черёмушка лежала.
 Никто по черёмушке не ходит,
 Никто никого не переводит.
 Михайлушко переходит,
 Иванович Михайло переводит:
 «Уж ты, Аннушка, не убойся,
 Петровна Анна, не страшися,
 Ты за синь кафтан подержися,
 Ты за пуговики золотые,
 За петельки шелковье».

Анна-то шла, не убоялась,
 Петровна не утрашилась:
 Она за синь кафтан ухватилась —
 За пуговики золотые
 За петельки шелковье.
 Во таку семью да попала,
 Во таку семью да богату —

Ко свекровушке да тароватой, *
Ко деверьяцам да щегловатым,
Ко золовушкам да смутноватым.

492

Стояла рябинушка на́ гóроди, *
Да секли рябинушку на́ четверо,
Да делали гусельца звóнчатые,
Гусли звончатые да колоко́льчатые.
Игры-поигры Григорий-мóлодец,
Утешал, утешал Елену-душу,
Да Петровну хорошу:
«Что ты, Елена, невесела сидишь,
Что ты, Петровна, неясно глядишь?
Я ведь тебя не насилу взáмуж брал,
Наперед-то того сватовей засылал.
Сваты сваталися, да низко кланялися,
Молитву творили, из речей говорили»

493

Как у месяца
Золотые рога;
Как у солнышка
Золотое лучье.
Как у Ивана
У Васильевича
Кудри в три ряда
По плечам лежат,
Ровно жар горят,
Да никто к кудрям
Не приступится.
Приступилася к кудрям
Молода его жена
Наталья Петровна
Да брала в ручки
Золотой гребень;
Учалá кудри чесать,
Учала перебирать;
Да вошедши, она
Посмотрела на него;
Да пришедши, она

Поздоровалась:
«Здравствуй, милый ты мой
Иван Васильевич!»

494

Из-по сѹхому по дереву,
Ко высóку ко терему,
По мостиночкам дубовым,
Перекладинкам кленовым,
Как идет наша-то барыня,
Княгиня наша — сударыня,
Марья свет да Ивановна!
Тонкá идет тетивочка,
Зеленá идет травиночка
Ко великой ко заботушке,
Во большой да во сколóтушке, *
Во больной да во головушке.
Она мила — доброладная,
До несчастных желанная;
Родителям — утешенье,
Свекорьям — облегченье,
Дому — заботница,
Мужу — работница...

Из-по сухому по дереву,
Ко высóку ко терему,
По мостиночкам дубовым,
Перекладинкам кленовым,
Как идет-то наш барин,
Князь наш сударик,
Иван наш Петрович,
Светушко наш светович!
Походь с утолокой, *
Глаз с подволокой,
Желтые кудельки,
Белые зубеньки.
Он мил — доброладен,
До бедных — желанен,
Родителям — подкрепление,
Богоданым * — утешение,
Всем — радость, веселие,
Дому — радение... *

345

Ай, сватьюшка молода,
 Шапочка золота.
 Что эта сватья не гордливая,
 Да эта сватья не ломливая:
 Скоро на ножки вставала, —
 Ножечки с подходом,
 Ручушки с подносом,
 Буйная голова с поклоном,
 Сахарны уста с приговором.

Уж ты сватья дородна, да дородна,
 Да и Павла Даниловна почетна, да почетна!
 Да и вдоль по виноградию ходила, да гуляла,
 Да еще сладкое вишенье щипала, да щипала,
 На серебряну тарелочку клáла, да и клáла,
 Да ко князю на стол подавала, подавала:
 «Вы поешьте, поешьте-ко, гости, да и гости,
 Дак от сватьи, от сватьи гостинцы, да гостинцы».

Отчего наша сваха бела?
 Что у нашей у свашеньки,
 Что у нашей у княжией
 Сыновья — да ясны соколы,
 Сношеньки — да лебёдушки,
 Дочери — да серы утицы.
 На сине море летали —
 Белу пену приносили.
 Наша сваха приумылася,
 Белой пеной прибелилася,
 За крестницей в свахи снарядилася.

Невестина сваха беяна,
 Она три года по насту ходила,

Она три года обросы * белила,
На дубовой дощечке колотила,
На еловом на шестике сушила,
На кедровой столешенке катала,
В коробеечку эти обросы клала
И сама обросам говорила:
«Вы лежите, обросы, до время,
До того до время до свадьбы,
Еще станут да Анну отдавати —
Я тогда эти обросы вынимати,
Я тогда эти обросы надену».

499

Как на нашей-то сватье
Да новая шуба,
У правой полы шубы —
Заморские пташки,
А в левой поле шубы —
Ясный месяц светит!
Воспойте, воспойте,
Заморские пташки,
Завеселите, завеселите
Сватью во беседе!

500

Как при поле, при полянке,
При зелененьком при лужочке,
При желтом мелком песочке
Тут и девицы ягоды брали,
На золоченое блюдо клали,
На серебряное да щелкали,
Во высокий терем заносили,
Ко дубовому столу подходили,
Княжей свашеньке подносили.
Княжа свашенька принимала,
Животом * ягоду называла:
«У меня ягодка — животочек,
У меня милый друг — животочек,
У меня детоньки — животочки!»

Уж мы встанем, певички,
Уж мы встанем, певички,
Все на ножки, да на ножки,
На сафьяновые,
На сафьяновые
Да на сапожки, да на сапожки.
Поглядимте-ка, певицы,
Поглядимте-ка, певицы,
По всей свадьбе, по всей свадьбе.
Еще кто у нас на свадьбе,
Еще кто у нас на свадьбе
Хорошенек, хорошенек?
У нас тысяцкий,
У нас тысяцкий
Да хорошенек, да хорошенек.
Он княжой большой,
Он княжой большой
Да пригоженек, да пригоженек.
У него же голова,
У него же голова
Кудревата, кудревата.
Из кудряшки в кудряшку,
Из кудряшки в кудряшку
Завилися, завилися,
Из колечика в колечико,
Из колечика в колечико
Заплелися, заплелися.
Что во сахаре,
Что во сахаре
Головушка лежала, головушка лежала.
Против солнышка,
Против солнышка
Головушка сушилась, головушка сушилась.
Как белый сыр,
Как белый сыр
На окошке, на окошке,
Как крупитчатый калач,
Как крупитчатый калач
Да на тарелке, на тарелке.
Мы еще бы на него,
Мы еще бы на него

Да поглядели, да поглядели.
И всех выше-то,
И всех выше-то
Его посадили, его посадили —
На три пуховые-то,
На три пуховые-то
На перины, на перины.
Мы бы жене его,
Мы бы жене его
Да нахвалили, да натакали. *

502

Тысячко — воевода,
Он и всеми городами воюет:
Астраханью он и Казанью,
Он и всей Москвой и Сибирью
Города-то берет городами,
Терема-то берет теремами,
Он невест выбирает головами.
Он и выбрал невесту головою,
Он и выбрал Зину головою,
Он и выбрал Федоровну головою,
Он и отдавал Ивану руками,
Он и отдавал Васильевичу белыми.
Да Ивану Зину любить,
Да почаще в гости возити
Во лете-то во карете,
Во зиму-то во саночках,
Во легоньких да во скачочках. *

503

Сметь ли спросить,
Сметь ли спросить
У князей, у бояр,
У боярских детей:
«Кто из вас-то большой,
Большой-набольшой?»
«Ты, тысяцкой воевода!
Уж ты ездил в орду воевати,
Уж ты жил ты в орде воевати,
Уж как до дня и денечек,

Уж как из часу да часочек,
Уж как брал ты да в орде не кунами, *
Не кунами-то, не соболями,
Брал-то в орде косою
Да девьей красотою,
Да со черными бровями,
Да со ясными очами».

504

«Тысяцкий, пречестный человек!
Любишь ли по три поля пахать?»
«Как не люблю! Люблю по четыре пахать!»
«Тысяцкий, пречестный человек!
Любишь ли по три пожни косить?»
«Как не люблю! Люблю по четыре косить!»
«Тысяцкий, пречестный человек!
Любишь ли по три сына женить?»
«Как не люблю! Люблю по четыре женить!»
«Тысяцкий, пречестный человек!
Любишь ли по три сношки водить?»
«Как не люблю! Люблю по четыре водить!»
Чуешь ли, разумеешь ли?
Мы не песню поем,
Тебе честь воздаем,
Низко кланяемся!
Тут не девки поют —
Молодицы поют,
Маленькие ребята
Подголосничают!

505

Тысяцкой-сватовщик, большой человек,
Да большой человек!
На тысяцком шуба, на тысяцком шуба
Сорока соболей, сорока соболей!
Четырема бобрами, четырема бобрами
Опушённая, опушённая!
Пятый бобер, пятый бобер
По подолу ушел, по подолу ушел.
Шестой-от бобер, как шестой-от бобер
Кругом заперстья, * кругом заперстья.

350

Как седьмой бобер, как седьмой бобер
По нагрудничкам, по нагрудничкам.
Он восьмым-то бобром, он восьмым-то бобром
Опоясался, опоясался.
Еще та ему шуба, еще та ему шуба
В любви пришла, в любви пришла.
Да как во той ему шубы, как во той ему шубы
Во божью церковь ходить, во божью церковь ходить,
Да своя крестника женить, да своя крестника женить,
Эх, крестника Ивана, крестника Ивана
Да Ивановича, да Ивановича!

506

Еще кто у нас на свадьбе богат?
У нас тысячко на свадьбе богат.
У тысячка бородушка шелковая.
Кому эту бородушку целовати?
Кому эту бородушку миловати?
Жене эту бородушку целовати!
Жене эту бородушку миловати!
У нас тысячко на свадьбе богат.
А людей у него — теремами,
Капиталу у него — сундуками,
А скота у него — табунами.
У нас тысячко на свадьбе кудреватой!
Из кольца в кольцо кудри вьются.
У нас у тысяцкого денег много!
Рубль на ребрышко становился,
К красным девушкам торопился.
Красным девушкам деньги надо
На шелковые да на шали,
Что на хромовые да на ботинки.
У нас тысячко на свадьбе богатый!
Еще денег у него кошелями.
Он рублем ворота отпирает,
Он другим широки затворяет.
Он по гривне нищим бросает:
«Ой вы, нищие, убогие,
Вы молитесь богу за меня,
За жену мою хорошую,
За моих за милых детонек,
За скота да за рогатого —
Что за весь да благодатный дом!»

Из луга-луга, из зеленого луга
 Ехал дружка.
 Стукался дружка у Егора во дворе,
 Сидит дружка на травке,
 Сидит на муравке.
 Хорошо ли, дружка, снарядился?
 Хорошо ли сподобился?
 Тебя ладушка снаряжала,
 Иван свет Иванович,
 Под ушко словечко наказала:
 «Поедешь ты во дружках —
 Будут тебе певицы песни пети,
 Ты умей их подарити:
 Не рублем дари, не полтиной,
 Дари своей золотой гривной!»

Сидит дружка да на травке,
 Да сидит дружка на муравке,
 На золотом он на стуле.
 Сапог на ногу надевает,
 Надевая, на себя дружка спозирает:
 «Будто я, дружка, хорошеня,
 Хорошеня да я, дружка, пригоженя!»
 Он, друженька, да богатый, да богатый,
 Он рублем ворота отпирает,
 Он другим ворота запирает,
 Из неволи сирот выпускает:
 «Вы молитесь, сироты, за меня,
 За мою за буйну голову,
 За моего за кормилица,
 За моих за малых детушек!»

Друженька хорошенький,
 Друженька пригоженький!
 Как на друженьке кафтан
 Голубой, парчевой,

Как на друженьке штаны
Черны бархатные,
Как на друженьке чулки
Белы шелковые,
Смазные башмаки,
Пряжки с искорками —
Вон повыскакали!
Как на шейке-то платок,
Будто аленький цветок,
Во кармане-то другой,
Италианский голубой!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!

510

Воротики скрип, скрип, мороз на дворе,
Ай! друженька скачет совсем без коня!
Ах, здрав бы был у дружки князь молодой —
Будет ведь у дружки и конь вороной!
Воротики скрип, скрип, мороз на дворе
Ай! друженька скачет — без седла!
Ах, здрав бы был у дружки князь молодой —
Будет ведь у друженьки черкасско седло!
Воротики скрип, скрип, мороз на дворе,
Ай! друженька скачет — без узды!
Здоров бы был у друженьки князь молодой —
Будет ведь у друженьки тесьмяна узда!
Воротики скрип, скрип, мороз на дворе,
Ай! друженька скачет — без плети!
Здоров бы был у друженьки князь молодой —
Будет ведь у друженьки шелкова плеть!

ХОЛОСТЫМ ПАРНЯМ И ДЕВУШКАМ

511

Как над нашими да над воротами,
Да Дунай, мой Дунай, тихой мой Дунай!
Над воротами, над широкими
Всходило там четыре месяца,
Четыре месяца, четыре ясные,
Четыре ясные, все прекрасные:

А первый месяц — что Егорушка.
Что Егорушка да Дмитриевич,
А второй месяц — что Борисушка,
Что Борисушка да Михайлович,
Как третий месяц — Митрофанушка.
Митрофанушка да Андреевич,
Как четвертый месяц — то Васильюшка.
То Васильюшка что Иванович!
Как над нашими да над воротами,
Над воротами, над широкими
Усходило там четыре зорюшки,
Четыре зорюшки — четыре ранние:
Первая зорюшка — Парасковьюшка,
Парасковьюшка что Ивановна,
Вторая зорюшка — то Лукерьюшка,
То Лукерьюшка что Семеновна,
А третья зорюшка — Александрушка,
Александрушка что Васильевна,
А четвертая зорюшка — то Клавдеюшка.
То Клавдеюшка что Петровна-свет!

512

Во саду было, во садичке,
Во зеленом винограднике:
Тут мать сына породила,
Спородила его мамонька,
Спородила государыня
Среди сада под кустиком,
Омывала его мамонька
Среди моря на камушке,
Одевала его мамонька
Во батистову рубашечку.
Пеленала его мамонька
В коленкорову пеленочку,
Уж как клала его мамонька
В колыбель позолочену,
Нарекала ему имечко:
«Тебя звать будут Валюшенькой,
Величать будут Артемычем!
Ты расти, расти, дитяtko,
Расти умное, разумное,
К добрым людям будь приветливо,
К невестам будь счастливое,
Кo душам красным девушкам!»

А кто у нас ўмен?
 Кто у нас разумен?
 Ивай-люли-люли,
 Кто у нас разумен?
 Сергей-сударь ўмен,
 Сильверстович разумен!
 Ивай-люли-люли,
 Сильверстович разумен!
 Он чепетно * ходит,
 Манежно * ступает,
 Сапог не ломает,
 Чулок не марает;
 По горенке ходит,
 В зеркальце глядится,
 Сам себе дивится:
 Хорош уродился,
 Пригож снарядился!
 На коня садится,
 Под ним конь бодрится;
 Он плеточкой машет,
 Под ним конь-то пляшет:
 К лугам подъезжает —
 Луга зеленеют;
 К цветам подъезжает —
 Цветы расцветают;
 К пташкам подъезжает —
 Пташки распевают;
 На широкий двор въезжает
 Его девицы встречают,
 За дубовый стол сажают
 Вина рюмки наливают:
 «Не пью я простого
 Вина зеленого;
 Подайте мне меду,
 Меду в стакане:
 С меду пьян не буду,
 Веселиться буду,
 Вас, девушки, не забуду!
 Ивай-люли-люли,
 Вас, девушки, не забуду!»

Сбереженное дитяtko,
 Все Настасья Антоновна!
 Сберегала ее матушка,
 Сберегала и лелеяла:
 Не давала ветру дунути,
 Не давала дождю капнути,
 Понесла ее в зелен сад,
 Во зелен сад, под яблоньку,
 Умывала калиною,
 Утирала малиною,
 Утирала — приговаривала:
 «Ну, будь же, мое дитяtko, бела,
 Без белен лицо белешенько,
 Без румян щечки краснешеньки!»

Как под кустиком олень,
 Под ракиновым олень.
 «Тепло ли ти, олень?
 Студено ли, молодой?»
 «Ни мне тепло,
 Ни мне холодно».
 «Выбирай себе, олень,
 Выбирай, молодой,
 Что котора ти люба,
 Что котора хороша?»
 «Мне Наталья люба,
 Мне Андреевна хороша:
 Хорошенько у батюшки
 Снаряженная,
 Набеленная,
 Нарумяненная
 И крупным жемчугом приунизанная!»

Уж ты винная ягодка,
 Виноградная веточка,
 Наливной хорош яблочек,
 Душа красная девица

Александра Алексеевна!
У тебя лицо белое,
Белее снегу, белее белого;
У тебя щечки алые —
Алее маку, алее алого;
У тебя очи ясные,
Как у ясного сокола;
У тебя брови черные,
Как у черного соболя!
Тебе кто голову чесал?
Тебе кто косу заплетал?
«Мне чесала головушку
Родимая матушка;
Заплетала русу косу
Сестричка родимая,
Заплетала, приговаривала:
„Ты расти, моя сестрица,
Добрым людям на похвальбу,
Лихим людям на завидость,
Чтобы добрые люди хвалили,
Лихи люди завидовали,
А пуще всех бы завидовал
Удалой добрый молодец
Свет Дмитрий Иванович!“»

ЖЕНАТЫМ СВАДЕБНЫМ ГОСТЯМ
И РОДСТВЕННИКАМ

517

Дорогая наша гостьюшка,
Свет Федосья, душа Павловна,
На добрых конях приехала,
Со князьями, со боярами,
Со казацким храбрым поездом.
Вы встречайте-ка эту гостьюшку
Среди двора широкого,
Среди крыльца дубового,
Попросите эту гостьюшку
Во светлую светлицу,
Во столовую нову горенку,
Попросите эту гостьюшку за дубовые столы!
Ты покушай, наша гостьюшка,
Со князьями, со боярами, со отецкою дочерью!

Наша свашенька! Ты послушай,
По имени мы тебя называем,
По отечеству величаем!

518

Чьи это леса
Сповысмеканы? ¹
Чьи это леса
Сповырублены?
Куда это леса
Сповывожены?
На зеленый лужок,
На крутой бережок.
Пара за парой —
Четыре пары,
Четыре пары —
Все воронные кони.
Чьи это сени
Сповыстроены?
В полдень * — окошком,
Дверьми на восток?
Кому спо тем сеням
Спохаживати
Да спогуливати,
Ждати, пождати
Да милóго ко двору?
Мало-помалу
Да милóй ко двору,
Да милóй к широку.
Он и скок на крыльцо,
Он и бряк во кольцо,
За златое, вито,
За серебряное:
«Дома, не дома
Молодая жена?»
«Уж я дома, не дома —
Не выйду встречать,
Не хочу взвеличать.
Не хочу взвеличать —
Надо сына качать.
Надо сына качать —

---

¹ Здесь — высмотрены, найдены.

Сноху завичать. *
Сына качаю —
Сноху завичаю.
Сношенька идет —
Мне рубашку несет.
Дочь качаю —
Да зятя завичаю.
Зять-от идет —
Мне башмáчки несет,
Да сафьяновые!»

519

Как у чеего ¹ двора
Приутоптана трава.
Как утоптана трава,
Утолоченная. *
Еще кто ее стоптал,
Кто столочил?
Ее стоптал, столочил
Ее добрый конь.
На коне-то ле сидел
Добрый молодец
Петрованушка
Свет Михайлович.
Что из роту у коня
Пламя пышется,
Из ушей-то у коня
Только дым столбом.
Он и вкруте-то коня
Поворачивает.
Он ко широким воротам
Приворачивает.
«Еще вышла бы моя
Молодая жена,
Еще встретила меня,
Удалого молодца».
«Недосуг мне встречать —
Надо сына качать.
Уж я сына-то качаю —
Сноху завичаю. *
Сноху-то завичаю —

Здесь — чьего-то

На пару жду.
Уж я пару-то * надену —
К обедне пойду.
Я к обедне-то иду —
Ровно уточка, плыву.
У обедни-то стою —
Ровно свечка, горю.
Еще все люди глядят,
Все завидуют:
«Еще чья это жена
Снарядилася?»

520

Во сыром бору сенички рублены,
На вороных конях из бору вывожены,
Посереды Покчи да поставлены.
Чьи это сенички стояли?
Чьи это косящеты * стояли?
Не павушка сно сеничкам летала,
Не павино сизо пёрье выпускала —
Молода жена-бойрыня по сеничкам гуляла,
Она пялички * на рученьках держала.
Во пялички впялен сизый бархат,
По бархату вышивала три узора.
Первой-от узор вышивала —
Ясен месяц со звездами.
Другой-от узор вышивала —
Красное солнце со лучами.
Третий узор вышивала —
Утреннюю зарю с белым светом.
Ясен месяц со звездами —
То Иван-от Петрович с сыновьями.
Красное солнце со лучами —
То Анна Кузьмовна с дочерями.
Утренняя зоря с белым светом —
То совет и любовь со женою.

521

Во горнице, во столе,
Во столе,
На дубовой на скамье,

360

На скамье,
Стоит чаша золота,
Золота,
Полна меду налита,
Налита,
Подчарочка пущена,
Пущена,
Золотая пущена,
Пущена.
Никто к чаше не подойдет,
Не подойдет,
Никто меду не изопьет,
Не изопьет.
Тут Васильюшка подходил,
Подходил,
Тут Петрович подгулял,
Подгулял,
Свою женку подкликал,
Подкликал:
«Ты ли, Марьюшка, подойди,
Пойди,
Ты, Ивановна, подгуляй,
Подгуляй,
Попей меду сладкого,
Сладкого,
Роди сына-сокола,
Сокола,
Умом-разумом во меня,
Во меня.
Ты мне дочь спороди,
Спороди
Лицом белым во себя,
Во себя!»

522

Княгиня-душенька!
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка (*такая-то*)
Во любви позвана,
Во чести посóжена,
Хорошо снаряжена; *
Сережки — яхонты,

Лицо разгорелось,
Монисты зóлоты
Шею огрúзили!»
Слышишь ли, гóстейка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом!

523

Летели две птички,
Собой невелички!
Черноглазая моя,
Черноброва милая!
Как они летели
Все люди глядели!
Черноглазая моя,
Черноброва милая!
Как они садились —
Все люди дивились!
Черноглазая моя,
Черноброва милая!
Первая-то птичка —
Что Иван Иванович!
Черноглазая моя,
Черноброва милая!
А вторая птичка —
Марья-то Ивановна!
Черноглазая моя,
Черноброва милая!

524

Нам сказали, что Иван-от не богат.
Повестили — свет Иваныч не богат!
Он богат, богат, богатее всех:
Сторублевые хоромы становил,
Он бумажками-то йзбу крыл,
А целковыми прикладывал,
А супруга его — барыня,
Что и Марья-то Ивановна!

362

Через речушку черемушка лежала,
 Ой да, лежала,
 Через быстрюю вязовая лежала,
 Ой да, лежала.
 Никто по той черемушке не ходит,
 Ой да, не ходит,
 Никто никого не переводит,
 Ой да, не переводит.
 Иван-молодец да переходит,
 Да переходит,
 Зину свою да переводит,
 Да переводит.
 «Ты иди-ка, Федоровна, за мною,
 Ой да, за мною.
 Ты не упади да в быстрю речку,
 В быстрю речку,
 Ты не умочи да кунью шубку,
 Да кунью шубку,
 Ты не умочи да ожерелье,
 Ой да, ожерелье».
 «У меня есть шуба да не шуба,
 Ой да не шуба,
 Из семи соболей шуба сшита,
 Да шуба сшита,
 Восьмое есть у шубы ожерелье, *
 Да ожерелье,
 Девятое у шубы пришаголье, *
 Да пришаголье.
 Да не ты мне заводил кунью шубу,
 Ой да кунью шубу.
 Заводил-то мне родимый тятенька,
 Ой да, тятенька,
 Заводила ожерелье родна маменька,
 Родна маменька».
 «Не тужи-ка, Зинушка, о шубе,
 Ой да, о шубе,
 Не тужи, Федоровна, об ожерелье,
 Да об ожерелье:
 Наживем мы шубу получше того,
 Ой да, получше того,
 Наживем мы ожерелье подороже того,
 Подороже того,
 Лишь бы жили у нас родители,
 Ой да родители».

Спо блюду, блюдышку золотому,
 Спо другому по серебряному
 Плавает чарочка золотая,
 Золотая и серебряная.
 Никто за эту чару не примется,
 Примется, не примется один господин
 Сам-то он пьет и жене подает:
 «Кушай, жена, кушай, барыня моя!»
 «Мне, господин, пить не хочется,
 Пить не хочется — плохо можется.
 Мне-ка ночеса маленько спалось,
 Мало спалось — много виделось во сне:
 Будто у нас на широком дворе,
 Будто у нас под окошечком,
 Будто у нас под косящетым
 Сизый павин * с сизой павушею,
 Выросло древичко ягодное,
 Другое древичко сахарное.
 На древичках прутья-то золотые,
 На прутьях-то ветки серебряные,
 На ветках-то листья все бархатные.
 Под древичком травонька шелковая,
 На травке цветочки-то аленькие,
 Аленькие да лазоревые».
 «Я тебе, душечка, сон рассужу,
 Сон рассужу, пословесно скажу:
 Сизый павин — это я, господин,
 Сизая павушка — ты у меня,
 Ягодно древичко — дети у нас,
 Сахарно древичко — мамки у нас».

Перед тобой, перед тобой
 Не зеленый сад стоит,
 Не соловьюшки свистят —
 Перед тобой, перед тобой
 Красны девицы стоят! —
 Они песни поют, они песенки поют
 Да величают тебя,
 Тебя величают, тебя величают,
 Как боярина, как боярина,

А хозяйшку твою, а хозяйшку твою,
Как боярыню, как боярыню,
А милых сыновей, милых сыновей,
Как ясных соколов, как ясных соколов,
А милых дочерей, милых дочерей,
Как белых лебедей, как белых лебедей!

528

Ветры вы, ветры,
Ветры буйные!
Можете ли, ветры,
Горами качать,
Горами, лесами?
Гусли, мои гусли,
Звончатые гусли,
Можете ли, гусли,
Вдову взвеличать?
Есть у вдовы
Четыре кручины,
Четыре кручины
Да пятое — горе,
Да пятое — горе:
Первая кручина —
Ни дров, ни лучины,
Другая кручина —
Ни хлеба, ни мякины,
Третья кручина —
Надо сына женить,
Четвертая кручина —
Дочь замуж выдавать,
А пятое горе —
Нет хозяина в доме!

529

Молодая боярыня
Как Наталья Ивановна гуляла,
Ой люли, ой люли, да лёли,
Как Наталья Ивановна гуляла,
Как Наталья Ивановна гуляла
У Ивана Петровича во саду,
Ой люли, ой люли, да лёли,

365

У Ивана Петровича во саду,
У Ивана Петровича во саду,
Сладки яблочки хорошие рвала,
    Ой люли, ой люли, да лёли,
    Сладки яблочки хорошие рвала,
Сладки яблочки хорошие рвала,
Да Ивана Петровича кормила,
    Ой люли, ой люли, да лёли,
    Да Ивана Петровича кормила,
Да Ивана Петровича кормила,
Золотым витым колечушком дарила,
    Ой люли, ой люли, да лёли,
    Золотым витым колечушком дарила,
Золотым витым колечушком дарила,
За колечушко да матушка бранила,
    Ой люли, ой люли, да лёли,
    За колечушко да матушка бранила,
За колечушко да матушка бранила,
А за матушкой да батюшка журил,
    Ой люли, ой люли, да лёли,
    А за матушкой да батюшка журил.

530

Чарочка моя
Серебряная!
Кому чару пить,
Кому выпивать?
Пить чару,
Выпивать чару
Ивану да Васильевичу!
Кому наливать,
Кому починать?
Наливать чару,
Починать чару
Марье-то Ивановне!

531

Во горенке-то во новой, во новой
Да-ле стоит столик дубовой, дубовой.
Да-ле на столе-то стоят чары золоты,
Да-ле полны пива налиты, да налиты,

366

Да-ле пива, да все зеленого вина.
Да-ле это кто же пировал-столовал?
У нас Вахрамей со женой, со женой,
Да-ле сын Лексеевич с госпожой, с госпожой.
Да-ле это кто же ходит спо терему,
Да-ле это кто гуляет спо высокому?
У нас Христина да ходит спо терему,
Да-ле дочь Петровна спо высокому.
Да-ле она белится, румянится,
Да-ле очень смодно да снаряжается, *—
Да-ле что Христине в гости хочется.
Да-ле Вахрамею она жалуется.
Да-ле у кого же она спросится,
Да-ле у кого же она доложится?
Да-ле у Вахрамея она спросится,
Да-ле у Лексеевича доложится:
«Да-ле Вахрамей да сын Лексеевич,
Да-ле отпусти-ка в гости к батюшку,
Да-ле ко родимой моей матушке».
«Да-ле ты, Христина да Петровнушка,
Да-ле посиди-ка у меня в терему,
Да-ле посмотри-ка да на мою на красоту,
Да-ле роди сына во меня, да во меня,
Да-ле роди дочь во себя, да во себя,
Да-ле женим сына у попа, у попа,
Да-ле выдадим дочь за купца, да за купца.
Да-ле будет порода хороша, да хороша,
Да-ле все купцова-то родня!»

532

У Борисова двора
Трое новы ворота,
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом!

У Ивановича
Трое широкие.
Во первые-те ворота
Тут сокол-от пролстал.
Во вторые ворота
Скорогонец * прогонял.
Во третии ворота
Свет Василий проезжал,
Акулинушка его

367

Выходила на крыльцо.
Афанасьевна его
Она машет платком.
Она машет платком,
Тонким белым полотном:
«Воротись, сударь, назад,
Тебе радость скажу,
Тебе радость скажу —
Соловья в сад пущу».
Ей Василий отвечает:
«Не ворочаюсь назад,
Не ворочаюсь назад
Ради радости твоей».
«Воротись, сударь, назад,
Тебе радость скажу,
Тебе радость скажу —
Тебе сына рожу».
Ей Василий отвечает:
«Я ворочаюсь назад,
Я ворочаюсь назад,
Ради радости твоей».

533

Как во рюмочке во серебряной
Золотой веночек, золотой веночек.
У Николаюшки у Григорьевича
Дорогой умочек, дорогой умочек.
Где ни ходит, ни гуляет, где ни ходит, ни гуляет —
Все домой приходит, все домой приходит.
Стучит-дручит об колечко, стучит-дручит об колечко
Об серебряное, об серебряное.
«Ты, Марьюшка, выйди, встрени, Михайловна, выйди,
встрени».
«Нету, не встречаю, нету, не встречаю.
Нету, нету, не встречаю, нету, нету, не встречаю,
Я сына качаю, я сына качаю.
Я сына, сына качаю, я сына, сына качаю,
Перемену чаю, перемену чаю.
Перемену чаю, чаю, перемену чаю, чаю —
Сноху молодую, сноху молодую.
Сноху, сноху молодую, сноху, сноху молодую —
Совесь дорогу, совесь дорогу».

Как спо морю, морю синему,
 По синю морю Хвалынскому,*
 Тут иплыли три колымушки.*
 Как во первой-то колымушке
 Сам хозяин да со князьями.
 Во второй-то колымушке
 Невеста со девицами,
 Молодая со сестрицами.
 Как во третьей-то колымушке
 Что король едет с гусями,
 Королева со танцами.
 Что король стал во гусли играть,
 Королева стала танцы водить.
 Как растужатся, расплачутся
 Души красные девицы!
 Уж мы тешили, нежили
 Да своих дочерей милых,
 Уж мы всякими утехами,
 Уж мы всякими забавами —
 Не могли мы их утешити,
 Не могли мы их забавити.
 Тожно * мы их пожаловали
 Цветами да лазоревыми.

Уж как вьется хмель по болоту,
 По болоту хмель, но болоту,
 Прививается хмель ко воротам;
 Просится хмель ночевати,
 Ночевати хмель, ночевати:
 У кого бы двор просторен,
 Просторен двор, просторен?
 У кого бы изба большая,
 Большая изба, большая?
 У кого бы семья веселая,
 Веселая семья, веселая?
 У кого бы жена молодая,
 Молодая жена, молодая,
 Ровно ягода налитая?
 Хоть бы у Ивана двор просторен,
 Просторен двор, просторен;

Хоть бы у Марьи изба большая,
Большая изба, большая;
Хоть бы у нас семья веселая,
Веселая семья, веселая;
Хоть бы у Николая жена молодая,
Молодая жена, молодая.

КОРИЛЬНЫЕ

ЖЕНИХУ, НЕВЕСТЕ, СВАТУ И СВАХЕ,
ТЫСЯЦКОМУ И ДРУЖКАМ, ГОСТЯМ

536

Твой жених не хорош, не пригож:
На горбу-то роща выросла,
Во этой-то во рощице грибы растут,
Грибы растут березовые;
В голове-то мышь гнездо свила,
В бороде-то детей вывела.
А на лбу-то хоть лапшу сучи,
На бровях-то журавли клюют,
А у глаз-то хоть спички сирь! *
В носу хоть кисель твори,
А сквозь зубов хоть кисель цеди,
На брилах-то * хоть блины пеки!

537

Сказали: сватов
На конях повезут,
Ажно сваточки
Пешечком идут,
Молодого женишка
В мешочке несут!
Его ноги торчат,
А собаки вслед бурчат!

538

Ты чужой, чужой, чужанец, (да)
Удалой доброй молодец,
Удалой доброй молодец, (да)

370

Да как Федор Иванович,
Да как Федор Иванович, (да)
Ты чего рано женишься,
Ты чего рано женишься, (да)
На себя ты печаль берёшь,
На себя ты печаль берёшь, (да)
Ты печаль берёшь немалую,
Ты печаль берёшь немалую, (да)
Ты жену берёшь молодую,
Ты жену берёшь молодую. (да)
Душу красную девицу,
Душу красную девицу, (да)
Да Марию Ивановну, (да)
Да Марию Ивановну, (да)
Ты поехал бы, чужой чуженин, (да)
Ты поехал бы, чужой чуженин,
Во прекрасной во монастырь,
Во прекрасной во монастырь, (да)
В монастырь богу молитися.
В монастырь богу молитися, (да)
Уж ты снял бы платье цветное,
Уж ты снял бы платье цветное. (да)
Придел бы платье черное,
Придел бы платье черное, (да)
Платье черное печальное.
Платье черное печальное, (да)
Уж ты снял бы пухову шляпу,
Уж ты снял бы пухову шляпу, (да)
Ты одел бы клубык старецкой,*
Ты одел бы клубык старецкой, (да)
Клубык старецкой, монашеской.
Клубык старецкой, монашеской, (да)
«Уж вы девушки-утушки,
Уж вы девушки-утушки, (да)
Полонёны голубушки,
Полонёны голубушки, (да)
Не кладите судьбы-жалобы,
Не кладите судьбы-жалобы (да)
На меня на добра молодца.
На меня на добра молодца, (да)
Вы кладите судьбу-жалобу,
Вы кладите судьбу-жалобу, (да)
Вы на свата на большего,
Вы на свата на большего, (да)
На изменщика девчьего,

На изменщика девочьего, (да)
Михаила Ивановича.
Чтобы тебе, свату большому,
Да изменщику девочьему,
Да изменщику девочьему, (да)
На ступень ступить — нога сломить,
На ступень ступить — нога сломить, (да)
На другу ступить — друга сломить.
Да еще бы свату большому,
Да изменщику девочьему,
Да изменщику девочьему (да)
Киселем бы задавиться,
Киселем бы задавиться, (да)
Молоком бы захлебнуться.
Да еще бы свату большому,
Да изменщику девочьему,
Да изменщику девочьему (да)
Со крутой горы ехати,
Со крутой горы ехати, (да)
С коня пасти, да убитися.
Затрясло бы свата большего, (да)
Да изменщика девочьего,
Да изменщика девочьего (да)
На печи тебя под шубою,
На печи тебя под шубою, (да)
Под тремя бы одеялами,
Под тремя бы одеялами, (да)
Тебя от печи вздымаючи,
Тебя от печи вздымаючи, (да)
К потолку прижимаючи».

539

Как на спице * не безмен ли?
У нас тысячко не обмен ли?
Как на спице не кушак ли?
У нас тысячко не лешак ли?
У нас тысячко да воевода.
Он поехал воевати
Да он с печи на полати
Со своим братом — со ухватом,
Со сестрою — с кочергою.
Кабы кошки не подоспели,
То бы тысяцкого мыши съели.

Уж ты, тысячко, да воевода,
Тебе живота * да не скопити,
Своей жене башмаки не купиши.
Пора бы тебе догадаться —
За золоту казну да приниматься.
Пора тебе девушек дарити,
У них горлышки-те пересохли.
Подайте девушкам водицы,
Не простые водицы — со царева,
Со царева кабака — зеленóго,
Зеленого вина, не простого,
Не простого вина — сладкой водки.
Дари-ка, сударь, не скупися,
Золотой гривной расступися.¹
Это тебе не в убыток —
Красным девушкам не в наживу,
На мелкие на безделки,
На орешки, на конфетки.
Серебро, на ребро становися,
По дубовому столу прокатися,
К красным девушкам прикатися!
Тысячко, казны не жалейте!
«Принимайте, девушки, не робейте!»

540

Друженька молоденький,
Друженька хорошенький:
    У нашего дружки
    Чирий на верхушке!
Друженька молоденький,
Друженька хорошенький:
    На дворе-то туман,
    У нас дружка-то губан!
Друженька молоденький,
Друженька хорошенький:
    На дворе-то гололедь,
    Чтобы дружке околеть!
Друженька молоденький,
Друженька хорошенький:
    На дворе-то куржак,*
    У нас дружка-то ширшак! *

¹ Здесь — поступишь.

Друженька молоденький,
Друженька хорошенький:
    На дворе-то яма,
    У нас дружка пьяный!
Друженька молоденький,
Друженька хорошенький!

541

Друженька нехорошенький,
Друженька непригоженький!
    Как на дружке-то кафтан
    Черт по месяцу таскал!
Друженька нехорошенький,
Друженька непригоженький!
    Как на дружке-то штаны
    После старой сатаны!
    А на дружке-то шапёнка
    После старого чертенка!
    Как у дружки кудри
    На четыре углы,
    На четыре грани!
    Его черти драли:
    К столу привязали,
    Да кнутом наказали!
    Дружка по миру ходил
    И сумён волочил,
    Он велику суму пер,
    На боку мозоль натер!
    А узы, узы, узы,
    Разорви его сумы!
    Разорви его сумы,
    Растаскай его куски!

542

    Друженька хороший,
    Друженька пригожий!
Ты по лавкам скакал,
Пирог с полком таскал,
    Друженька хороший,
    Друженька пригожий!
Пирог с полком таскал

И за пазуху совал,
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
По подлавочью бродил
Да мышей наловил,
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Да мышей наловил,
Свахе шубу сшил,
Друженька хороший,
Друженька пригожий!
Уж как сваха на свадьбу спешила,
Что на ней была шуба мышина.

543

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Верее * молилися:
«Верее, вереешка!
Укажи дороженьку
По невесту ехати!»
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся,
А копейка ребром становитсья,
Она к девушкам норовитсья!

544

Как у нашей свашеньки
Хорошая шаль,
А у вашей-то свашеньки
Мережа * на голове.
Как у нашей-то свашеньки
Пальто хорошее.
А у вашей-то свашеньки
Рыболовная гуня.*
Как у нашей-то свашеньки

Хорошие валенки.
А у вашей-то свашеньки
Лапти дырявые.
Как у нашей-то свашеньки
Хорошие исподки,
А у вашей-то свашеньки
Дырявые рукавицы.

545

Ой, не отесан терем,
Да хорошо выстроен!
Свет Иван Семенович,
Он во грамотке не учен,
Да он хорошо снаряжен!
Снаряжала его матушка родимая,
Гребешком буйну голову учесывала,
В три ряда кудряшки завивала,
Своему дитю наказывала:
«Уж ты будешь, мое дитяtko, у тестя во дому,
Ты у тестя во дому, да у тещи в терему,
Да у невесты во поле;
Да ты на красных-то девушек не заглядывай,
Ой, что твоя ли жена да принаряжена,
прирасхохлена,*
Вся руса коса да прирастрепана!
Ой, ея очи призаплаканы!
Ой, глаза красные да призатертые,
Призатертые да призаплаканные!»

546

Сваха — неряха:
Немытая рубаха,
Неколоченная,
Немолоченная!
Свахоньку надо выколотить,
Свахоньку надо вымолотить,
Надо пива наварить,
Надо сваху напоить!

Мы не хаем тебя — величаем,
 По имени называем,
 По отчеству величаем!
 Вот поехал Григорий воевати
 По чисту полю — по подполью,
 Разбил горшки да корчаги,
 Иступил он булатный меч,
 Булатный меч о черепья,
 Натянул он тугой лук,
 Пустил калену стрелу,
 Калену стрелу в кучу назьму! *

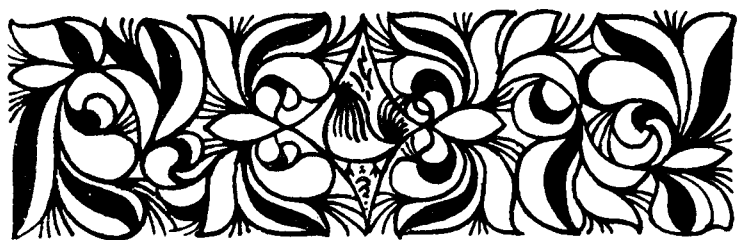
Как сказали-то: «Иванушко хорош да хорош!»
 Черт у него, не хорóшество!
 Сам шестом,
 Голова пестом,
 Уши ножницами,
 Руки грабельками,
 Ноги вилочками,
 Глаза дырочками.
 Соловьины-то глаза
 По верхам глядят,
 По верхам глядят,
 Они каши хотят.
 Вчера каша сваренá,
 Вчера съедена была.
 Шея-то синя́,
 Будто в пётле была!
 Нос-от синь —
 Это свахин сын!

Как Иван-то господин
 Да все по миру ходил,
     Ой люли, ой люли,
     Да все по миру ходил!
 Да все по миру ходил,
 Суму́ новую носил;

Как у нас-то ночевал,
Он на печке спал;
Он на печке спал,
Он на полку взглянул;
Он на полку взглянул —
Блинов стопу стянул;
На полати поглядел —
Себе лапти надел;
Как у Вани на макушке
Разыгрались три лягушки,
Как у Вани на плечи
Разыгрались три вши;
Как-то Ванин кафтан
Шут по месяцу таскал;
Как на Ване шапчонку
Разорвали три чертенка;
Как на Ване штаны —
После деда сатаны!

ПРИЧИТАНИЯ

Причитания (причать, причёты), в отличие от других жанров обрядовой поэзии обслуживают не один обряд, а целую группу семейных обрядов (свадебный, похоронный, рекрутский). Кроме того, известны внеобрядовые причитания, связанные с критическими ситуациями (болезнь, пожар, падеж скота и т. п.).

Причитания — это традиционные элегические импровизации крестьянских женщин. Каждая из них обязана была уметь причитывать и училась этому еще с детства. Неумение создать поэтический текст и в нем оплакать смерть отца, матери, брата, мужа, ребенка считалось позором.

В отличие от песен, традиционным был не текст, а правила и приемы причитывания, умение причитывать и большой запас выработанных традицией словесных формул и образов. Исполнительница причитания должна была уметь строить строку, укладывая слова в определенный ритм и музыкальную фразу. Поэтому тексты со сходными сюжетами соотносились друг с другом не как варианты, а как однотипные тексты разового характера.

Есть основания полагать, что из трех основных типов причети наиболее древней является похоронная, на основе которой позже создавалась традиция причети свадебной и рекрутской.

Импровизационный характер причети обуславливал относительно большую (по сравнению с песней) свободу для индивидуального творчества исполнителей. Такое сочетание многовековой традиции и индивидуального мастерства исполнительниц позволяло наиболее одаренным из них создавать значительные поэтические ценности. В историю русской культуры вошли имена И. А. Федосовой (см. ниже) из Олонецкой губ., ее землячек А. С. Зиновьевой-Богдановой и А. М. Пашковой, архангельской причетницы М. Р. Голубковой и др.

Свадебные причитания, которыми открывается этот раздел, исполнялись в ходе свадебного ритуала, начиная со сватовства и до венца. Причитывала невеста или подголосница от имени невесты. В некоторых районах расселения русских известны также хоровые причитания девушек или различные сочетания сольного исполнения невесты с хором. Похоронные причитания исполнялись преимущественно соло. Конец каждой строки после последнего ударения (обычно на третьем слоге от конца) покрывался всхлипыванием.

Похоронные причитания начинали исполняться сразу после того как наступала смерть и звучали снова при внесении в избу гроба, при выносе покойника, по дороге на кладбище, при опускании гроба в могилу, при возвращении домой и в поминальные дни (сороковины, год, в так называемые «родительские субботы»)

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

550

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ НА РУКОБИТЬЕ

Чего век-то я не думала,
Отродесь своих не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадет невзгодушка!
Не из тучи громы грянули,
Не с небес снега повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.*
Я не знаю да не ведаю,
Вы на что, мои родители,
Рассердились да разгневались?
Кажется, я, красна девица,
Не жалела могуты-силы
Я ни в летней-то работушке,
Я ни в зимнем обряжаньце!
Я слуга была всем верная,
Была верная я ключница.
Вот уже, мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь!
Пора-время приобойдется,
Народ-люди все разойдутся,
Со двора гости разъедутся,

С терема гости разойдутся;
Как пройдет зима студеная,
Как настанет весна красная,
Как поспеют все работушки,
Все отхожие, тяжелые;
Как пойдут да люди добрые
На отхожую работушку
Со семьями, со артелями,
Со козаками, с козачихами,*
С дочерями — белыми лебедями.
Уж как мой кормилец батюшко
И кручинная моя матушка —
Пойдут одни-то одинешеньки
На отхожую работушку!
Государыня моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Как пойдут милы подруженьки,
Запоют-то звонки песенки,—
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего-то зычна голоса,
Как по-старому, по-прежнему!
Ты вспомни да повспомяни
На чужой меня сторонушке,—
Мне йкнется легошенько,
Мне вздохнется тяжелёшенько.
Хоть говорить-то мне будет некогда,
Так сама себе подумаю,
Что вспоминает кручинна матушка
На родимой на сторонушке;
Там запели милы подруженьки
Заунывные-то песенки!
По заре-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего-то зычна голоса!
Как кручинная-то матушка
Обольется горючим слезам;
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушке!
Ты подумай, тепла пазушка: *
А в чужих людях не бываючи,
Чужих людей не выдаючи,
Я жила-то, красна девица,
У вас, мои родители;
Я жила да красовалася,

Мое сердце радовáлося,
Как пчела в меду купалася!
Я не знала, красна девица,
Как ни раннего вставаньца,
Как ни позднего лежаньца,
Ни грубого побужденьца;
Ты побудишь, кручинна матушка.
Истиха-то, полегошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Все дела у нас не деланы,
Все работы не работаны!»
Уж я встану, молодёшенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокого зголовьца.
Погляжу я, красна девица,—
Все дела у ней приделаны,
Все работы приработаны.
Как подумаю, красна девица,
Про чужую-то про сторонушку
Сердце кровью приобóлется,
Живот камнем перевернется!
А просплю-то, красна девица,
Со девичьей воли вольные
До зари-то, до белóго дня,
До восхода красна солнышка!
Как заходят злы-чужі люди,
Закричат-то по-звериному,
Зашипят-то по-змеиному:
«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробуждайся-тко, дремливая.
Все дела у нас приделаны,
Все работы приработаны!»
Как я встану, молодёшенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокого зголовьца;
Приумою лицо белое
Не водой да не ключёвою,
А своими-то да горячим слезам
Я утру-то лицо белое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то в честнóм дому,
У кормильца-то у батюшки,
У родители у матушки:
Не волна ли то взволновалася,

Чужи люди взбунтовалися.
Какой шумит сват, злодей большой,
Со кормильцем-то со батюшкой,
Со кручинною со матушкою;
У них сватовство заводилося,
Рукобительнице сочинилося.
Не спеши, кормилец батюшко,
Засвечать-то воскову свечу,
Подавать-то руку правую
За столы-то за дубовые,
За скатерти-то браные *
За яства-то сахарные,
За питья-то медвяные.
Погляжу я, молодешенька,
За столы да за дубовые,
Во батюшкову сторонушку:
Все-то да родни нетути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать красну красоту.
Мене дай, да красной девице,
Да повьдти, да повьступити
На широкою на улицу,
Опустити да свой зычен голос
Что на все четыре стороны.
Надо мне собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобительнице!
Бог судья вам, столы дубовые,
Да и вам, скатерти браные!
Не могли, столы, отодвинуться,
Браны скатерти завернутися!
Бог судья вам, хлебы ситные,
Не могли вы откатитися!
Бог судья, свеча восковая,
Не могла ты закратитися! *

551

ПЛАЧ НА ДЕВИЧНИКЕ

Не в саду я загулялася,
Не на вишни засмотрелася,
Засмотрелася я, девица,
Загляделася я, красная,

Что на вас, мои подруженьки,
Что на вас, мои голубушки!
Вы сидите все веселые
На своих местах на радостных,
Вы срядилися сряднехонько,
Платье цветно на вас новое,
И головушки причесаны,
В косах ленточки вплетеные!
А вот я-то, красна девица,
Сижу в месте во печальном;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрёпана, нечёсана,
В косу лента не вплетёная,
С красотою на стол положена;
Вы сидите распеваете,
А я плачу, горегорькая!
Ты прости-ко, краса девичья!
Я навек с тобой расстануся,
Молодехонька, наплачуся!
Опущу я тебя, красота,
Опущу тебя со ленточкам,
Во поля, в луга широкие,
Во леса, в боры дремучие,
На быстрые реки текучие.
Погляжу я, красна девица,
Погляжу на свою красоту,
Вкруг чего она обвилася:
Вкруг осинушки ли горькия,
Вкруг берёзоньки ли белыя
Аль вкруг яблоньки кудрявыя?
Если ты обвилась, красота,
Вкруг осинушки горькия, —
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкруг берёзоньки-то белыя, —
Мне житье-то будет ровное,
Житье будет долговечное.
Если ты обвилась, красота,
Вокруг яблоньки кудрявыя, —
Мне житье будет хорошее,
Развеселое, богатое!
Я возьму ли тебя, красота,

Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, красаота,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Как придут-то люди добрые
В лето теплое и красное
Во луга с косами острыми,
Что найдут-то тебя, красаота,
И возьмут на руки белые,
Вот как скажут: «Чья-то красаота,
Не на местечке положена,
Хоть и бережно поношена».
Тут не место тебе, красаота,
Тут не место красоватися!
Я отдам же тебя, красаота,
Что голубушке милой сестре,
Поклонюся ей низехонько:
«Ты возьми-возьми, мила сестра,
Покрасуйся в моей красаоте!»
Ты прости-ко, моя красаота,
Я в тебе покрасовалася,
Берегла тебя, лелеяла,
И от солнышка от красного,
И от вихря-ветру буйного,
И от дождичка от частого!
Ты дороже мне казалася
Золотой казны рассыпчатой,
Светлей ясного ты месяца,
Ярче солнышка ты красного!

552

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ
В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Вы ставайте-тко, сонливые,
И пробуждайте, дремливые,
По дворам да пеуны * поют,
По избам да печки топят,
По горницам девки моются!
Вы, мои миленькие подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Как ночесь да в тёмну ноченьку
Вам спалося ли, дремалося

И во снах ли что приснилось?
Как мене, да красной девице,
Мене ночесь да в тёмну ноченьку
Мало спалось и дремалось,
А во снах много приснилось!
Мене приснилось, молодёшеньке,
Будто у окна поколотилось,
У ворот да в кольцо брякнуло,
У дверей да попросилось.
Я ставала, молодешенька,
Со кроваточки тесовые,
Со перинушки пуховые
И со кручинного изголовья;
Я отворяла двери на пята
И дубовую доску на стену,
Я запускала волю вольную.
Она середь поля остановилась,
Господу богу помолилася,
Пóнизку мене поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька,
Моя сестрица ты, голубушка!
Мене попеняли да посудачили:
Тебе бог судья, мила подруженька,
Ты как поспешила-поторопилася,
Меня отказала, волю вольную,
От себя да молодешеньки!»
Моя пошла да воля вольная
От меня, да молодешеньки,—
Она со мной да не простилася
И назад не воротилася.
Уж я вышла, красна девица,
На широкую-то улицу,
Я поглядела, красна девица,
Вслед за волюшкой-то вольною,
Куда пошла да воля вольная,
Моя девичья дрока дрочная,*
Во далечи во темны леса!
Моя села воля вольная
Она на елку на кужлявую.*
Я подходила, молодешенька,
К своей волюшке-то вольною,
Хотела взять ее, волю вольную,—
Как нельзя, никак не можно:
Ведь зелёна елка подкарзяна! *
Я пошла прочь, слезно заплакала.

Как и еще да сон привидела:
Я выходила, красна девица,
На круто красно крылечушко.
Из-под высока нова терема,
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроваточки тесовые,
Из-под перинушки пуховые,
Из-под кручинного изголовьяца
Протекала ричка быстрая.
Что но этой быстрой риченьке,
По ней плывёт да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочке
Есть сидит да красна девица,
В руках держит красну красоту.
Вы, народ да люди добрые,
Все суседи порядовные
И мои любимые подруженьки,
Вы разгадайте да раздумайте —
Этот сон к чему да сон привиделся?!
Хоть вы молчите, мене не скажете,
А я сама да знаю-ведаю,
Что к чему да сон привиделся!
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроватушки тесовые,
Из-под перинушки пуховые
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячие.
А как плывет да легка лодочка —
Это гульба-игра веселая;
А как сидит да красна девица —
Это воля моя вольная;
В руках держит красну красоту —
Мою просекную * ленту шитую
Со жемчужной-то со поднизью! *
Мене еще во снях приснилось,
Как ровно вьяво показалося:
Я выходила, красна девица,
На широкою на улицу.
Будто у нас да во чистом поле
Есть крутая гора высокая;
Как на этой на крутой горе
Лежит зверь да со звериною;
А под крутой горой высокою
Лежат змеи со змеятами.
И посреди да поля чистого

Стоит столб да новоточеной —
Колется да расколяется,
Он горит да разгоряется.
Мои любимые подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Этот к чему да сон привиделся?
Я сама да догадалася,
Девушка я домекнулася,
Что к чему мне сон привиделся:
На крутой горе высоко лежит
Не зверь да со звериною,
А лихой свекорь со свекровкой;
Под крутой горой высокою
Лежат не змеи со змеятами —
То деверья со золовками;
Во широком во чистом поле
Стоит не столб да новоточеной,
Не колется, не расколяется,
Не с огня да разжигается —
Это чужой да добрый молодец,
До поры он да до времечки
Мной, девицей, похваляется.
Во сегодняшней во белой день
У моего корминца * батюшка
Быть двору да растворенному
И тыну да раскаченному,
Мене, девице, да увезенною.

553

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ
В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВАТОВСТВА

Благослови-тко, боже господи,
Причитать меня, укладывать.
Погромчее выговаривать!
Ты бежи-тко, мой зычён голос,
Со устов да серым заюшком,
Со язычка горносталюшком
По пути да по дороженьке;
Ты не стой-ко, мой зычен голос,
Ты у рек за переходамы,
У ручьев за перебродамы,
У полей за огородамы,

А ты бежи-тко, мой зычен голос,
Во церковь во соборную;
Там ударь-ко в большой колокол,
Чтобы шел звон по Русиюшке,
Шла бы жалость по знакомым,
Чтобы знали люди, ведали,
Что я девушка просватанная,
Моя воля обневолена,
Нунь головка обзабочена!
Клали волюшку в неволюшку
Да сердечко в нонеченьице!
Отвернуться красной девушке
Во почетный во большой угол,
Там на стенку на лицовую, *
На икону золоцовую! *
Там светло светит топилице,
Там слезно богу молилися!
Я глядела, красна девушка,
Я на стенку на лицовую,
Будто вороны слеталися,
А там два сватá съезжалися,
И там родной кормилец батюшка
Пропивает мою волюшку!
Я спрошу, девка-невольница,
У кирпичной белой печеньки:
«Ты, кирична печка белая,
Говори, не заговаривай,
Расскажи мне, не затаивай:
Среди да ночки тёмной
Кто огню был выдувателем,
Кто лучинки подавателем,
Кто светилу зажигателем?»
Сама знаю, девка, ведаю,
У добротушки у матушки
Хорошо печка замазана,
Она крепко приказана:
Не расскажет мне-ка, девушке!
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадаться —
Выдувала огни тлящие
Доброта родитель матушка,
Подавал-то лучинушку
Братец-красно мое солнышко.
Как у мила братца родимого
Была этая лучининка

На болоте была ссечена,
За три года была смечена,
По-мелкú была расколота,
На-частú была рассципана,
По собаке домой вожена,
На трех грядочках дымлénная,
Во трех печеньках сушénная,
К этой свадебке пасénная!
Зажигал да воскову свечу
Мой родной кормилец батюшка!
Я пойду, да красна девушка,
На бросову белу лавочку,
Под косивчато окошечко.
Как на бросовой белой лавочке
По сегодняшнему денечку
У сердечных родителей
Надо мной нунь что случилось,—
В доме всё переменялось!
По мне окошко запечалилось,
Все стеколка затуманились:
Не видать да свету белого
Под косивчатым * окошечком!
Там была уличка плановая, *
Там площадки сторублевые,
Там сады были зеленые.
Были яблони лазуревы,
Распевали птички-ташечки,
Там жупили соловеюшки
У меня, у красной девушки,
Потешали мою волюшку!
А по сегодняшнему денечку
В саду яблони повянули,
В саду вишенки поблекнули,
Захлебнулись птички-ташечки,
Задавились соловеюшки!
Охти мнешенько тошнёненько!
Верно мне, да красной девушке,
Мне одной думы не выдумать,
Вопотáй * речей не высказать!
Подо мной, под красной девушкой,
Нонько вдоль доска не ломится,
Поперек доска не колется.
Надо выстать красной девушке,
Стать на резвые на ноженки,
На сафьяные сапоженки!

Обращается к отцу:

Где-то есть у меня, у девушки,
Где родной кормилец батюшка?
В доме нет, так поищите-тко,
Во деревне поищите-тко,
Ко мне, к девушке, пошлите-тко!
Вы, родной кормилец батюшка,
Допустите красну девушку
Не в первы́х меня, в последних
Со бажёной вольной волюшкой!
Не должна я на ногах стоять,
Должна девушка в ногах лежать,
Должна клубушком кататися,
Должна червушком свиватися,
До желанья * добиватися!
Ты, родной кормилец батюшка,
Пожалей-ка меня, девушку,
Ты мою бажёну волюшку!
Я ведь дочь твоя бажёная,
Твоя дочь была любимая!
Ты, родной кормилец батюшка,
Я за ваше возвращеньице
Отнесу благодареньице!
Ты держал да меня, девушку,
Во прекрасном во девочестве,
Будто крест да на бело́й груди,
Будто перстень на право́й руки!
У кормильца света батюшки
Была словцом не огрублена,
Я работкой не огружена,
На гулянье не задержана,
Что во праздничках годовых,
Воскресеньицах Христовых!
Были конюшки запряжены
И извозчики налажены!
Вот, родной кормилец батюшка,
Не прошу я, красна девушка,
На судимую сторонушку,
Я ни на поле долиночки,
Я ни в доме половиночки,
Только, родной кормилец батюшка,
Наделите меня, девушку,
На судимую сторонушку
Вы таланом * меня, участью,
Вы господней божьей милостью!

Как родной кормилец батюшка,
Ты веди обидну свадебку
Ты честно да свадьбу имянно! *

Обращается к матери:

Где-то есть еще у девушки
Где родитель моя матушка,
Тепла права моя пазушка? *
Где денна моя заступница,
Где ночная богомольница?
Она ночь богу молилася,
Днем от ветру становилася —
Буйны ветрышки не веяли,
Добры людишки не баяли
Про меня, про красну девушку!
Охти мнешенько тошнѣшенько,
Мне-ка жаль воли тошнѣшенько,
Жаль гораздо обиднѣшенько!
Ты, родитель моя матушка,
Наклонись ко мне низѣшенько,
Подойди ко мне близѣшенько,
Обними меня крепѣшенько!
Будет жаль тебе, тошнѣшенько,
Я ведь дочь твоя родимая!
Что родитель моя матушка,
Ты, великое желаньице,
Не сердитесь-ка, не гневайтесь
На меня, на красну девушку,
Не губите мою волюшку!
Ножкой левой простунилася,
Ручкой правой промахнулася,
Девка богу помолилася
Во проклятое замужество:
Я пошла, потом схватилася!
Как родитель моя матушка,
Во прекрасном девочестве
Ты держала меня, девушку,
Будто гостейку во горнице,
Будто тащицу * во клеточке!

НЕВЕСТА РАССКАЗЫВАЕТ «СОН»
УТРОМ В ДЕНЬ СВАДЬВЫ

Будет спать мне, выспатися,
 Надо встать да пробуждаться!
 По сегодняшнему дёнечку,
 Среди да ночи темной
 Подневольна красна девушка
 Мало спала, много видела!
 Мне ночесь во сне казалось,
 Будто я да молодёшенька
 В темном лесе одиношенька,
 В темном лесе я, во ельничке.
 Я со ельничка в березничек,
 Я с березничка в осинничек,
 Подневольна красна девушка!
 В этом горьком осинничку
 Стоит маленька избушечка
 Небольшая фатерушечка. *
 Долотом двери продолблены,
 Там сверлом окна просверлены,
 Решетом свету nanoшено.
 Я зашла тут, красна девушка,
 В эту маленьку избушечку,—
 У порога там на лавочке
 Там орел да со орлятамы,
 Во печном углу на лавочке
 Там волчиха со волчатамы,
 Во почетном во большом углу!
 Там зима стоит холодная
 Со крещенским морозама,
 Леса темны всё вилавые! *
 Запугало красну девушку,
 Я проснулася, невольница!
 Да где-то есть у мя, у беднушки,
 Братец-красно мое солнышко!
 Ты возьми-ка, братец-солнышко,
 Ворона коня неезжена,
 Плетку нову неосвистану,
 Съездите, пожалуйста,
 Вы за Осиним Прекрасным,
 За сонным да рассудителем,
 Добрым людям рассказителем!
 Вы, мои да сродцы-сроднички,

Вы, сердечные родители,
Вы, подружки мои милые,
Задушевы красны девушки,
Становитесь ко головушке,
Вы кругом да меня около!
Я сама вам сон порóссужу,
В добры людишки порóсскажу:
Эта маленька избушечка,
Небольшая фатерушечка,
Там судимая сторонушка, —
Она темная, угрюмая!
У порога там на лавочке
Не орел там со орлятама,
А свёкор со девёрьяма;
А во печном углу на лавочке
Не волчица со волчатама,
А там свекрова со золовкама;
А во почетном во большом углу
Не зима стоит холодная,
А там млад отецкий сын!
Там не лесушки вилавые,
А живут людишки лукавые
На судимой на сторонушке! *

555

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ
ПРИ ВСТРЕЧЕ ЖЕНИХА
В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Наставала тучка темная,
Туча тёмна страховитая,
Со громом-то, частой молнией,
Со великой божьей милостью!
По морям тучка катилася —
Там вода с песком смутилася,
Рыба кó дну обрядилася;
По лесам туча катилася —
Леса с корнюшка ломилися!
Раскатилась туча темная
На две, на три половиночки,
На четыре на градиночки.
Первая пала градиночка
Что ль на батюшков высок терем,

Что другая градиночка
На матушкину горницу,
Третья градиночка
На братьев колесист сарай,
А четвертая градиночка
На меня, на красну девушку,
На мою буйну головушку,
На мою бажёну волюшку!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Вы, злодеи сваты большие,
Вы послушайте, пожалуйста:
Ведь у меня, у красной девушки,
У сердечных родителей,
У милых братьёв родимых
Была уличка плановая,
Там дороженька почтовая,
У нас площадка сторублевая,
Там сады были зеленые;
Уж вы, чуж да млад отецкий сын,
Прогонили вы, проехали
Со хормным своим поездом,
Со молодыма со вершникам, *
Вы побили путь-дороженьку,
Вы посягли шелковú траву,
Доломали в саду яблони,
Пощипали в саду яблоки!
Дак вы, злодеи сваты большие,
Вы за девушку имаетесь,
Да, знать, с кошельком спознаетесь,
С золотой казной считаетесь!

Жених подносит деньги.

Чуж да млад отецкий сын,
Я ведь девушка не бедная,
Не беру я денег медных!
Я ведь девушка середняя,
Мне наб * денежек серебряных!
Я девушка разважная,
Надо денежки бумажные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Не ходи-тко, не нахалуйся
Вы во батюшков высок терем!
Ты деньгами не откупишься,
Ты словама не откажешься!
Ведь у меня, у красной девушки,
У кормильца света батюшки

Много злата, много сѣребра —
Богачища непомерные!
На родимой на сторонушке
Мне-ка с меди не мосты мостить,
С сѣребра мне не плоты плотить,
Мне бумажкамы не кровли крыть!
У кормильца света батюшка,
У нас медь роют лопатама,
Сѣребро роют малѣнкама, *
Кровли кутают бумажкама!

Жених заходит в коридор.

Подождите, не нахалуйте,
Вы, злодеи сваты большие,
Чуж да млад отецкий сын,
Без доклада в новы сени,
Без допросу в нашу горницу!
У мя у батюшка не спрошено,
У мя матушке не сказано
Запустить гостей любимых
Во любимое гостебище!

Гости и жених сидят за столом.

Невеста подходит к жениху и причитывает:

Порастроньтєсь, люди добрые,
Порастроньтєсь, православные,
Дайте местечка немножечко,
На одну дайте мостиненку,
На едину перекладинку!
Мне пройти бы, всей невольнице,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю да ко молóдому.
Бью челом да низко кланяюсь
Всему кругу молодецкому,
Поезду да княженецкому,
Младому сыну отецкому,
Я первой брюзги * в особину!
Ты, брюзга да княженецкая,
Брюзга навлась ¹ накупалася,
Брюзга богом увещалася,
Брюзга врать не собиралася.
Ах ты, брюзга да княженецкая,
Протопопша ты вытегорская,
Ты, купчиха новгородская,

Здесь намазалася, накрасилася.

Госпожа брюзга-боярыня,
Настояца брюзга-барыня!
Ах ты, брюзга да княженецкая,
У вас буду я выпрашивать,
Вы должны мне всё рассказывать
Про млада сына отецкого!
Говори, не заговаривай,
Расскажи всё, не затаивай,
Он охоч ли ходить, ухаживать,
Ночки темные проваживать?
Над ¹ держать да будет девушке
Ножки резвы на дороженьке,
Ручки белы на заложечке,
Свое личко во окошечке,
Дождать да мужа пьяного?!

Обращается к жениху:

Я клоню буйну головушку
Младому сыну отецкому.
Становитесь-ка, пожалуйста,
Стань на резвые на ноженки,
На козловы стань сапоженьки!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Ты сидишь — да как свеча горишь,
Говоришь — да как рублем даришь!
У тебя, да млад отецкий сын,
Белота взята с белá снежку,
Красота взята от солнышка!
У вас брови чёрна соболя,
У вас очи ясна сокола!
Говори-тко, млад отецкий сын,
Ты где меня повысмотрел,
Уж ты где меня повыглядел?
Ты во праздничке гуляючи,
Аль на горушке катаючи,
Аль на работке работáючи?
Погоди-тко, млад отецкий сын,
Тебе женитьба неудачлива:
Молода жена невзрачлива,
Белоручка и не коровница,
Тонконожка, не работница!
Отъезжайте-тко, пожалуйста,
От стола да от дубового,

---

¹ Здесь — надо бы.

Со хоромного строеньца!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Я на горочке каталася,
Мое личко принавеело.
В ту пор я была хорошая,
А на трудной на работушке
Пред тобой я выславлялася,
На часú сила сдержалася,
На другом краска стерялася!

Отворачивается от стола.

Начинается выдача «воли».

Ну вот сяду, красна девушка,
Я на лавочку брусовую.
Подходите-тко, пожалуйста,
Вы кругом да меня около,
Все родные сродцы-сроднички,
Все милы братья родимые,
Все мои сестрицы милые,
Задушевные красны девушки
Да восприемна крестна матушка!
Поспевала, крестна матушка,
Ко купели, ко святой воды,
Так успевай-ка, крестна матушка,
Ко разлуке дорогой воли!
Вы, родитель моя матушка,
Ты, великое желаньце,
Принеси, родитель матушка,
Мне трубу * да стоаршинную,
Мне другу да миткалинную. *
А вы, мои подружки милые,
Задушевные красны девушки,
Слушайте, голубушки,
Вы на ту нашейте завесу, *
На двенадцати на тресточках:
На одной нашейте тресточке
Вы царя да благоверного,
На второй, моей головушке,
Вы царицу милосердную,
На третьей шейте тресточке
Вы царевых малых детушек.
Как еще шейте, голубушки,
Шейте полк да со солдатама.
Петроград да со бурлакама, *
Вы Москву да со боярама;
Как еще, мои голубушки,

Вы себя, подружки милые,
Вы меня, да красну девушку,
Вы мою бажёну волюшку! *
И вот поставьте-тко, голубушки,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю да ко молодому.
Тут бурлакушки распляшутся,
Тут солдаты расстреляются,
Утка сера разгогочется.
В ты пор царь да смилосердится,
Царица сожалётся,
Малы детушки расплачутся,
А вы, мои подружки милые,
Вы запойте жалки песенки.
Может, чуж да млад отецкий сын
Оглядится, остолопится,
От стола да поворотится, —
Я во девушках остануся,
Я во красных призадляюся! *
Где-ко есть у мяя, у девушки,
Братец-красно мое солнышко,
Братец-тоненька тониночка,
Золота, братец, вербиночка,
Братец — сердца половиночка!
Так сохраните у мяя, девушки,
Вы мою бажёну волюшку!
Охти мнешенько тошнёшенько!
Всё прошло, всё миновалосся,
Назади всё приосталосся,
Прошло воли волеваньице,
Красной девушки гуляньице.
Не отдам бажёной волюшки!
Тут моя бажёна волюшка
Крылья, пёрышка расправила,
Во головушку ударила,
Улетела во чисто поле,
Села на горькую осиненку,
На несчастну деревиненку,
Проклинат да мяя, девушку:
«Будя проклят, красна девушка,
Ты умела волю вырастить,
А не сумела волю выпустить,
Ты умела красоватися,
Не сумеешь расставатися!»

Подходит к столу:

Порасстроньтесь, люди добрые,
Порасстроньтесь, православные,
Пропустите красну девушку
Со бажёной дорогой волёй
Ко столу да ко дубовому!
Я не знаю, красна девушка,
Куда класть бажёну волюшку?
Я кладу, девка-невольница
Да на местну богородицу,
Котора богородица
Сохраняла меня, девушку,
В летню пору от прохожего,
В зимню нору от проезжего!
Так сохрани-тко, богородица,
По сегодняшнему дёнечку
Ты мою бажёну волюшку
От млада сына отецкого!
Я кладу бажёну волюшку
На косивчато окошечко,
Пусть-ка воля наволяется,
Дорогая накрусуетя!
В уголок кладу перчаточкой,
В стену я кладу булавочкой.
Как ты, родитель моя матушка,
Станешь мыть, так не спашните-тко, *
Вы водой не сполощите-тко,
Вы во грязь да не свалите-тко
Вы бажёну мою волюшку!
Я неладно, девка, вздумала,
Я не место воле прибрала.
Ведь пройди зимушка холодная,
Будет вёснушка разливная.
Тут полётят гуси-лебеди,
Да улётит моя волюшка
На круглистое озёрушко,
На тихое на затишье,
На зелено слетит захрестье! *
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Он начнет ходить-нохаживать,
Серых утишек поймавать, *
Поимат да утку серую,
А тут моя бажёна волюшка!
Я кладу бажёну волюшку
Осередь стола дубового,

Я на скатерти шелковые,
Я на едушки сахарные,
Я на вина кладу пьяные.
Наедайся, воля, досыта,
Напивайся, воля, допьяна,
Покуль свой дом, так своя воля,
У своих пока родителей!

Жених берет «волю».

Отвернуться красной девушке
От стола да от дубового,
От князя да от молодого!
Подойдите-тко, пожалуйста,
Все сердечные родители,
Вы, милы братья родимые,
Ещё крёстна моя матушка!
Это что в доме заведено,
Это что у вас запущено?
Во почетном во большом углу
Это чистые разбойнички,
Настоящи подорожнички. *
Грабежом девку ограбили,
Как силом да волю отняли!

Обращается к жениху:

Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку!
Ты за волю поимаешься,
Никогда не считаешься!
Ты, родной кормилец батюшка,
Ты охоч ходить, разъезживать,
В торги-ярманки поезживать,
Так принеси, кормилец батюшка,
Тут веревочек недержанных!
За мою бажёну волюшку
Завяжите-тко, пожалуйста,
Младого сына отецкого,
Поезжанов княженецких!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Дай мою бажёну волюшку!
Закажу я, красна девушка,
Я во погребга глубокие,
Во подпольца во темные,
Во подвалы во холодные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку!
Буде будем богом сужены

И попом будем овенчаны,
Божьей церковью обзаконены,
Взвеличать да стану, девушка,
Твоего кормильца батюшка,
Почитать я буду, девушка,
Я твою родитель матушку
И всех твоих сестриц-голубушек!
Ведь сама знаю, сама ведаю,
Что замужество не шуточка,
Не ребячья поигрушечка.
Ты отдай бажёну волюшку!
В ту пор буду, красна девушка,
Я головушкой поклонная,
Я сердечушком покорная,
Как тебя, да млад отецкий сын,
Буду звать тебя по имечки,
Взвеличать да по изотченки!

Невеста называет жениха по имени, жених отдаёт «волю», она идет от стола и причитывает:

Ты лукав, а я лукавее!
Обманула, облукавила!
Боле век вам в доме нё бывать,
И меня вам глазом нё видать,
Я не стану звать по имечки,
Взвеличать да по изотченке,
Не пойду да не подумаю,
Во проклятое замужество!

ПРИЧЕТ
ПРИ РАССТАВАНИИ С ПОДРУЖКОЙ

Уж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе повыросли,
У нас две ли да было буйных головы,—
Одно только ретивó сердце!
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили,
У нас тайны были разговоры,
Непроносны * да словеса.
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Всё ходили да мы гуляли,

Вместях двое да с тобой нáдвое,
Друг без дружки да никуда,
По играм мы да по веселым,
По беседушкам по хорошим,
По лугам ли да по зеленым,
Мы по горочкам по ледяночкам.
Нонь пришла ли да пора-времечко
Расставаться да расступаться!
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки расставаться?
Расставаньице тяжелó,
Нам в разлукушке нелегко,
Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу нелегко,
Всё останется ¹ от нас, от девушек,
Вся гульба ли наша, веселеньице,
Тайны-тайности, непроносны словеса.
Заповедали мы, красны девушки,
Чтоб никому было не íзвестно,
Только знали бы, только ведали,
Только мы ли, две красны девушки!
С этой тайностью мы помрем,
В мать землю да так пойдем!
Еще вспомни-ка, красна девушка,
Ты, подружечка задушевная:
Надойдет ли пора-времечко,
Накатится да весна тепла,
Протекут ли да ручьи с гор земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые,
Как прокатится ли мать Печорушка
Вниз по быстери * да до синя моря;
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да всё во лодочках
На гуляньице да на весельице
Как по вешним да тихим заводям
Всё со песнями да всё со баснями,
Как пойдут-то еще в лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя моря,
Как на промыслы да на богаты,

---

¹ Здесь — уйдет.

Как во тех ли во лодочках,
Что со белыми парусами,
Со белыми да полотняными, —
Помяни-ко-се, да где мы были,
Где мы были, да где мы рóбили,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позорíлися: *
Мы по ловлям да рыболовным,
По водам ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам да доставалосся,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-надеры * да не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали.
Руки, ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горяча да захлывала!
Только было нам согревы,
Только было нам пригревы:
Ключевой воды принагрём,
Изопьем водú — сердце огрём!
Как со той же мы со работушки,
Как со той же да со тяжелой,
Со богатого мы со промыслу
Домой прíдем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушке,
Мы ко тем ли да злым хозяевам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогрем,
Как на ту же опять работу,
Как на ту же опять тяжёлу!
Ты пойдешь ли, моя подружечка,
По лугам ли да по зелёным,
Ты по пóжням, по сенокосам, —
Спомяни-ко-се, бела лебедь:
Всё мы вместе с тобой ходили
Всё на долгих да на покосах,
На широких да на пограбах, *
На тяжёлой да на работушке!
Тяжелым ли да тяжело было,
Молодым ли да нам молодехоньким
Не по силушке да было нашей!

Тяжело рукам доставалось,
Могучи́ плеча́ уставали,
Со работы ноги дрожали,
Со тяжёлой мы уставали.
Мы не плату да получали,
Хошь копеечки собирали!
Что за наш-то труд-работушку
Кто ли денежки собирал,
Себе богатство да наживал!
Подойдет-то пора-время,
Докатится час-минутушка
До тебя ли, до красной девушки,
Как в расстанюшке житья девьего
Спомяни-ко-се, бела лебедь,
Про меня ли про красну девушку:
Каково было мне-ка, красной девушке,
Таково будет тебе, белой лебеди!

ПОХОРОННЫЕ, БЫТОВЫЕ И РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

557

ВОПЛЬ ДОЧЕРИ ОБ ОТЦЕ

Не осудите-ко, народ да люди добрые:
И пропу́щу тепе́рь унылой зычной го́лосок,
И объявлю я.вою причеть неумильную!
Я не знаю всё, спобедная головушка,
Как подойти мни-ка к кормильцу свету-батюшке,
Мне по-старому подойти тепе́рь, по-прежнему,
Мне от резвых зайти тепе́рь от ноженек,
Аль ко младоёй ко буйноёй головушке,
Аль супротив тепе́рь идти ретивого сердеченька?
С коёго бочку тепе́рь мни-ка подшаптывать,
С коёго личка тепе́рь да разговаривать?
И мы приехали, снобедные головушки,
Не по-старому к теби да не по-прежнему,
Мы не знаем-то самы́ тепе́рь, не ведаем,
Что сделалось у нас тепе́рь, подеялось, —
Ново чудушко у нас да обчудилося,
Ново диво объявилосся,
Велико несчастьице случилосся!

Что же ты, кормилец родной татенька,
Уж мы ждали-то, победные головушки,
Мы тебя домой по-старому, по-прежнему,
Уж мы день ждали по праведному солнышку,
Уж мы ночью-то по светлому по месяцу,
Вечеру-то по зари ждали вечерней,
Утром рано по луны ждали небесной!
Не клонил сон наши младые головушки,
Уж мы сидели под косивчатым окошечком,
Мы смотрели во хрустальные стеколышки,
Выходили мы на широкую на уличку,
Мы смотрели-то во чистое во полюшко,
По пустистой мы смотрели по дороженьке —
Не увидим ли ступистой лошадушки,
Не прикатятся ли санки самокатные,
Не приедет ли кормилец родной батюшко;
И не могли дождаться победной головушки.
Тут приехали-то к нам добрые людюшки,
Привезли-то к нам весточку нерадостную,
Что нет во живности кормильца света татеньки!
Тут подрезало у нас ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые,
Съужахнулося ретивое сердеченко!
Тут мы не поверили-то людям добрым,
Мы приехали сами к тебе, победные головушки.
Уж ты что же, кормилец родной батюшка,
Рассердился-то на нас да распрогневался,
Крепко спишь-то ты теперь да не прохватишься,
С крепка сну ты долго не пробудишься?
Уж ты встань-ко всё на резвые на ноженьки,
Поедем-ко, кормилец родной батюшка,
Домой в свое хоромное строеньице,
По-старому жить с нами, по-прежнему!
У нас всё теперь тебе есте прилажено
И всё есть приготовлено,
Есть налажены кушанья сахарные.
Уж как смотрю, бедна победная головушка, —
Не по-старому ты спишь, да не по-прежнему!
Нет у душеньки в твоих да во белых грудях,
Нет во резвых во ноженьках стояница,
Нет во белых во рученьках маханьца,
Нет во ясных очах да мигованьца,

---

¹ Здесь — не спохватишься.

Уж застоялся-то речист язык в устах да во сахарних.
Мы не знаем всё, спобедные кручинные головушки,

не ведаем —

Теби богом ли смерётка эта сужена,
Аль от добрых людей да напущенная,
Аль сама твоя головушка на суд пришла,
Не такая, как пришла да добрым людюшкам!
Добрым людюшкам смерётка на сдвленьицо,
Роду-племени всему да на сумленьицо,
Нам-то, бедным несчастным горющицам,
На великую тоску да на досадушку!
Не привел-то тебя милостливой господи,
Как бы был ты при трудной постелюшке, *
Как на своей бы лежал брусовой белой лавочке,
Тут пришла бы к тебе скорая непосульная *

смерётушка,

Да не так бы нас брала тошная тоскичушка,
А то случилась тебе скорая неначаемая * смерётушка
Не в своем да во хоромном строеньице —
На открытой на даче * на казенной,
На путистой широкой на зимней дороженьке!
Случились злы недобрые людюшки,
Погубили твою младую головушку,
Толкнули ступистую лошадушку
Во пушистые снежочки за пушистую дороженьку;
Может, был тогда ростителек во живности,
Не могла привезть стунистая лошадушка;
На тую на пору на времечко
Не случились добрые людюшки
Спроводить нашу стунистую лошадушку
На путистую дороженьку —
Может, привезла бы домой по-старому, по-прежнему,
А то остались мы теперь, бедные
Круглые несчастные сиротушки,
В горегорькой в сиротской во жирушке! *
Не привел-то многомилостливой господи
И не наставил, верно, долгого векушку
Пожить на сем свете на белоем,
И не доростил нас до полного до возраста!
Уж мы как станем жить, победные головушки,
После тебя теперь, роститель родной батюшка?
Уж мы теперь да нелюбимое
Сиротское словечко получили,
Не осталось именица-богачества,
Не осталось бессчётной золотой казны!

Уж кто теперь будет нас доразивать,
Уж кто же нас теперь будет устраивать?
Мы без ветрушка остались шатаючи,
Мы без дождичка теперь да уливаючи,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы победные теперь да сиротиночки:
Нам от солнышка не будет-то сугревушки,
Нам от ветрушка теперь да заборонушки,
Нам от частого от дождичка покрышечки,
Нам от добрых от людюшек заступушки!
Уж мы как станем жить, победные кручинные

головушки,

Как справлять крестьянскую любимую работушку?
Как пойдёт-то холодная-студеная зимушка,
Как наступит-то гульливая разлива красна вёснушка,
Как потаюут-то пушистые снежочки,
Разнесёт-то хрустальные ледочки,
Поразобьются крутые бережочки,
Придет птично прилетаньицо,
Придет рыбное тогда да нерестаньицо,
Загощечкам-то * серым кукованьицо,
На нашем сердце обиды сколыбаньицо!
Как пастушки в лесах затукают,
На полянушках-то пахари занукают,
Как пойдут-то тут многие добрые людюшки,
Все любимые сирядные соседушки
На любимую крестьянску на работушку —
Вся работушка у их тогда объявится,
Колёсом у их тогда дело покатится.
А как нас-то, кручинных победных несчастных

головушек,

Одолять станет великая обидушка
И ушибать станет злодейная кручинушка —
Полянушки у нас да не запашутся,
Пóженки у нас да не покосятся,
Водушки у нас да не наловятся.
Опустеет наше житье-живленьице
И опустеет хоромное строеньице,
Всё застынет-то у нас да захолонеет!
Как после тебя-то теперь, роститель батюшко,
Кирпичная печенька не топлена;
В одном уголочку пушистые снежочки,
А во другом — морозушки трескучие,
Всё пустым у нас стало теперь пустёшенько,
Холодным да холоднёшенько!

Мы сидим-то тут, победные головушки,
 Быдто зимние упалы малы заюшки,
 Дожидаем всё кормильца домой батюшка.
 Верно, вовеки того да всё не водится —
 Живой с мертвого на сем свите не родится,
 Народ со погоста не воротится!
 Уж как нунечу-теперичу
 Как было бы именицо-богачество,
 Как была бы золота казна бессчётная,
 Мы бы наняли, кручинные головушки,
 Мы пятнадцать бы подвод да лошадиных,
 Развозили бы великую кручинушку,
 По дремучим развозили бы по лесушкам!
 Нас страх долит, победных головушек:
 Как жить теперь в сиротской,
 В победной, не в надежной во жирушке?
 Как приходиться-то будут празднички годовые,
 У меня-то будут слезушки готовые,
 Наступило-то теперь мое несчастное прекрасное
девочество.

Как пойдут-то советны мои подружки,
 Как пойдут-то души красные девушки,
 На гульбища * пойдут, на прокладница, *
 На веселые на игрища,
 Ко любимым владычними годовым праздничкам,
 А у меня-то, у кручинной головушки,
 Не будет-то по ноженькам обуточки,
 По плеченькам по разуму одеточки,
 Зимних не будет согреваньцев
 И летних не будет украшеньцев!

558

ПЛАЧ ПОСЛЕ ПОЖАРА

Приходит тетка, племянница ее встречает с плачем и причитывает:

Как идет да гостья дальняя,
 Идет гостья долгожданная,
 Моя тетушка-добротушка.
 Старша буйная головушка.
 У нас, у бедных,
 Ново чудо счудовалось,
 Ново диво сдивовалось!

Уж как век чего не думали,
Уж как век чего не гадали:
Уж как глупая-то женщина,
Неразумна молодá жена
Зажигала воскову́ свечу
Перед чудным перед образом.
Верно, она богу не угодная,
Ее свеча да недоходная;
Как от той от восковой свечи
Показались дымочеки,
Запылали огонечки
По крестьянской по деревенке!
Потеряли мы селеньице,
Всё хоромное строеньице,
Всё крестьянско заведеньице.
Всё огнем просветилося,
Головней всё покатилося!
Как, желанна моя тетушка,
Теперь я, бедна горющица,
Я от господá обижена,
И от добрых людей обнижена: ¹
Погорели у беднушки
Мои цветные все платьица
И жемчужно ожерельице
Не видать мне боле, беднушке!
Я находилася, горющица,
На крестьянской на работушке;
Не работушку работала,
Только времечко корóтала —
Как про это про несчастьице
Мое ведало сердечушко!
Как прихожу, бедна горющица,
Я с крестьянской-то работушки —
Уж пустым стало пустешенько,
Порозным да порознешенько;
Мои сердечные родители
В чистом полюшке под кустичком.
Как станем жить, бедные,
Без ви́того без гнездышка?!

---

¹ Здесь — унижена.

ПЛАЧ ПО СЫНУ, УВЕЗЕННОМУ
НА ЛЕЧЕНИЕ В ГОРОД

Не несут да резвы ноженьки
 Во перёное крылечушко,
 Как во вѣтое во гнездышко!
 У мя в том углу пустѣшенько,
 А в другом да порознёшенько.
 Как отпустила я жадобного *
 Да своего сына любимого
 На чужу-дальну сторонушку;
 Не на охотное гуляньице,
 Не на умное ученьице,
 Поотпустила на леченьице.
 Погляжу, бедна горюшица,
 Уж я, матушка несчастная,
 Висят платьица по стопочкам, *
 А фуражечки по гвоздичкам,
 Лежат книжечки по столичкам
 И тетрабочки по полочкам,—
 Тута нет сына бажёного! *
 Как я то умом подумала:
 Как сердечно мое дитятко
 На струистой речке быстрой,
 Может, в лодочке катается
 Или в улочке шатается?
 Как прихожу, горюша бедная,
 Стоит лодочка у бережка,
 А веселушка на кормушке —
 Тута нет сына бажёного!
 Я еще умом подумала:
 Может, красно мое солнышко
 На разгул-широкой уличке?
 Как выхожу, горюша бедная,
 На уличку плановую, *
 На дороженьку почтовую —
 Ходят девочки станицама,
 Ходят мальчики толпицама —
 Тута нет сына бажёного!
 Тут я еще умом подумала:
 Верно, сердечно мое дитятко,
 Верно, в конторе занимается?
 Как посмотрю, я мать несчастная,
 Во конторушке огни горят,

За столама писаря сидят,
Сидят счетчики-расчетчики —
Нету моего бажёного.
Как потом я спохватилася,
Что я недавно распростилася,
Отпустила я жадобного
На чужу-дальную сторонушку!
Мы несчастны уродилися,
Что на тундрах поселилися:
Нет машин да сухопотных,
Пароходов скороходных.
Как струиста речка быстрая
Ледочкамы покрылася —
Путь-дорожка заградилася.
Дождаться буду, беднушка,
Той вёснушки красивой
Да и летушка-то теплого.
Придет вёснушка красивая,
Пора-времечко разливное,
Как снежочки повытают,
Да ледочкикы повынесет
Со матушки быстрой реки,
Так пойду, бедна горюшица,
Я на пристань на казенную.
Дождаться буду, беднушка,
Я парохода скороходного,
Своего сына жадобного!
А в эту пору, в это времечко
Пришла весточка нерадостна:
Мое красное-то солнышко
Во больницах белокаменных
На столах лежит на мраморных!
Доктора-то немилостливы,
В них сердечки безжалостливы;
Они ножичком булатным
Режут, телушко бумажное
Моему сыну бажёному!
Ему там-то тяжелешенько,
Моему сердцу тошнешенько.
Я дома клубышком катаюся,
Сердце кровью обливаеця!
Вы найдитесь, люди смелые,
Распорите груди белые,
Посмотрите-тко у беднушки
На ретивоем сердечушке,

Там чернея чёрна ворона,
Посизея сиза голубя,
Запеклось да заварилось,
Всё сердечко истоцилось!
Как умом было не думано,
Что придёт зябель на сердечушко.
Как пред сего было, до этого
Как не думано, не гадано,
Как жена я, жена мужняя,
И ничем была не нужная,
Не видала я, беднушка,
Я в хлебе недопашечков,
В житье-жире недостаточков;
Было хлебушка но выпашке
Милых детушек по участи.
Уж тут нежданно да нежданно
На нас бедушка свалилася,
Да несчастье случилось!
Как одно у мня, единое
Тепло-красно мое солнышко,
Така болюшка случилася,
Отнялися резвы ноженьки
Уж тому времечка годов десяточек!
Как я ездила, смыкалася,
Я с расходом не считалася,
Городов я не боялася,
Волоков я не страшилася,
До людей я домогалася,
Людам в ноги поклонялася,
Всё здоровья добиралася
Своему сыну бажёному!
Уж я на то теперь решилася —
На его на вольну волюшку,
И отправила бажёного
На чужу-дальню сторонушку!

560

ПЛАЧ СВЯТОЗЕРСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ
ПО РЕКРУТУ

Ты прощай-ко, мое рожоное милое дитятко,
Моя любимая удалая наживная головушка! *
Как обневостили тебя не в норушку, да не во времечко,

Моего полетного, ясного сокола,
Из-под моего правого крылышка!
Ты пойдешь, моя любимая, удалая, наживная головушка,
На чужую-дальнюю сторонушку,
Что ль по дальней широкоей дороженьке;
Шириной дорожка тридцать сажень,
Долиной дорожка — конца краю нет!
Ты вспомни-ко свою любимую домашнюю крестьянскую
жирушку,
И ты вспомни-ко меня, престарелую многопобедную
головушку!
И как придут-то честные годовые воскресные
владычные празднички;
И как наступят любимые веселые крестьянские
гуляньица,
Хороводы да игрища;
Как пойдут-то молодые, удалые добрые молодцы,
Что ль твои ли сотоварищи;
Уж как я, многопобедная головушка,
Я, горюша горегорькая,
Как я сяду-то под свое любимое косящато окошечко,
Я покукую кокушицей,
И как вспомню про тебя, мое рожное дитяtko,
Моя наживная, удалая головушка,
Мое солнышко закатное,
Моя звездочка ненаглядная!
Ты не дай-ко, боже-господи,
Нам живого расставаньица
С моим милым-любимым дитяtkoм!
И как есть-то мне тошнешенько,
И как есть-то мне больнешенько,
Моему сердцу ретивому!
И как придет-то теперь времечко,
Что ль весна придет да красная,
Придет летушко ли теплое,
Как-то встану я, многопобедная головушка, *
Со своим со малым рожным дитяtkoм?
Как я стану обрабатывать
Свою землю хлебопашеством,
Свои поженки прокосные *
И луга-нивы продольные,
Все поречья и все заречья,
Все мелки кусты-кустарнички,
Все лазуревые алые цветики?
И ты, любимая удалая головушка,

Ты уведошь меня бедную,
Мать, горюшу горегорькую,
Писемцом либо грамоткой.
Или ласковым словечушком!
И ты не помни, мое милое,
Всех житейских моих грубостей;
И ты вспомни-ко, роженое,
Мои ласковые словечушки!
И как я, многопобедная,
Я, горюша горегорькая,
Попрошу царя небесного
И земного вседержителя,
Чтоб открыл он тебе ученьице
И всю службу государеву!

561

ПЛАЧ
ПО СЫНУ-РЕКРУТУ

Систь было мне, горющице,
Бедною да горегорькою,
Мне под красное окошечко,
Мне на лавочку дубовую,
Ко прибоинке кленовою,
К своему да сыну милому,
К сыну милому-любимому,
Мне в остатние, в послидние!
Уж ты, мило мое дитятко,
Ты несчастное родилося,
Бесчастное да бесталанное!
Куды спешисься да торописься
Изо свóего ты дому благодатного,
Изо светлой изо светлицы,
Из новы́й да новы горницы?
Без тебя, да мило дитятко,
Отемнеет светла светлица,
Опустает дом-подворьицо!
Ты подёшь, да мило дитятко,
Не в любимую да путь-дороженьку,
Не в любимую — во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,
Ты во службу-то во царскую,

Во царскую да государскую,
Во солдаты новобраные!
Так ты послушай, мое дитяtko,
Что я тебе буду наказывать,
Пословéчно наговаривать:
Когда стоскнётся тебе сгорюхнется,
Как ты подёшь, да мило дитяtko,
На ученье то великое,
Так примечай-ко, мое дитяtko,
Со которые сторонушки
Так подует ветер буйной-от:
Как с полуденные * подует-то,
Так гляди-тко письма-грамоты
От мёня-то, от горюшицы;
Так напишу я, бедна горькая,
Напишу письмо-грамоту
Я не на гербовой бумаге,
Не пером да не чернилами —
По горю да горючим слезам!
Ты возьми, да мило дитяtko,
Ты возьми да письмо-грамоту,
Ты возьми да на белы руки,
Ты прижми да к ретиву сердцу,
Что пришло мне письмо-грамотка
С моей родимы стóроны
От родимыя от матушки,
От кормильца-то от батюшка,
От соколов от братьев милых,
От голубушек милых сестер,
От соседей от соседушек
И от соседних милых детушек!
Ты скажи-тко, мое дитяtko,
Когда посулишься в дорогí гостí —
О господнем о праздничке, —
Поутру ли ты ранёшенько,
Ввечеру ли ты позднёшенько
Или сёреди бела дня?
Так я буду ждать да дожидатися,
Выходить буду частешенько
Я на красное крылечушко;
Я глядеть буду поглядывать,
Что нейдёт ли мое дитяtko
Из дальние да из дороженьки,
Из городов-то понизовниих,

Вышивка «Древо жизни». Псковская губ.

Ковш-скопкаръ. Начало XIX в. Вологодская губ.

Глиняные миски. Начало XX в.

Прилка с «Посиделками». XIX в. Вологодская губ.

Доце прялки. XIX в. Нижегородская губ.

Лубочная картинка «Семик». 1845 г.

Лубочная картинка «Не брани меня, родная».

Свадебный шкафчик. Конец XVIII — начало XIX в. Север.

Свадебный костюм. XIX в. Воронежская губ.

Каргопольские глиняные игрушки. 1930-е гг.

Соломенные куклы. XIX в.

Деталь резного фриза дома — «Русалка». XIX в.

Медный гребень. Бляха коновала. XIX в. Север.

М. К. Дмитриева, «Весна в царстве Берендеев». 1957 г.
Мстерская лаковая миниатюра.

И. В. Маркичев, «Косьба». 1926 г. «Жатва». 1926 г.
Палехская лаковая миниатюра.

«Гулянка в Екатерингофском саду». XIX в. Костромская вышивка.

Понизовниих украинниих,
Из солдатов, новобранных?
Ты простись, да мило дитятко.
Ты с соседям и с соседушкам,
И со красным со девушкам;
Поблагодари, да мое дитятко:
На беседе на смиренной
Как оне тебя да прилещали, *
Неприятным словам да называли,
Оне некрутом * считали!
Как ты придёшь, да мило дитятко,
Во свой во дом да благодатной-от,
Ты придёшь больно не весёл,
Буйну голову повесил!

562

ПЛАЧ
ОБ УШЕДШИХ В СОЛДАТЫ

Уж вы большие птички, не маленькие!
Уж вы слетите, серенькие пташечки —
У вас маленькие легонькие крылышки, —
Уж на чужую вы красну сторонушку,
Во неверную земелюшку,
На восход красного солнышка!
Уж вы слетите, серые пташечки!
Вы снесите-ка, письмо-грамоту
Вы уда́лым нашим головушкам! *
Расскажите, маленькие пташечки,
Вы уда́лым нашим головушкам,
Что это писано у нас, горемычных,
Не пером и не чернилами,
А всё писано горючими слезами!
Еще спросите, серые пташечки,
У уда́лых головушек про их житье несчастное,
Несчастное, про военное:
Что позагнаны удалы головушки
Во чужую-то дальню сторонушку,
Разлучёны они с молóдыми женами
И со своими-то малыми детушками!
Они не слышат там и не звона-то колокольного,
И питья-то не пьют церковного,

Не в своих они живут горницах,
Да не на мягких спят постелюшках,
Не на пухóвых-то подушечках!
Жалко удáлых нам головушек,
Что они мыкáют горе лютое!

563

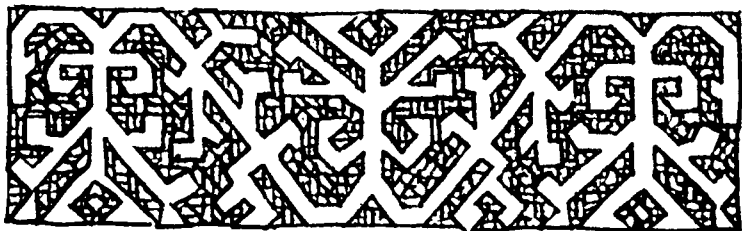
ПРИЧЕТЬ СЕСТРЫ ПО БРАТУ,
ИДУЩЕМУ В СОЛДАТЫ

Соколочек да милой брателко,
Ты куды да наряжаешься,
Ты куды да сподобляешься,
Во какую да путь-дороженьку?
Не в любую да подороженьку,
Ко судьям да немилóстливым,
Как к сердцам да нежалóстливым.
Как заведут, да сокол брателко,
Во присусьё да великоё,
Как поставят, да сокол брателко,
Тебя под мерушку казенную,
Станут брить, да сокол брателко,
Всё твои да всё русы кудри, —
Поваляться да русы кудри
Со буйные головушки,
Как у тебя, да сокол брателко,
Твои да всё русы кудри!
Как на каждой волосиночке
По горячей по слезиночке!
Как прилетала да птичка-пташечка
Ко косявчету * окошечку,
Как будила да птичка-пташечка
Соколочка да мила брателка,
Воспевала да птичка-пташечка
Слезяно да очень жалобно,
Как залетала да птичка-пташица
Как во светлую да свѣтлицу,
Как садилась да птица-пташица
На зголовьицо высокое,
Как будила да птичка-пташица
Соколочка да мила брателка:
Полно спать да высыпатися,

Пора ставать да пробуждаться,
Всё во путь да во дороженьку
Как тебе да наряжаться,
Всё город да во Кириллово,
Ко судьям да немилостливым,
Ко сердцам да нежалостливым!

ПЛАЧИ-ПОЭМЫ И. А. ФЕДОСОВОЙ

И. А. Федосова (1831—1899) была прекрасным знатоком и великолепной исполнительницей севернорусской причеты. М. Горький называл ее «великой народной поэтессой». Она родилась в деревне Сафроново Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, расположенной в средней части Заонежского полуострова, вдающегося с севера в Онежское озеро. Заонежье — край, известный крупнейшими исполнителями русского эпоса (былин), знаменитыми памятниками севернорусской архитектуры (Кижы и др.), прекрасными исполнителями русских народных песен и сказок.

Родители Федосовой были государственными крестьянами, приписанными к Олонецким горным заводам. Рано приученная к крестьянскому труду, она вместе с тем с 12—13 лет начала подголосничать на свадьбах и быстро приобрела известность в окрестных деревнях, а затем и по всему Заонежью.

В 1867 г. И. А. Федосову разыскал в Петрозаводске, куда она переехала, выйдя замуж за столяра Я. И. Федосова, Е. В. Барсов и записал от нее множество причитаний, изданных позже — в 1872—1875 гг. — в трех томах получившего мировую известность сборника «Причитанья Северного края». Об ее талантливых импровизациях писали журналисты и ученые, известные литераторы черпали в ее творчестве свое вдохновение (Н. А. Некрасов в главе «Крестьянка» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», П. И. Мельников-Печерский в романе «В лесах», М. М. Пришвин, А. Т. Твардовский и др.).

В 1895—1899 гг. Федосова много раз выступала с исполнением песен и причитаний в концертных залах Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Казани. В эти годы ее слушали А. М. Горький, Ф. И. Шаляпин, Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, крупнейшие филологи того времени —

А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин, Л. Н. Майков, А. И. Соболевский и др.

Ф. И. Шаляпин вспоминал о Федосовой через три десятилетия в книге «Страницы моей жизни»: «Она (Федосова.— К. Ч.) вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг понятна стала глубокая прелесть народного творчества».

Неоднократно писал о И. А. Федосовой А. М. Горький. В 1896 г. он был на ее вечере в зале Нижегородской художественно-промышленной выставки и написал два очерка о ней, а позже изобразил ее в одном из эпизодов в романе «Жизнь Клима Самгина».

Причитания, записанные от И. А. Федосовой, представляют собой блестящие примеры перерастания обрядовых плачей, обычных в старом крестьянском быту, в плачи-поэмы — развернутые и часто сюжетные тексты, полные общественного смысла и значения. Особенно хорошо видно это в «Плаче о старосте», «Плаче о писаре», «Плаче о потопших» и «Плаче о попе-отце духовном». В них речь идет о крестьянских заступниках — старосте, писаре и сельском попе, близком к крестьянам, — объединенных одной чертой — в тяжелые годы крестьянской реформы 60-х годов XIX века они пытались как умели и как могли заступаться за терпящих бедствие крестьян.

Не подлежит сомнению, что за каждым таким плачем-поэмой стоял вполне реальный и конкретный случай. Это подтверждается, в частности, полицейским сообщением о гибели в Онежском озере двух крестьян, которых оплакала И. А. Федосова в «Плаче о потопших», или в такой же мере отзвуками Крымской войны 1853—1856 годов в «Плаче о солдате, прибывшем на похороны отца».

ПЛАЧ О СТАРОСТЕ

Вопит старостица:

Спаси, господи, спорядных * суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надёжную головушку —
Уж вы старосту-судью за поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,

Он стоял по вам стеной да городо́вой *
От этих мировых да злых посредников.
Теперь всё прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдёт мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писа́ному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступа́ет;
Вопота́й * у недоростков он выведывает,
Уж нет ли где корыстного делишечка.
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной.
Он затопает ногама во дубовой пол,
Он захлопает рукама о кленовой стул,
Он в похóдню по покоям запохаживает,
Точно вехорь во чистом поле полётывает,
Быдто зверь да во темном лесу порикивает;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,*
Он без разуму рукой ему приграживает,
Сговорит ему посредник таково слово:
«Что на ям * да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки *
Всё для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скорёнько постукается
Он у этих суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровёшенько:
«Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму́ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами сходите, крестьяна, признаете,
Со каким да он приехал со известицем,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчётна придержалася,
Аль цветно его платье притаскалося,

Аль козловы сапоги да иритопталися?»
Тут на скоп * да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь * его бранят да проклинают.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете всё новольку * мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко,
Мужичоночки дробят * да всё поглядуют —
Ужель морюшко синё да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уж так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае,
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай снеси во младую головушку,
Суровства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возышайся-тко:
Едины да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злачёные;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, — приусядешься!
Окол ночи мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессчетную!»
Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенские,

Что ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-падара * теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло —
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба * мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку * с радости теперь да со весельица,
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да всё накланялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в божью церковь посвященную
О владычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как зглянут во подлётную сторонушку,
Тут защежит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя родима наша стóрона,
Наша славна сторонá Новгородская!
Когда Новгород ведь был не разореной
И ко суду были крестьяна не приведены,
Были людюшки тогда да не штукавые,*
Не штукавы оны были — заиростейшие;
Как судьи да в тую пору не молóдые,
Пожиты * да мужики были почётные,
Настойсливы * оны да правосудливы,
Были добры у их кони иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде што да в прежни врéмена случалося,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеж дý-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,

По суду ли-то тенеречко но божьему,
 По этим ли законам праведливым.
 Ты вре́мечка прошли да не вида́юча,
 Ты годы скоротались не слыха́юча!
 Наступили бусурманы превеликие,
 Разорили оны славный Новгород!
 Все тут при́дались в подсиверну сторонушку
 На званы острова да эты Кижские,
 Во славное во обчество во Толвую...
 Послыхайте словеса наши старинные,
 Заприметье того, малы недоросточки!
 Уж как это сине морюшко сбущуется,
 На синём море волна да порасходится,
 Будут земские все избы испражнятися,¹
 Скрозекозные * судьи да присылатися;
 Все изменятся пустыни богомольные,
 Разорятся все часовенки спасенные!»
 Кругом-около ребята обстолпилися,
 Как на этих стариков да оглядилися,
 Ихних ричей недоростки приослухались;
 Кои умны недоросточки, приметные,
 Оны этии слова тут принимали
 Об досюльных * законах постоянельных.*
 Об досюльном житье новгородском.
 Сволновалось сине славное Онегушко,
 Как вода с песком помутилася!
 Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
 «Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
 Как у старых стариков было рассказано!»
 Тут мы думали с надежной головушкой: *
 «Как пропитывать сердечных малых детушек?
 Накопилася станичушка детиная!» *
 Говорила я надежной головушке:
 «Да ты съезди-ко на малой этой лодочке
 Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
 Наживи да ты, надежа, золотой казны,
 Да мы куним-то довольных этих хлебушков,
 Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
 Как во ту пору теперь да в тое времечко,
 Как по той почтовой ямской дороженке
 Застучало вдруг копыто лошадиное,
 Зазвонили тут подковы золоченые,
 Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,

¹ Здесь — уместь.

Засияло тут седёлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётыват, —
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревенские ребята испугались,
По своим домам оны да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,*
Быдто зверь точно на упадь * во темном лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася, —
Да куда ж мою надежу * одевают?
Я спросила у спорядовых суседушек,
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горюша, не спугалася.
На спокой да легли добры эти людюшки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-временчко
Он схватил его с луговой этой поженки,*
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил господних божьи дёнечка.
На четыре он на летных эти ноченьки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,*
Я глядеть да на детины горючи слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку *
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася.
Ворочáлся как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий смерётушка стретала! *
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице, —
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому * сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!

Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слёзы детей малых!

565

ИЗ ПЛАЧА О ПИСАРЕ

Вопит кума:

Отли пилися * заступы-заборонушки!
Как те стало нонь стены да городской,*
Приукрылся писарёчек хитромудрой
Она за матушку сыру землю!
Зкуле все да мы, крестьяна, сухотуем: *
Зуди проклято велико это горюшко,
Зуди проклята злодийная незгодушка!
Как то тынешним годам да по бедовым
Луше на свет человеку не родится;
Много страсти-то теперь да много ужаси,
Как больше того великих пригрозушек!
Наезжают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки,
До последней-то оны да лопотиночки! *
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Со досадой этим горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досюльны времена было годышки —
Жили люди во всем мире постатейные,*
Оны дү-друга люди не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не местечко —
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!
На высоки эти щельи * горе бросилось,
Но и тут было горюшку не местечко —
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя из-за гор да объявилося!
Уже тут злое горюшко кидалося
В окян сине славно оно морюшко,

Под колодинку оно там запихалось —
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась.
Как в досюльны времена да в прежни годышки
В окиян-море ловцы да не бывали.
Чего на́ слыхе-то век было не слыхано,
Чего на́ виду-то век было не видано —
Прошло времечка с того да не со много, —
В окиян-море ловцы вдруг пригодилися:
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковые,
Проволо́ки * оны клали-то пеньковые,
Оны плу́тивца * тут клали всё дубовые,
Изловили тут свежу оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек!
Точно хвост да как у рыбы лебединой.
Голова у ей вроде как козлиная.
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры молодны:
По приметам эта рыба да как щучина.
Поскорешеньку ко бережку кидалися.
На дубовой доске рыбу пластали,
Распоролы как уловну свежу рыбоньку —
Много множество песку у ей приглотано.
Были сглонуты ключи да золоченые!
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селение,
Всем суседам рассказалися,
Показали им ключи да золоченые.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко божиим церквам —
По церковным замкам ключи не ладятся:
По улочкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым —
И по лавочкам ключи не пригодилися.
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
По тюрьмам пошли заключевным —
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко великое.
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не успели тут ловцы — добры молодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;

На чистом поле горюшко садилось
И само тут, злодийно, восхвалялося,
Что тоска буде крестьянам неудольная!
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,*
Овдовило честных мужних молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилось —
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-инеем оно да там садилось,
Над зеленым лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось.
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людушках.

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна,
Може, станешь у престола у господнего,
Ты поробскажи владыке — свету истинному
Ты про обчество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешенья,
Как больше того е в мире огорченья:
Хоть новыстанем по утрышку ранёшенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое!
Зло несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами, злодийно, черным вороном,
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
«На белом свете я расноселилося,
До этих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются,
Не надияются досады, принавидятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людушки как море колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушёные,
Вся досюльщина * куды да подевалася,

Вся отцовщина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь стоги перегóдные,*
Не насыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимных у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
Ты порóсскажи, крестовой милой кумушко,
Ты порóсскажи владыке многомилостливу,
Что неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно * их ретливое сердечушко,
Точно лёд как во синём море;
Никуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Всё доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле!
Во конец оны крестьян всех разоряют!
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московские
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

566

ИЗ ПЛАЧА О ПОПЕ-ОТЦЕ ДУХОВНОМ

Вопит соседка:

Как сегодня, сего денечка,
Сего денечка господнего,
Что за чудо причудилось,
В мире диво предъявилось:
Уж как звон теперь мешается,
Церковь божья-то шатается;
Наш священник трудным трудится,
С белым светом расставается.
Во обиды * тут крестьяна собираются,
Межу собой оны да думу думают:
Уже нет, да таковá попа не видано,
Больше не видать священника хорошего!
Не упьянслива он был, да поп, головушка,
Примерная душа, благочесливая;
Он рачитель до участков деревенских был,
Всегда кехтал * на крестьянскую работушку!
Как на чистых он полюшках похаживае,
Так подрысничек от ветрышка подмахивае.
Он старатель был до церкви богомольной,

Он служил всегда обидни-то по правилу,
Он заутрены по божьим по законам;
Начало полагал он по-писаному,
Божью книгу читал да умильнешенько;
Здымал рученьки он свыше го́ловы,
Всё молился о нас да он о грешных;
Как головушка его да посвященная,
Права рученька его благословленная.
Он предоброй был отец да поп духовной:
Что случится ли при трудной постелюшке
Аль тяжелая родимица объявится,
Хоть там по́шлют недоростка невеликого,
Среди да этой тёмной пошлют ноченьки,
Беспокоят хоть попа-отца духовного,
Поскореньку от крепку́ сну пробуждается,
Суровешенько в одежду одевается,
По закону-то берет ризу священскую,
По читанью-то берет да книгу божью;
Приезжает он, священник, среди ночи,
Говорит этот священник потихошеньку,
Отпирает он книгу полегошеньку;
Буде малой тут благоденец тяжелёшенек,
Проведет да он в веру во крещенскую,
Во крещенскую он веру христианскую.
Говорят да тут крестьяна православные:
«Спаси, господи, попа-отца духовного,
Что трудился он во темной этой ноченьке,
Не страшился ни погоды он, ни па́дары».*
Заносило хоть нуть-ши́року дороженьку,
Хоть проезду нет во санках самокатных,
Он закону-то, отец, не поступае,*
Среди ночи́ крестьян да он ведь слушае.
Буде что да у крестьянина случилось,
Хоть беда ему на грех да сочинилася,
Он к духовному отцу тут приезжает;
Сговорит ему крестьянин такову речь:
«Куды хошь клади, отец да поп духовный,
У нас теперь незгодушка случилася,
Мало дитятко на лавочке убилось!»
Стане по́ избы священничек похаживать,
Он не грубно-то, священник, выговаривать
И с простым-то мужичком да разговаривать:
«Вы как это дитё не досмотр́или?
Со белых ли вы рук да урон́или?
Говори да ты, крестьянин, не мешайся-тко,

Ты попа-отца, меня, да не пугайся-тко,
Ты скажи да мне по правде всё, по истине,
По закону ты скажи да всё по божьему,
Ты отцу да мне не скройся-тко духовному!»
Говорит да тут крестьянин православной:
«На работе в то я время прилучился,
Ко мне детушки во поле прибежали,
Потихошеньку про горе рассказали;
Я пришел как во хоромное строеньице:
Стоит мать да над дитём тут погибае,
Сама горьки она слезы проливае!»
Воспрогóворит же поп-отец духовной:
«Что поделаем, крестьянин православной,
Мне-ка жаль тебя, дитё моё духовное,
Ужо как тебя будет сохранить,
От великой беды мне оградити?
Не проведали б судьи неправосудные
Про твою беду-незгòду про великую!»
Тут крестьянин ему в ноги поклоняется,
Испрогóворит ему да таково слово:
«Сохрани да нас, батюшко, помилуй,
От изьяну, от напасти от великой,
От судей нас сохрани неправосудных!»
Говорит да тут поп-отец духовной:
«Снаряжусь к вам во хоромное строеньице,
Возьму книгу я под правую под пазушку,
Во леву руку я тросточку камышеву».
И скоренько сам подрясник накидае,
Он поповску черну шляпу надевае,
На добра коня священничек садится
И попрежде в путь-дорожку поспешает,
Вперед-то едет крестьянина он бедного;
Приезжает ко крылечику скорёшонько,
Проходит во хоромное строеньице,
Уж он крест кладё, священник, по-писаному,
Он поклон ведё священник, по-ученому
Поклон первой пресвятой да богородице,
Он еще поклон большухам подомовым;
И сговорит да тут священник таково слово:
«Вы заприте-тко двери поскорёшенько,
Вы издуйте огонька да суровёшенько,
Затопите-тко свечу да воску ярого:
Быдто дитятко буде исповедано».
Говорить стане священник, всё наказывать,
Потихошеньку ведь нас да уговаривать:

«Вы не бойтесь-ко, крестьяна, не полохайтесь;
Уж дам вам свое рукописание,
Я избавлю от напасти страховитой,
От убытку, от изъяну от великого!»
Тут прознали то судьи неправосудные,
Пришел староста теперь да со рассыльными,
С писарёчком пришел он с хитромудрым.
Стали спрашивать оны, с ума выведывать:
«Что сдijалось у вас да сочинилось?
Не болело у вас дитё, не хворало,
Ужо как да у вас вскоре оно померло?
Говорите-тко вы нам да не маните-тко!»
Тут страшать стали крестьянина, полохать: *
«Донесем да мы начальству про то вышшему!»
Задумался крестьянин православной,
На священского попа он опирается,¹
Уже этой он бумагой оправдается.
Сговорит еще власть немилосердая:
«Ты купи нам полуштоф да сладкой водочки.
Уже дай да золотой казны по надобью.
Тут повирим мы попу-отцу духовному,
Мы забросим все дела да уголовные!»
Тут пойт их крестьянин сладкой водочкой,
Он дарит их золотой казной по надобью:
Запоходят² мироеды голопузые
Со этого хоромного строеньица.
Сговорит да тут крестьянин со большухами:
«Спаси господи попа-отца духовного,
Что сохранил да от беды он нас помиловал,
Что придал он ума-разума в головушку!..»

В конце отпевания:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Много-множество попов стоит духовных,
Еще больше е причётен-то церковных;
Все сокручены во ризах во опальных,
Погребеньице поют да уныльнёненько.
На гробу да эта риза золочёная,
На белых грудях книга эта божья,
Кругом-наокол подсвечники злачёные,
Все зажганы свечй да там наместные,
Много-множество народу людей добрых
Сожалиют-то попа-отца духовного;

---

¹ Здесь — ссылается.

² Здесь — уйдут, уберутся.

Все забросили крестьянскую работушку,
Проводить пришли служителя церковного.
Вы простите-тко, мир да всё вы обчество,
Вы простите-тко попа-отца духовного!
Во подсвечниках свечѣ уж потушают,
Херувимские стихи уж допевают;
Все попы-отцы теперечко прощаются,
К телесам оны его да прилагаются!..

567

ПЛАЧ ПО ДОЧЕРИ

Как сегодня долгим годышком
Перед этой злой обидушкой
Унывало всё ретливое сердечушко
У меня, да у позяблой * бедной матушки!
Говорила мне-ка белая лебёдушка: *
«Я не знаю же, родитель мой межонной день,
Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
Что устали нонь девочьи мои рученьки,
Изменился белой свет да со ясных очей!
Хоть дождусь-то я тёмной этой ноченьки,
Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
Всё болит да моя буйная головушка!
Ты будить придешь, родитель жалостливая,
Кое-как да на постели я размаюся,
Погляжу тут на косевчато * окошечко:
Виют витрышки на широкую на уличке,
Погодушка * стоит во чистом поле!»
Я не знала, бедна мать, горька детиная,
Что разлукушка с сердечным буде дитятком!
Было совестно сказать да во добры люди,
Что грузна-больна * белая лебёдушка!
Тут по моему великому несчастьицу
Вдруг склонило ю тяжёло неможеньнице,
Сустигала злодий скоряя смерётушка;
Я сидела тут по темным у ей ноченькам,
Провожала с ей господни белы денечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих рученьках.
Говорить да стала белая лебёдушка:
«Не могу сидеть, родитель жалостливая,

Не глядят да ясны очушки на белой свет,
Я трудным * да нонь, лебёдушка, труднёшенька
Приносить стану тут ествушки сахарние,
Стану потчевать сердечно свое дитяtko:
«Чего хочешь, моя белая лебёдушка,
По уму сложу те питьица медвяные!»
Говорить стане сердечно мило дитяtko:
«Не спешишь, моя родитель жалостливая,
Не ходи да ты во лавочки торговые,
Не бери ты мне-ка сладкого еденьица,
Ты не трать, моё желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этих людюшек,
Не труди * меня при трудной постелюшке;
Простит господи в великом согрешеньице,
Може, даст господь доброго здоровьица
И наставит мне-ка долгого он векушку!»

Уже день за днем как река течет;
Приходить стала разливи красна вёснушка,
Стало синее Онего разливаться,
Мое дитяtko от нас да удалятися.
Быв как дождички уходят во сыру землю,
Как снежочки быдто тают кругом-наокол огней,
Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитяtko от нас да укрывается!
Как светел месяц поутру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебёдушка
На иное, безвестное живленьице!

Когда оденут:

Ой, долит меня детская тоска неугасимая:
Нонь крутят * мою косату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю во платьице!
Я пойду с горя во светлую светёлочку,
Со обиды по ларцам я окованным,
Я повыну ейно цветно это платьице,
Приложу да ей на белые на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на младу ей головушку,
По подвесточке розову косыночку;
Я заглажу ейны русые волосушки,
Уберу да я завивну ейну кóсыньку
В дорогие золотые эти ленточки;
По русой косы кладу цветы алые,
Я накину тут соболью эту шубоньку

На девочьи ей на белые на плеченьки!
 Полюбуйтесь-ко, род-племя любимое,
 Покрасуйтесь-ко, советны-дружны по́дружки,
 Со сторон глядя, суседи снарядовые!
 Ой, тошным да мне, победной, тошнёшенько!
 Не цветно́ ноньку басисто * на ей платьеце,
 Не приляже к ей жемчужная подвесточка,
 Ю не греет-то соболя ноньку шубонька!
 Убирают мою белую лебёдушку
 Во эту нонь колоду белодубову! *
 Не жалею я, победная головушка,
 Ни этой пуховой я перинушки,
 Ни эта соболина одеяльица;
 Устелите-тко перину хорошоохонько,
 Вы оденьте-тко лебёдушку теплешенько,
 Отрядите мое дитяtko любёшенько!
 Распоролы бы нонь грудь да мою белую,
 Посмотрели бы во матерну утробушку;
 Быв огнем мое сердечко разгоряется,
 Как смола кипит в несчастной утробушке,
 Ушибат столько злодийная обидушка!

К покойнице:

На полете лебедь белая,
 Ой, куда летишь, косатушка?
 Не утай, скажи, сугрёва моя теплая;
 Как пчела в меду, добротинка, купалася,
 Как скачён жемчуг по блюду рассыалася;
 У стола была любимая стряпёюшка;
 За ставом * да дорогая была ткюшка;
 За тамбуркою * досужа рукодельница,
 Вышивала всяки-разны полотенечки;
 Столько зарилися многи добры людюшки,
 Все ласкались удалы добры мóлодцы;
 Ведь наряжена, кажись, была покрутушка,
 Освобожена гостиная неделюшка;
 Говорили вси советны-милы по́дружки:
 «Счастливая ты девушка, таланная,*
 Цвётным ты платьем изнавешена,
 Тяжелой ты работой не огружена,
 Бранным ты словечком не огрублена;
 Вопрягú тебе ступистая лошадушка —
 Днем ездить по унылым но свадебкам,
 Ввечеру да но смиренным беседушкам!»
 Не начáлась ¹ я, горюша, не надиялась!

¹ Здесь — не надеялась.

«Сыто идется дитя, да долго выспится».
Хоть повыстану по ранному я утрышку,
Потиху́ приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Исусову молитовку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Я поглажу ю по мла́дой но головушке:
«Да ты спи же, моя белая лебёдушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!»
Знать что ведало ретливое сердечушко,
Что не долго буде ейного живленьица!
Как сегодным долгим годышком
Было раннее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно мило дитятко
Ходить-издить по унылым по свадебкам,
По летным ходить да по игрищечкам,
По зимным тихомерным бесе́душкам,
Тосковало за девочьим рукодельицем,
Быв в гостях да у породы именной.*
Не поспела бедна мать нолюбоватися,
На дитятко свое да насмотритися,
Воспокинула ю белая лебёдушка!
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чьё нас покидаешь доброумьице?

К родственникам:

Спасет бог вас, порода родовитая,
На вашем великом желаньице! *
Вы любили наливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебёдушку,
Почасту́ брали в любимое гостибице:
По этой студёной холодной зиме
Да вы пошлете крылата ясна сокола *
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатных.
Она гостыицей бывала двунедельной.
Почасту́ была беседницею воскресной;
Как приидет со любимого гостибища,
Всё хвалилося сердечно мое дитятко:
Было мистечко во светлой, ска́же, светлице,
Мне почет-то был, ска́же, во большом углу!
Вы на улице голубоньку стретали,
Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питьица составлены,

По рукам ей красна ложечка положена!
Теперь всё прошло-миновалось,
С родом с племенем она порассталася,
С отцом с матушкой распростилася,
Нонь далече от породы отшатилася!
Не приидё к вам белая лебёдушка
На гостиную уречную * неделюшку!
Еще слушай же, порода именитая!
Попеяю вам, любимы милы сроднички!
Столько гневалось сердечно мое дитятко,
Как лежало при болезной постелюшке —
Не пришли вы к ей, белой лебёдушке,
Засмотрить * да вы при крутом ю зголовнице.
Знать, боялись вы тяжёла неможенница,
Устрашились, видно, скорой вы смерётушки?
От суда божья, род, да мы не денемся,
От смерётушки ведь нам да не убегать!
Знать что нёвесто вам было не вестимо
Про ейно тяжёло неможенница?
Памятила моя белая лебедушка,
Сожидала крепко милых она дяденек! *
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебёдушка,
Тяжела она, при скорой смерётушке,
Не посмíли вы, спацливы, прийти, дяденки,
Подоброумить * мою белую лебёдушку;
Что вы по́долгу теперь снаряжаетесь,
Что вы потиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, по́рушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,*
Что вам не было слободной поры-времечка
К нам придти о владычном божьем праздничке,
Ни о светлом Христове воскресеньице?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?
Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?

Цветно платьицо у вас да приносила? ¹
Поразгневалась белая лебёдушка
На вас она, спацливых * своих дяденек,
Сожидаюча родима засмотреньца;
Была в живности белая лебёдушка,
Говорила мне, печальной головушке:
«Засмотрили б как спацливы меня дяденки,
Принесли бы оны доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжёла неможеньца,
От этого я складного зголовица!»
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дитятка
На вашей прогульной славной улочке
Владычной господен буде праздничек,
Там гульбищечко * буде со прокладбищем, *
Гуляньце буде со весельцем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые, *
Тайны милые советны-дружны по́дружки,
Оны к вам во любимое гостибицо, *
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки-разны будут игры преставлять,
Тут вспомните сердечно мое дитятко
Вы при милых, советных ейных по́дружках!
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные,
Взвеселяла вас, спацливых родных дяденек,
Спотешала всё сердечных ваших детушек!

При выносе:

Ты прощайся-ко, рожёно мое дитятко,
С добрым хоронным построеньцем,
Ты со новой любимой своей горенкой,
Со этыма милыма подруженькам,
Со этыма удалыма ты молодцам!
Вы простите, жалостливы милы сроднички,
Ты прости-прощай, порода родовитая!
Ко белому лицу прикладывайтесь-ко,
Ко сахарним устам прилагайтесь-ко!
Вы простите-тко, поля хлебородные,
Вы раскосисты луга сенокосные!
День ко вечеру последний коротається,
Красно солнышко ко западу двигáется,

¹ Здесь — износила.

Всё за облачку ходячую теряется,
Мое дитё в путь-дорожку отправляется!
Вы идите-тко, попы-отцы духовные,
Отомните божьи церкви посвященные!

После отпевания:

Наглядитесь-ко, победны мои очушки,
Хоть во этой божьей церкви посвященной
Про запас вы на сердечно мило дитяtko,
Во умершее во бело это личушко!
Все попы-отцы духовны сдивовались,
Пономарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаются!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под нраву руку бумагу кладавают,
На вековое живленье отправляют!
Спаси господи попов-отцов духовных,
Что священные вы церкви отмыкали,
На престоле божью книгу отворяли,
Не жаліли вы свечи да воску ярого,
Вы подсвечники на церковь выносили,
Честно-іменно лебёдушку отпїли!
Как берут да мою белую лебёдушку
Со этой дубовой со скамеечки
На правó плечо удалы добры молодцы,
По левó плечо советны-дружны подружки;
Тут несут оны колоду белодубову
Со этой божьей церкви посвящённой
На крещенскую на славну оны уличку,
На эту на микольску славну буяву;
Опускают мою белую лебедушку
По этим оны браным * полотенечкам
Во могилушку, мой свет, во сыру землю!
Я прошу еще попов-отцов духовных,
Вы глубоки погреба покадите-тко,
Не жалийте демьяна * да вы ладану!
Ты прости, моя белая лебедушка,
Во сем меня веку да веку будущем,
Ты во тяжком великом согрешеньице,
Буде слóвечком тебя да приогрубила!
Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое дитяtko,
Как раздать куды любимая иокрутушка.
Сотлийет нонь в ларцах да цветно платьеце,
Забусійют * жемчуги нонь перебранные!

Я кладу ейну жемчужную подвосточку
Во эту божью церковь посвящённую,
Ко этой пресвятой да богородице,
Я своей души кладу да на спасенье,
Я по дитятке на вечно поминание;
Все шелковые платочки заграничные
Я раздам да по удалым добрым мóлодцам,
Пусть-ко держат о владычных божьих
праздничках,
Пусть-ко носят кругом шеи молодецкой!
Я все алые девочки ейны ленточки
По душám раздам по красным по девушкам.
Пусть спасают оны белую лебедушку,
Взвеселяются на тихих бесёдушках!
Раздарю да я колечка золоченые
По милым, сердечным ейным пóдружкам,
Пускай носят-то на белых оны рученьках,
Поминают свою дру́жну разговорщичку!
Я подóбрю * всю породу родовитую,
Я полажу всех сердечных милых сродничков,
Сарафаны я раздам им мелкоскладные!
Вы придите, сироты да бесприютные.
Вы обидные все дочери безотные!
Я дарю да вас по розовой косыночке,
Я за то дарю, обидных вас головушек,
Что сиротки вы победны-бесприютные,
Вам не от кого ждать себе покрутушки! *
Я еще дарю вас, белых лебёдушек,
За ваше за великое желаньице,*
Привитали * вы к косатой моей ластушке.
Засмотрели во болезной ю постелюшке,
Взвеселяли во тяжелом неможеньице,
Проводили вы косату мою ластушку
До этой божьей церкви посвященной,
Вы несли да ю на белых своих рученьках,
На своих несли на младых головушках!
Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
Вы ходите-тко к победной мне скорёшенько,
Засмотрите-тко, позяблю,* частёшенько.
Во обидушке меня разговорите-тко;
Погляжу на вас, победная головушка,
На свою да как я белую лебёдушку!

ПОМИНАЛЬНОЕ ПРИЧИТАНИЕ ПО МУЖУ

Наедине, когда стоскуется, рыдая, приговаривает:

Мне пойти было, кручинной головошке,
 Мне во эти мелкорубленные клеточки,
 Мне-ка взять было ключи да золоченые,
 Отомкнуть было ларцы да окованные,
 Мне-ка вынять там жилеточки шелковые,
 Мне-ка взять да столько¹ цветно его платицо
 На свои мне-ка на белы эти рученьки,
 Приложить было ко блеклому ко личушку,
 Мне прижать было к ретливому сердечушку!
 Тут присесть было к стекольчату окошечку!
 Во руках держать да цветно его платицо,
 Поглядить да на восточную сторонушку,
 Мне ко этой божьей церкви посвященной,
 Поглядить да на путь-широку дороженьку...
 Тут не идет ли то надежная головошка,*
 Не оденется ль во цветно он во платицо,
 Не пойдет ли ко владычному ко праздничку,
 Не возрадуется ль ретливое сердечушко
 У меня, да у победной у головошки!
 Ты приди теперь, надёжная головошка,
 Единым теперь ведь я да единёшенька
 На сегодняшней господней божий праздничек.
 Я приму тебя за гостюшка любимого,
 Угощу тебя, желанную семеюшку!*
 Не могу дождать, кручинная головошка!
 Кладу платица на стопочки* точеные,
 Кругом-около, горюшица, похаживаю,
 Я по цветному по платицу подрачиваю.*
 Снаряжусь пойду, кручинная головошка,
 Ко этому владычному ко праздничку,
 Повзыскать пойду надёжную семеюшку
 Я во этих толпах да молодецких;
 Прибирать² стану, постылая головошка,
 Я но белому его да всё по личушку,
 Я по ясным его да ведь по очушкам,
 Я по желтым по завивным кудёрышкам,
 Я по возрасту, надёжу, да по волосу,
 По походочке его да по щеиливой,*
 По говорюшке его да по учливой.

¹ Здесь — только.

² Здесь — выбирать.

Не могу прибрать, кручинная головушка,
Не изо ста ведь я, да не из тысячи
Сопротив своей любимой семеюшки! *
Как пойтить мне ко владычному ко праздничку?
Подивуют мне-ка добрые ведь людюшки,
Что забыла, знать, любимую семеюшку —
Всё гулят да у владычных у праздничков
Во любимой во снарядной покрутушке, *
Знать, приманиват удалых добрых мóлодцов,
Знать, на радости она да на весельице.
Нонько годушки пошли да всё бедовые.
Как бессовестной народ пошел мудрёной!
Пораздумаюсь, победная головушка,
Отложу да я, горюша, божьи празднички,
Буду господа-владыку ведь я знать,
Поминать стану любимую семеюшку,
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке!
Знать, судьба моя, горющицы, несчастная,
Горька участь-то моя, знать, бесталанная,
Видно, жить мне без надёжной век семеюшки,
Знать, корóтать мне, горюше, свою молодость!
Мне не дать спеси во млáду во головушку,
Суровьства да во ретливое сердечушко,
Мне в веселый час, горюше, не смеяться,
Мне кручинной быть, горющице,— не плакать;
Светов братцев не гневить надо,
Богоданных сестриц да не сердить надо!
Я без ветрышка, горюша, нынь шатаюся,
На работушке, победна, призамаюся;
Надо силушка держать да мне звериная,
Потягí * надо держать да лошадиные;
Столько живучи без милоей семеюшки,
Я со этой со великой со кручинушки
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубоко бы;
Лучше матушка-земля да расступилась бы,
Туды я, бедна горюша, приукрылась бы —
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы несчастная утробушка.
Получила я, победная головушка,
Нелюбимое словечико — вдовиное;
Как несчастной вдовой да называют,
Быв холодной водой да поливают!
Не радела * бы, победная головушка,

Я народу бы, горюша, некрещеному
Во победном жить сиротском во вдовичестве!
Как послы твоей любимой семеюшки
Уже шесть прошло учётных неделюшек —
Мне-ка за шесть-то учётных кажет годиков!
Притрудилась на крестьянской я работушке,
У меня силушка теперь да придержалася,
С горя рученьки мои да примахалися,
Во слезах да ясны очи нримутились,
Добры людюшки того да надивились.
День и ночь хожу на трудной на работушке,
Не в спокою тут ретливое сердечушко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадушке!
Я приду да со крестьянской как работушки,
Я по вечеру приду, бедна, поздёшенько:
Вся в собраньице любимая семеюшка —
Светушки да тут все братцы богоданные *
Со своима со любимыма семеюшкам,
Со сердечныма рожоныма со детушкам;
Как во светлую собрались оны светлицу,
Во столовую во нову оны горенку,
Круг стола сидят оны да круг дубового,
Оны пьют сидят теперь да угощаются.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
Онришенна от любимой от семеюшки,
Отряхнулась я от светлой новой свѣтлицы,
Отрешилась самоваров я шумячиих;
Не за чаем-то ведь я да угощаюся —
Я горючима слезама обливаюся,
Я крестьянской работой забавляюся!
Закреплю свое ретливое сердечушко,
Тут я ставлю им столы да всё дубовые,
Да я слажу им тут ужины вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с-за тульица, с-за липинки * поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки держу;
Сговорю да свѣтам братцам богоданным:
«Скоро ль идете за стол да хлѣба кушать?»
Засвирѣнятся ветляны тут нешѣтушки *
На меня, да на кручинную головушку:
«Что торопишься за ужину вечернюю?
Знать, спешисься на снокойну темну ноченьку?»
Оны искоса ведь вси тут запоглядывають,
Со всей лихостью оны да разговор держат:

«Не устали твои белые там рученьки;
Не работашку сегодня работала ё,
За кудрявой деревиночкой стояла всё.
На красное солнышко поглядывала:
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работашки вдова да в дом пришатится?»
Им не в честь моя крестьянская работашка;
Потихошеньку, горюшица, похаживаю,
Всё по этому хорошему строеньицу.
Вся усадится любима тут семеюшка
Как за стол да хлеба кушать,
Круг стола стану, горюшица, похаживать,
Приносить да стану ествушка сахарные,
Словно белка на нештушек поглядывать.
Один умной да мой братец богоданной
Он спроговорит единое словечушко:
«Ты, вдова, наша невестушка родимая,
Что похаживашь, сноха наша любимая?
Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать!
Тоже дольщичка ведь ты — да не подворица,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимой скотинушке,
Иоловинщица хоромному строеньицу!
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать!»
Тут возрадуюсь, победная головушка,
Благодарствую я братцу богоданному:
«Спасет бог да светушка́ братца любимого
На твоём да на великом на желаньнице,
На прелестных, на ласковых словечушках!»
Тут за стол сяду, горюшица, смелёшенько,
Я поем да тут, обидна, веселёшенько,
Устелю да тут пуховы им перинушки,
Уберу я со стола да со дубового;
Тут я сяду под косевчато окошечко.
Успокоится любима вся семеюшка;
Быв великая вода тут разливается,
Под окном сижу — слезами обливаюся!
Тут не сном да коротаю темну ноченьку,
Я победным своим разумом смекаю всё:
Как наутро буде по раннему заутрышку
Разрядят ли на крестьянску хоть работашку,
В доброумьи ли * ветляные нештушки
Со спокойной станут темной оны ноченьки?
Уж я бедна кручинная головушка,

Быв упалой как загну́ной серой заюшко,
По мостиночке * с утра стану похаживать,
Я на светушков на братьицов поглядывать.
Стану спрашивать, кручинная головушка:
«Мне куда пойти на крестьянску на работушку:
На луга ли мне пойти ль да сенокосные?
На поля ли мне пойти да хлебородные?»
Разрядят да светы братцы богоданные.
Как пойду, бедна кручинная головушка,
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю,
Я право́й ногой горючи заступаю,
Чтоб не видели суседы спорядовые,
Что заплаканы ведь ясны мои очушки,
Что утерто моё бело это личушко;
Не сказали бы тут братцам богоданным,
Не шепнули бы ветляным нештушкам,
Всё остудушки * в семье не заводили бы,
Оны в грех бедну вдову да не вводили бы.
Встричу стритятся суседи спорядовые,
Я поклон воздам, обидна, понизёшеньку,
Говорю, бедна горюша, веселёшенько;
Не подам виду во добрые во людюшки,
Что иду, бедна горюша, при обидушке!
Веселым иду, горюша, веселёшенька;
Не в укор да буде братцам богоданным
От этих от спорядных суседушок!
Я путем иду — с суседмы взвеселяюся,
Светов братьицев ведь я да одобряю,
Злых нештушек ведь я да восхваляю;
А что дается в ретливом сердечушке,
Кабы знали про то людюшки да ведали!
Хоть иду, бедна горюша, веселёшенька,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба раскипляется,
Без воды да резвы ножки подмывает!

569

ПЛАЧ О СОЛДАТЕ,
ПРИБЫВШЕМ НА ПОХОРОНЫ ОТЦА

И признала тут родитель его матушка,
И наздынула * тут несчастны белы рученьки
И на обидну на печальную головушку,

Она сдияла с ним доброе здоровьице
И плотнёшенько к сердечку прижимала,
И лицо к личушку она да прилагала,
И ко солдатским устам да припадала,
И она с радости, родитель-то, сказала:
«Слава богу-то теперь да слава господу!
Слава вышнему царю да всё небесному!»
И сговорила тут во добры она людюшки
Всё со радости она да со весельица:
«Как мне белой свет теперь да порассветился,
И красно солнышко теперь будто пороспекло,
Как светлёшенько-то месяц порассветился,
И часты звездочки теперь да рассветать стали!»
И сговорила тут сердечным она детушкам:
«И что стоите да вы, дѣти, остолонились, *
И вы клонѣте теперь буйную головушку
Всё ко светушку ко братцу ко родимому!
Да мы дождались скачѣной жемчужинки, *
И я сердечного рожоного ведь дитятка,
И мы со дальной пути-широкой дороженьки,
И с заграничной чужой-дальной сторонушки!
Десять лет да мы письма не принимали,
И мы слыхом про него да не слышали,
Мы во живности его да не считали!
Аль гора да со горой, светы, не сойдется,
Человек живой со родышкой * свидается!»
Тут спашнулася * порода именитая;
Оны диют с ним ведь доброе здоровьицо,
Вси собралися суседы спорядовые,
Межу дѹ-другом оны да рассуждаются,
Всё про гостюшка ведь е да наслушаются!
И раздевать да стали род-племя любимое,
Вси ведь ранцы от его да отбирают,
И перед дѹ-другом шинель да скидывают.
Как судил господи солдатушку победному
И ему быть да на родимой своей родине,
И повидать еще желанных родителей,
И при последи при родителе при батюшке
Проводить да к божьей церкви посвящённой!
И тут спашнулася родитель родна матушка,
И вдруг на радости она да на весельице
И она ставила столы скоро дубовые,
И она стлала скатертѣ да шито-браные,*
И она нанесла-то ествушков сахарниих,

И она налила ведь питьица медвяные;
Тут садила ведь за стол да за дубовый,
И сама села-то на стул подле кленовый;
И она потчеват сердечно свое дитяtko,
И она гладит всё по младой по головушке,
И она дрóчит * по солдатским по плечушкам,
И она ласково его да уласкает,
И она ўныло-печально причитает,
И говорит столько родитель рóдна матушка
Всему роду да спорядным суседушкам: *
«И вы послушайте, народ да люди добрые!
И не сдвуйте-ко, суседы спорядовые,
Что прозабыла я надёжную головушку, *
И зрадовáлась на сердечного я дитяtka;
И буде вíрите, народ да люди добрые,
И разумíteе, суседы спорядовые,
Уж я так, бедна горяша, зрадовáлась,
Как я дóждалась годова будто праздничка,
И точно светлого Христова воскресеньица!
И да ты ешь, мило сердечно мое дитяtko,
И напивайся, мое дитяtko, пьянёшенько,
И я пойду, бедна-кручинна нонь головушка,
И воскликать * пойду надёжную головушку,
И стану радовать, печальная головушка!
И ты послушай-ко, сердечно мое дитяtko:
И да мы сядем-ко, победные головушки, *
Мы на эту на бросову белу лавочку,
И припади ты ко родителю ко батюшку,
И может, дитяtko, ведь ты да поталаннее, *
И родитель до тебя да пожеланнее;
И воскликай да желанного * ты батюшку:
«Ты повыстань, свет надёжная головушка,
И отвори да свои ясны эты очушки
Ты на своё на сердечное на дитяtko,
И на обидного * солдатушка походного!
Со пути как, свет, пришел да со дороженьки
И поспешился на родимую на родинку,
И он ко своим ко желанным родителям!»
И стану спрашивать, печальная головушка,
У обидного сердечного у дитяtka:
И ты не ведал про велику, знать, невзгодушку,
И ты про эту про злодийскую кручинушку,
И ты про своёго родитель про батюшка,
И что при трудной при болезной был постелюшке?

И что он при этом тяжелом неможеньице
И памятил * столько сердечно тебя, дитяtko?
И говорил да он, победная головушка:
«Кабы дал господи да доброго здоровьица,
И мне дожидаться бы сердечно свое дитяtko,
И мне обидного солдата новобраного!»
Говорил еще желанной родной батюшко:
«И не дожидаться мне сердечного, знать, дитяtka,
И не видать мне-ка во ясны его очушки!»
Ты послушай же, сердечно мило дитяtko:
И кто сказал те про великую невзгодушку,
И на пути ль кто на широкой на дороженьке?»
И отвечат столько солдат да новобраной,
И говорит да он во добрые во людюшки:
«И да я шел как нутем-широкой дороженькой,
И унывало тут солдатско ретливо сердце,
И подломилися солдатски ножки резвые,
И рад я сить был на пути да на дороженьке,
И соби думал я ведь крепку эту думушку,
Что ведь чувствуе победно ретливо сердце,
И не начуюсь * я соби какой невзгодушки?
Кажись, не болит у мня да буйна голова,
Я ведь иду на родимую сторонушку —
Всё на радости идти бы, на весельице!
И прихожу да ко селу я деревенскому,
И я гляжу да ведь на красное на солнышко,
Я с остатку да на белой гляжу светушко,
И на деревеньке ведь я да становлюсь,
И под окошечком, солдат, стою-стучаюсь,
У знакомых ночевать да я даваюсь,
И я думаю, солдат, соби, походной,
И ночевать да у людей ведь у знакомых —
Я запомню-то крестьян да полномочных. *
Ко крылечушку я стал да подвигатися,
Со пути стала лошадушка казатися;
И я на улочке теперь да устоялся,
И я ступистые лошадушки дождался.
И вижу — идет человек да всё знакомый,
А мой прежний-то сосед да спорядовой;
Человек да туто иде потихошеньку,
Уж смотрит на меня да всё вострешенько;
И хоть в бело лицо меня не признавае,
Уж он доброго коня да поставляе. ¹

¹ Здесь — останавливает.

Я пришел да к этим саночкам дубовым,
И честь воздал ему я точно енеральскую:
Как во службы-то к чему да приучали,
Что умильную бы честь мы воздавали.
И стал я спрашивать суседа спорядового,
И далеко ль это селенье в *расстояньице*?
И говорит столько сусед да спорядовый,
Уж вточь глядит во ясны мни-ка очушки:
«Солдат, — скажет теперичка знакомой, —
Ты скажись-ко ведь, солдат да мни знакомой,
Ты по имечки скажись да по изотчинке!»
Мое имечко ведь есть да всё тяжелое,
И назовусь да я суседом спорядовым!
Тут я сдеял с ним ведь доброе здровьице,
Я про всех спросил суседей спорядовых,
И не сказался * тут спорядному суседушку.
И повинюсь да вам, желанна рѳдна матушка —
Я назвал да вас суседмы спорядовыма,
И я сказался, мни-ка люди там знакомые, —
И вси во добром ли оны да во здровьице,
И в исправности ль крестьянска у них жирушка?
И отвечал да мни сусед да спорядовый:
«Они живут да ведь теперечко по-прежнему,
И не изменяна крестьянска у них жирушка.
Как вчерашним господним божьим денечком
У их сделалась великая невзгодушка:
Переставился * сусед нѳнь спорядовый!»
Я на красное на солнышко поглядываю,
На путь-широку дороженьку посмотриваю —
И не пойду я на спокойну эту ноченьку,
Я направлюсь в путь-широкую дороженьку
И нѳспешусь да на родимую на родинку,
Я застану-то родителя ведь батюшка
Пока во своем хоромном строеньице,
Пока на своей брусовой белой лавочке!
И подобрал да я шинель тут сукон серых,
И нѳдынул ранец на плечушки солдатские.
Я отправился в путь-широку дороженьку,
Шаги делаю ведь я да по-звериному,
Уж я хоботы * даю да по-лисицыному,
Я военным ружьем да подпираюся,
Путь-дороженькой иду да послешаюся.
И я дороженькой ведь шел да призамайлся,
У перѳного * крылечка порасплакался;

Хоть постучался у крылечика перёного,
Подивился у косевчата * окошечка
И доложился у дверей да у дубовых:
«И вы пустите-тко солдатушка походного
Отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
И на снокойпу вы пустите темну поченьку,
И отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
Обогреть да мне солдатски ножки резвые,
Прирастаят бы ретливое сердечушко!»
Как в окошечко ведь вы да отвечали,
И на перёное крылечко не пущали,
И дубовы двери ведь вы да запирали;
И отвечала мне сестрица тут родимая:
«Всё не та пора у нас да нора-времечко,
Что пустить да нам, победным, ночлежничков!
И не до вас да нам, солдатишко походный!
У нас е в дома великая невзгодушка,
Е злодийская великая тоскичушка!»
И скрозь околенку * глядит да мила сватьюшка,
И сговорит да она речь-то умильнешенько:
„Он не швед-то ведь е да татарин,
И ночлегу за собой да добры людушки не носят;
И со пути да со дороженьки нустите-тось,
И вы от темной его ночи сохраните-тко,
И даужиной его вы покормите-тко!
И родителя ведь есть да спомяните-тко!
И разумийте-тко вы дóбры того людушки,
Человек, может, идет да он кручинной;
И солдатушко идет да не богатой,
И может, нет да золотой казны по надобью!“»
Поскорёшеньку ведь он да ворочáется,
Он на этое крылечико перёное;
Тут зашел как во хоромное стросеньце,
Распознал да тут солдат, норассказался
Он ведь про свою-то жизнь да про несчастную,
И как путем да он шел широкой дороженькой,
И где проведаль про великую невзгодушку,
Где сердечушко его да взвещевало,
Про кручинушку его да рассказало!
И сговорил да тут солдатушко походной,
И как устал да путем-широкой дороженькой,
И заболели крепко рэзвы его ноженки.
Тут ведь ўстлали пуховую перинушку,
Положили на тесову на кроваточку.

И склонилася родитель подле матушка
Как ко эту круту складному зголовьицу,
И принакрыла соболиным одеялышком,
И просидела темпу ноченьку до утрышка,
И ублаждала но солдатским по плечушкам,
И быв кокоша * в сыром бóру вскоковала,
И темну ноченьку она протосковала,
И всё горючима слезами обливалася!
Тут повыстала по утрышку ранёшенько,
Затопила она печь да поскорёшеньку,
Она сладила тут ествушки хорошие,
И по разуму ведь питьица медвяные,
Она напекла блинов да деревенских;
И подходила ко тёсовой кроваточке.
Тут Иусову молитву сотворила,
И она господа-владыку попросила,
Соболино одеяло приоткрыла,
И она правойей рукой да побудила,
И она с причетью дитё да воскликкала:
«Хоть и жаль будить, сердечно, тебя, дитятко,
Хоть устал да путем-широкой дороженькой,
И притомилися ведь рёзвы твои ноженьки,
Примахалися ведь бёлы твои рученьки,
Исшталася ведь буйная головушка,
И настучалося ретливое сердечушко
Столько этой путем-широкой дороженькой!
Кабы знала я, горюша, про то ведала
Как вчерашним бы господним божьим дёнечком,
И про тебя, мило сердечно это дитятко,
Что в пути идешь широкой дороженькой,
Так бы впрягла я ступистую лошадушку,
Я во этии во санки во дубовые,
Снарядила бы любимого извозчичка,
Я бы встритила, победнушка, за тысячу,
Я, сердечно бы рожоно, тебя, дитятко;
Да ты стань-восстань, рожоно мое дитятко.
Ты ведь на свои на резвые на ноженьки;
Нонь ты на своей родимой сторонушке,
Пока у своей родителя у матушки;
И не ротной по фатеры-то * похаживает,
Не кумандер вас, солдатушков, побуживает,
И воскликат тебя родитель родна матушка
Есть за стол да за дубовой хлеба рушать,
И за столом да сиди, дитятко, полакомься —

У мя кушанья теперь да не солдатские,
У мя пѣтья про тебя да не артельные;
Сыто ѣдется тебе да долго выпится!
Ты порѡскажи, сердечно мое дитятко,
Ты надолго ль по билету приотпущен е
У великого царя да на слободушку?
И на сколько на учетных да ты годышков
Пришел пахарем на чисто ли на полюшко,
И сенокосцем ли луговые на поженки,
Аль рыболовушком на сине на Онегушко?
Нынѣ раздумаюсь победным своим разумом:
И не вовсе ж я, горящица, несчастная,
И сирота в людѣх ведь я не бесталанная;
И расставаюсь хоть с надежной я головушкой,
И себи дѡждалась сердечно это дитятко
Я во свой да дом крестьянскую во жирушку,
И большакѡм да по домѹ я настоятелем!
Спаси, господи, царя до со царицею,
И со наследством со сердечным со детушкам
Как от этих неприятелей неверных,
Что спустил да ведь сердечно мило дитятко
Уж он нѧ свою родимую сторонушку!
И ты послушай же, рожѡно мое дитятко:
И да ты стань теперь, дитѣ, да пробудися —
И белой свет да всё на улѣчке рассветился,
И красно солнышко с-за облачки выглядѧе,
И выше лесушку дремуча подымается,
И добры людюшки теперь да собираются,
И на часѹ да сродчи-сроднички съезжаются;
Во-первых, да ведь сегодня-сего дѣнечка
Хоронить будем великое желаньице, *
Как спацливого * родителя ведь батюшка!
И во-вторых, еще порода собирается,
И посмотреть тебя, сердечно мило дитятко:
Идут тетушки ведь к нам да всё добротушки
И катят-жалуют сестрицы сдвуродимые
И повидать да, тѣпло-красно, тебя, солнышко,
И проводить да ведь родителя-то батюшка
Что до этой божьей церкви посвященнои,
Как до этой пресвятой да богородицы!
Я пойду, бедна кручинная головушка,
Я по этому хоромному строеньицу,
Я ко своѣй ко надежной головушке —
И не могу ли я, победна, допытатися,

Я едина-то словечка доспроситися
Я у свóей у надежной у головушки:
«Ты послушай-ко, надежная головушка,
И сговори да с ним хоть малое словечушко,
Ты с любимым со сердечным своим дитятком,
Со печальным со солдатушкой походным;
Ты повыспроси, надежная головушка,
Про несчастну его жизнь да про солдатскую,
Про его да похождение горегорькое,
Как про эту грозну службу государеву,
Какова да эта служба государева!
Лучше матушка ведь е да не родила бы,
И на белой свет она не попустила бы —
Такова да эта служба государева!
Как на этих караулах на всеночных,
Как по этим студеным холодным зимам
От земли да зябют резвы эти ноженьки,
Как от ветра подвевае лицо белое!
Уж как в будку ведь солдат да забирается,
Не познобить бы столько белого ведь личушка,
И не отстать бы-то от резвых от ноженёк!»
И рассказался тут сердечно наше дитятко,
И приоткрылся мне, желанной рóдной матушке
«И как в походы мы, солдаты, снарядилися,
И со родимой своей стóроной простилися,
И нам присягу ведь попы-отцы читали,
И выше плеч да мы тут рученьки здымали,
И выше гóловы кресты мы поднимали,
И свою сторону да мы тут проклинали,
И соху-борону ведь мы тут забывали!
И на сраженье нас, солдатов, отправляли,
И нам причастьеце, солдатушкам, давали,
И мы стояли за Русію подселённую,
И не дробили * мы за веру христианскую,
И сожалили мы царя да превеликого,
И сожалили мы царицу благоверную!
И на сраженье-то наследник приезжае,
И уж он честь да нам, солдатам, воздавае,
И говорит да тут наследник умильнóю речь:
«И вы палите-тко, ребята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалийте-тко царя, бога русийского,
Прогоните-тко злодия-неприятеля!
Вы без мерушки-то пейте зеленá вина,

Вы без счёту получайте золоту казну,
Принимайте вы, солдаты, енеральску честь
Как за ваше услуженье да за верное,
Как за храбрость за вашу за великую!
И будут отпуски ведь вам да подомовые,
Как русийский царь да вас пожалует,
Он отпустит на родимую сторонушку,
И на отдох вас ко желанным родителям!»
И сожалели мы царя, бога русийского,
И наследника его да милосердного:
На плечах у нас мондеры сукон серых,
На головушке-то кивера пудовые,
Опясыем у нас сердце обрестовано;
Тут оружье да мы держим на правом плече,
Саблю вострую мы держим во левой руке,
И тут мы брякнем-то оруьем завоенным,
И да мы топнем этой правой белой ноженкой;
Шаги делаем ведь мы да по-зверинуму,
Уж мы хоботы даем да по-лисицыному;
И где нет пути-дороги, тут протариваем,
И где мхи да болота, тут орлом летим,
И на злодия мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли;
И кабы вы, да ведь желанные родители,
И увидали бы ведь нас да на сраженьице,
И на великом ведь нас да кроволитьи,
И так вы пали бы, желанны, о сыру землю,
И вы бы померли, победны, да ведь со страсти!
Как наследник-от ведь есть да милосердой,
И во дыму да между нами он поёзживает,
И как ясен сокол меж нама он пролётывает,
И уж просит-то владыку всё небесного
Покорить да ведь злодия супостатого,
И сберечи да ведь Русию подселенную!
И как война да в чистом поле уходилась,
И неприятель-то царю да поклоняется,
И на семь лет, пише ему, да замиряется.
И на сраженьице нас господи помиловал,
И нас великий царь медалями пожаловал,
И что мы бились-то за правду за великую.
И что стояли за Русию подселенную!
Тут, солдатушки, пошли мы, взрадовалися,
Неприятелю ведь мы да надсмехалися,
И подходить стали к двору да мы ко царскому,

И нас со радостью великой царь стретает,
И он по чары сладкой водки наливает,
И он походных нас солдатов угощает!
И мы по чары сладкой водки выпивали,
И мы русийскому царю честь воздавали
И поспешались на родиму свою родинку!
И похотить да стал, солдатушко походной
И хоть по вечеру я к родине позднёненько,
И добры людюшки того да испугались,
И родна матушка ко мне да не призналася!»
И тут спрөговорит родитель его матушка:
«И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
И ты не гневайся, скачёная жемчужинка,
И да ты на своих желанных родителей!
И знать, судьба тебя, дитё, да новзыскала,
И как злодийна эта служба сустигала,
И кабы нынешним умом да теперь разумом,
Не пожалили мы любимой бы скотинушки,
И заложили бы луговы эты поженки,
И в заклад отдали б распашисты полосушки,
И мы бы нанжили бессчётну золоту казну,
И мы бы наняли охотна добра молодца,
И слободили бы бурлацкую головушку,
И не спустили б в злодий-службу государеву!
И теперь-нонечи, сердечно мило дитятко,
И не неси гнев на родителя на батюшка,
И ты простишь да при послидней поры-времечки,
И пока на своей брусовой он на лавочке,
И пока во своем хоромном строеньице!
Как сегодняшным господним божьим дёнечком
И понесут да всё родителя ведь батюшка
И как ко этой пресвятой да богородице,
И как ко этой церкви божьей посвященной,
И как до этой до ограды обложённой! *
Хоть судил господь-владыко многомилостивой
Уж как быть тебе, сердечну милу дитятку,
И при послиднем у родителя прощаньице,
И хоронить да всё великое желаньице!
Укрывается родитель родной батюшко
И он не в дальнюю дорожку безызвестную,
И он во погреба, родитель, во глубокие!
И подойду да я к колоде белодубовой.
И я просить буду надежную головушку:
«И ты послушай-ко, надежная головушка,

Бласлови да ты сердечно это дитятко,
Ты обидного солдатушка походного,
Надели его таланом столько участью,
Надели да ты участком деревенским.
И ты прости, прости, родитель родной батюшко,
И ты во всей вины прости да нас во глупости,
И во всем тяжкоем великом согрешеньице!»

КОММЕНТАРИИ

Тексты в настоящем издании публикуются на диалектах тех районов, в которых они были записаны. Вместе с тем в текстах из одной местности читатель может заметить некоторые противоречия. Объясняется это обычно тем, что они записывались в разное время и разными собирателями. Так как история местных диалектов в настоящее время не может быть достаточно достоверно реконструирована и, кроме того, тонкие их отличия не столь уж важны для поэтического восприятия текста, мы не предпринимаем искусственной унификации. Сохраняются преимущественно те особенности, которые составляют специфику звуковой структуры стиха и не затрудняют его чтение.

Составители в основном и главным придерживались текстологических принципов, принятых для большой серии «Библиотеки поэта». Они обеспечивают сравнительную легкость восприятия текстов, не лишая их научной ценности.

Все тексты печатаются полностью. Во всех случаях, когда собиратели передавали при помощи фонетической транскрипции слово, произношение которого не отклоняется от литературной нормы, написание его заменяется литературным. Не сохраняются также некоторые наиболее резкие отклонения от литературного произношения (например, цоканье и чоканье, глубокое яканье и др.). Исправлению подверглись явные опечатки. Наиболее значительные исправления оговариваются в комментариях. Областные и малопонятные слова и словосочетания разъясняются в словаре. Другие сведения, необходимые для понимания текста даются в комментариях.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ТЕКСТА

Авдеева — Записки и замечания о Сибири. — В кн.: Соч. ...ы... ой с приложением старинных русских песен. М., 1837.

Агреева — Агреева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы, вып. I—III. Москва — Тверь, 1887—1889.

- Акимова — Фольклор Саратовской области. Сост. и вступ. статья Т. М. Акимовой, кн. 1. Саратов, 1946.
- Арефьев — Арефьев В. С. Материалы по этнографии Енисейской губернии. Свадьба в Ангарской деревне.— В кн.: Известия ВСОРГО, № XXXII, 1901.
- Балакирев — Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепьяно. Ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1957.
- Балашов — Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., Музыка, 1969.
- Балов — Балов А. В. и др. Очерки Пошехонья.— Этнографическое обозрение, 1898, № 4.
- Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. 1—2. М., 1872—1882.
- Бартенев — Бартенев В. В. На крайнем северо-западе Сибири. СПб., 1896.
- Бахтин — Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным. Л., Лениздат, 1982.
- Белослюдов — Белослюдов А. Свадебный ритуал «каменщиков». (Материалы по этнографии засельщиков Бухтарминской долины.) — В кн.: Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО, вып. 7 Семипалатинск, 1913.
- Богораз — Богораз В. Г. Песни русских поречан на Колыме.— В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 68, № 4. СПб., 1901.
- Бутова — Бутова Е. Песни, поющиеся в станице Ищерской Грозненского округа.— В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 15. Тифлис, 1893.
- Вагин — Вагин В. Нынешняя деревенская песня.— В кн.: Известия ВСОРГО, т. XVIII. Иркутск, 1888.
- Васнецов — Васнецов А. Песни северо-восточной России. 2-е изд. Киров, 1949.
- Владимирский фольклор — Традиционный фольклор Владимирской деревни, под редакцией Э. В. Померанцевой. М., 1973.
- Воронежские ведомости — Воронежские губернские ведомости, 1850, 13 мая, 24 июня (Статьи: «О поверьях и предрассудках прибитюцких жителей»).
- Воронов — Воронов Г. Крестьянские свадьбы в Устюжинском уезде Новгородской губернии. Новгород, 1897.
- Георгиевский — Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк, вып. IV.— В кн.: Фольклор Приморья (Труды Дальневосточного государственного университета, серия III, № 4). Владивосток, 1929.
- Григоровский — Григоровский. Крестьянская свадьба.— В кн.: Очерки Нарымского края, кн. III. Омск, 1881.
- Гринкова — Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде.—

- В кн.: Сборник Ржевского общества краеведения. № 1. Ржев, 1926.
- Гроховский — Гроховский. Причитание матери по сыне-рекруте (Свят-озеро).— Олонецкие губернские ведомости, 1873, № 10.
- Гуляев I — Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях.— Отечественные записки, 1839, № 3.
- Гуляев II — Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири. Свадебные очерки, ч. I.— Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, т. XC. СПб., 1848.
- Гуревич — Старый фольклор Прибайкалья. Сост. А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Вступ. статья и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ, 1939.
- Дементьев — Дементьев В. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии.— Московитянин, 1855, № 7.
- Дилакторский — Дилакторский П. А. Свадебные обычаи и песни в Тотемском уезде Вологодской губернии.— Этнографическое обозрение, 1899, № 3.
- Добровольский I — Смоленский этнографический сборник. Сост. В. Н. Добровольский, ч. 4. М., 1903.
- Добровольский II — Добровольский В. Н. Песни Дмитровского уезда (Орловской губернии).— Живая старина, 1905, вып. 3—4.
- Жаравов — Жаравов А. Сельские свадьбы Архангельской губернии.— Московитянин, 1853, № 13.
- Захарченко — Захарченко В. Девичья песня. Новосибирск, Западно-Сиб. кн. изд-во, 1975.
- Зернова — Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде.— Советская Этнография, 1932, № 3.
- Зырянов I — Лирические народные песни. Собр. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962.
- Зырянов — Чердынская свадьба, записал и составил И. Зырянов. Пермь, 1969.
- Истомин — Ляпунов — Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. Издано Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1899.
- Кашин — Кашин Н. Свадебные обычаи приаргунцев.— В кн.: Вестник РГО, т. XXX. СПб., 1860.
- Кедрина — Кедрина Р. К. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством.— Этнографическое обозрение, 1912, № 1—2.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1. М., 1911; вып. 2 — 1917, ч. I; 1929, ч. II. (Нумерация песен сплошная.)
- Киреевский 1968 — Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.

- Киреевский 1977 — Собрание народных песен Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. I. Подготовка текстов к печати, статья и коммент. А. Д. Соимонова. Л., Наука, 1977.
- Кирюхин — Русская песня в Дагестане в записях 1964—1969 гг. Публикация, вступ. статья и коммент. В. С. Кирюхина, Махачкала, 1975.
- Китайник — Уральский фольклор. Ред. М. Г. Китайник. Свердловск, 1949.
- Колосов — Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия. — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 17. СПб., 1877, № 3.
- Колпакова — Лирика русской свадьбы, подготовлена Н. П. Колпаковой, под ред. В. Е. Гусева. Л., Наука, 1973 («Литературные памятники»).
- Кон — Кон Ф. Из песен западной Сибири. — Этнографическое обозрение, 1903, кн. 59, № 4.
- КОПС — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Сост., вступ. статья и примеч. Ф. Ф. Болонева и М. Н. Мельникова. Новосибирск, Наука, 1981.
- Копаневич — Копаневич И. Народные песни, собранные и записанные в Псковской губернии. — В кн.: Труды Псковского археологического общества 1911—1912 гг., вып. 8. Псков, 1912.
- Коринфский — Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1901.
- Кравченко — Песни донского казачества. Сост. и вступ. статья И. Кравченко. Сталинград, 1938.
- Красноженова — Красноженова М. В. Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии). — В кн.: Известия Красноярского подотдела ВСОРГО, 1914, т. 2, вып. 6.
- Кривошапки — Кривошапки М. Ф. Енисейский округ и его жизнь, т. I. СПб., 1865.
- Круглов I — Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. Учебное пособие для пед. институтов. М., Высшая школа, 1978.
- Круглов II — Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М., Высшая школа, 1982.
- Кузнецов — Кузнецов А. Встреча весны у крестьян Оренбургского уезда. — Оренбургский листок, 1889, 12 марта (№ 10), с. 3.
- Курские песни — Курские народные песни. Сост. П. Бульбанюк и П. Лебедев. Курск, 1962.
- Ларионова — Ларионова М. Зырянская и русская свадьба в Обдорске. — В кн.: Ежегодник русского антропологического общества при С.-Петербургском университете. СПб., 1905.
- Леонова — Фольклор Западной Сибири. Вып. 1. Сост. Т. Г. Леонова. Омск, 1974.

- Леонтьев — Леонтьев Н. П. Печерский фольклор. Предисл., ред. и примеч. В. М. Седельникова. Архангельск, 1939.
- Логиновский — Логиновский К. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. — В кн.: Записки Приамурского отделения РГО, т. V, вып. II. Хабаровск, 1899.
- Лядов — Лядов А. Русские народные песни. Под ред. Н. Бачинской. М., 1959.
- Ляметри — Ляметри П. Этнографический очерк Мещовского уезда. — Калужские губернские ведомости, 1860, 25 июня, 2 и 9 июля. Часть неофициальная, с. 338 и след.
- Магнитский — Магнитский В. Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань, 1877.
- Майнов — Кокоулин К. К. Крестьянская свадьба по Илимю (опубликовал И. Майнов). — Живая старина, СПб., 1914, вып. 1—2.
- Макаренко — Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913.
- Маслов — Маслов А. Л. Песни с Поволжья. — В кн.: Труды музыкально-этнографической комиссии при этнографическом отделе ОЛЕАЭ, т. I. М., 1906.
- Мельников-Печерский — Мельников-Печерский П. И. В лесах. М., 1955.
- Минх — Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 гг. СПб., 1890.
- Михайлов — Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примеч. М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940.
- Михеев — Михеев. Описание свадебных обычаев и обрядов в Бузулукском уезде Самарской губернии. — Этнографическое обозрение, 1899, № 3, с. 152.
- Мурин — Мурин В. А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926.
- Мякутин — Песни оренбургских казаков. Собрал А. И. Мякутин, вып. 4. Оренбург, 1910.
- Неклепаев — Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. — В кн.: Записки ЗСОРГО, кн. XXX. 1903.
- Некрасов — 50 песен русского народа для мужского хора из собранных в 1902 году в Саратовской губернии И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским. Положил на голоса И. В. Некрасов. Сочинение литератора Ж. М., 1907.
- Н. Г. — Н. Г... Свадебные обряды и песни крестьян Тульской губернии. — Москвитянин, 1853, № 14.
- Новгородский фольклор — Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.), под ред. В. Г. Базанова, А. А. Горелова, А. Д. Соймонова. Л., Наука, 1979.
- Овчинников — Овчинников М. Свадебные песни. — В кн.: Сибирский архив, № 10. Иркутск, 1912.

- Павлова — Русское народное поэтическое творчество в Татарской АССР. Сост. В. Ф. Павлова. Казань, 1955.
- Пальчиков — Пальчиков Н. Е. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мещелинского уезда Уфимской губернии. СПб., 1888.
- Паули — Паули. Свадьба на Вохме (этнографический очерк).— Вологодские губернские ведомости, 1854, № 2.
- Пейзен — Пейзен Г. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии.— Живая старина. СПб., 1903. вып. 3.
- Первушин — Первушин П. Ф. Песни, святочные гадания..., собранные в Китайской волости Камышловского уезда Пермской губернии.— В кн.: Записки Уральского общества любителей естествознания т. XV, вып. 1. Екатеринбург, 1895.
- Песни Мезени — Песенный фольклор Мезени, подг. Н. П. Колнаковой, Б. М. Добровольским и др. Л., 1967.
- Песни Печоры — Песни Печоры. М.— Л., 1963.
- Песни Пинежья — Песни Пинежья. Материалы фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Под общей ред. Е. В. Гиппиус, кн. 2, М., 1937.
- Песни Прииртышья — Народные песни Прииртышья. Сост. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1969.
- Песни Урала — Русские народные песни южного Урала. Сост. В. Е. Гусев. Челябинск. 1957.
- ПКП — Поэзия крестьянских праздников. Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Под общей ред. В. Г. Базанова. Л., 1970. (Библиотека поэта. Большая серия.)
- Племянников — Племянников В. Нравы и обычаи Бузулуцких поселян.— Московский телеграф, 1830, ч. 35, № 17, с. 25—35.
- Померанцева I — Русское народное творчество в Башкирии. Под общей ред. Э. В. Померанцевой и С. И. Минц. Уфа, 1957.
- Померанцева II — Песни и сказки Ярославской области. Под общей ред. Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.
- Попова — Попова Т. В. Русское народное музыкальное творчество, вып. 1. М., 1955.
- Потанина I — Русские свадебные песни Сибири. Сост., вступ. статья и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск, 1979.
- Потанина II — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Сост. Р. И. Потаниной. Новосибирск, 1981.
- Причитания — Причитания. Вступ. статья и примеч. К. В. Чистова, подгот. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова, Л., 1960. (Библиотека поэта. Большая серия.)
- Пропи — Народные лирические песни. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. Я. Пропи, Л., 1961. (Библиотека поэта. Большая серия.)
- Протасов — 20 народных песен Сибири для одного голоса из собранных

- в 1900 г. в Иркутской губернии Н. П. Протасовым. Переложил Алексей Петров. Издание песенной комиссии РГО. (Б. м., б. г.)
- ПСК III — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым.— В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете, вып. III и IV. М., 1885.
- Рабинович — Харьков — Рабинович Б. И. и Харьков В. И. Русские народные песни Владимирской области. Рукопись, подгот. к печати.
- Разумихин — Разумихин С. Село Боровки и окружающий его околоток Тверской губернии Ржевского уезда.— В кн.: Этнографический сборник, вып. 1. СПб., 1854.
- Разумова — Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче). Подгот. к изд. А. П. Разумовой и Т. А. Коски, под ред. Е. В. Гиппиуса. Петрозаводск, 1980.
- Розенбаум — Розенбаум С. П., Арефьев В. С. Свадьба в Ангарской деревне.— В кн.: Известия ВСОРГО, 1900, т. XXXI, вып. 1—2.
- Руднева — Руднева А. В. Народные песни Курской области. М., 1957.
- Русский фольклор — Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Сост. Н. П. Андреев. М.—Л., Учпедгиз, 1936.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Под ред. А. Е. Грузинского, т. 3, изд. 2-е, М., 1910.
- Рязанова — Рязанова Е. Материалы по этнографии Курской губернии.— В кн.: Труды Курской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1. Курск, 1911.
- Савушкина — Обрядовая поэзия Пинежья. Под ред. Н. И. Савушкиной. М., Изд-во МГУ, 1980.
- Сахаров — Сахаров И. П. Сказания русского народа. 3-е изд., т. I, кн. 1—4. СПб., 1841; т. 2, кн. 5—8, 1849.
- Свитова — Свитова К. Народные песни Брянской области. М., 1966.
- «Святки» — Святки, или Подарок на Новый год милым девушкам и любезным женщинам, заключающий в себе подблюдные и свадебные песни, с объяснением правил святочных игр и с показанием, когда какая песня поется. М., 1831.
- Севская свадьба — Старинная сеvская свадьба. Записи и свод О. А. Славяниной, под ред. Ф. М. Селиванова. М., Изд-во МГУ, 1978.
- Селиванов — Селиванов В. В. Год русского земледельца. (Зарасайский уезд Рязанской губернии.) В кн.: Сочинения В. В. Селиванова, т. 2, Владимир, 1902.
- Семевский — Семевский М. И. Торопец (1816—1863).— В кн.: Записки РГО, 1864, кн. 1—2.
- Скворцова — Скворцова С. Народные песни Вятской губернии.— В кн.: Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 г., год 15-й. Вятка, 1893.

- Смирнов А.— Смирнов А. И. Песни и предания, записанные в селе Иудине Александровского уезда Владимирской губернии.— Русский филологический вестник, 1879, № 2.
- Смирнов В.— Смирнов В. Народные гаданья в Костромском крае.— В кн.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 41, 4-й этнографический сборник. Кострома, 1927.
- Смирнов М., 1922 — Смирнов М. И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни. Песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки. М., 1922.
- Смирнов М., 1927 — Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям.— В кн.: Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1: Старый быт и хозяйство Переславльской деревни. Переславль-Залесский, 1927.
- Снегирев — Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1—4. М., 1837—1839.
- Соболев — Соболев А. Н. Детские игры и песни.— В кн.: Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. 16. Владимир, 1914.
- Соболевский — Великорусские народные песни, изданы проф. А. И. Соболевским, т. 1—7. СПб., 1895—1902.
- Соколова В.— Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., Наука, 1979.
- Соколов Г.— Соколов Г. Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губернии.— В кн.: Этнографический сборник, вып. 6. СПб., 1864.
- Соколов М.— Соколов М. Е. Великорусские весенние и хороводные песни, записанные в Саратовской губернии.— В кн.: Труды 3-го областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909.
- Соколов Ю.— Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938.
- Соколовы — Сказки и песни Белозерского края, записали Ю. и Б. Соколовы. М., 1915.
- Станиловский — Записки Антона Михайловича Станиловского.— В кн.: Труды Восточно-Сибирского отделения РГО. 1912, № 7.
- Суворовский — Суворовский А. Вопли Новгородской губернии.— Этнографическое обозрение, 1907, № 3.
- Сумароков — Сумароков П. Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда.— Сельское хозяйство, 1860, № 7 и 8.
- Сухов — Сухов П. М. Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян Саратовской губернии.— Этнографическое обозрение, 1892, № 2—3.
- Терещенко — Терещенко А. В. Быт русского народа, ч. 5—7. М., 1847—1848.

- Титов — Из писем М. Диева к И. Снегиреву (1838) о Галицком уезде Костромской губернии. Публикация А. Титова. — В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887, кн. 1. М., 1887.
- Тихонов — Тихонов Н. Брянский говор. СПб., 1904.
- Торопецкие песни — Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского. Запись, сост. и коммент. И. Земцовского. Л., 1967.
- Троицкий — Троицкий А. И. Народные песни Пензенской губернии. — В кн.: Сборник Пензенского губернского статистического комитета, вып. 6. Пенза, 1905.
- Угличские песни — Угличские народные песни. Из новых записей русских народных песен. Сост.-ред. И. И. Земцовский. Л.— М., Советский композитор, 1974.
- Уральский фольклор — Уральский фольклор. Ред. М. Г. Китайник. Свердловск, 1949.
- Усов — Усов Н. А. Русские песни (Фольклор Горьковской области). Горький, 1940.
- Успенский — Успенский М. М. Обычай славить детей накануне Нового года (в Тульской губернии). — Этнографическое обозрение, 1899, № 4.
- Халанский — Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 5. СПб., 1904.
- Харьков I — Харьков В. Русские народные песни Смоленской области. М., 1956.
- Харьков II — Мохирев И., Харьков В., Браз С. Народные песни Кировской области. М., 1966.
- Христиансен — Христиансен Л. Уральские народные песни. М., 1961.
- Чернышев — Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 68, № 3, СПб., 1901.
- Чистов — И. А. Федосова. Избранное. Сост., вступ. статья и коммент. К. В. Чистова, подгот. текстов Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Петрозаводск, 1981.
- Читинские песни — Сборник песен Забайкальского казачьего войска. Чита, 1916.
- Чичеров — Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.
- Шайжин — Шайжин Н. С. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись). — В кн.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год. Петрозаводск, 1910.
- Швецова — Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа. — В кн.: Записки ЗСОРГО, кн. XXVI. Омск, 1889.
- Шейн — Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898, т. 1, вып. 1; 1900, вып. 2.

- Шереметьева — Шереметьева М. Е. Масленица в Калужском крае.— Советская этнография, 1935, № 2.
- Шишков — Шишков В. Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волости Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению Н. Тунгуски в 1911 г.— В кн.: Известия ВСОРГО, т. 43. Иркутск, 1914.
- Элиаш — Народные песни Белгородской области. Сост. Н. М. Элиаш и Л. Г. Улановская. Белгород, 1960.
- Языков — Илимские свадебные песни, записанные И. Суворовым и М. А. Языковым.— В кн.: Известия ВСОРГО, т. XXIX, вып. 2. 1898.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

ЗИМНИЕ СВЯТКИ

КОЛЯДКИ

1. ПКП, № 6, впервые — Шейн, № 1030. По указанию Шейна строфика частично исправлена Земцовским. В 4-й строке снизу ошибочное «нам шлет» исправлено составителями на «кокшпёт».
2. ПКП, № 16, впервые — Шейн, № 1032. *Масляна головка* — обрядовое фигурное печенье.
3. Новгородский фольклор, № 286. Записано в Валдайском районе Новгородской области от П. Ф. Тихонова.
4. ПКП, № 9, из рукописного отдела фольклорного архива Пушкинского Дома, записано в 1926 г. в Ярославской области.
5. ПКП, № 13, впервые — Лядов, № 35. Записано в Рязанской губернии.
6. ПКП, № 18, впервые — Колосов, с. 168. Записано в Олонецкой губернии. В последней строке, очевидно, ошибочная запись «как шьют». Должно быть: «в окно кокшиёт» (или «кокшёт») — то есть стучит.
7. ПКП, № 19, впервые — Колосов, с. 253. Записано в Вятской губернии.
8. ПКП, № 34, из фонда А. А. Мансурова в Государственном краеведческом музее Рязани.
9. ПКП, № 49, впервые — Песни Печоры, № 126. Припев повторяется перед каждой строкой.
10. ПКП, № 2, впервые — Снегирев, вып. 2, с. 111.
11. ПКП, № 3, впервые — Смирнов М., с. 15. Записано во Владимирской губернии. *Шли три братца...*— Имеются в виду важнейшие даты зимних святок: 25 декабря — рождество, 1 января — Васильев день, 6 января — крещение.
12. КОПС, № 11, впервые — Богораз, № 114. Записано в 90-х гг.

XIX в. от среднеколымской казачки Марьи Олесовой. Припев повторяется после каждой строки.

13. ПКП, № 26, впервые — Чичеров, с. 127. Записано в Московской области от А. И. Поляковой. *Мазана головка*. — См. примеч. к № 2. *Ты завей гнездо*... — Считалось, что ласточка приносит во двор счастье.

14. ПКП, № 36, впервые — Некрасов, № 3. Записано в Саратовской губернии в 1902 г. Припев повторяется после каждого двустишия.

15. ПКП, № 45, впервые — Лядов, № 72. Записано в Пензенской губернии. Припев повторяется после каждой строки.

16. Круглов II, № 102, впервые — Пальчиков, № 123. Записано в Калужской губернии. Припев повторяется после каждой строки.

17. Круглов II, № 103, впервые — Магнитский, с. 130. Записано в Казанской губернии. Припев повторяется после каждой строки.

18. ПКП, № 55, впервые — Песни Печоры, № 124. Припев повторяется перед каждой строкой.

19. КОПС, № 22, впервые — Макаренко, с. 133. Записано в Енисейской губернии. Припев повторяется после каждой строки. Бани торговые — то есть бани общего пользования за деньги.

20. КОПС, № 45, впервые — Леонова, № 8. Записано в Омской области от Е. И. Мигель. Припев повторяется после каждой строки.

21. ПКП, № 62, впервые — Халанский, с. 122, № 83. Записано в Курской губернии. Строфика исправлена Земцовским. Припев повторяется после каждого двустишия.

22. ПКП, № 64, впервые — Свитова, № 64. Записано в Брянской области. Припев повторяется после каждого двустишия.

23. ПКП, № 70, впервые — Маслов, с. 464, № 22. Записано в Саратовской губернии. Припев восстановлен Земцовским по указанию собирателя.

24. ПКП, № 71, впервые — Троицкий, № 1. Записано в Пензенской губернии. Далее припев повторяется после каждого двустишия.

25. ПКП, № 72, впервые — Соболев, с. 30. Записано во Владимирской губернии. Строфика исправлена Земцовским. Припев повторяется после каждого двустишия.

26. ПКП, № 75, впервые — Сухов, с. 239. Записано в Саратовской губернии. Строфика исправлена Земцовским. Припев повторяется после каждого двустишия.

27. ПКП, № 80, записано от А. И. Слоновой в Рязанской области в 1967 г. Исполняется без припева.

28. ПКП, № 77. Записано в Касимовском уезде в 1923 г. Припев повторяется после каждой строки. *Над челом поньку сушу*... — то есть сушит поневу (юбку) над челом печи.

29. КОПС, № 119, записано в 1973 г. от Т. И. Дроновой в Новосибирской области.

30. КОПС, № 121, записано в 1976 г. от Е. А. Власенко в Новосибирской области.

31. ПКП, № 85, впервые — Успенский, с. 110. Записано в Тульской губернии.

32. ПКП, № 93, впервые — Курские песни, № 5. Строфика исправлена Земцовским.

33. Савушкина, № 10. Записано от Н. А. Григорьевой в Архангельской области.

34. КОПС, № 46, впервые — Леонова, № 1. Припев повторяется после каждого двустушия.

35. ПКП, № 96. Записано от хора из 8 человек в Татарской ССР. Припев повторяется после каждого двустушия.

36. Круглов II, № 54, впервые — Владимирский фольклор, с. 123.

37. Савушкина, № 14. Записано от К. Т. Рюминой в Архангельской области.

НОВОГОДНИЕ ИГРЫ И ГАДАНИЯ

ИГРОВЫЕ

38. ПКП, № 335, впервые — Шейн, № 1049. Припев повторяется после каждого двустушия. В 4-й строфе Земцовский восстанавливает отсутствующее у Шейна слово «молоду». *Овин молотить...* — Овин служил хлебной мерою, в разных губерниях по-разному: от 200 до 1000 снопов.

39. ПКП, № 338, впервые — Добровольский I, № 45. Строфика упорядочена Земцовским.

40. ПКП, № 337, впервые — Добровольский I, № 16.

НАБОРНЫЕ

41. ПКП, № 100, впервые — Первушин, № 9.

42. ПКП, № 101, впервые — Песни Мезени, № 184.

43. ПКП, № 108, записано в 1961 г. в Костромской области.

44. Померанцева II, с. 159, № 2, записано в 1955 г. от группы женщин в Ярославской области.

45. ПКП, № 110, впервые — Паша Горемыка. Святки в Вологодской деревне. Очерк. Голос (Ярославль), 1913, 6 (19) января, с. 3. *Жировку хороню...* — то есть прячу при святочном гадании хлеб, кольца и другие предметы, нужные для гадания.

ПОДБЛЮДНЫЕ

К свадьбе

46. ПКП, № 226, впервые — Шейн, № 1122.

47. КОПС, № 211, впервые — Макаренко, с. 42. Припев повторяется после каждой строки.

48. Новгородский фольклор, с. 136, из № 291.

49. ПКП, № 218, впервые — Снегирев, вып. 2, № 23. Припев повторяется после каждого двустишия.
50. КОПС, № 230, впервые — Макаренко, с. 43. Припев повторяется после каждой строки.
51. ПКП, № 222, впервые — Авдеева, с. 172.
52. КОПС, № 213, впервые — Станиловский, с. 150.
53. КОПС, № 180, впервые — Макаренко, с. 44. Припев повторяется после каждой строки.
54. ПКП, № 234, впервые — Терещенко, ч. 7, с. 156. Припев повторяется после каждого двустишия.
55. ПКП, № 249, впервые — Терещенко, ч. 7, с. 175. Припев повторяется после каждой строки.
56. ПКП, № 235, впервые — Шейн, № 1081.
57. ПКП, № 238, впервые — Соколовы, № 857. *Дары припасать* — готовить свадебные подарки для одаривания жениха и его родственников.
58. ПКП, № 240, впервые — Снегирев, вып. 2, с. 71, № 2. Припев повторяется после каждого двустишия.
59. ПКП, № 242, впервые — Авдеева, с. 172. Припев повторяется после каждого двустишия. *О трех ставочках* — то есть с тремя вставленными в него камушками.
60. ПКП, № 174, впервые — Добровольский I, с. 73, № 2е (62).
61. Пропп, с. 78, впервые — Шейн, № 1083.
62. ПКП, № 183, впервые — Сахаров, т. I, кн. 3, № 35. Припев повторяется после каждого двустишия.
63. ПКП, № 191, впервые — Шейн, № 1082.
64. ПКП, № 195, впервые — Терещенко, ч. 7, с. 154. Припев повторяется после каждого двустишия.
65. ПКП, № 192, впервые — Сахаров, т. 1, кн. 3, № 31.
66. ПКП, № 199, впервые Добровольский I, № 69. Далее припев повторяется каждый раз после слова «добро».
67. ПКП, № 203, впервые — «Святки», с. 14.
68. ПКП, № 204, впервые — Чичеров, с. 110.
69. ПКП, № 205, впервые — Терещенко, ч. 7, с. 156. Припев повторяется после каждого двустишия.
70. ПКП, № 213, впервые — Смирнов В., № 543.
71. ПКП, № 177, впервые — Добровольский I, № 26 (24).
72. ПКП, № 180, впервые — Добровольский I, № 25в (6).
73. КОПС, № 205. Записано в 1976 г. от Н. Е. Мельниковой в Новосибирске.
74. КОПС, № 265. Записано в 1976 г. от Н. Е. Мельниковой.
75. КОПС, № 268. Записано в 1976 г. от А. И. Коваленко в Новосибирске.

К БОГАТСТВУ

76. Новгородский фольклор, с. 137, из № 291. Записано в 1969 г. от хора женщин.
77. ПКП, № 120, впервые — Колосов, с. 256. *Сметы нет* — нет числа.
78. ПКП, № 124, впервые — Скворцова, с. 368, № 2. Припев повторяется после каждой строки.
79. КОПС, № 176, впервые — Станиловский, с. 150. Исправлена явная ошибка в первой строке текста: «денушке» на «донышке».
80. ПКП, № 138, впервые — Авдеева, с. 123. Припев повторяется после каждого двустишия.
81. ПКП, № 160, впервые — Терещенко, ч. 7, с. 157. Припев повторяется после каждого двустишия.
82. ПКП, № 143. Записано в 1961 г. в Костромской области.
83. ПКП, № 144, впервые — Снегирев, вып. 2, с. 84, № 29.
84. ПКП, № 128, впервые — Семевский, № 63. Припев повторяется после каждого двустишия.
85. ПКП, № 133, впервые — Шейн, № 1088. Припев восстановлен по указанию собирателя.
86. ПКП, № 158. Записано в 1963 г. в Костромской области. Припев повторяется после каждого двустишия.
87. ПКП, № 169, впервые — Шишков, с. 92. Припев повторяется после каждого двустишия.
88. ПКП, № 170. Записано в 1960 г. (?) в Костромской области.
89. ПКП, № 154, впервые — Семевский, № 60. Припев повторяется после каждого двустишия.
90. КОПС, № 241, впервые — Станиловский, с. 151.
91. ПКП, № 162, впервые — Скворцова, с. 370, № 13.

К ДОЛГОМУ ДЕВИЧЕСТВУ

92. ПКП, № 256, впервые — Добровольский I, с. 70, № 26 (22).
93. ПКП, № 255, впервые — Шейн, № 1137.
94. ПКП, № 257, впервые — Смирнов В., с. 77.
95. ПКП, № 258, впервые — Смирнов М. 1927, с. 16.
96. Пропп, с. 80, впервые — Киреевский, № 1080. *Полотенцы стелю...* — Полотенце предвещает дальнюю дорогу.
97. КОПС, № 203, впервые — Леонова, № 27.
98. ПКП, № 259, впервые — Разумихин, с. 275.
99. ПКП, № 289, впервые — Макаренко, с. 44.

К БЕДНОСТИ И ВДОВСТВУ

100. ПКП, № 275. Записано в Костромской области.
101. ПКП, № 286, впервые — Макаренко, с. 45. Строфика исправлена Земцовским.

102. ПКП, № 280. Записано в 1963 г. от М. Ф. Девятовой в Пермской области. Припев повторяется после каждого двустишия. ...*в сутках сидеть*... — сидеть на почетном месте, в красном углу избы.

103. ПКП, № 279. Записано в 1963 г. в Костромской области. Припев повторяется после каждого двустишия.

104. ПКП, № 299, впервые — Шейн, № 1097.

105. ПКП, № 294. Записано в 1963 г. в Костромской области. Далее припев повторяется после каждого двустишия.

106. ПКП, № 292, впервые — Добровольский I, с. 72, № 2д (41).
Смысл гадания: к пожару.

107. ПКП, № 297, впервые — Шейн, № 1098.

108. ПКП, № 293, впервые — Шейн, № 1128.

109. ПКП, № 287, впервые — Рязанова, с. 193.

110. ПКП, № 296, впервые — Соколов Г., с. 7.

111. ПКП, № 295. Записано в 1961 г. в Костромской области.

К РАЗЛУКЕ

112. Новгородский фольклор, с. 136, из № 291. Записано в 1969 г. от хора женщин в Новгородской области.

113. Новгородский фольклор, с. 137, из № 292. Записано в 1970 г. от Н. А. Громовой в Новгородской области. *Ласточка косатая*... — См. примеч. к № 13.

114. КОПС, № 192, впервые — Станиловский, с. 150.

115. ПКП, № 273, впервые — Киреевский, № 1087.

116. ПКП, № 272, впервые — Станиловский, с. 152, № 12. Припев повторяется после каждого двустишия.

117. ПКП, № 271, впервые — Добровольский I, с. 71, № 2в (33).

118. КОПС, № 217, впервые — Леонова, № 22.

119. КОПС, № 219, впервые — Станиловский, с. 151.

120. ПКП, № 264, впервые — Смирнов В., с. 77, № 540.

121. ПКП, № 269. Записано в 1959 г. от Ф. И. Коврыжниковой в Костромской области.

К БОЛЕЗНИ И ПОКОЙНИКУ

122. ПКП, № 305, впервые — Шейн, № 1106.

123. Новгородский фольклор, с. 137, из № 292. Записано в 1970 г. от Н. А. Громовой в Новгородской области.

124. ПКП, № 309, впервые — Попова, с. 52. Припев повторяется после каждого двустишия.

125. ПКП, № 304. Записано в 1963 г. от М. Ф. Девятовой в Пермской области. Припев повторяется после каждого двустишия. ...*в сутках сидеть*... — См. примеч. к № 102.

126. ПКП, № 313. Записано в 1961 г. в Костромской области.

127. ПКП, № 300, впервые — Шейн, № 1136. Текст исправлен Земцовским в соответствии со смыслом.

128. ПКП, № 301, впервые — Шейн, № 1127.

129. ПКП, № 303. Записано в 1963 г. в Костромской области.

130. ПКП, № 362, впервые — Свитова, № 70.

МАСЛЕНИЦА

МАСЛЕНИЧНЫЕ

131. Новгородский фольклор, № 298. Записано в 1974 г. от О. Г. Петровой в Новгородской области.

132. Савушкина, № 5. Записано в 1970—1972 гг. от П. Л. Чемакина в Архангельской области.

133. ПКП, № 352, впервые — Зернова, с. 18.

134. ПКП, № 349, впервые — Торопецкие песни, № 5.

135. ПКП, № 344, впервые — Шереметьева, с. 114.

136. ПКП, № 355, из рукописного архива Музфонда Т—1073. Записано в Горьковской области.

137. КОПС, № 316, записано в 1973 г. от Е. П. Сердюковой в Новосибирской области.

138. Новгородский фольклор, № 294. Записано от хора женщин в Новгородской области.

139. КОПС, № 278. Записано в 1975 г. от Е. А. Касьяновой в Новосибирской области.

140. ПКП, № 366, впервые — Халанский, с. 134, № 106.

141. КОПС, № 320. Записано от Г. А. Говорухиной в г. Новосибирске.

142. КОПС, № 285. Записано в 1972 г. от В. Т. Долматовой в Новосибирской области.

143. КОПС, № 286. Записано в 1976 г. от М. Е. Харченко в Новосибирской области.

144. ПКП, № 372. Записано в 60-е гг. XX века от М. Д. Бесединой.

145. ПКП, № 373, впервые — Киреевский, № 2838.

146. КОПС, № 292. Записано в 1976 г. от Т. П. Бакулиной в Новосибирской области.

147. КОПС, № 293. Записано в 1976 г. от Е. И. Авласенко в Новосибирской области. *Пока будет круглолетье...* — то есть пока пройдет год.

148. Круглов I, с. 179, № 6, впервые — Смирнов М. 1927, с. 19.

149. КОПС, № 317. Записано в 1971 г. от К. С. Сердюк в Омской области.

150. ПКП, № 364, впервые — Шереметьева, с. 120.

151. ПКП, № 368, впервые — Торопецкие песни, № 6.

152. ПКП, № 391, впервые — Руднева, № 62.

153. ПКП, № 359, впервые — Тихонов, с. 199. *Я в луга, а ты в тужи... — я в луга, а ты в печаль.*

154. ПКП, № 362, впервые — Свитова, № 70. Вторая строфа («Я думала масленке...») повторяется после каждого четверостишия, *...хоть до Духа — то есть до дня святого духа, пятьдесят первого дня после пасхи.*

155. ПКП, № 357, впервые — Шейн, № 1173.

156. КОПС, № 283. Записано в 1970 г. от А. М. Красниковой в Новосибирской области.

157. ПКП, № 390, впервые — Смирнов М. 1927, с. 21, № 5.

158. ПКП, № 385, впервые — Соболев, с. 397.

159. ПКП, № 378, впервые — Семевский, с. 145, № 34.

160. Соколова В., с. 64. Записано в 1964 г. (МГУ, фольклорная практика, п. I, т. 5, № 1).

161. Померанцева П, с. 162, № 6. Записано в 1938 г. от М. И. Кокушиной в Ярославской области.

162. Круглов П, с. 202, № 131, впервые — Соболев, с. 39.

163. Новгородский фольклор, № 296. Записано в 1969 г. от П. К. Ермолаевой в Новгородской области.

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

ВЕСНЯНКИ

164. КОПС, № 356. Записано от сестер М. И. Агеевой, Ф. И. Зуевой, П. И. Конуриной в Новосибирской области. Составитель отказался от фиксации словообрывов, связанных с напевом, чтобы сохранить словесную цельность текста.

165. ПКП, № 404, впервые — Шейн, № 1178.

166. КОПС, № 357, впервые — Красноженова, № 8.

167. ПКП, № 416. Записано в 1967 г. от А. И. Слоновой в Рязанской области. Земцовский снабжает свой комментарий к этой песне следующим утверждением: «Поют 9 марта, сидя на крышах изб с печеньем в виде жаворонков. После пения головки «птичек» отрывают, натыкают на солому крыш, а остальное съедают. Поют небыстро, мелодично, четко донося каждое слово этой поэтичнейшей песни — заклички».

168. ПКП, № 432. Записано в 1969 г. от У. В. Бондаревой в Смоленской области. По словам исполнительницы, этой песней «кличут весну».

169. ПКП, № 433. Записано в 1966 г. от М. К. Сиваевой в Брянской области.

170. Круглов П, № 58, впервые — Курские песни, № 3.

171. КОПС, № 359. Записано в 1976 г. от В. Н. Чугуновой в Новосибирской области.

172. ПКП, № 435, впервые — Коринфский, с. 200.

173. ПКП, № 436, впервые — Терещенко, ч. V, с. 12.
 174. ПКП, № 426, впервые — Соколов Ю., с. 149.
 175. ПКП, № 412. Записано в 1965 г. от М. И. Камоловой и Е. А. Журановой в Куйбышевской области.
 176. ПКП, № 419, впервые — Соколов М., с. 97. Исполнялась 9 марта для «закликанья весны».
 177. КОПС, № 378. Записано в 1976 г. от П. А. Дмитриевой в Новосибирской области.
 178. КОПС, № 355. Записано в 1972 г. от Х. М. Красновой в Новосибирской области.
 179. ПКП, № 425, впервые — Красноженова, № 7.
 180. ПКП, № 418, впервые — Добровольский II, с. 437.
 181. ПКП, № 423, впервые — Добровольский I, с. 96, № 37а.
 182. ПКП, № 434, впервые — Коринфский, с. 196.

ЕГОРЬЕВСКИЕ

183. ПКП, № 454. Записано в 1922 г. в Костромской губернии.
 184. ПКП, № 455. Записано в Костромской губернии. Поют дети 23 апреля при обходе дворов.
 185. ПКП, № 456. Записано в 1914 г. в Костромской губернии.
 186. ПКП, № 462. Записано в 1964 г. от А. А. Степановой в Псковской области.
 187. ПКП, № 463, впервые — Свитова, № 13. Каждая строфа кончается общим выкриком «у!». В 4-й строфе исправление Земцовского.
 188. ПКП, № 461, впервые — Добровольский I, с. 163, № 6. Строфика исправлена Земцовским.
 189. ПКП, № 458. Записано в 1929 г. от В. П. Боткиной в Тверской губернии.
 190. ПКП, № 459. Из архива О. И. Капицы в Пушкинском Доме (Р. У. к. 69, п. 15, № 271).

ВОЛОЧЕБНЫЕ

191. ПКП, № 469, впервые — Добровольский I, с. 180, № 21г.
 192. ПКП, № 466, впервые — Шейн, № 1193. В 16-й строке исправлено неверно зафиксированное собирателем на слух и бессмысленное «как шьют» на «кокши́ют» (3-е лицо мн. числа от «кокшить»)
 193. ПКП, № 476, впервые — Добровольский I, с. 183, № 24б.
 194. ПКП, № 478, впервые — Добровольский I, с. 174, № 17а.

З Е Л Е Н Ы Е С В Я Т К И

СЕМИКСКИЕ, ТРОИЦКИЕ

195. ПКП, № 491, впервые — Шейн, № 1203. Цели в семик девушки при выборе березки для праздника.
196. ПКП, № 493, впервые — Усов, с. 126, № 16.
197. ПКП, № 498, впервые — Добровольский I, с. 186, № 7. По примете, если венок остается зеленым всю неделю, то завившая его девушка будет весь год счастлива.
198. ПКП, № 499, впервые — Торонецкие песни, № 16. Каждая строка песни поется дважды.
199. ПКП, № 496, впервые — Снегирев, вып. 3, с. 117.
200. ПКП, № 617, впервые — Харьков II, № 171. Текст такого рода был использован Н. А. Островским для песни Леля в драматической поэме «Снегурочка»: «Туча со громом сговаривались...»
201. КОПС, № 423. Записано в 1973 г. от М. Ф. Кожевниковой в Иркутской области.
202. ПКП, № 504, впервые — Добровольский I, с. 193, № 18.
203. ПКП, № 515, впервые — Терещенко, ч. 6, с. 152. Разбивка на строки Земцовского.
204. ПКП, № 514. Записано в 1967 г. от А. И. Слоновой в Рязанской области.
205. ПКП, № 509, впервые — Добровольский I, с. 191, № 13. Разбивка на строки и редакция Земцовского. *А Дух с Тройцем...* — то есть духов день и троица.
206. КОПС, № 412. Записано в 1971 г. от М. А. Безбородовой в Читинской области.
207. ПКП, № 516, впервые — Добровольский I, с. 187, № 8.
208. КОПС, № 400. Записано в 1971 г. от И. М. Каменской в Новосибирской области.
209. ПКП, № 521, впервые — Сумароков, с. 20.
210. Померанцева II, с. 164, № 9.
211. ПКП, № 524. Записано в 1969 г. от Е. И. Емельяновой в Смоленской области.
212. ПКП, № 537, впервые — Мельников-Печерский, с. 7.
213. ПКП, № 541, впервые — Кедрина, с. 104.
214. ПКП, № 548. Записано в 1969 г. от Ф. М. Ермаковой, М. И. Павловой и других в Смоленской области.
215. КОПС, № 389. Записано от сестер М. И. Агеевой, Ф. И. Зуевой, Ш. И. Конуриной в Новосибирской области.
216. ПКП, № 543, впервые — Рабинович — Харьков. Троицкая песня Ковровского района Владимирской области.
217. КОПС, № 431, впервые — Гуляев I, с. 69—70.
218. ПКП, № 549, впервые — Бутова, с. 253.

219. ПКП, № 552, впервые — Кедрина, с. 105. Эта песня сопровождает обряд похорон «кукушки».
220. ПКП, № 554, впервые — Кедрина, с. 107.
221. ПКП, № 611, впервые — Добровольский I, с. 191, № 14.
222. ПКП, № 561, впервые — Троицкий, № 21. Припев повторяется после каждого двустишия.
223. ПКП, № 559, впервые — Соколов М., № 2. Припев повторяется после каждой строки.
224. ПКП, № 570, впервые — Соколов М., № 14. Каждая строка повторяется дважды, припев после каждой строки. Пели, идя завивать венки. *Луга турдакци* — луга деревни по названию Турдаки.
225. ПКП, № 563, впервые — Свитова, № 19. Последний слог каждой строфы не допеваётся, переходя в «гуканье»: «у!».
226. ПКП, № 565, впервые — Свитова, № 23. Припев повторяется после каждого двустишия.
227. ПКП, № 604. Записано в 1932 г. в Челябинской области.
228. ПКП, № 568, впервые — Терещенко, ч. 6, с. 182.
229. ПКП, № 602. Записано в Сумской области Украинской ССР. Припев повторяется перед каждым двустишием.
230. ПКП, № 574, впервые — Соколов М., № 20.
231. ПКП, № 581, впервые — Добровольский I, с. 188, № 106.
232. ПКП, № 580, впервые — Терещенко, с. 161.
233. ПКП, № 582, впервые — Смирнов А., с. 186.
234. ПКП, № 587. Записано в 1965 г. от А. М. Артемовой. При исполнении каждая строфа завершается выкриком «у!».
235. ПКП, № 596, впервые — Христиансен, № 43.
236. ПКП, № 598. Записано в Сумской области УССР в 1960 г. Припев повторяется перед каждым двустишием.
237. ПКП, № 614, впервые — Чернышев, с. 96, № 9. В этой своеобразной песне-дразнилке высмеивается лень молодой жены: целую неделю она прядет одно веретено пряжи, целый год — один моток и так далее.
238. ПКП, № 610, впервые — Шейн, № 1263. Разбивка на стихи Земцовского.
239. ПКП, № 607. Записано в 1934 г. в Рязанской области. Строфика исправлена Земцовским.
240. ПКП, № 613, впервые — Соколов М., № 4. Припев повторяется после каждой строки.
241. ПКП, № 556, впервые — Добровольский I, с. 198, № 29а. Разбивка на строфы Земцовского.
242. ПКП, № 558, впервые — Христиансен, № 54.

РУСАЛЬСКИЕ

243. ПКП, № 619, впервые — Свитова, № 26. *На святы духовые...* то есть на духов день.
244. ПКП, № 620, впервые — Добровольский I, с. 197, № 28а.
245. ПКП, № 624, впервые — Смирнов М. 1927, с. 33.

ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ

246. ПКП, № 625. Записано в 1957 г. в Саратовской области.
247. КОПС, № 486. Записано в 1977 г. от Д. Г. Исаенко в Новосибирской области.
248. ПКП, № 632, впервые — Соколов М., № 70.
249. ПКП, № 627, впервые — Шейн, № 1258.
250. КОПС, № 487. Записано в 1977 г. от М. И. Макниенко в Новосибирской области.
251. ПКП, № 629, впервые — Шейн, № 1259.
252. ПКП, № 628, впервые — Шейн, № 1257.
253. ПКП, № 633, впервые — Соболев, с. 15.
254. ПКП, № 630, впервые — Усов, с. 128, № 2.

КУПАЛА И ПЕТРОВКИ

КУПАЛЬСКИЕ И ПЕТРОВСКИЕ

255. ПКП, № 660, впервые — Добровольский I, с. 217, № 6.
256. ПКП, № 635. Записано в 1969 г. от Д. Ф. Павловой и Ф. М. Ермаковой в Смоленской области.
257. ПКП, № 638. Записано от А. П. Исаченковой в Смоленской области.
258. ПКП, № 658. Записано в 1969 г. от хора женщин с запевадой К. П. Дудашевой в Смоленской области.
259. ПКП, № 663, впервые — Мельников-Печерский, ч. 3, с. 283. Строфика исправлена составителями.
260. ПКП, № 672, впервые — Добровольский I, с. 216, № 3а. Разбивка на строфы — Земцовского. Припев повторяется после каждого двустишия.
261. ПКП, № 675. Записано в 1969 г. от группы исполнителей (Ф. Е. Ермакова, Д. Ф. Павлова и др.) в Смоленской области.
262. ПКП, № 677, впервые — Халанский, с. 151, № 135. Строфика исправлена Земцовским. Припев повторяется после каждого двустишия.

263. КОПС, № 493, впервые — Леонова, № 92.

264. ПКП, № 642. Записано в 1965 г. от Е. А. Корневой. *Заползуха-змея заломы ломает...* — то есть перевивает стебли ржи или пшеницы с колдовской целью. *Веретейка-змея зажин зажинает* — то есть портит зажин, первую сжатую горсть хлеба.

265. ПКП, № 653, впервые — Добровольский I, с. 218, № 8.

266. ПКП, № 662, впервые — Красноженова, № 29. *Не мают копейцы про души* — то есть не имеют за душой ни копейки.

267. ПКП, № 680. Записано в Сумской области УССР.

268. ПКП, № 682. Записано в 1969 г. от И. П. Казаковой в Смоленской области.

СБОР УРОЖАЯ

ЖНИВНЫЕ

269. ПКП, № 525, впервые — Харьков I, № 5.

270. ПКП, № 691, впервые — Шейн, № 1269.

271. ПКП, № 694, впервые — Шейн, № 1276.

272. ПКП, № 695. Записано в 1964 г. от Е. Ф. Разумовой в Псковской области.

273. ПКП, № 699, впервые — Шейн, № 1274. Исправление Земцовского в стихах 8—10: «загремело» вместо «задремало».

274. ПКП, № 777. Записано в 1920 г. от В. К. Прохоренковой в Смоленской области. Песня жнивная, «овсяная». *Тогда тебе бог сватов Принесет!* — Существует поверье, что удачная жатва предвещает свадьбу.

275. ПКП, № 705. Записано в 1966 г. от К. Л. Снегиревой в Псковской области.

276. ПКП, № 705. Записано в 1966 г. от Е. М. Малаховой в Псковской области.

277. ПКП, № 715. Записано в Смоленской области от М. Ф. Артеменковой в 1969 г. *Ти хотите вы исти...* — то есть хотите ли вы есть.

278. ПКП, № 717, впервые — Шейн, № 1277.

279. ПКП, № 721, впервые — Харьков I, № 9.

280. ПКП, № 723, впервые — Песни Пинежья, с. 489.

281. ПКП, № 727, впервые — Песни Пинежья, с. 439.

282. ПКП, № 730. Записано в 1964 г. от А. А. Степановой в Псковской области.

283. КОПС, № 530. Записано в 1976 г. от У. С. Пигасовой в Новосибирской области.

СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

С В А Д Ъ Б А

СВАТОВСТВО

284. Колпакова, № 32. Записано в 1932 г. от Ф. М. Коржиной в Мурманской области.
285. Пропп, с. 255, впервые — Шейн, № 1444. Записано в Вологодской губернии.
286. Чистов, № 47. Записано в 1868—1870 гг. от И. А. Федосовой в Олонецкой губернии.
287. Севская свадьба, № 9. Записано в 1967—1968 г. от М. А. Шавшиной в Брянской области.
288. Севская свадьба, № 18. Записано в 1966 г. от Е. С. Соломоновой в Брянской области. *А не будет нам годинушки с тобою...* — не будет удачи, доброго времени, хорошей погоды.
289. Колпакова, № 8. Записано в 1954 г. от хора девушек в Вологодской области. *Становись, сын, посреди полу...* — то есть покажи себя хозяином.
290. Колпакова, № 27. Записано в 1971 г. от Н. М. Барышниковой в Архангельской области. Припев повторяется после каждой строки.
291. Потанина I, № 22. Записано в 1971 г. в Томской области.
292. Колпакова, № 47. Записано в 1958 г. от Е. Г. Яшевой, А. Г. Власовой, Е. А. Личутиной в Архангельской области. Окончание песни, представляющее собой корильную песню, Колпаковой выпущено.
293. Колпакова, № 42. Записано в 1927 г. от А. Е. Сивковой в Архангельской области. *Да на пяту становилася...* — распахивалась настезь. *Становилася... напротив матицы.* — «Встать под матицу» означало прийти сватать невесту.
294. Колпакова, № 51. Записано в 1932 г. от Д. Е. Подымниковой Мурманской области.
295. Потанина I, № 7. Записано в 1974 г. от Е. М. Жаворонковой в Новосибирске.
296. Колпакова, № 49. Записано в 1938 г. от А. И. Гневной в Башкирской АССР.
297. Колпакова, № 16. Записано в 1955 г. от хора молодежи в Ленинградской области.
298. Колпакова, № 20. Записано в 1954 г. от хора девушек в Вологодской области.
299. Колпакова, № 28. Записано в 1956 г. от М. Я. Барахматовой в Архангельской области. *Виска* — название деревни.
300. Потанина I, № 35. Записано в 1970 г. от Е. Ф. Пospelовой в Хакасской автономной области.

301. Круглов I, № 203, впервые — Киреевский, № 22.
302. Круглов I, № 209, впервые — Китайник, № 34.
303. Круглов I, № 211, впервые — Михеев, с. 159. Записано в Самарской губернии.

СМОТРИНЫ, СГОВОР (РУКОБИТЬЕ) И ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

СМОТРИНЫ

304. Колпакова, № 30. Записано в 1958 г. от П. П. Владимировой в Архангельской области.
305. Потанина I, № 44. Записано в 1971 г. от М. С. Углановой, П. Ф. Гороховой, П. Ф. Хвощенской в Новосибирской области.
306. Круглов I, № 215, впервые — Павлова, с. 34.
307. Потанина I, № 32, впервые — Гуляев I, с. 3—4.
308. Зырянов, № 26. Записано в 1960 г. от Е. И. Денисовой в Пермской области.
309. Потанина I, № 79, впервые — Гуляев I, с. 10. *Он лодочку спускает во быстрю реку...* — Мотив перевоза через реку или перевода по тонкой мостиночке символически означает переход из девичества в замужество.
310. Потанина I, № 103. Записано в 1971 г. от Ф. И. Лэгогиной в Новосибирской области. Каждая строка повторяется дважды.
311. Потанина I, № 61, впервые — Читинские песни, с. 235—236.
312. Потанина I, № 70, впервые — Читинские песни, с. 240—241. *...в кути за занавесой...* — Во время рукобитья невеста сидела в углу за занавеской.
313. Севская свадьба, № 3. Записано в 1966 г. от А. Г. Бохоновой в Брянской области.
314. Балашов, № 48. Записано в 1962 г. от хора женщин в Мурманской области. Припев повторяется после каждой строки.
315. Потанина I, № 58, впервые — Гуляев II, с. 11.
316. Пропп, с. 258—259, впервые — Киреевский, № 216. Записано в Тверской губернии.

СГОВОР

317. Зырянов, № 58. Записано в 1960 г. от Е. И. Денисовой в Пермской области.
318. Круглов I, № 223, впервые — Киреевский, № 987.
319. Пропп, с. 269—270, впервые — Шейн, № 1983. Записано в Смоленской губернии.
320. Пропп, с. 245, впервые — Шейн, № 1505. Записано в Вологодской губернии.

321. Киреевский, 1977, № 369.
322. Потанина I, № 115, впервые — Логиновский, с. 14—15.
Явно дефектные в оригинале 20-я с начала и 3-я с конца строки исправлены составителями.
323. Потанина I, № 112, впервые — Шишков, с. 82—83.
324. Потанина I, № 144, впервые — Григоровский, с. 13—14. Каждая строка исполняется дважды.
325. Зырянов, № 61. Записано в 1960 г. от А. Д. Томшиной в Пермской области. Припев, по-видимому, повторяется после каждой строки.
326. Зырянов, № 66. Записано в 1962 г. от О. Н. Ничковой в Пермской области.
327. Потанина I, № 121. Записано в 1970 г. от И. С. Никитиной в Читинской области.
328. Бахтин, № 51. Записано в 1957 г. от Н. И. Прокофьевой в Ленинградской области.
329. Потанина I, № 147, впервые — Ларионова, с. 337—338. Записано в Архангельской губернии.
330. Потанина I, № 151. Записано от Д. И. Никитиной в Томской области.
331. Потанина I, № 161. Записано в 1973 г. от В. К. Гридиной в Новосибирской области.
332. Потанина I, № 109, впервые — Швецова, с. 84. Записано в Омской губернии.

ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

333. Колпакова, № 73. Записано в 1958 г. от К. А. Титовой в Архангельской области.
334. Севская свадьба, № 50. Записано в 1967 г. от Ф. Г. Боборыкиной в Брянской области.
335. Колпакова, № 143. Записано в 1954 г. от группы женщин в Куйбышевской области.
336. Колпакова, № 156. Записано в 1932 г. от Ф. М. Кожинной в Мурманской области.
337. Колпакова, № 120. Записано в 1958 г. от П. С. Юрьевой в Архангельской области.
338. Потанина I, № 225, впервые — Шейн, № 2476. Записано в Иркутской губернии.
339. Севская свадьба, № 38. Записано в 1967—1968 гг. от М. А. Шавшиной в Брянской области.
340. Бахтин, № 68. Записано в 1973 г. от М. И. Черноусовой в Ленинградской области.
341. Круглов I, № 176, впервые — Киреевский, № 226.
342. Колпакова, № 118. Записано в 1949 г. от Е. П. Ерофеевой в Саратовской области.

343. Бахтин, № 52. Записано в 1957 г. от М. Н. Тихоновой в Ленинградской области. Строки 5-я, 8-я, 9-я и с 12-й по 23-ю исполняются дважды.

344. Колпакова, № 111. Записано в 1927 г. от Т. И. Рябовой в Архангельской области.

345. Колпакова, № 121. Записано в 1938 г. от Е. Ф. Власовой в Башкирской АССР.

346. Колпакова, № 126. Записано в 1937 г. от А. А. Фроловой в Вологодской области.

347. Колпакова, № 155. Записано в 1949 г. от П. Ф. Фоменкиной и хора старух в Саратовской области.

348. Колпакова, № 161. Записано в 1948 г. от А. И. Васильевой в Ленинградской области.

349. Потанина I, № 237, впервые — Майнов, с. 51.

350. Потанина I, № 287, впервые — Гуревич, № 65. Припев повторяется после каждого двустушия. «К нам не пряльно ведут... не ткально ведут!» — то есть ведут молодую жену, не умеющую прясть и ткать.

351. Круглов I, № 177, впервые — Шейн, № 1579.

ДЕВИЧНИК

352. Потанина I, № 159, впервые — Леонова, № 47.

353. Круглов I, № 219, впервые — Воронов, с. 8. Записано в Новгородской губернии. *Дары* — свадебные подарки невесты жениху и его родственникам.

354. Потанина I, № 163. Записано в 1973 г. от А. П. Черкашиной и П. П. Синенко в Новосибирской области.

355. Круглов I, № 233, впервые — Успенский, с. 100. Записано в Тульской губернии.

356. Круглов I, № 193, впервые — Жаравов, № 4, с. 100. Записано в Архангельской губернии. *Дары* — см. примеч. к № 353.

357. Потанина I, № 296, впервые — Захарченко, с. 148.

358. Потанина I, № 175. Записано в 1971 г. от А. П. Шуховцовой в Новосибирске.

359. Потанина II, № 103, впервые — Кривошапкин. Записано в Енисейском округе.

360. Колпакова, № 200. Записано в 1938 г. от А. И. Разборщиковой в Башкирской АССР. Указания на особенности распева в тексте сняты составителями.

361. Потанина I, № 308, впервые — Шейн, № 2467.

362. Круглов I, № 183, впервые — Шейн, № 1862.

363. Пропп, с. 252, впервые — Рыбников, с. 52. Записано в Олонецкой губернии.

364. Потанина I, № 335, впервые — Ларионова, с. 336—337.

365. Киреевский, 1977, № 357. Записано в Симбирской губернии (запись А. М. Языкова). В записи П. А. Римского-Корсакова эта песня использована: им самим в опере «Сказка о Царе Салтане», П. И. Чайковским в опере «Опричник», А. С. Аренским — в опере «Сон на Волге». ...с своим поездом — то есть со свадебным поездом жениха.
366. Русский фольклор, с. 92, № 2, впервые — Киреевский, № 20. *Не умела Аннушка На головушке управити...* — то есть причесаться по-женски, приладить женский головной убор.
367. Угличские песни, № 46. Записано от А. А. Морозовой в Ярославской области.
368. Потанина I, № 306, впервые — Гуревич, № 75.
369. Круглов I, № 181, Киреевский, 1968, с. 461—462.
370. Круглов I, № 182, впервые — Песни Мезени, с. 204—205.
371. Потанина I, № 178, впервые — Овчинников, с. 790—791.
372. Пропп, с. 272—273, впервые — Шейн, № 2188. Записано в Ярославской губернии.
373. Угличские песни, № 38. Записано от Н. Н. Лосяковой в Ярославской области.
374. Чистов, № 49. Записано в 1886—1887 гг. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска» в Олонецкой губернии. Приводим только вторую часть контаминированного текста. *Гребцы-захарьевцы* — от Захарьевской ярмарки в Нижнем Новгороде или, возможно, по фамилии богатого трактирщика из Толвуи.
375. Потанина I, № 168, впервые — Бартенев, с. 122—123.
376. Потанина I, № 181. Записано в 1976 г. от Л. А. Мещеряковой и М. С. Мещеряковой в Новосибирской области.
377. Потанина I, № 197. Записано в 1889 г. от Е. А. Красноженовой в Томской области. Припев повторяется через каждые две строки. *Двое-трое ворота.* — Имеются в виду обрядовые свадебные ворота, через которые проводили жениха и невесту.
378. Потанина I, № 359, впервые — Кон, № 43.
379. Колпакова, № 186. Записано в 1951 г. от группы женщин в Свердловской области.
380. Киреевский, 1977, № 361. Записано в Симбирской губернии. Запись А. М. Языкова.
381. Русский фольклор, с. 98, № 16, впервые — Киреевский, № 332.
382. Колпакова, № 185. Записано в 1947 г. от А. А. Макаровой в Ленинградской области.
383. Круглов I, № 185, впервые — Померанцева II, с. 175—176. Смысл песни в том, что «бабьей красоты» не существует, что после выхода замуж она пылится «на печи в углу».
384. Бахтин, № 63. Записано от М. Н. Тихоновой в Ленинградской области. ...спасибо... *Что на парю и на баенке...* — то есть спасибо за пир, за баню и прочее.

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ

385. Колпакова, № 207. Записано в 1927 г. от А. Д. Ботовой в Архангельской области.
386. Зырянов, № 110. Записано в 1963 г. от Н. С. Галиновой в Пермской области. *Мне закон да божий приимати* — венчаться.
387. Колпакова, № 211. Записано в 1949 г. от группы женщин в Саратовской области.
388. Колпакова, № 224. Записано в 1949 г. от Д. А. Шишкиной в Саратовской области.
389. Колпакова, № 228. Записано в 1932 г. от К. И. Кузнецовой в Мурманской области. Припев повторяется после каждой строки. *Пóлушка* — помост, служивший кроватью или, возможно, полог, за которым сидела невеста.
390. Колпакова, № 229. Записано в 1954 г. от Т. В. Колосовой и Е. И. Болисовой в Куйбышевской области.
391. Колпакова, № 255. Записано в 1932 г. от Ф. Т. Дворниковой в Мурманской области.
392. Колпакова, № 269. Записано в 1929 г. от Е. И. Безумовой в Архангельской области.
393. Балашов, № 30. Записано в 1962 г. от хора женщин в Мурманской области.
394. Чистов, № 56, впервые ПСК III, с. 252, № 1. Записывалось в 1868—1870, в 1886—1887 и в 1895 гг. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска». Припев повторяется после каждой строки.
395. Колпакова, № 270. Записано в 1929 г. от Е. И. Безумовой в Архангельской области. *Ваши по наши* — то есть ваши сваты по нашу невесту. *У венцу* — во время венчания.
396. Потанина II, № 174, впервые — Неклепаев, с. 160—161.
397. Потанина II, 196, впервые — Авдеева, № 12, с. 125—126. *Ты спиши лицо белое На столе белодубовом.* — Дочь просит отца, чтобы он велел нарисовать на столешнице ее портрет.
398. Потанина II, № 193, впервые — Майнов, с. 50.
399. Потанина II, № 176, впервые — Читинские песни, с. 252—253.
400. Чистов, № 57, впервые ПСК III, с. 255, № 4. Записано в 1868—1880 гг. от И. А. Федосовой в Олонецкой губернии, вторично записано от нее в 1886—1888 гг.

СБОРЫ СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА ВО ДВОРЕ ЖЕНИХА

401. Разумова, с. 165—166. Записано в 1972 г. от П. И. Карельской в Карельском поморье.
402. Потанина II, № 234, впервые — Неклепаев, с. 163. *Великая большая пятница* — пятница на страстной неделе перед пасхой.

403. Потанина II, № 228, впервые — Авдеева, № 18, с. 138.
 404. Потанина II, № 226, впервые — Кашин, с. 157—158.
 405. Потанина II, № 281, впервые — Арефьев, с. 75—76. Записано в Енисейской губернии.
 406. Зырянов, № 122. Записано в 1968 г. от Е. А. Белкиной в Пермской области. Припев, по-видимому, повторяется после каждой строки.

ПРИЕЗД ЖЕНИХА. СТОЛ В ДОМЕ НЕВЕСТЫ

407. Потанина II, № 303, впервые — Гуляев II, с. 27—28.
 408. Круглов I, № 228, впервые — Акимова, с. 136. Записано в Саратовской области.
 409. Круглов I, № 231, впервые — Дементьев, с. 117. Записано в Костромской губернии.
 410. Бахтин, № 77. Записано от М. Н. Тихоновой в Ленинградской области. Строки 3-я, 8-я, с 10-й по 32-ю и с 35-й по 39-ю исполняются дважды.
 411. Круглов I, № 189, впервые — Песни Прииртышья, с. 39. *Бояре полковы* — дружки, возглавляющие свадебный поезд.
 412. Круглов I, № 190, впервые — Песни Урала, с. 71—72.
 413. Зырянов, № 121. Записано в 1959 г. от А. Ф. Корякиной в Пермской области. Припев повторяется после каждой строки.
 414. Пропп, с. 270—271, впервые Киреевский, № 906.
 415. Круглов I, № 230, впервые — Элиаш, с. 16—17. Записано в Белгородской области.
 416. Потанина II, № 414, впервые — Гуляев II, с. 40—41. *Подле берег колымагу несет...* — то есть вдоль берега едет свадебная повозка невесты.
 417. Потанина II, № 290, впервые — Кашин, с. 172.
 418. Зырянов, № 131. Записано в 1960 г. от А. П. Черепановой в Пермской области.
 419. Балашов, № 37. Записано в 1961 г. от Чуриловой и Чунинной в Мурманской области. Припев повторяется после каждого двустишия.
 420. Зырянов, № 138. Записано в 1947 г. от Д. А. Судницыной в Пермской области.
 421. Балашов, № 13. Записано в 1962 г. от хора женщин в Мурманской области. *Не в любви приходили...* — то есть не понравились.
 422. Разумова, с. 132—134. Записано в 1971 г. от А. А. Постниковой в Карельском Поморье.
 423. Разумова, с. 136—137. Записано в 1972 г. от А. В. Ларионовой в Карельском Поморье.
 424. Разумова, с. 177—179. Записано в 1972 г. от А. М. Клюкиной

в Карельском Поморье. *Не сколь он не учён... столько хорошо да еще снаряжён...* — то есть хоть и очень умен, но одет еще лучше.

425. Потанина II, № 321, впервые — Кривошапкин, с. 76.

426. Зырянов, № 145. Записано в 1964 г. от П. Д. Головиной в Пермской области.

427. Зырянов, № 146. Записано в 1960 г. от Е. И. Денисовой в Пермской области.

МОЛОДЫЕ ПРИЕЗЖАЮТ В ДОМ ЖЕНИХА. БОЛЬШОЙ, ИЛИ КНЯЖИЙ, СТОЛ

428. Зырянов, № 141. Записано в 1960 г. от А. Д. Томшиной в Пермской области.

429. Потанина II, № 392, впервые — Вагин, № 51, с. 75.

430. Потанина II, № 354, впервые — Ларионова, № 10.

431. Потанина II, № 356, впервые — Гуляев II, с. 11—12.

432. Потанина II, № 365, впервые — Гуляев II, с. 6.

433. Потанина II, № 370, впервые — Ларионова, № 5.

434. Кравченко, № 204. Записано от Горбушиной на Дону в Урюпинском районе.

435. Пронп, № 301, впервые — Киреевский, № 779. *Перевел девчинушку...* — См. примеч. к № 309.

436. Зырянов, № 154. Записано в 1964 г. от П. И. Жуновой в Пермской области. *Ой, трубочату косу Да расплету...* — Такая смена прически (две бабьи косы вместо одной девичьей) символизирует переход в замужество.

437. Кравченко, № 175. Записано от Д. Селивановой на Дону. *Хотят мою русую раздвоити.* — См. примеч. к № 436.

438. Круглов I, № 196, впервые — Китайник, № 25.

439. Пронп, № 294, впервые — Шейн, № 557. Записано в Вологодской губернии.

440. Потанина II, № 458. Записано от А. М. Халуяновой в Томской области. *«Вот тебе, косонька, Век вековать».* — См. примеч. к № 436.

441. Чистов, № 52, впервые — Агренева, с. 58—59. Записано в 1886—1888 гг. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска». Повторно записано от Федосовой в 1895 г.

442. Пронп, с. 263, впервые — Шейн, № 1870. Записано в Рязанской губернии.

443. Потанина II, № 438, впервые — Кон, № 38.

444. Киреевский 1977, № 363. Записано в Симбирской губернии (запись А. М. Языкова).

445. Потанина II, № 448. Записано в 1978 г. от В. А. Балабуховой и Л. С. Матушковой в Красноярском крае. Каждая строка исполняется дважды. *...две косы — одна волюшка.* — См. примеч. к № 436.

446. Чистов, № 55, впервые — ПСК III, с. 253, № 2. Записано от И. А. Федосовой в 1886 г. в Олонецкой губернии. Приведенный вариант был обработан и издан М. А. Балакиревым и использован С. М. Ляпуновым в «Торжественной увертюре на русские темы».

447. Пропи, с. 291, впервые — Балакирев, № 11. Записано в Среднем Поволжье.

448. Потанина II, № 489, впервые — Протасов, с. 17. Записано в Иркутской губернии.

449. Круглов I, № 198, впервые — Киреевский, № 375.

450. Кирюхин, № 196. Записано в 1962 г. от Е. Е. Долговой в Дагестане.

451. Колпакова, № 260. Записано в 1954 г. от группы женщин в Куйбышевской области.

452. Чистов, № 61, впервые — Агренева, с. 111—114. Записано в 1886 г. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска», текст и мелодия повторно записаны в 1895 г. Припев повторяется после каждой строки.

453. Потанина II, № 495, впервые — Ларионова, № 11, с. 341.

454. Колпакова, № 276. Записано в 1949 г. от хора старух в Саратовской области. Каждая строчка поется дважды.

455. Колпакова, № 257. Записано в 1932 г. от К. И. Кузнецовой в Мурманской области.

456. Потанина II, № 482, впервые — Гуляев II, с. 20. *...село заведем* — заведем дом и хозяйство.

457. Потанина II, № 478, впервые — Авдеева, № I, с. 95—96.

458. Потанина II, № 477. Записано в 1970 г. от Несмоленко в Кемеровской области. Каждая строка исполняется дважды.

459. Потанина II, № 509. Записано в 1970 г. от А. Канашковой в Томской области. Каждая строка исполняется дважды.

460. Балашов, № 34. Записано в 1961 г. от хора женщин в Мурманской области.

461. Потанина II, № 501. Записано в 1970 г. от В. М. Ивановой в Читинской области.

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

462. Зырянов, № 216. Записано в 1947 г. от Д. А. Судницыной в Пермской области.

463. Чистов, № 48. Записано в 1886—1870 гг. от И. А. Федосовой в Олонецкой губернии. Текст не вошел в ПСК III, публикуется по архивной записи (ГИМ, ф. 450, ед. хр. 46, с. 228).

464. Бахтин, № 72. Записано от М. Н. Тихоновой в Ленинградской области. Строки 2—4, 7, 10, 19, 28, 33 исполняются дважды. *Не суме.ла...*

Буйну голову повязывать — то есть повязывать так, как положено замуженной женщине.

465. Чистов. № 62, впервые — ПСК III, с. 254—255. Записано в 1868—1870 гг. и вторично в 1886—1888 гг. от И. А. Федосовой в Олонецкой губернии. *Китай-город* — древнейшая часть Московского посада, примыкавшая к Кремлю, в XVI—XVIII веках — центр московской торговли.

466. Пронн, с. 304, впервые — Шейн, № 1879. Записано в Рязанской губернии.

467. Круглов I, № 238, впервые — Киреевский, № 818. *Калачи тертые*. — Ср. пословицу «Не терши, не мявши, не будет калача».

468. Круглов I, № 235, Киреевский, 1968, с. 326—327.

469. Пронп, № 290, впервые — Киреевский, № 175. Записано в Тверской губернии.

470. Зырянов, № 222. Записано в 1964 г. от П. Д. Головиной в Пермской области. В строке 11-й и 12-й «строчена» исправлено на «стращена».

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ И КОРИЛЬНЫЕ

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ

Молодому

471. Потанина II, № 240, впервые — Шишков, с. 101—102.

472. Кирюхин, № 155. Записано в 1968 г. от А. А. Монаховой в Дагестане.

473. Разумова, с. 119—123. Записано в 1971 г. от Н. В. Пайкачевой в Карельском Поморье. Припев повторяется после каждой строки. *Со своей запорученной...* — то есть с обещанной жениху невестой.

474. Потанина II, № 257, впервые — Авдеева, с. 104.

475. Колпакова, № 290. Записано в 1929 г. от У. Т. Тороповой в Коми АССР.

476. Колпакова, № 296. Записано в 1949 г. от группы пожилых женщин в Саратовской области.

477. Колпакова, № 299. Записано в 1938 г. от Ф. С. Авдеевой и хора в Башкирской АССР.

478. Колпакова, № 302. Записано в 1949 г. от хора старух в Саратовской области.

479. Колпакова, № 369. Записано в 1950 г. от Н. С. Ознобицовой в Свердловской области. Припев повторяется после каждой строки.

480. Зырянов, № 163. Записано в 1963 г. от А. Д. Томшиной в Пермской области.

Молодой

481. Круглов I, № 12, впервые — Копаневич, с. 157. Записано в Псковской губернии.

482. Круглов I, № 15, впервые — Гринкова, с. 138. Записано в Тверской губернии.

483. Круглов I, № 11, впервые — Шейн, № 1751.

484. Колпакова, № 283. Записано в 1949 г. от группы пожилых женщин, в Саратовской области.

Новобрачным

485. Колпакова, № 313. Записано в 1956 г. от З. В. Игнатьевой в Ленинградской области.

486. Разумова, с. 111—112. Записано в 1971 г. от Н. В. Пайкачевой в Карельском Поморье. *На горочке деревце... Соболями обóцвело.* — Имеется в виду ритуальное свадебное деревце, имевшее то же символическое значение, что и красота. Собошь здесь (в некоторых вариантах — куна) одновременно обозначение невесты и эротический символ. *Да не стом да не дрúгима, Да не целой счётной тысячай...* — ни за сто рублей, ни за двести, ни за тысячу.

487. Пропп, № 281, впервые — Киреевский, № 213. Записано в Тверской губернии.

488. Севская свадьба, № 8. Записано в Брянской области.

489. Колпакова, № 312. Записано в 1949 г. от группы старух в Саратовской области.

490. Колпакова, № 315. Записано в 1927 г. от Т. А. Мерзлой в Архангельской области. В предпоследней строке исправлено явно ошибочное «повинная» на «павиная» (см. параллелизм: лебединая — павиная). *У Нико́лы* — у Никольской церкви.

491. Колпакова, № 327. Записано в 1927 г. от М. Томиловой в Архангельской области.

492. Колпакова, № 328. Записано в 1929 г. от А. М. Рыжовой в Архангельской области.

493. Потанина II, № 485, впервые — Вагин, № 74.

494. Чистов, № 58—59, впервые — Агренева, вып. II, с. 108. Записано в 1886—1887 гг. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска» в Олонецкой губернии.

Свахе

495. Колпакова, № 345. Записано в 1927 г. от Е. А. Дорофеевой в Архангельской области.

496. Колпакова, № 348. Записано в 1958 г. от группы женщин в Архангельской области.

497. Зырянов, № 187. Записано в 1955 г. от Е. М. Усаниной в Пермской области.

498. Зырянов, № 188. Записано в 1968 г. от Е. А. Белкиной в Пермской области.

499. Круглов I, № 48, впервые — Шейн, № 1999.

500. Зырянов, № 189. Записано в 1964 г. от П. Д. Головиной в Пермской области.

Тысяцкому и дружкам

501. Зырянов, № 181. Записано в 1960 г. от А. П. Черепановой в Пермской области. *Княжой большой* — старший в поезде жениха.

502. Зырянов, № 182. Записано в 1960 г. от А. Д. Томшиной в Пермской области.

503. Потанина II, № 249. Записано от Н. Д. Черепановой в Иркутской области.

504. Круглов I, № 28, впервые — Паули. Записано в Вологодской губернии.

505. Колпакова, № 338. Записано в 1958 г. от М. П. Спешовой в Архангельской области.

506. Зырянов, № 180. Записано в 1958 г. от П. Н. Кузнецовой в Пермской области.

507. Потанина II, № 245, впервые — Майнов, с. 58.

508. Потанина II, № 260, впервые — Языков, с. 125—126.

509. Круглов I, № 33, впервые — Киреевский, № 768.

510. Круглов I, № 37, впервые — Кривошапкин, с. 113.

Холостым парням и девушкам

511. Круглов I, № 1, впервые — Элиаш, с. 29—30. Припев повторяется после каждого стиха.

512. Круглов I, № 60, впервые — Уральский фольклор, № 26.

513. Круглов I, № 66, впервые — Васнецов, № 200. Далее аналогичный припев повторяется после каждых двух стихов.

514. Круглов I, № 69, впервые — Мурин, с. 148. Каждый стих, кроме 3-го и 4-го, поется дважды.

515. Круглов I, № 71, впервые — Киреевский, № 795.

516. Круглов I, № 73, впервые — Киреевский, 1968, с. 481.

Женатым свадебным гостям и родственникам

517. Потанина II, № 462. Записано от Юдина в Читинской области.

518. Зырянов, № 203. Записано в 1962 г. от О. Н. Ничковой в Пермской области.

519. Зырянов, № 205. Записано в 1962 г. от М. И. Ермаковой в Пермской области. *На пару жду* — то есть жду в спутницы.
520. Зырянов, № 207. Записано в 1960 г. от Е. И. Денисовой в Пермской области. *Покча* — название деревни.
521. Зырянов, № 208. Записано в 1960 г. от А. И. Черепановой в Пермской области.
522. Круглов I, № 82, впервые — Киреевский, 1968. Эта песня записана А. С. Пушкиным.
523. Круглов I, № 85, впервые — Смирнов М., 1922, с. 19.
524. Круглов I, № 89, впервые — Смирнов М., 1922, с. 17. *Он бумажками-то ізбу крыл...* — бумажными деньгами.
525. Зырянов, № 173. Записано в 1960 г. от А. П. Черепановой в Пермской области. *Вязовая черемуха* — гибкий черемуховый прут, непригодный для перехода через реку.
526. Зырянов, № 198. Записано в 1955 г. от Е. М. Усаниной в Пермской области.
527. Круглов I, № 92, впервые — Померанцева, с. 156.
528. Зырянов I, с. 125—126. Записано в Пермской области.
529. Колпакова, № 375. Записано в 1954 г. от Т. В. Колосовой и Е. И. Болисовой в Куйбышевской области.
530. Колпакова, № 381. Записано в 1954 г. от Е. К. Медянцева в Куйбышевской области.
531. Колпакова, № 386. Записано в 1955 г. от А. Н. Шишеловой и хора девушек в Коми ССР.
532. Колпакова, № 397. Записано в 1956 г. от К. Ф. Бараковой в Архангельской области. Припев повторяется после каждого двустушия.
533. Колпакова, № 401. Записано в 1954 г. от группы женщин в Куйбышевской области.
534. Зырянов, № 202. Записано в 1960 г. от Е. И. Денисовой в Пермской области.
535. Пропп, № 285, впервые — Киреевский, № 472.

КОРИЛЬНЫЕ

- Жениху, невесте, свату и свахе, тысяцкому и дружкам, гостям**
536. Круглов I, № 102, впервые — Шейн, № 2348.
537. Круглов I, № 165, впервые — Добровольский I, с. 190.
538. Разумова, с. 114—116, записано в 1972 г. от М. И. Пайкачевой в Карельском Поморье.
539. Зырянов, № 185. Записано в 1960 г. от М. И. Калининой в Пермской области. *...тысячко не обмен ли* — то есть не подменен ли тысяцкий.
540. Круглов I, № 121, впервые — Мякутин, с. 105.

541. Померанцева II, с. 194. Записано в 1938 г. от Т. Я. Лобовой в Ярославской области.

542. Круглов I, № 129, впервые — Сахаров, ч. 3, с. 466—467. 11-я строка исправлена составителями.

543. Круглов I, № 143, впервые — Киреевский, 1968, с. 208. Песня записана А. С. Пушкиным.

544. Зырянов, № 190. Записано в 1968 г. от А. М. Ждановой в Пермской области. *Исподки* — здесь: варежки, которые надевались под кожаную рукавицу.

545. Потанина II, № 246, впервые — Логиновский, с. 48—49. 4-я, 6-я, 9-я и 13-я строки поются дважды.

546. Круглов I, № 149, впервые — Дилакторский, с. 165.

547. Круглов I, № 163, впервые — Шейн, № 1627.

548. Круглов I, № 103, впервые — Киреевский 1968, с. 205—206.

549. Круглов I, № 108, впервые — Мурин, с. 123—124. Аналогичный припев повторяется после каждых двух строк.

ПРИЧИТАНИЯ

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

550. Причитания, с. 363—366, впервые — Шейн, № 1663. Записано в Новгородской губернии. *Отродесь своих* — отроду, с самого рождения. *Зимнее обряжаньице* — зимняя домашняя женская работа. *Отходящая работушка* — полевая работа. *Засвечать-то воскову свечу...* — Свечи зажигались во время рукобитья в знак того, что сговор состоялся, невеста просватана. *Запоручивать красну красоту* — просватать девушку.

551. Причитания, с. 366—368, впервые — Шейн, № 2184—2185. Записано в Ярославской губернии. *В косу лента не вплетёная, С красотой на стол положена...* — См. примеч. к № 436.

552. Причитания, с. 368—371, впервые — Шейн, № 1670. Записано в Новгородской губернии. В 9-й строке снизу исправлено ошибочное у Шейна «Не стогня» на «Не с огня». *Я отворяла двери на пята И дубовую доску на стену...* — то есть открывала дверь и ставень окна настежь.

553. Причитания, с. 372—376, впервые — Михайлов, № 54. Записано в 1938 г. от М. Ф. Павковой в Карельской АССР. Исправлено ошибочное у Михайлова «Не судимую сторонушку» на «На судимую сторонушку», то есть ту, где суждено жить. *Клади волюшку в неволюшку Да сердечко в печеньице* — то есть сменили волю на неволю, а сердце наполнили заботой. *Я за ваше возвращеньице...* — то есть за то, что вы меня растили. *...ни на поле долиночки... ни в доме половиночки...* — то есть ни доли

пашенной земли, ни части дома. ...от ветру становилася... — защищалась от ветра.

554. Причитания, с. 376—378, впервые — Михайлов, № 54. Записано в 1938 г. от М. Ф. Павковой в Карельской АССР. *Сонный рассудитель* — толкователь снов.

555. Причитания, с. 378—386, впервые — Михайлов, № 59. Записано в 1938 г. от М. Ф. Павковой в Карельской АССР. *Колесист сарай* — сарай, в котором хранятся телеги и повозки. *Вы за девушку имаетесь...* *С золотой казной считается* — то есть если берете девушку, то за нее надо платить. *Кровли кутают бумажкама* — то есть бумажными деньгами. *На двенадцати на тресточках...* — из двенадцати полотнищ материи. *Петроград да со бурлакама...* — Крестьяне (бурлаки) из северных губерний, уходившие в город на поиски работы, обычно направлялись в Петербург (здесь, как дань новому времени, Петроград). *Местна богородица.* — Местными (наместными) назывались нижние, постоянные иконы в церковном иконостасе.

556. Причитания, с. 387—389, впервые — Леонтьев, с. 85. Записано в апреле 1938 г. от М. Р. Голубковой в Нижнепечорском крае. *Тони убойные* — морской зверобойный промысел. *Как в расстанюшке житья девьего...* — то есть при расставании с девичьей жизнью.

ПОХОРОННЫЕ, БЫТОВЫЕ И РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

557. Причитания, с. 238—242, впервые — Шайжин, с. 204. Записано от Н. С. Богдановой. *Водушки у нас да не наловятся* — то есть не будет наловлена рыба.

558. Причитания, с. 251—252, впервые — Михайлов, № 9. Записано в феврале 1938 г. от А. М. Пашковой в г. Петрозаводске.

559. Причитания, с. 276—278, впервые — Михайлов, № 8. Записано в феврале 1938 г. от А. М. Пашковой в г. Петрозаводске. *Что придет зябель на сердечушко* — то есть захолонет сердце. *И ничем была не нужная...* — ни в чем не знала нужды.

560. Причитания, с. 289—290, впервые — Гроховский, № 10.

561. Причитания, с. 290—292, впервые — Барсов II, с. 84. Записано в 1870 (?) г. от И. А. Калиткиной в Новгородской губернии. *В остатние, в послдние* — в последний раз. *О господнеем о праздниче...* — на рождество. *Из городов-то понизовниих... украинниих...* — то есть из дальних городов и стран.

562. Причитания, с. 307, впервые — А. Суворовский, с. 93. Записано от Е. Денисовой в Новгородской губернии. *Неверная земелюшка* — земли, где живут неверные (не христиане). *И питья-то не пьют церковного...* — то есть остаются без причастия.

563. Причитания, с. 327—328, впервые — Соколовы, с. 401. Записано от А. Ф. Карповой в Новгородской губернии. *Не лóбую да подороженьку...* — то есть не туда, куда хотелось бы. *Присусьё великоё* — воинское присутствие, пункт сбора рекрутов. *Приставить под мерушку казенную* — измерить рост.

ПЛАЧИ - ПОЭМЫ И. А. ФЕДОСОВОЙ

564. Чистов, № 1, впервые — Современные известия, 1870, № 212. Вторично с некоторыми расхождениями: Барсов, ч. 1, с. 282—288. В обеих публикациях выпущены строки (видимо, по цензурным обстоятельствам) от «Как сберуются в божью церковь посвящённую» до «Как у старых стариков было рассказано», позже ставшие известными из статьи Барсова «Об олонецком песнетворчестве» (Записки РГО, 1883, т. 3, с. 516) и из предисловия к кн.: Барсов, ч. 2, с. XII. Впервые восстановлено в кн.: Причитания, с. 53—58. О факте, легшем в основу того плача-поэмы, см. с. 420. *Соболезновал об обчестве собраном...* — то есть заботился об интересах всей общины. *От этих мировых да злых посредников* — то есть чиновников, которые после реформы 1861 г. ведали крестьянскими делами. *Земская изба* — официальное помещение крестьянской общины. *Уж нет ли где корыстного делишечка* — то есть не продавали ли крестьяне хлеб нового урожая до уплаты податей. *Он в походню по покоям запыхивае...* — то есть станет быстро взволнованно ходить. *...быв пламень как...* — то есть будто пламень. *Хоть своей казной теперь да долагайте-тко...* — Старосты своим имуществом отвечали за исправный сбор податей. *Буде взыщется* — найдется ли. *Киж и Толвуя* — названия заонежских деревень.

565. Чистов, № 2, впервые — Барсов, ч. 1, с. 288—293, под заголовком «Из плача о писаре». Что при этом было выпущено и по каким соображениям, осталось неизвестным. В настоящем издании (на основе сборника «Причитания») восстановлен порядок строк от «Как во досюльны времена» до «вроде как козлиная», нарушенный в издании Барсова при наборе и переписке. *В окиян-море ловцы вдруг пригодились...* — то есть оказались ко времени. *Крестовой милой кумушко* — то есть имеющий общего крестника с причитающей.

566. Чистов, № 5, впервые — Барсов, ч. 1, с. 293—298. *...трудным трудится...* — тяжело болен. *Начало полагал он по-писаному...* — то есть читал вступительную молитву так, как полагается по церковным книгам. *Буде малой тут благоденец тяжёшенек...* — то есть если малый младенец тяжело болен. *Быдто дитяtko буде исповедано* — как будто ребенок был ранее исповедан. *Рукописание* — документ о естественной смерти ребенка. *Запоходят* — уйдут. *Еще больше е причётен-то церковных...* — причетников, священно- и церковнослужителей одного прихода. *Ризы*

опальные.— Не вполне ясная строка; может быть, опальные — палевые, то есть розовато-желтые: похоронный обряд полагалось отправлять в белых или светлых ризах. *Свечи наместные* — большие свечи в церкви у икон. *Херувимские стихи* — церковные песни, начинающиеся словами «Иже херувимы».

567. Чистов, № 8, впервые — Барсов, ч. 1, с. 114—125. *Родитель мой межонной день* — собственно: длинный летний день; здесь: устойчивая метафора типа «родитель-солнышко». *По уму сложу* — составлю по твоему желанию. *Я повыну ейно цветно это платьеце...*— Следующие одиннадцать строк интересны как редкий образец описания облачения невесты середины XIX века в фольклоре. *Посмотрели бы во матерну утробушку...* — то есть посмотрели бы, что делается внутри у матери. *Ведь наряжена, кажись, была покрутушка...* — приготовлена одежда (приданое). *Освобожена гостиная неделюшка...* — освобождена традиционная неделя для гощения у родственников. *Вопрягú тебе ступистая лошадушка...* — всегда для тебя наготове запряженная быстрая лошадь. *...по унылым по свадебкам* — то есть по печальным (так как на них причитают). *«Сыто идется... да долго выпится»* — сытно ест, да долго спит. *Знать что* — как будто, наверно. *...при крутом ю зголовице* — на смертном одре. *Аль умножила крестьянска вас работушка* — или увеличилось у вас работы. *Светлое Христово воскресеньице* — пасха. *Сожидаяча родима засмотреньица...* — ожидая родственного посещения. *Я бы стала со тяжёла неможеньица, От этого я складнего зголовица* — то есть встала бы с постели, оправилась бы от болезни. *Пономарь звонит во колокол — мешается, Попы-отцы книги зачитаются* — то есть пономарь сбивается, попы ошибаются при чтении. *Умёрший венец уж прилагают, под праву руку бумагу кладавают...* — На чело усопших клалась лента, а в руки — «отпускная» молитва. *Честно-именно... отпíли* — отпели точно, так, как полагается. *На крещенскую на славну оны уличку, На... славну буяву...* — на кладбище и на могилу. *Как раздать куды любимая покрутушка.* — Приданое умершей девицы полагалось раздать молодежи. *Пусть спасают* — то есть молятся о спасении. *Дружна разговорчица* — подружка-собеседница. *Вы обидные вси дочери безотние* — обиженные сироты.

568. Чистов, № 7, впервые — Барсов, ч. 1, с. 37—44. Публикуется заключительная часть плача, носящая поминальный характер. *Мне пойти было* — мне надо было бы пойти. *Мелкорубленные клеточки* — чуланы, клетки. *Мне не дать спеси во млáду во головушку, Суровьства да во ретливое сердечушко...* — то есть не гордиться, не спесивиться и ни на кого не сердиться. *Надо силушка держать да мне звериная, Потяги надо держать да лошадиные; Столько живучи без милоей семеюшки...* — то есть надо быть сильной и сдержанной, живя без милого мужа. *В собраньице* — в сборе. *Тоже дольщица ведь ты — да не подворница...* — то есть совладелица, а не батрачка. *Разрядят ли на крестьянску хоть работушку...* — то есть какую поручат работу.

569. Чистов, № 11, впервые — Барсов, ч. 2, с. 248—261. *Мы во живности его да не считали* — то есть не думали, что он жив. *Они дуют с ним ведь доброе здоровьице...* — то есть здороваются. *При последи* — в последний раз. *Светлое Христово воскресеньце* — пасха. *Даваться ночевать* — проситься на ночлег. *Я бы встритила, победнушка, за тысячу...* — то есть за тысячу верст. *Билет* — отпускной билет рекрута. *И большаком да по дому я настоятелем* — то есть главой семьи вместо умершего отца. *И не отстать бы-то от резвых от ноженёк* — то есть не потерять бы, не отморозить бы ноги. *И свою сторону да мы тут проклинали...* — В состав присяги входила формула: «забыть отца и мать». *И мы бы наняли охотна добра молодца...* — Начиная с 40-х годов XIX века правительство допускало замену рекрутов путем найма добровольцев («охотников», «нанемщиков»).

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ И УСТОЙЧИВЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗАМЕН

- Багрецовый* — крашенный алой краской (багрецом) или увитый пурпурной тканью.
- Бажёный* — любимый, желанный.
- Бажить* — очень хотеть, сильно желать.
- Байна, байница* — баня.
- Баса* — красота.
- Басистый, баский, баской* — красивый.
- Благоденец* — младенец.
- Блудить* — бродить, блуждать.
- Богатина, богатчина* — богач.
- Богоданный* (родитель, брат и т. д.) — родственник по жене или по мужу.
- Болёска* — болезнь.
- Болозь* — благо.
- Борть* — улей, выдолбленный в живом дереве.
- Браный, шит-бран* — вытканый узорами.
- Братыня, братина* — большая медная чаша с рыльцем для кваса или пива.
- Брилы* — широкие, полные губы.
- Брюзга, брудга* — сваха.
- Буда* — строение, избушка (от «будовать» — строить, делать кирпичную кладку).
- Бульё* (вероятно, от «било») — набалдашник или кольцо, которыми стучались в ворота.
- Бурлаки* — крестьяне, уходившие в город в поисках работы.
- Бурмитский, бурмыжский* (жемчуг) — крупный искусственный жемчуг, привозившийся из города Урмуз (Ормузд) в Персидском заливе.
- Бутылышко* (от «бутыль») — голень, нижняя часть ноги птицы.
- Былица* — былинка, травинка. В разных областях так называют полынь, пупавку, поповник и другие травы; многие травы использовали при гадании или приписывали им особые «охранные» свойства.
- Быстерь* — стрежень, место наиболее быстрого течения реки.
- Верес* — вереск.
- Веретейка* — ядовитая змея.

- Верещатый* — украшенный наличниками, столбиками.
- Верей* — косяк, столбик.
- Верчатный, верчатый, берчатый* — затканый или вышитый узорами.
- Вершник* — всадник, едущий верхом впереди свадебного поезда.
- Веселийка* (от «веселье») — свадьба.
- Ветляной* — быстрый.
- Ветьтик* — ветка, веточка.
- Вехор, вехорь* — сильный ветер, вихрь.
- Вечеря* — ужин.
- Вёдро* — хорошая, ясная погода.
- Вилавый* — извилистый.
- Винтовать* — вертеться вокруг кого-либо, увиваться.
- В любви* — в любви, в согласии.
- Волочиться* — тащиться, шататься.
- Воля, вольна волюшка* — девичий головной убор в виде широкой ленты, обычно вплетенной в косу.
- Вопотай* — тайно.
- Ворочать* — возвращать.
- Ворошок* (от «ворох») — конна.
- Во се* — вот как.
- Воскликать* — окликать, звать.
- Восьмина* — см. осьмина.
- Всекрасота* — самое красивое место.
- Вток* — клиновидная вставка между штанинами.
- Выводы* — балкон или галерейка у крестьянской избы.
- Гайтан* — лента.
- Гласевая, газетовая* — парчевая.
- Глуздить* — скользить.
- Гнездо* (веников, горшков, корзин) — два однородных предмета, употребляемых вместе или соединенных друг с другом.
- Годяйка* — умелая ловкая женщина, способная угодить.
- Голік* — веник из березовых прутьев.
- Головастый* (лапоть) — плотное плетения, плетеный в частоквырку
- Головка* — носок лаптя, санoga.
- Головушка кручинная, многопобедная, победная, спобедная* — мать, жена покойного или рекрута.
- Головушка надёжная, семейная* — муж.
- Головушка наживная* (о сыне, муже) — кормилец, добытчик.
- Головушка удалая* — солдат.
- Голубина* — голубятня.
- Гольный* — см. нагольный.
- Город, городь* — огород.
- Гостбицо* — праздник, веселье.
- Гостина* — свадебное застолье, гощение.

- Гостинный* — купеческий (от «гость» — купец).
- Гребелка* — гребень.
- Грубка* — печь или комнатная печная труба.
- Грузко, грузно, груско* — грустно.
- Грузная* — беременная.
- Грядка* — шест для развешивания одежды, прикрепленный к поперечной балке избы и отгораживающий женскую половину.
- Гряная, игряная* (неделя) — русальская.
- Гряновитый, горновитый* — из граненого камня.
- Гульбище* — гулянье, игра.
- Гунюшко* — уменьшительное от «гумно».
- Гуля* — изношенная верхняя одежда.
- Дача казенная* — участок в казенном лесу, отведенный для порубки леса.
- Дежа́* — квашня.
- Демьян* — растение дикий базилик, чебрец, из которого делали ладан (фимиа́м) для церковного куренья.
- Доброумить* — давать разумный совет.
- Доброумье* — хорошее настроение.
- Догадить* — напортить, навредить.
- Догануть* — догадаться.
- Долговая* (нива) — длинная.
- Домовки* — домой.
- Досюльный* — старинный.
- Досюльщина* — старые устои, заповеди родителей.
- Драчить, дрочить* — ласкать, гладить.
- Древесяный* или *дресвяный камешек* — камень командер, приспособление для выделки шкур (каменный скребец в деревянной рамке)
- Дробить* — бояться, дрожать.
- Дробный* — мелкий.
- Дрока* — ласка.
- Дрочный* — избалованный, заласканный.
- Дударинь* — музыкант, играющий на рожке.
- Дяденка, дяинка* — тетка, жена дяди.
- Ежа* — еда, кушанье, блюдо.
- Елдайка* — белая лепешка из кислого теста.
- Епаничка* (от «спанча») — нарядная накидка невесты.
- Ерзовка* — проныра, пройдоха.
- Жабровница* — обжора, нищая.
- Жадобный* — дорогой, милый, желанный.
- Желанье* — любовь.
- Желаньце великое* — любимый муж, отец.
- Жемчуг скатен, жемчужинка скачена* — сын.

Живот — богатство, клад, сокровище, часто употребляется как ласкательное слово.

Жировать — жить.

Жирушка — жизнь.

Жоров — жернов.

Заблукаться (от «блукать») — бродить, шататься, плутать.

Забусеть — потемнеть, почернеть, посереть.

Завеса — занавеска, за которой до вывода к столу сидит невеста.

Завичать — звать, кричать.

Заводье — заводь.

Загнеть, загнетка — шесток русской печи.

Загошечка — кукушка.

Загуменье — место за гумном.

Закликать — заклинать, портить.

Закратиться — уменьшиться.

Закром — ящик, ларь для хранения муки.

Замчужка — жемчужина.

Заперстье — запястье.

Запонь — пуговица, запонка.

Запоручить — просватать.

Заручины — предсвадебные вечера, на которых дается окончательное согласие на свадьбу.

Засмотрить — навестить.

Захреть — заросли, глухое место в лесу.

Зголовице крутое — смертный одр.

Зезюля — кукушка.

Земчуг — жемчуг.

Злокоманно — злонамеренно, зловредно.

Золоцовый — золоченый.

Зорник — разоритель.

Ижно — однако, между тем.

Избывать — удалять от себя, выдавать замуж.

Изверскать (от «вёрзать») — износить (одежду).

Изотчество, изотчина — отчество.

Имать — ловить.

Имянно — как положено.

Каверзни — летние лапти, которые носились на босу ногу.

Казак, козак — батрак.

Казаться — показываться.

Казачиха, козачиха — батрачка.

Калиточка — открытый пирожок типа ватрушки, обычно из ржаной муки с начинкой из картофеля, моркови, ягод, творога или крупы.

Каменка — печка в бане.
Камка — узорчатое полотно или шелковая ткань.
Кануны — номинальное обрядовое питье (мед или пиво).
Карец — лубяное лукошко.
Кармазиновое (сукно) — ярко-красное.
Кварта — четверть (мера жидкости).
Кехтать — желать, охотно делать.
Кишка — домашняя колбаса или пирог с начинкой из потрохов.
Клдушка — скирда.
Клубык старецкий — монашеский клубук.
Князь — жених.
Козулька — обрядовое печенье.
Кокоша — кукушка.
Кокшить — стучаться.
Колода белодубовая — гроб.
Колымага, колымажка, колымушка — свадебная повозка.
Коляда, куляда — обрядовая лепешка из ржаной муки.
Комань, комонь — конь.
Комуха, кумоха — лихорадка.
Корминец — кормилец.
Косивчатое, косячатое, косячато (окно) — красное окно, обрамленное косяками, в противоположность черному, волоковому, для выхода дыма.
Косищатый (о драгоценном камне) — в оправе.
Косник — лента, влетающая в девичью косу.
Кошик — плетеный улей.
Крали — бусы.
Красота — головной убор невесты (в разных областях выглядит по-разному — венки, лента, повязка из парчи, расшитая позументами и лентами).
Кросно — ткацкий стан. *Поставить кросно* — навить ткацкий стан.
Круглолетье — целый год.
Крутить — одевать.
Крыша — материя, которой крыли шубу.
Кубец — кувшин.
Кужлявиться — кудрявиться.
Кужлявый — кудрявый.
Кулажица (от «кулага») — толокняная затируха.
Кумашный — кумачевый.
Куна, кунка — куница.
Купавый — красивый.
Куржак — иней, изморозь.
Кутный — угловой (от «кут» — угол у печи).
Куть — женский угол.

Ластка — квадратная цветная вставка в рукава рубахи под мышками
Ластовка — ласточка.

Лебедушка белая — дочь.

Летье — теплое время года, весна и лето.

Лешак — леший.

Липинка — дверной косяк.

Лицовая (стена) — обращенная к улице.

Лозы — низкие места, поросшие ивовым кустарником.

Лопоть — плохая, рабочая, ветхая одежда.

Лукать — бросать, кидать.

Ляд — расчищенное для посева поле (починок).

Лялеть — беречь, холить, лелеять.

Малёнка — мера зерна, муки; в разных областях равнялась: половине пуда, пуду, полутора пудам.

Манежный — манерный.

Манить — обманывать.

Матерьевый — матерчатый, из покупной материи.

Матица — поперечная балка, служащая опорой потолку. Эта балка как бы членила избу на две половины. «*Стать под матицу*» — прийти сватать невесту.

Медяный — медный.

Мережа — рыболовная сеть.

Мехоноша — колядовщик, несущий мешок для даров.

Миткалинный — из миткаля, бумажной ткани, ненабивного ситца.

Мишурный — дорогой, украшенный мишурой.

Моланья, молвия — молния.

Морда (рыбы) — рыболовная снасть, верша, употреблялась как мера рыбы.

Мостина — половица.

Мотушка — моток.

Мошонка, мошна — кошель, кошелек.

Наб, над — надо.

Навидеть — охотно с радостью смотреть на кого-либо.

Навляться — намазаться.

Наволок — берег.

Нагольный — без покрытия и подкладки, кожей наружу.

Надежа — муж.

Надрезы — резьба.

Наздынуть — подняв, положить.

Назём — навоз.

Намётка — полотенце; полотненчатый головной убор, который вешали на кресты и ограды могил.

Насад — речное судно с насадами (поднятыми, надстроенными бортами).

Настойсливый — настойчивый.

Натакать — наговорить, нахвалить.

Наудить (улей) — вставить подпорки для сот.

Начаяться — дожждаться.

Начинальник — запевала у колядовщиков.

Невздумный — неожиданный.

Некрут — рекрут.

Неначаемый — внезапный, неожиданный.

Непосульный — внезапный.

Непроносная (туча) — непроходящая, тяжело нависшая.

Непроносный — тайный.

Нешутушка ветляная — невестка.

Николи — никогда.

Ноньку, ныне — нынче.

Обида — горе. *Обидный* — горюющий, скорбящий.

Обложенька (от «облога») — полоса дерна, обрамляющая дорогу.

Оборки, оборы — ланотные завязки.

Оброе — домотканое полотно или женский головной убор из него.

Обстрадаться (от «страда») — закончить сбор урожая.

Овсей — овсень.

Огорода — полевые цветы.

Ограда обложенная — кладбище.

Одинцовое (сукно) — из целого куска, отборное.

Одонок — скирда.

Ожерелье — опушка у ворота.

Околенка — оконная рама.

Омхвая (ягода) — выросшая на мху.

Опутинка — веревка.

Осталый — последний, оставшийся.

Остолопиться — остолбенеть.

Остуда — огорчение, ссора.

Осьмина — мера хлеба, равная 48 пудам.

Отведать — проведать, навестить.

Отлишиться — лишиться, потерять.

Отымалка — ветошка, тряпица, которой снимают с огня горшки.

Отхвостать — отхлестать.

Павин — павлин.

Павиная (походка) — как у павы.

Надара, падера, падора — буря с вихрем, дождем, снегом; метель, зимнее ненастье.

Пазушка правая, теплая — мать.

Памятить — вспоминать.

- Пара* — кофта с юбкой.
- Парина* — поле, стоящее под паром.
- Пасаг* — приданое.
- Пашеница* — пашенные кормовые травы.
- Пащатый* (от «щан», «щепить») — нарядный, щеголеватый.
- Перебарчатные* (струны) — те, которые перебирают.
- Перевясло* — пояс снопа, скрутьень.
- Перегодный* (стог, хлеб) — оставшийся с прошлого года.
- Переставиться* — преставиться, умереть.
- Перёное* (крылечко) — окруженное перилами.
- Перить, понаперить* — вставлять нерёла (лучинки-перегородки для сот).
- Петел* — петух.
- Пеун* — петух.
- Пеша* — пешком.
- Плановая* (улица) — ровная.
- Платать, плотить* — штопать, чинить.
- Плутиво, плутивце* — поплавок.
- Поблюдать* — беречь, хранить.
- Повитье* — ветка, крона дерева, кустарника.
- Поволька* — послабление.
- Повязка* — девичий головной убор.
- Погода* — непогода.
- Пограб* — сгребание сена.
- Подволока* — подпечье.
- Подкарзить* — подрубить.
- Подлас* — атлас.
- Поднизь* — жемчужная сетка, бахрома на женском головном уборе.
- Подножка* — подставка для ног в ткацком стану.
- Подобрить* — задобрить.
- Подорожник* — грабитель, бандит.
- Поезд княжий, княжеский, княженецкий* — свадебный поезд жениха.
- Поженка прокосная* — покосы.
- Пожитой* — пожилой.
- Позаочь* — за глаза.
- Позориться* — мучиться.
- Позяблый* — несчастный, тоскливый.
- Покромочка* — кромка, край ткани, употребившийся на пояса и, очевидно, служивший для пеленания.
- Покрута* — одежда.
- Покуль* — пока.
- Полдень* — юг.
- Полик* — чарка.
- Полномочный* — зажиточный.
- Полость, полсть, полстка* — тканый плотный лоскут или мех, служивший подстилкой в санях.

Поло́ть (перстии и др. мелкие предметы) — выбирать наугад.
Положа́ть — пугать.
Полубенный — из лубы, берестяной, затвердевший.
Полуденный — южный.
По писа́ному — как предписано.
Порода именитая, родовитая — родственники.
Порядо́вные, порядо́вые (соседи) — живущие на одной улице или на одной ее стороне.
Посаива́ть — засовывать.
Поско́нный — холщовый.
По́стать — обработанное поле.
Постате́йный — соблюдающий приличия, обычан.
Постелю́шка трудная, тяжелая — тяжелая болезнь.
Постоя́тельный — давний.
Поступа́ть (закон) — нарушать.
Потяг — ремень, аркан.
По́шевни — широкие сани, розвальни.
Прибое́нка, прибой — пришитая под окном доска.
Прибу́йная (улица) — высоко расположенная над берегом.
Привита́ть — быть благосклонным.
Приза́длиться — засидеться в девушках.
Призна́ть — узнать.
Прилеца́ть — уговаривать.
Приполо́н — приплод.
Присну́ть — заснуть.
Присто́ловая (горница) — та, где стоит стол.
Притали́на — проталина.
Пришаго́лье (от «шагол» — запястье) — опушка, оторочка на манжете.
Проволо́ка — невод.
Прокладби́ще, проклади́ще — увеселения.
Просе́кный — с пробитым ажурным узором.
Проше́сть — уже сотканная ткань в ткацком стану.
Пыма́ть — поймать, выловить.
Пыта́ть — спрашивать.
Пя́лички — уменьшительное от «пяльцы».
Пята́ — нижний угол (к стене) двери крестьянского жилища.

Рада́ — совет. *Ради́ть* (раду) — держать совет.
Раде́ние — усердие, забота.
Раде́ть — желать.
Разва́жный — очень важный.
Рай — рига, овин.
Ра́мень — лес, соседствующий с полем, пашней.
Распу́кнуть — распустить почки.
Расхо́длить (волосы) — взбить, причесать.

Рельё — качели.
Ретливое (сердце) — горячее, равнодушное.
Ровня — ровесник или равный в социальном отношении человек.
Рогоза — рогожа.
Рогулька — обрядовое печенье.
Родышка — родня.
Рожевничек — музыкант, играющий на рожке.
Ручень — полное веретено пряжи.
Ручник — особый вид узкого полотнища, употреблявшегося на полотенца и пояса. *Русчитный* — возможно, от «ручник».
Рушать — пробовать, начинать.

Садить (жемчуг, бусы) — низать.
Самоседка — насадка.
Сапушка (от «сопуха») — отдушник в печи.
Свáриться — ссориться.
Свесь, свесьюшка — свояченица, сестра жены.
Свинисто — финифть, эмаль по металлу.
Свячёный — освященный, очищенный молитвой.
Сдвуродимый — двоюродный.
Сдержавушка любимая — муж.
Семья, семеюшка — муж или жена.
Серить, сирить (спички) — набивать серой.
Сказаться — назвать себя.
Скачки, скачочки — малые сани с крутыми полозьями.
Сколота — грусть, тоска.
Скоп — сходка.
Скорогонец — скороход, гонец.
Скрозекозный (судья) — зловерный, чинящий козни.
Славцы — колядовщики.
Смывать — стирать.
Снарядить — одеть, нарядить.
Снарядный — нарядный.
Собедук, собедучек — шкаф или ящик стола.
Собинник — отдельный, особый пирожок для подарка гостю.
Сокол ясный, ясен — сын.
Соколенья, суколены — утолщения на стеблях злаков.
Сосед спорядовый — сосед по деревенской улице (ряду).
Сочить — разыскивать.
Спахнуть — уронить.
Спахнуться — спохватиться.
Спацливый — ласковый, обходительный.
Спица — деревянный гвоздь в стене избы.
Спорынья — стебель с разветвляющимися колосьями, символ роста, богатства и изобилия.

Срыгаться — ругаться.
Став — ткацкий стан.
Ставец — деревянная глубокая чаша, блюдо, общая застольная миска.
Ставушек — стог.
Станица, станичушка детиная — много детей.
Становище ладейное — пристань.
Стена городовая — защитник, заступник.
Столесенка — столешница, верхняя часть стола.
Стопа, стопка — См. спица.
Стопец — стопка, горка (блинов).
Сторонский — чужой.
Сторонушка судимая — место, где суждено жить в замужестве.
Страда — время сбора урожая. *Пострадать страду* — закончить сбор урожая.
Стрекивный — жгучий, колючий (от «стрекаться» — жечь).
Стрелица — полевая трава, желтый шильник.
Стретать — встретить.
Строеньице хоромное — крестьянский дом.
Судно — улей.
Сужено, сужено-ряжено — невеста.
Сурить (вино) — гнать, курить, выделять.
Суслон — кладка снопов в поле.
Сустретить — встретить.
Сухотить — горевать.
Сыта — вода, подслащенная медом.
Съедуба — сутяга, сварливый человек.

Талан — счастье, удача.
Таланный — счастливый, удачливый.
Тамбурка — игла, крючок для вышивания тамбуром (из петли в петлю).
Танок — хоровод, игровой круг.
Тароватый — щедрый.
Таусень — овсень.
Ташица — пташка.
Творить (тесто) — замешивать.
Тетерлюк — тетерев.
Тожно — тогда.
Толочать — работать толоком, то есть сообща.
Торбасы — мягкие сапоги из оленьей кожи.
Торить — см. утурить.
Третьяк (о скоте) — трехлетка.
Тройчина — сильный дождь.
Троститься — свиваться, сучиться.
Труба — сверток, скаток ткани.
Трудить — беспокоить, огорчать.

Трудный — тяжело больной.

Тулиться — прятаться.

Тычье, тычья — ограда, тын.

Убрус — полотенчатый головной убор.

Угор, угорышек — возвышение, гора.

Ужинистая (рожь, пшеница и т. д.) — добрая, обильная числом снопов.

Уза — хлебина, поноска; то, что подают нищим.

Узначиться — умудриться.

Узюм — изюм.

Уличка крещенская — кладбище.

Уничик — юноша, мальчик.

Упадь — падаль.

Уречный — назначенный, условленный.

Урод — урожай.

Урожать — плодоносить.

Урядливый — толковый, дельный.

Усенюшка — уменьшительное от «овсень».

Успевальник — у колядовщиков вступающий в пение за заневадой.

Утолока — притоп.

Утолочь — утоптать.

Утурить, уторить (дорогу) — утоптать, сделать торной.

Фатера — охотничья избушка; дом.

Ферезь, ферязь — праздничный сарафан.

Финить — финифть, эмаль по металлу.

Хазовый (конец ткани) — тот, который делается почище и оставляется сверху, напоказ.

Хвальнское (море) — старинное название Каспийского моря.

Хобот — поворот.

Чанные (ворота) — ворота с калиткой.

Частовать — встречать с почетом.

Щепетный, щепетный — щеголеватый.

Черкасский — идеализирующий эпитет, связанный с ранним названием приднепровских казаков — черкасы.

Чечурка (от «чеча») — детская игрушка; избалованный ребенок; щеголиха; ломоть хлеба или пирога.

Чуски — серьги.

Шаг — мера длины бревен в срубе (аршин или аршин с четвертью)

Швейка — подушечка или мешочек для швейных принадлежностей.

Ширинка — покрывало невесты или полотенце из нерезаной ткани во всю ширину.

Ширшак — толстяк.

Штофная — из штофа, плотной шелковой ткани.

Штукавый — хитрый, себе на уме.

Щелье — каменная гряда, берег.

Щеплига — щеголь.

Щеплить — щеголять.

Щетка — часть ноги лошади над копытным сгибом, где растёт пучок волос.

Ягодицы, ягодницы — щеки.

Яешник — колядовщик, собирающий яйца.

Ям — место общинных сходов у волостной избы.

Ярый (о злаках) — густой, сильный.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Чистов. Русская народная обрядовая поэзия . . . . .</i>	5
---	---

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

ЗИМНИЕ СВЯТКИ	26
-------------------------	----

КОЛЯДКИ

1. «Проходила коляда...»	29
2. «Пришла коляда...»	30
3. «Коляда, коляда...»	31
4. «Свети, свети, месяц...»	31
5. «Бай авсень, бай авсень!..»	32
6. «Ты позволь, сударь-хозяин...»	33
7. «Пришли славцы...»	36
8. «Уж и ходим мы...»	37
9. «Да виноградиё да красно-зелёноё!..»	38
10. «Ай во боре, боре...»	39
11. «Овсей, Овсей...»	39
12. «А мы ходим-ноходим, виноградчики...»	40
13. «Дайте коровку...»	41
14. «Среди двора...»	41
15. «Бласлови-ко нас, бог, утро Новый год!..»	42
16. «За реченькой за быстрою...»	43
17. «На Степанушке кудерушки...»	43
18. «Да виноградиё да красно-зелёноё!..»	44
19. «По синему морю по Хвалынскому...»	45
20. «Вечерняя заря загорелася...»	45
21. «А зайка, зайка...»	46
22. «Вот дома, дома...»	47
23. «Не ясён сокол во поле увивается...»	47
24. «Чанны воротá...»	48

25. «Не лес к лесу...»	49
26. «Мы ходили, мы гуляли...»	50
27. «Овсень, овсень!..»	51
28. «Летел соколок...»	51
29. «Сею, вею, посеваю...»	52
30. «Сею, вею, посеваю...»	52
31. «Ой баўсень!..»	52
32. «Сето, сето на новое лето!..»	52
33. «Маленький ўнчик...»	53
34. «Как пошла Коляда...»	54
35. «Попрыгала козка...»	55
36. «Калёда-малёда...»	55
37. «Пятница, Пятница...»	56

НОВОГОДНИЕ ИГРЫ И ГАДАНИЯ

ИГРОВЫЕ

38. «Ой святкі мои, святкі!..»	56
39. «Как пошел же Дунай...»	57
40. «Ах, и дай нам бог нам коляд дождать!..»	58

НАБОРНЫЕ

41. «К нам наехали святые вечера...»	58
42. «Ой, да что со вечера васильевского...»	58
43. «Еще нынее у нас...»	59
44. «А я золото хороню...»	59
45. «Жировку хороню...»	60

ПОДБЛЮДНЫЕ

К с в а д ь б е

46. «Куют кузнецы...»	61
47. «Секи, ма́ти, капустку, неки пироги...»	61
48. «Идут сваты богатые...»	61
49. «Ты мати, мати...»	61
50. «Брósали подушки через ворота...»	62
51. «Есть на небе...»	62
52. «Идет кузнец из кузницы, слава!..»	63
53. «Курочка-погребушечка...»	63
54. «Покачу я колечко...»	63
55. «За столом сажу...»	64
56. «Рассыплю я монисто...»	64
57. «Полно те, иголочка...»	64
58. «Катилось зерно...»	65
59. «Ленивая...»	65

60.	«Вился клен с березою...»	66
61.	«Рылась курочка...»	66
62.	«Бежит бобер...»	66
63.	«Заинька-повилинька!..»	67
64.	«Летит сѡкол...»	67
65.	«Медведь-пыхтун...»	67
66.	«А святой вечер...»	68
67.	«Уж как кличет кот кошурку...»	69
68.	«Сидит кошечка...»	69
69.	«Ах ты гнудое деревцо...»	69
70.	«Саночки...»	70
71.	«Клубок сѣни...»	70
72.	«За рекою хомут...»	70
73.	«Растворила я квашонку на донечке...»	71
74.	«Не было ветров — вдруг навянули...»	71
75.	«Снежок, снежок...»	71

К богатству

76.	«Стоит полоса нежатая...»	71
77.	«Илья ходит пророк...»	71
78.	«На гунюшке...»	72
79.	«Растворю я квашенку на донушке, слава!..»	72
80.	«Еще ходит Никола...»	73
81.	«Чарочка-понльвушечка...»	73
82.	«Пошла наша коровушка...»	73
83.	«Рылся кочеток...»	74
84.	«Мышь бежит...»	74
85.	«Комар пищит...»	74
86.	«Во поле березонька...»	75
87.	«Ой, идет кузнец...»	75
88.	«Ходит старушка...»	75
89.	«Сказали, Ивашка...»	76
90.	«За рекой мужики живут богатые, слава!..»	76
91.	«Рассыпался жемчуг...»	76

К долгому девичеству

92.	«Я на пѣчи сижучу...»	77
93.	«На загнетке сижучу...»	77
94.	«За дежой сижучу...»	77
95.	«Сидит кисурка...»	78
96.	«Во саду хожучу...»	78
97.	«Ай, венички-пошумельнички...»	78
98.	«Плывет чарка...»	78
99.	«Ленивая...»	79

К бедности и вдовству

100. «Ходит старушка...»	79
101. «Сидела я...»	80
102. «Ходит щеплига...»	80
103. «Рад бы гордиться...»	81
104. «Обулся не так...»	81
105. «За воротами кони...»	81
106. «Сидит петух...»	82
107. «Бегают петел...»	82
108. «Сидит сова...»	82
109. «На дубу свинья...»	82
110. «Чуж боровок...»	83
111. «Ходит рыжичек...»	83

К разлуке

112. «Висит полотенце в горенке...»	83
113. «Ласточка косатая...»	83
114. «Сидит воробей на новом городе, слава!..»	84
115. «Заинька-завитаинька!..»	84
116. «Сидит чечурка...»	84
117. «Перекину дугу...»	84
118. «Саночки...»	85
119. «Стоят санки сонаряжены, слава!..»	85
120. «Стоят санки...»	85
121. «Лодочка...»	85

К болезни и к покойнику

122. «Сидела ворона...»	86
123. «Висит полотенечко на стеночке...»	86
124. «Сидит старушка...»	86
125. «Взял щеплига...»	86
126. «Под окошком лежит...»	87
127. «Идет смерть по улице...»	87
128. «Стоит корыто...»	87
129. «Полное корыто...»	88
130. «Стоит корыто...»	88

МАСЛЕНИЦА 89

МАСЛЕНИЧНЫЕ

131. «Весна, весна красная!..»	90
132. «Дай тебе господи...»	90
133. «Дорога́ наша госты́я масленица...»	90

134.	«О, мы масленицу встречали...»	91
135.	«Ой да масленица на двор взъезжает...»	92
136.	«Вот вам масленка пришла да...»	92
137.	«Ой, саночки, скачки-самокаточки...»	92
138.	«А дорогая-то, ой, да наша масленка...»	92
139.	«Расповадилась Поланка...»	93
140.	«Как приехал Степанушка...»	93
141.	«А на дворе снежки сыплют...»	94
142.	«Ой, вы, девки, — масленка...»	94
143.	«Как ишли-прошли скоморошки...»	94
144.	«Ой, куры вы куры...»	95
145.	«Теща про зятя пирог пекла...»	95
146.	«Наша деревня не женится...»	96
147.	«Ой, ты уточка полевая...»	97
148.	«Ах, ты, Домнушка...»	97
149.	«Мы давно блинов не ели...»	97
150.	«Как на масленой неделе...»	98
151.	«На горе жоров крутился...»	98
152.	«Маслена! Маслена!..»	99
153.	«Масленица-кривошейка...»	99
154.	«Запрягу я бугая, бугая...»	100
155.	«А маслена, маслена-полизуха!..»	100
156.	«Масленья каталіха...»	100
157.	«Масленица постов...»	102
158.	«Масленица-блиноеда...»	102
159.	«А мы масленицу прокатали...»	102
160.	«Ой, ой, ты масленица...»	103
161.	«Масленица, масленица...»	104
162.	«Масленица загорела...»	104
163.	«Поддёргалась...»	105

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ 106

ВЕСНЯНКИ

164.	«Благослови, боже...»	108
165.	«Благослови, боже...»	108
166.	«Приди к нам, весна...»	109
167.	«Лето, лето...»	109
168.	«Весна, где бывала...»	110
169.	«Весна моя...»	110
170.	«Дай, весна, добрые годы...»	111
171.	«Весна красна...»	111
172.	«Солнышко-ведрышко...»	111
173.	«Дождь, дождь!..»	112

174.	«Весна, весна...»	112
175.	«Жавороночки...»	112
176.	«Жаворо́нки...»	113
177.	«Жавороночек на приталинке...»	113
178.	«Кулики-жаворонки!..»	114
179.	«Кулики, кулики...»	114
180.	«Гáлушка-ключница!..»	114
181.	«Ты пчёлычка ярая...»	115
182.	«Синички-сестрички...»	116

ЕГОРЬЕВСКИЕ

183.	«Мы ранешенько вставали...»	116
184.	«Батюшка Егорий...»	117
185.	«Уж мы к дому ходили...»	118
186.	«Разгулялся Юрьев конь...»	119
187.	«Что-то в саде...»	120
188.	«Святой Илья...»	120
189.	«Выгоню коровушку...»	121
190.	«Пришла верба...»	121

ВОЛОЧЕБНЫЕ

191.	«По улице по широкой...»	121
192.	«Не гуси летят, не лебеди...»	123
193.	«На улице на широкой...»	123
194.	«З-за лесу черного...»	124

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ 126

СЕМИКСКИЕ, ТРОИЦКИЕ

195.	«Йо, йо, березынька!..»	127
196.	«Дай нам шильце да мыльце...»	127
197.	«Пойдем, девочки...»	127
198.	«Святой духа Троица!..»	128
199.	«Благослови, Троица...»	128
200.	«Туча с громом сговаривалась...»	129
201.	«Во поле березонька стояла...»	129
202.	«Береза девушкам...»	130
203.	«Береза моя, березонька!..»	132
204.	«Ульё, ульё!..»	132
205.	«Пошли девки, ой...»	133

206.	«Вдоль по улице, мимо кузницы...»	133
207.	«Пойдем, девки...»	134
208.	«На той горе на горوشке...»	134
209.	«Пойду ль я, молода...»	135
210.	«Как за реченькой хмель вьётся...»	136
211.	«Девки, молодухи...»	138
212.	«Покумимся, кума...»	138
213.	«Кумушка-голубушка...»	138
214.	«Ну-тка, кума...»	139
215.	«Пошли девушки во лужки гулять...»	140
216.	«А кума со кумой...»	140
217.	«Ах, ты, венчик мой...»	141
218.	«Вы кумушки-голубушки...»	142
219.	«Девушки-голубушки...»	142
220.	«Кукушечка-рябушечка...»	143
221.	«Ты кукуй-кукуй...»	143
222.	«Скакал-плясал...»	144
223.	«Семик да и троица!..»	144
224.	«Улица моя широкая...»	145
225.	«Я по луженьке хожу...»	146
226.	«Пойду в танок...»	146
227.	«Что же ты, березонька...»	147
228.	«Во садику девки гуляли...»	148
229.	«Лелим-е, лелим!..»	149
230.	«Стой, мил хоровод!..»	149
231.	«Вы луги мои...»	150
232.	«Ай во поле...»	151
233.	«Из лугу, лугу...»	153
234.	«По морю уточки плавали...»	154
235.	«Раскачайте меня...»	154
236.	«Лелим-е, лелим!..»	154
237.	«Уж ты зять, ты мой зятюшка...»	155
238.	«Ржица-матушка...»	156
239.	«На том месте при лужочке...»	156
240.	«У нас ныне Семик-Троица!..»	157
241.	«Мы в поле были...»	157
242.	«Да уж вы милые девушки мои...»	158

РУСАЛЬСКИЕ

243.	«На гряной неделе...»	158
244.	«У ворот береза...»	159
245.	«Ходит колос по яри...»	159

ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ

246.	«Костромушку да наряжали...»	160
247.	«Кострома моя, Костромушка...»	160
248.	«Костромушка-Кострома...»	160
249.	«Кострома моя, Костромушка...»	160
250.	«Кострома моя, Костромушка...»	161
251.	«Во поле было в поле...»	162
252.	«Кострома, Кострома...»	162
253.	«Костромушка-Кострома...»	163
254.	«Помер наш батюшка, помер!...»	164

КУПАЛА И ПЕТРОВКИ 166

КУПАЛЬСКИЕ И ПЕТРОВСКИЕ

255.	«Ходил чижик по улице...»	167
256.	«Пойдем, девки...»	167
257.	«Марья Ивана...»	168
258.	«Иван Марью...»	168
259.	«Иван да Марья...»	169
260.	«А Иван Марью...»	169
261.	«По бору...»	170
262.	«Нонче купалы...»	171
263.	«О, Купаленка, о, купаленка...»	172
264.	«Как на горушке, ой, на горы...»	172
265.	«Святой Иван...»	173
266.	«Девицы цветы щипали...»	173
267.	«Петровская ночка...»	174
268.	«А я роду...»	174

СБОР УРОЖАЯ 176

ЖНИВНЫЕ

269.	«В поле пшеница...»	176
270.	«Жали мы, жали...»	177
271.	«Петрочкова женка...»	177
272.	«А я, молоденька, рожь тончү...»	178
273.	«Ох, чье то поле...»	178
274.	«В бору тетерлюк...»	179
275.	«Пора жнейкам домой идти...»	179
276.	«Не пойду домой...»	180
277.	«Ой, да заходила...»	180

278.	«Ой, зелена-зелена...»	181
279.	«Слава тебе, боже...»	181
280.	«А слава богу...»	182
281.	«Уж мы вьем-вьем бороду...»	182
282.	«Ходил козел по меже...»	183
283.	«Ярья пшеница...»	183

СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

С В А Д Ъ Б А	186	
СВАТОВСТВО	189	
284.	«Двое-трое Анны уговаривали...»	189
285.	«Как вечер, моя матушка...»	189
286.	«Полно зимушке зимою зимовать...»	190
287.	«Хвалилася калина...»	191
288.	«А в поле холмечка стояла...»	191
289.	«Тятенька лялил, лялил...»	192
290.	«По сеничкам ли, сеничкам батюшковым...»	192
291.	«Край дороженьки берёзонька стоит...»	193
292.	«Что на тихой на тишине...»	193
293.	«Жалобилася, плакала...»	194
294.	«Налетали ясны соколы...»	195
295.	«Раскачалась в саду грушица...»	196
296.	«Уж я банюшку топила...»	197
297.	«Ты Сокол да Соколович...»	197
298.	«Ой, да ты рябина, да ты рябинушка...»	198
299.	«Как по улице дождь поливает...»	198
300.	«Уж ты свет наша изменщица...»	199
301.	«Кто у нас во горнице холост, не женат?...»	199
302.	«Не разливайся, мой тихий Дунай...»	200
303.	«Долина, долинушка, раздолье широкое!...»	200
СМОТРИНЫ, СГОВОР (РУКОБИТЬЕ) И ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ	201	
СМОТРИНЫ		
304.	«Во тереме девица сидит...»	201
305.	«Уво ключика, во свежего...»	202
306.	«Во Казани, славном городе...»	202
307.	«Как у Аннушки матушка...»	203
308.	«Сказали: Иван-от грозён...»	204
309.	«Соболем Наташенька леса прошла...»	204

310.	«Ой, мы приехали...»	205
311.	«У плота, плота медяного...»	205
312.	«Во столовой новой горнице...»	206
313.	«Хмель ходит да по улице...»	207
314.	«Как по морю, морю, морю, морю синёму...»	208
315.	«Ты река ли моя, реченька...»	209
316.	«Ах, не тесно ль тебе, реченька...»	209

СГОВОР

317.	«У броду, у бродичку...»	210
318.	«Не лежи, черной бобр, у крутых берегов...»	210
319.	«Не в трубушку трубили рано по заре...»	211
320.	«Уж вы гуси да лебеди...»	211
321.	«Ой вы соколы, соколы...»	212
322.	«Споносила меня маменька...»	212
323.	«Я когда была глупешенька...»	213
324.	«Как во поле-полечке...»	214
325.	«Как и на горе, горе...»	215
326.	«Княгини, да мы до вас пришли...»	216
327.	«Из гор-горы...»	217
328.	«Перекатно красно солнышко...»	218
329.	«Как у нас во зеленом саду...»	219
330.	«Перед грушею зеленою...»	220
331.	«У ворот, моя матушка, выростала травушка...»	220
332.	«Когда-то была маленька...»	221

ПРЕДСВАДЕБНАЯ НЕДЕЛЯ

333.	«Как на улице дождь поливает...»	222
334.	«Мимо сада зеленого...»	223
335.	«Да дуба, дуба дубравушка зеленá...»	225
336.	«Хитёр-то, мудёр Егор-господин...»	225
337.	«Да нетёсан был терем, нескóблен...»	226
338.	«Как не ластка...»	227
339.	«Цвела, цвела липушка...»	228
340.	«Уж как по мосту-мосточку...»	229
341.	«У нас было на Дону, на Дону, на Дону...»	229
342.	«Ой, вы сборы мои, сборы, сборики!..»	230
343.	«Уж ты мать моя, матушка...»	231
344.	«Марья-то на льду, на льду, на льду...»	231
345.	«Мимо лесу, мимо садику зеленого...»	232
346.	«Что-то при вечере, вечере...»	233
347.	«На горе стоят два шáтрика...»	233
348.	«Желтые кудерки за стол пошли, за стол пошли...»	234

349. «Уж вы семена мои, семена!..»	235
350. «Как засватал меня батюшка...»	235
351. «На море лебедь воду пила...»	237

ДЕВИЧНИК 237

352. «Дремливо поле...»	238
353. «Пред воротами озеро стоит...»	239
354. «Яблоня моя садовая, груша зеленая...»	239
355. «Одна ягодка во бору росла...»	240
356. «Вы где, гуси, были?...»	240
357. «Да у нас по морю...»	241
358. «Ай, ты яблоня...»	242
359. «Зла изменница, красна девица!..»	242
360. «Ты река ли моя, реченька...»	243
361. «Как у грушицы у зеленыя...»	243
362. «Куковала кукушечка...»	244
363. «Сборы, сборы широкие...»	244
364. «По морю, морю, по морю синему...»	245
365. «На море утушка купалася...»	246
366. «Из-за лесу, лесу темного...»	246
367. «Разнесло-то, разлелеяло...»	248
368. «У реки то было, у реченьки...»	249
369. «Возле реки...»	250
370. «Что ты, что ты, синё морё...»	251
371. «Ты заря ли моя, зорюшка...»	252
372. «Авдотьюшка всплакала...»	253
373. «Как при вечере было вечере...»	255
374. «Дунай-речка всколыхалася...»	255
375. «Как во стольном Новом городе...»	256
376. «Как у Галина двора, у двора...»	257
377. «Ай, остров мой, да все зелёный мой!..»	258
378. «Вдоль да по речке...»	258
379. «Да во Китае-то да было в городе...»	259
380. «Черная ягода, самородина...»	260
381. «Вы подруженьки, голубушки мои...»	261
382. «Вот мы встанемте-ко, сестрицы, на крутú горú...»	261
383. «Как недолго тебе, веточка, на черемушке висеть...»	262
384. «На прибуьной улочке...»	262

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ 263

385. «По загуменьи тропинка лежит, ах, ну!..»	263
386. «Как расшатало белу березоньку...»	264
387. «По лугам, лугам, зеленым лугам...»	264

388.	«На горе, горе...»	265
389.	«Из устья березового...»	265
390.	«У нас ныне непогожая неделька...»	266
391.	«Не буйны ветры повеяли...»	267
392.	«Из-за гор, гор высоких...»	268
393.	«Выводил её батюшка...»	293
394.	«С терема на терем Марья шла...»	270
395.	«Не золото с золотом свивалось, свивалось...»	271
396.	«Как по морю-то, морю синему...»	271
397.	«Как во светлой во светлице...»	271
398.	«С горы на гору вино течет...»	272
399.	«Золотая ты наша гривенка...»	272
400.	«Много, много во сыром во дубу...»	273

СБОРЫ СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА ВО ДВОРЕ ЖЕНИХА 274

401.	«Как Иванушка матушка...»	274
402.	«Ты король, государь, королевич...»	276
403.	«Среди было двора...»	276
404.	«Сборы вы мои, сборы...»	277
405.	«Еще у броду, броду...»	278
406.	«Как и у броду, броду...»	279

ПРИЕЗД ЖЕНИХА. СТОЛ В ДОМЕ НЕВЕСТЫ 279

407.	«У ворот было, у воротичек...»	280
408.	«Вьюн над водой увивается...»	281
409.	«Золоты нёвы выводы!...»	281
410.	«На горе стоит елочка...»	282
411.	«Машенька мамочку высылала...»	283
412.	«Мамынька, разлучники едут...»	283
413.	«Ой ты комонь, мой комонь...»	284
414.	«Подружки-голубушки...»	284
415.	«Вот воскликнули лебеди...»	285
416.	«Ах вы, комони, комони...»	286
417.	«Улицы, метитесь...»	287
418.	«Не было ветру, не было ветру...»	287
419.	«У Николая-господина...»	289
420.	«Как на горе, на горé...»	289
421.	«Что у князя было, князя...»	290
422.	«По сеням было, сенечкам, (да)...»	291
423.	«Судном по морю...»	293
424.	«Кто эту дороженьку уторил...»	294

425.	«В горнице гусли лежали...»	296
426.	«Разливались воды вешние...»	297
427.	«Уж ты грушица, грушица моя...»	297

МОЛОДЫЕ ПРИЕЗЖАЮТ В ДОМ ЖЕНИХА.

БОЛЬШОЙ, ИЛИ КНЯЖИЙ, СТОЛ	298
-------------------------------------	-----

428.	«На дворе да вьюга-падера...»	299
429.	«Как у грушеньки было, у зеленя...»	300
430.	«Как по сеням, сеням, сеничкам...»	301
431.	«Как сидела я во тереме...»	301
432.	«Кругом солнце обошло...»	302
433.	«Маменька, маменька...»	302
434.	«Полевая наша вишенка...»	303
435.	«Ой заря ль моя, зорюшка...»	303
436.	«Ой, во поле-то ель...»	304
437.	«Коса моя, косушка коротенька...»	305
438.	«Разлилась, разлелеялась...»	305
439.	«Как со вечера родна матушка...»	306
440.	«Рано по заре...»	306
441.	«При последнем-то при денёчке...»	307
442.	«Угрюм, угрюм ходит...»	308
443.	«Санки, вы, саночки...»	308
444.	«Среди двора широкого...»	309
445.	«Как вчера пшаничка на нивке была...»	309
446.	«Ах, півна ягода по сахару плыла...»	310
447.	«Сидит наша гостинька выше всех...»	311
448.	«Из-под гор, из-под камешка...»	312
449.	«Козушка-белоножушка по приволью гуляла...»	313
450.	«Искупайся, утушка, искупайся...»	313
451.	«У Ивана на дворе, рай мой, рай!..»	314
452.	«Во городе кровать...»	315
453.	«Плавала чарочка в сладком меду...»	316
454.	«Ты сокол, сокол, соколик мой...»	316
455.	«По залесью красно солнце пекёт, ой-да рано мое!..»	317
456.	«Под горой, горой высокою...»	317
457.	«Где был лебедь...»	318
458.	«Виноград расцветает...»	318
459.	«Брат сестре коня дает...»	319
460.	«Ты звезда моя, звёздочка...»	319
461.	«Ой, не разбушуй...»	321

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ	321
462. «Во саду ли во вишенье...»	322
463. «Из-за гор было из высокиих...»	322
464. «Из-за лесу, лесу темного...»	323
465. «Во Китай во крепком городе...»	324
466. «Как по погребу бочоночек катается...»	325
467. «Взворковалась голубушка, в голубине сидя...»	325
468. «Как по сёням, сёням, сёнюшкам...»	325
469. «Вспомни-тко, Пётро-князь...»	326
470. «Теща зятя угощала...»	327

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ И КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ 327

ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ

Молодому

471. «То не яблочек с-под блюдечку катался...»	328
472. «Мимо тещина широкого двора...»	328
473. «У города, города...»	329
474. «Алексей-господин...»	331
475. «Розан мой, розан, да-ле виноград зеленый!...»	332
476. «Косатый мой селезень...»	333
477. «Как у млада светлого месяца...»	333
478. «Как у месяца, как у месяца...»	334
479. «Как на горке, на горочке...»	334
480. «Во терёме свеченьки...»	335

Молодой

481. «Наша хорошенькая...»	336
482. «Хороша новая изба под накрышечкой...»	336
483. «Наша княгиня душа Агафья Ивановна!...»	336
484. «Земляничка-ягодка...»	337

Новобрачным

485. «Сладко яблочко наливчасто...»	338
486. «На горочке деревце, (да)...»	338
487. «Ты взойди, Анна-душа, на новы сени...»	340
488. «Ох, на море, на тихоньком Дунаю...»	340
489. «Виноград в саду цветет...»	341
490. «Славен город, славен город...»	342
491. «На угорышке часовенка стояла...»	343
492. «Стояла рябинушка на́ городи...»	344
493. «Как у месяца...»	344
494. «Из-по сүхому по дереву...»	345

С в а х е

495. «Ай, сватьяшка молода...»	346
496. «Уж ты сватья дородна, да дородна...»	346
497. «Отчего наша сваха бела?..»	346
498. «Невестина сваха беляна...»	346
499. «Как на нашей-то сватье...»	347
500. «Как при поле, при полянке...»	347

Т ы с я ц к о м у и д р у ж к а м

501. «Уж мы встанем, певички...»	348
502. «Тысячко — воевода...»	349
503. «Сметь ли спросить...»	349
504. «Тысяцкий, пречестный человек!..»	350
505. «Тысяцкой-сватовщик, большой человек...»	350
506. «Еще кто у нас на свадьбе богат?..»	351
507. «Из луга-луга, из зеленого луга...»	352
508. «Сидит дружка да на травке...»	352
509. «Друженька хорошенький...»	352
510. «Воротики скрып, скрып, мороз на дворе...»	353

Х о л о с т ы м п а р н я м и д е в у ш к а м

511. «Как над нашими да над воротами...»	353
512. «Во саду было, во садичке...»	354
513. «А кто у нас үмен?..»	355
514. «Сбереженное дитятко...»	356
515. «Как под кустиком олень...»	356
516. «Уж ты виновная ягодка...»	356

Ж е н а т ы м с в а д е б н ы м г о с т я м и р о д с т в е н н и к а м

517. «Дорогая наша гостыюшка...»	357
518. «Чьи это лесы...»	358
519. «Как у чеего двора...»	359
520. «Во сыром бору сенички рублены...»	360
521. «Во горнице, во столе...»	360
522. «Княгиня-душенька!..»	361
523. «Летели две птички...»	362
524. «Нам сказали, что Иван-от не богат...»	362
525. «Через речушку черемушка лежала...»	363
526. «Спо блюду, блюдышку золотому...»	364
527. «Перед тобой, перед тобой...»	364
528. «Ветры вы, ветры...»	365
529. «Молодая боярыня...»	365
530. «Чарочка моя...»	366
531. «Во горенке-то во новой, во новой...»	366
532. «У Борисова двора...»	367

533.	«Как во рюмочке во серебряной...»	368
534.	«Как спо морю, морю синему...»	369
535.	«Уж как вьется хмель по болоту...»	369

КОРИЛЬНЫЕ

Жениху, невесте, свату и свахе, тысяцкому и дружкам, гостям

536.	«Твой жених не хорош, не пригож...»	370
537.	«Сказали: сватов...»	370
538.	«Ты чужой, чужой, чужанец, (да)...»	370
539.	«Как на спице не безмен ли?...»	372
540.	«Друженька молоденький...»	373
541.	«Друженька нехорошенький...»	374
542.	«Друженька хороший...»	374
543.	«Бестолковый сватушко!...»	375
544.	«Как у нашей свашеньки...»	375
545.	«Ой, не отесан терем...»	376
546.	«Сваха — неряха...»	376
547.	«Мы не хаем тебя — величаем...»	377
548.	«Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!...»	377
549.	«Как Иван-то господин...»	377

ПРИЧИТАНИЯ 379

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

550.	Плач невесты на рукобитье	380
551.	Плач на девичнике	383
552.	Плач невесты в день свадьбы	385
553.	Причитание невесты в первый день сватовства	388
554.	Невеста рассказывает «сон» утром в день свадьбы	393
555.	Причитание невесты при встрече жениха в день свадьбы	394
556.	Причёт при расставании с подружкой	402

ПОХОРОННЫЕ, БЫТОВЫЕ И РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

557.	Вопль дочери об отце	405
558.	Плач после пожара	409
559.	Плач по сыну, увезенному на лечение в город	411
560.	Плач святозерской крестьянки по рекруту	413
561.	Плач по сыну-рекруту	415
562.	Плач об ушедших в солдаты	417
563.	Причеть сестры по брату, идущему в солдаты	418

ПЛАЧИ-ПОЭМЫ И. А. ФЕДОСОВОЙ	420
564. Плач о старосте	421
565. Из плача о писаре	427
566. Из плача о попе-отце духовном	430
567. Плач по дочери	434
568. Поминальное причитание по мужу	442
569. Плач о солдате, прибывшем на похороны отца	446
Комментарии	458
Словарь местных слов и выражений и устойчивых метафорических замен	498

Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия:
Р 89 Сборник/Сост. и подгот. текста К. Чистова и
Б. Чистовой; Вступ. статья, предисл. к разделам
и коммент. К. Чистова. — Л.: Худож. лит., 1984. —
528 с., ил.

В сборник русской народной обрядовой поэзии вошли календарно-обрядовые песни (колядки, масленичные, веснянки, семикские, троицкие и др.), семейно-обрядовые песни (свадебные песни, похоронные и рекрутские причитания), а также плачи-позмы знаменитой исполнительницы причетей И. А. Федосовой

Р 4702010100-071 36-84
028(01)-84

ББК 84.Р1

**РУССКАЯ
НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ**

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Редактор *А. Славинская*
Художественный редактор *В. Куприянов*
Технический редактор *М. Шафрова*
Корректоры *А. Борисенкова, Л. Никульшина*

ИБ № 3008

Сдано в набор 28.02.84. Подписано в печать 24.07.84. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага кн.-журн. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 27,72 + альбом 0,84 = 28,56. Усл. кр.-отт. 31,5. Уч.-изд. л. 29,79 +
+ альбом = 30,44. Тираж 200 000 экз. Изд. № Л11-57. Заказ № 1322.
Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.